

Патрисия Эбри

Патрисия Эбри Иллюстрированная история Китая

Иллюстрированная
история Китая

ПИТЕР

Иллюстрированная
история
Китая

Patricia Buckley Ebrey

The Cambridge
Illustrated History of
China

CAMBRIDGE
UNIVERSITY PRESS

Патрисия Эбри

Иллюстрированная
история
Китая

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск

2009

ББК 63.3(5Кит)
УДК 94(510)
Э16

Эбри П.

Э16 Иллюстрированная история Китая. — СПб.: Питер, 2009. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-91180-924-9

Перед вами — один из наиболее популярных трудов по истории Китая в мире. Восемь тысяч лет китайской цивилизации нашли здесь свое достойное отражение: подробно описана древняя культура страны, ее социальный строй, история становления традиций, должное внимание уделено военному прошлому Китая, а также истории его экономического роста. Прекрасные репродукции произведений искусства и фотографии помогают почувствовать дух культуры Китая, глубину и своеобразие его древней философии. При создании книги использовано большое количество китайских исторических трудов и документов.

ББК 63.3(5Кит)
УДК 94(510)

Права на издание получены по соглашению с Cambridge University Press.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 0521435196 (англ.)
ISBN 978-5-91180-924-9

© Cambridge University Press
© Перевод на русский язык ООО «Питер Пресс», 2009
© Издание на русском языке, оформление ООО «Питер Пресс», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историю Китая часто сравнивают с историей Запада. В период династий Цинь (221–206 гг. до н. э.) и Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.) шел процесс формирования Китая как единого государства. Подобно Риму, Китай пал, захваченный кочевниками, которые пришли с северных границ и стали насаждать свою культуру. Но, в отличие от Рима, он не только возродился, но и утвердился как мощная централизованная империя. Этот период совпал с правлением династии Тан (618–906). При формировании административной системы было решено обратиться к опыту династии Хань. Аристократия сохранила свои привилегии. Наделенная властью в конце периода Хань, она все еще оставалась под влиянием государственных структур, но ее права признавались императором. В отличие от европейских феодалов, китайские аристократы периода Тан нуждались в чинах и званиях, которые раздавались при императорском дворе, это обеспечивало им авторитет, необходимый для защиты их обширных земель.

В период правления династий Тан и Сун (960–1279) шел процесс усиления власти императора. Аристократия же постепенно превращалась чиновническую элиту, которая разрасталась в результате развития тщательно продуманной экзаменационной системы. Дворянами в Китае называли вышедших в отставку чиновников, имеющих земельные владения, в сущности принадлежащие государству. Во времена Мин и Цин получила распространение клановая система, учение Конфуция утвердилось в основе социально-этической нормы, которой должно было придерживаться и правительство Китая.

История Китайского государства — предмет сам по себе интересный, особенно с 1990-х гг., когда влияние Китая на мировой политической арене стало возрастать. Чему могут научить взаимоотношения китайцев с мусульманским миром на западе и северо-западе от Китая после правления монгольской династии Юань (1260–1368)? Какие уроки можно извлечь из ситуации, в которой отсутствует политически активный класс предпринимателей, и это несмотря на рост международной торговли и значительную урбанизацию, которая непрерывно идет с правления династии Сун вплоть до XX в.?

Патрисия Бакли Эбри — первый американский ученый, специализирующийся на китайской родословной от Хан до Сун. Она исследовала социально-бюрократическую элиту с культурологической и социальной точек зрения, статус мужчин и женщин при достижении совершеннолетия, ритуалы бракосочетания и погребения, которые регламентировались монархами и философами эпохи

Сун. Будучи редактором широко известной книги «Цивилизация и общество Китая», она расширила круг своих исследований и обратилась к эпохам Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911), а также включила в обзор события XX в. Обширные знания в этой области позволили автору рассказать о прошлом Китая, проведя параллели с настоящим. Патрисия демонстрирует непрерывность и преемственность процессов в истории, излагая факты доступным и образным языком.

Подборка великолепных иллюстраций, представленных на страницах книги, — результат кропотливого труда; а очерки об особенностях быта в Китае (от керамики до национальной кухни) и выдающихся писателях делают издание еще более интересным. Но самое замечательное в книге — это то, что автор сумела детально и вместе с тем последовательно изложить многотысячелетнюю историю Китая.

Кван-Чин Лю

ВВЕДЕНИЕ

Иностранец, впервые оказавшийся в Китае, обнаружит множество интригующих, поражающих, сбивающих с толку, вдохновляющих и даже пугающих вещей. Ошеломляет само количество китайцев. Более миллиарда ханьцев — это больше, чем все население Восточной и Западной Европы и Северной Америки вместе взятое. Возможно ли, чтобы такое количество людей отождествляло себя с одной и той же культурой? Почему различия в диалекте, религии и образе жизни не вынудили их разделиться на группы, которые испытывали бы недоверие друг к другу, как это случилось с остальным населением Земли? Как одному правительству удается справляться с такой огромной массой людей?

Помимо общих вопросов о населении, иностранца может заинтересовать и внутренний мир китайцев. Наблюдая за мужчинами и женщинами, которые работают в поле, торгуют и делают покупки на рынках, встречаясь с ними в парках, когда они гуляют с детьми, или в ресторанах, когда они едят, невольно задумываешься: а как же они живут? Как сказались на них и их семьях перипетии XX в.? Каким они видят будущее Китая?

Сельская местность может произвести сильное впечатление. На всей территории исконного Китая (региона, исторически населенного людьми, говорящими по-китайски) земля обрабатывается и ценится чрезвычайно высоко. Ни одно из полей не предназначено для выпаса скота. Даже покрытые лесом холмы расчищают и засевают, хотя можно было бы вырастить лес и пустить его на пиломатериалы или топливо. Почему китайцы превратили свою землю в огромный сад? Какая связь между способом ведения сельского хозяйства и моделью социального устройства?

Городские пейзажи в Китае нетипичны для страны с такой длительной историей. Здесь прошлое не мозолит глаза статуями знаменитых генералов и государственных деятелей, вы не отыщете старые дома, церкви, дворцы, в которых происходили знаковые события прошлого. Даже в известных древних столицах — Сиань, Лоян, Наньцзин и Пекин — нет столь древних памятников, как в Риме и Афинах или хотя бы в Лондоне или Париже. Неужели у китайцев нет героев, в привычном для нас понимании или, может, их прославляют по-другому?

Конечно, в музеях можно найти частички прошлого Китая, но эти артефакты сами по себе вызывают вопросы. Шедевры древнего искусства — ритуальные бронзовые сосуды, живопись, образцы каллиграфии и фарфоровые

изделия — могут быть восприняты как немой укор внешней мрачности современного Китая. Кто-то, возможно, захочет спросить: неужели расцвет китайской культуры остался далеко в прошлом? неужели культурные связи между прошлым и настоящим настолько ослабли, что теперь можно говорить о двух различных культурах? Пусть тот, у кого возникли эти вопросы, задумается, не судит ли он о достижениях китайской культуры по западным, не китайским, стандартам? Не сравнивает ли он элитную культуру прошлого с массовой культурой настоящего? Эта книга написана для тех, кто любит размышлять о подобных вещах.

Китай — это удивительно сложное, складывавшееся тысячелетиями сообщество, и невозможно понять его настоящее, не зная его прошлого. На Западе привыкли смотреть на Китай как на застывшую, неменяющуюся страну. Но это не так. История формирования этого огромного государства полна потрясений. В каждый из периодов истории китайцы не только использовали опыт предыдущих поколений, но и создавали новый. Опыт появлялся по мере того, как китайцы находили применение непривычным для себя предметам, добивались стабильности в социуме, побеждали врагов, боролись за жизнь, заботились о семьях, то есть вносили личный вклад в дело создания общества, которое сегодня называют Китаем. Настоящее этой страны уходит корнями в сложное, богатое событиями прошлое, на каждом из этапов которого избирался один единственный путь. Поэтому для нас так важно разделить эти этапы.

Конечно, можно написать общую историю «великого Китая» — региона восточной Азии, исторически подчиненного Китаю, — большая часть которого в настоящее время входит в состав Китайской Народной Республики. Но я поставила для себя задачу попроще: рассмотреть историю китайской цивилизации, развивавшейся на территории с размытыми границами, которая лишь условно ассоциируется с исконным Китаем. Остановившись на периодах, когда китайской территорией правили соседние государства, я пытаюсь выяснить, как столкновение культур повлияло на китайский народ. Несмотря на ограничение области исследования, я анализирую не только пути развития образованной части китайского населения или проблемы китайской государственности. Мое внимание сосредоточено на китайском народе и созданной им культуре.

Патрисия Эбри

БЛАГОДАРНОСТИ

Большинством идей, изложенных в этой книге, я обязана моим коллегам. Разумеется, мне также пригодились и собственные знания в области истории Китая. Но, работая над монографией, я опиралась не только на то, что отложилось в моей памяти за 30 лет изучения этого вопроса, — мой стол был завален книгами и статьями. В поисках дополнительной информации я перечитывала острые, заставляющие задуматься статьи, перелистывала книги, которые купила давно, но еще не успела детально изучить, и нередко погружалась в чтение. Мною были изучены специальные издания, не рассчитанные на массового читателя. Надеюсь, что авторов гипотез, которые я ввела в свое исследование, больше порадует то, что их доводы и свидетельства убедили меня, чем огорчит отсутствие указания их авторства. В любом случае, я в долгу перед ними.

Я испытала удовольствие, подбирая иллюстративный материал для книги. Для этого мне пришлось просмотреть множество изданий по искусству и археологии. На этом этапе мне очень пригодились рекомендации моих коллег, специалистов по Китаю. Хочется отметить вклад У Хуна (Wu Hong), Эллен Лэйн (Ellen Laing), Джозефа МакДермотта (Joseph McDermott) и Джессики Росон (Jessica Rawson) — никто из них не скупился на полезные советы.

Я также обязана коллегам, которые великодушно согласились прочитать одну или несколько глав и составить к ним комментарии. Это Роджер Эймс (Roger Ames), Алан Баумлер (Alan Baumler), Цзун-ци Цай (Zong-qi Cai), Кайвин Чоу (Kai-wing Chow), Джон Дардесс (John Dardess), Питер Грегори (Peter Gregory), Эмили Хилл (Emily Hill) и Дэвид Кейтли (David Keightley).

За помощь в подготовке этой книги я благодарю троих молодых ассистентов, выпускников университета, работавших при поддержке исследовательского отдела Университета Иллинойса. Яо Пин (Yao Ping) помог систематизировать иллюстрации, Кэти Бэттлс (Kathy Battles) и Саманта Блюм (Samantha Blum) подготовили справочные материалы и взяли на себя рутинную работу. И, наконец, я особенно признательна профессору К.-Ч. Лю (K.-C. Liu) за научную редакцию рукописи и за предисловие к изданию.

Я посвящаю эту книгу двоим исследователям истории Китая, моим бывшим коллегами по Университету Иллинойса. Во время работы над книгой я нередко задумывалась о том, как бы они прокомментировали тот или иной тезис.

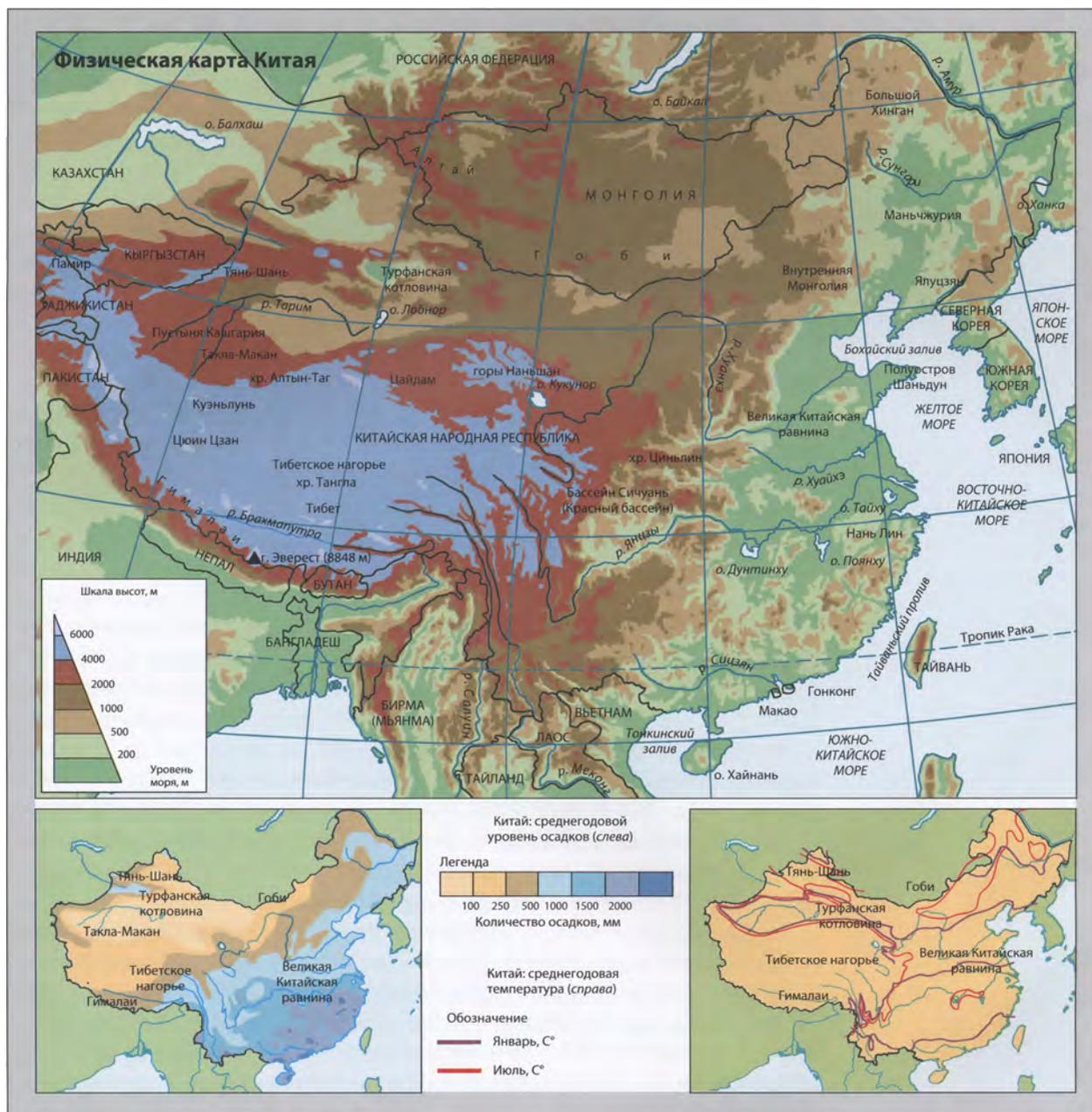
ИСТОКИ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

От неолита до Западного Чжоу (по 771 г. до н. э.)

У китайцев, как и у большинства народов, существует мифологическая история собственного происхождения. В течение практически всего имперского периода среди образованных китайцев существовала теория «великих людей», то есть героев, которые способствовали развитию цивилизации. В отличие от других народов, считавших своими создателями или предками богов, китайцы полагали, что за постепенное превращение из дикарей в цивилизованных людей они должны быть благодарны нескольким необычайно одаренным людям — первооткрывателям и изобретателям. Фу Си — «укротитель быков» — приручил животных и придумал институт семьи. Шэнь Нун — «божественный земледelec» — изобрел плуг и мотыгу, Хуан Ди — «желтый император» — лук и стрелы, лодки, телеги, керамику, письменность и шелк. Кроме того, он победил в великой битве против вражеских племен и дал возможность своему народу жить в долине Хуанхэ. Хуан Ди — первый из пяти великих додинастических правителей, последними в этом ряду стоят Яо и Шунь. Яо приписывается изобретение календаря и обрядов. Вместо того чтобы передать власть своему не слишком достойному сыну, он избрал преемником Шуня (бедного крестьянина), показавшего идеальный пример сыновней почтительности. Он преданно ухаживал за слепым отцом и прислуживал злобной мачехе. Яо не только сделал Шуня следующим правителем, но отдал ему в жены двух своих дочерей. Хотя и Яо и Шунь обладали немалыми достоинствами, даже они не могли предотвращать наводнения. Поэтому Шунь поручил решение этой проблемы чиновнику по имени Юй. Более десяти лет Юй странствовал, копая каналы, которые впоследствии превратились в реки северного Китая. Он так усердно работал, что, проходя мимо, даже не заглядывал домой повидать жену и детей. Шунь назвал Юя своим преемником. Юй разделил государство на девять областей и приказал отлить бронзовые сосуды для обозначения каждой из них. Когда Юй умер, народ не признал правителем выбранного им преемника и обратился к сыну Юя с просьбой возглавить страну, создав прецедент наследственного, династического, правления. Таким образом, Юй и его сын стали первыми императорами династии Ся, насчитывавшей четырнадцать правителей. Последним представителем династии Ся стал тиран Цзе, которого сверг его вассал, положивший начало новой династии — Шан. Эта династия правила на протяжении тридцати поколений, пока последний из императоров, своевольный и упрямый, не настроил против себя и знать и народ, облегчив путь на престол идущим с запада армиям Чжоу. Чжоу стала последней из трех древних династий¹.

В этих легендах отразился Китай, каким видели его образованные китайцы во времена Конфуция (прибл. 500 г. до н. э.). Самыми важными, по их мнению, для формирования облика Китая были технологии и искусство управления го-

¹ Ся, Шан и Чжоу.

Китайская цивилизация всегда была тесно связана с сельским хозяйством. Изначально китайцы селились в долинах рек, где для того, чтобы вырастить урожай, было достаточно использовать примитивные орудия. Постепенно были освоены территории восточной Евразии с более умеренным климатом

сударством — сельское хозяйство, письменность, борьба с наводнениями, монархия, соединяющая в себе добродетели и передачу власти по наследству. Они записали историю Китая как линейное повествование, или генеалогию, в основе которой лежит преемственность правления. История Китая больше похожа на историю семьи, которую можно проследить, переходя последовательно от поколения к поколению.

Современные ученые опираются на достижения геологии, палеоантропологии, археологии, и историю китайской цивилизации они видят иначе. Никто из них не умаляет роли сельского хозяйства, письменности, технологии обработки бронзы или государственного устройства, однако они, по сравнению с традиционным способом изложения истории, придают большее значение ритуалам и религии в формировании китайской культуры. Также важно, что современные ученые рассматривают историю Китая не как череду правителей, а как путь, имеющий множество ответвлений, связанных с различными культурами. Некоторые из них правители Шан или Чжоу объявили чуждыми, но, оказывая взаимное влияние, все эти культуры участвовали в эволюции китайской цивилизации.

ГЕОГРАФИЯ КИТАЙСКОГО СУБКОНТИНЕНТА

Китайская цивилизация развивалась в особых географических условиях. Умеренная зона восточной Евразии довольно обширна и многообразна. С одной стороны, такое местоположение давало первым поселенцам массу возможностей, с другой — несколько ограничивало их. С севера на юг и с запада на восток исконный Китай простирается более чем на 1500 км. Расстояние от Пекина на севере до Гуанчжоу на юге соотносится с расстоянием между Бангором и Майами или между Осло и Барселоной, а от Чэнду на западе до Шанхая на востоке столько же, сколько от Парижа до Варшавы или от Де-Мойна до Нью-Йорка. Этот огромный участок земли изрезан горными хребтами, скрывающими долины рек. В этих долинах и возникли первые людские поселения.

На территории исконного Китая две крупные реки. Хуанхэ (Желтая река) на севере и Янцзы в центральной области. Хуанхэ берет начало в западных горах, пересекает северные пустыни, затем стремительно направляется к югу и проходит холмистую область, покрытую лёссом¹. Потом Хуанхэ резко поворачивает на восток и разливается на 1,5 км в ширину, ее воды действительно желтые от содержащихся в них частиц почвы. Наконец она преодолевает всю аллювиальную равнину и впадает в море.

Другая великая река — Янцзы — из-за большего количества притоков гораздо полноводнее. Ее истоки — на вершинах Тибета, она протекает в горах, окруживших Сычуаньскую котловину; по величественным ущельям с отвесными, около 300 м высотой, скалами Янцзы движется на восток. Еще через 1500 км она изливает свои воды в Тихий океан, более 4 млн тонн ежедневно.

¹ Лёсс — горная осадочная порода желтого цвета. Необыкновенно плодородна и очень легко возделывается, даже примитивными орудиями.

Долины этих рек сильно различаются почвой, топографией, температурой и количеством осадков. На севере холоднее и суше, местность ровнее, лето короче, а в почве выше содержание щелочи; в основном здесь сеют пшеницу и просо. К северу от Хуанхэ уровень осадков составляет 50 см в год, для неорошаемых земель этого недостаточно. Наводнения и засухи на севере случаются гораздо чаще, чем на юге.

Хуанхэ предрасположена к наводнениям. На своем пути с севера на запад она размывает лёссовые отложения. Когда река поворачивает на восток, ее течение замедляется, и лёсс постепенно оседает — так он веками накапливался в ложе реки. Крестьяне самостоятельно и под руководством властей сооружали дамбы, чтобы удержать реку в русле, но эта практика приводила к еще более обширным и разрушительным наводнениям.

Местность, по которой протекает Янцзы, отличает более теплый и влажный климат. В этом практически вечнозеленом регионе ежегодно выпадает более 1,5 м осадков, что является великолепным условием для выращивания риса, позволяющим получать урожай два раза в год. Янцзы и многочисленные речушки на юге судоходны, поэтому преодоление пути на корабле там всегда было привычным делом. На севере, наоборот, люди путешествовали и путешествуют до сих пор только по суше — пешком, на лошадях или ослах либо в телегах, запряженных животными.

От ближайших колыбелей ранних цивилизаций, Месопотамии и долины Инда, китайский субконтинент отделяли широкие участки неплодородной земли. К северу от исконного Китая раскинулись степи Внутренней Азии, где еще холоднее и засушливее, чем на севере, — условия, подходящие больше для скотоводства, чем для земледелия. Во Внутренней Азии китайское население всегда составляло меньшинство, это были территории пастухов-кочевников, сюнну (хунну) и монголов, извечных врагов китайцев. Степи простираются отсюда до самой Украины, но на северо-западе исконный Китай отрезан от них огромными пустынями, лишенными растительности, за исключением редких оазисов. Юг этих пустынь, а также запад южной и центральной части Китая — это «крыша мира», Тибет. Высокие горы, так же как пустыни и степи на севере, оказались непригодными для земледелия. Горные районы на юго-востоке Тибета (современные провинции Юньнань и Гуйчжоу) были не так труднодоступны, но когда появилась причина их пересечь, оказалось, что на юг и юго-восток Азии проще добираться по морю.

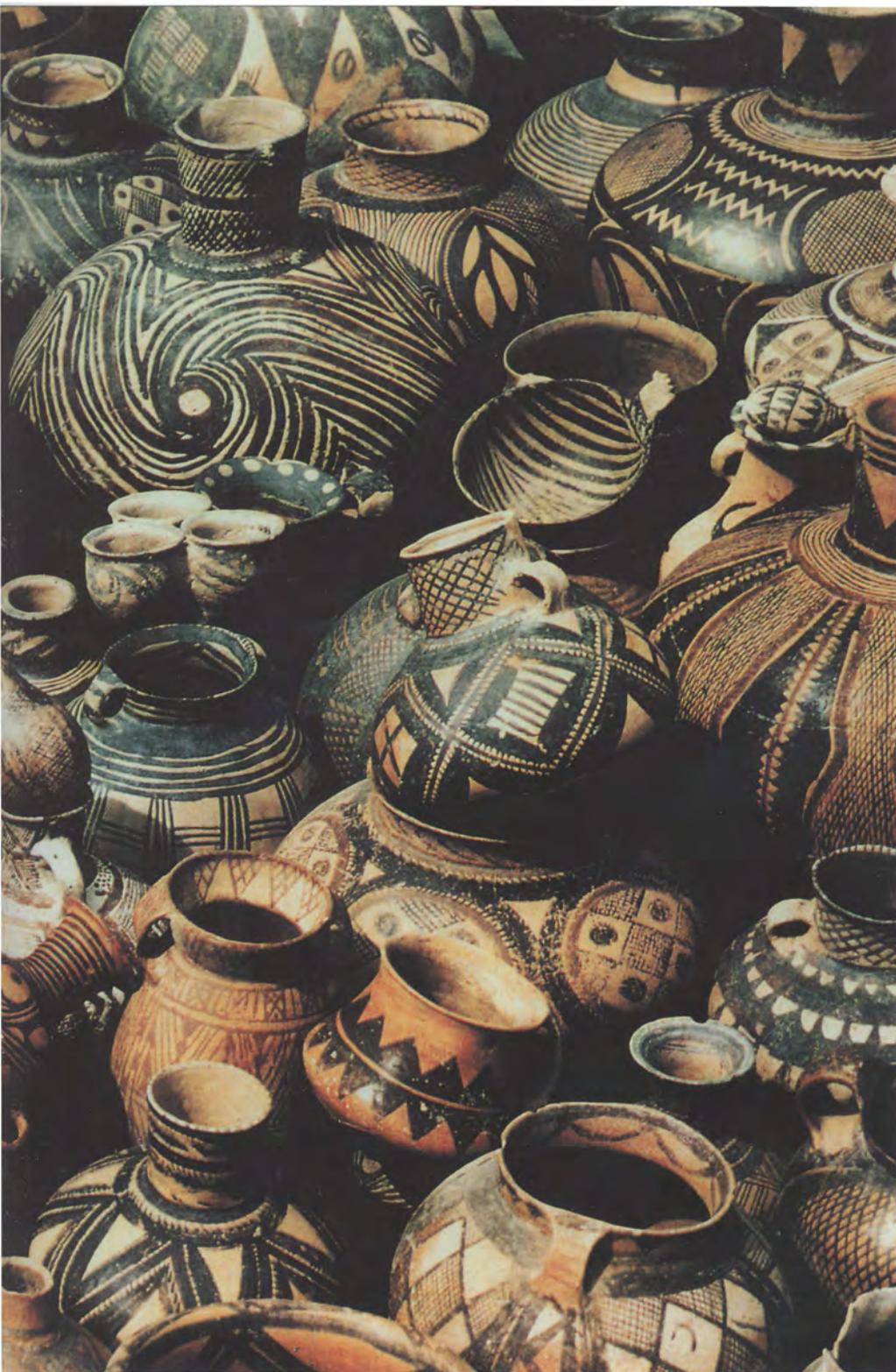
Чтобы увидеть Китайский субконтинент глазами древних китайцев, нужно выбросить из головы все виденные нами карты, на которых он изображен как небольшая часть огромной Евразии. О том, настолько велик Китайский субконтинент, мы можем судить по тому, что еще в первом тысячелетии до нашей эры китайцы называли его Поднебесной, то есть «Всем-Под-Небом» (*Тянь ся*), земной сценой, на которой разыгрывалось представление под названием «цивилизация». Вокруг этой «сцены» простирались безграничные океаны, дикие пустыни, неприступные горы, но на карте государства их не учитывали. Никто не знал, насколько широко они раскинулись, но никто не сомневался в положении центра цивилизации.

Почва Северо-Китайской равнины состоит в основном из принесенного ветром лёсса. Частицы почвы, которые уносит Хуанхэ, делают ее воды мутными, поэтому первые китайцы считали, что земля на самом деле желтая. Отсюда же название реки

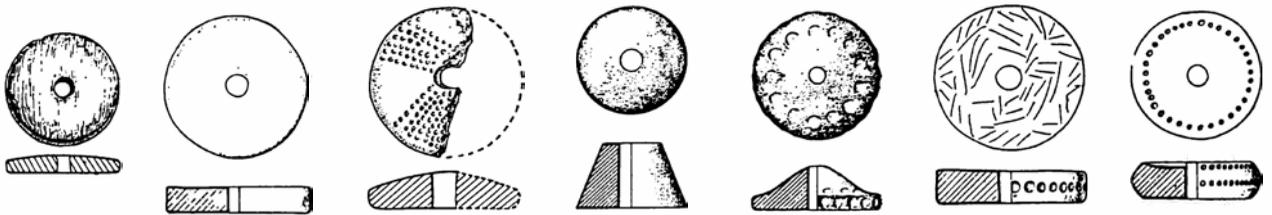

Долины южного Китая хорошо орошаются, а холмы покрыты буйной растительностью. Этим они сильно отличаются от более холодного и сухого севера

Геометрический орнамент керамики культуры Яншао (прибл. 3200–2500 гг. до н. э.), произошел от изображений птиц, рыб, лягушек и других животных, которые изначально имели тотемистическое значение. Это собрание расписанных гончарных изделий иллюстрирует многообразие созданных геометрических узоров. Неизвестно, как они использовались, так как ни в одной из могил не было обнаружено сосредоточения такого количества посуды

Первый признак существования текстильного производства — появление подобных веретенных блоков, найденных в Хэмуду, неподалеку от Шанхая. Вероятно, они относятся к 5000 г. до н. э. С помощью этих деревянных и керамических веретен пряли пеньку, а уже из прочных крученых нитей можно было ткать

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Homo erectus появился на китайском субконтиненте более миллиона лет назад. Представители этого вида пришли из Африки и западной Азии во время плейстоцена (ледникового периода). Ни один из крупных ледников не достиг Китая, но средняя температура тогда была ниже, чем в последующие века, и по его северным территориям бродили мамонты и лоси. *Homo erectus* ходил выпрямившись, охотился, умел разводить огонь, а обломки камней служили ему орудиями труда. Пекинский человек, обнаруженный в 1920-х гг., является одним из самых любопытных представителей ископаемых людей.

Современный человек (*Homo sapiens*) оказался в Восточной Азии около 100 тыс. лет назад, вероятно, он так же происходит из Африки. В период палеолита (древний каменный век, припл. 100 000–10 000 гг. до н. э.) человек заговорил. Формирование языка привело к усложнению символической системы, что способствовало упорядочиванию представлений о богах и родстве. Мы можем предположить, что на протяжении этих тысячелетий на китайском субконтиненте шла непрерывная миграция: группы людей боролись друг с другом, распались на более мелкие или, наоборот, объединялись в более крупные группы — в зависимости от того, что диктовало стремление к выживанию.

Некоторые из этих групп переселились на острова Тихого океана, в Северную и Южную Америку. О том, насколько правомерно считать предками китайцев тех, кто дольше продержался на китайском субконтиненте, можно спорить бесконечно.

Эта изящная (50×20 см) каменная дробилка найдена на месте деревни периода неолита в Цышане, провинция Хэбэй, и датируется примерно 500 г. до н. э. Каменные инструменты использовались для приготовления пищи еще до того, как люди научились культивировать растения. Дробилка, вероятно, служила для измельчения стеблей диких растений, чтобы облегчить их усвоение

История Китая начинается намного позже, после окончания последнего ледникового периода около 10 000 г. до н. э. К 5000 г. до н. э. в долинах многих рек утвердилась культура неолита. Для нее характерно ведение сельского хозяйства, производство керамики и тканей, а также образование деревень. Освоение сельского хозяйства стало решающим шагом в развитии доисторического общества, это связано с изменением климата, который стал более теплым и влажным (более теплым и влажным, чем сегодня). Культивация растений привела к возникновению крупных постоянных поселений. С появлением керамики и тканей жизнь стала комфортнее: глиняные кувшины использовались для транспортировки воды и хранения зерна, одежда и постельное белье защищали от холода. Забота об урожае, ткачество и изготовление посуды связаны с иными качествами, нежели охота, поэтому воинам пришлось разделить лидерство с более сведущими в этих делах старейшинами. Возникла новая форма общественной организации — деревня, которая как территориальная единица дополнила формы организаций, основанные на принципе родства.

С точки зрения материальных свидетельств, культуры периода неолита можно разделить на южную (где выращивали рис) и северную (где преобладало просо) зоны. В долине Янцзы рис сеяли еще в 5000 г. до н. э. Здесь кроме риса в рацион входили рыба и водные растения (лотос, водяной орех). В Хэмуду, неподалеку от Шанхая, жители строили деревянные дома на сваях, обжигали посуду и расписывали геометрическими узорами черную керамику, широко использовались плетеные изделия. Археологами были обнаружены веретенные блоки, которые использовались для прядения нити из пеньки, и челноки, применявшиеся в ткачестве. Из дерева изготавливали мотыги, гарпуны, молотки и весла. Можно утверждать, что технологический уровень жизни в Хэмуду превосходил уровень большинства индейских племен Северной Америки XVII в.

Для выращивания риса на севере Китая было слишком холодно и сухо, и основной сельскохозяйственной культурой здесь стало просо. В Цышане (провинция Хэбэй), где люди поселились еще около 5000 г. до н. э., просо срезали каменными серпами и хранили в мисках, кувшинах и треножниках (трехногих сосудах) из необожженной глины, часто украшенных веревочным орнаментом или узором из гребешков. Легко обрабатываемая лёссовая почва благоприятствовала высоким урожаям, поскольку ее рыхлая структура позволяла питательным веществам свободно циркулировать. Параллельно культивации растений шел процесс одомашнивания диких животных. В 5000 г. до н. э. были приручены собаки и свиньи, а уже к 3000 г. до н. э. на севере разводили овец и мелкий рогатый скот, а на юге — крупный рогатый скот, например буйволов.

Рассматривая способы добычи пропитания, мы выделяем северную и южную культуры неолита, а опираясь на различия в художественных стилях и погребальных обрядах, мы можем провести границу между восточной и западной культурами. На западе, в области распространения культуры Яншао (провинции Шэньси и Ганьсу, 5000–3000 гг. до н. э.), захоронения были преимущественно простыми, а керамику украшали, в основном, геометрическими узорами. Сосуды для зерна периода развитого стиля Яншао расписаны спиралями и ромбами в яркой красно-черной гамме. Разнообразие форм сосудов сводилось лишь к урнам

У этого сосуда на длинной ножке, обнаруженного в Тайане (провинция Шаньдун), стенки не толще яичной скорлупы. Черная керамика столь искусной работы является отличительной чертой культуры давенкуо (прибл. 2300 г. до н. э.)

и к кувшинам, использовавшимся в быту. На востоке (от провинции Ляонин до Шанхая), наоборот, посуду практически не расписывали, зато рано появились замысловатые по форме емкости — чаши, кубки и треножники. Эта искусно выполненная на гончарном колесе посуда выглядит так, как будто она сделана из металла, настолько тонки ее тщательно отшлифованные стенки. Новые формы возникали в результате объединения частей, добавления ножек, носиков, ручек и крышек. В этом районе обнаружено очень много кувшинов и кубков, которые, скорее всего, использовались во время празднеств или жертвоприношений.

Места захоронений на востоке организованы сложнее. В Давэнькоу (провинция Шаньдун) некоторых из умерших хоронили в гробах или в деревянных камерах, которые помещались на дно могилы и были средством дополнительной защиты. В богатейших захоронениях этого района при раскопках находят до ста и более предметов, таких как ожерелья и браслеты из нефрита или камня, а также глиняные бусы. Отличительной чертой культуры Давэнькоу является то, что у многих погребенных удалены верхние боковые резцы, эту традицию китаеведы долгое время считали варварской.

На востоке высоко ценился искусно обработанный нефрит. Этот очень твердый камень появился в результате перекристаллизации горных пород, которые за миллионы лет соединились в новой форме. Нефрит нелегко расколоть или

Нефритовая фигурка, напоминающая дракона или змею со свиным рылом. Ее размер 16,5 см, она обнаружена в Саньгуан Дяньцзы (провинция Ляонин), относится к культуре Хуншань и была изготовлена около 3500 г. до н. э. На то, чтобы отшлифовать песком это небольшое украшение или талисман, древний мастер, должно быть, потратил не один день

Самые искусные изделия из нефрита периода неолита относятся к культуре Лянчжу (прибл. 3300–2250 гг. до н. э.). В этой могиле, обнаруженной в селении Сыдунь (провинция Цзянсу), выложены длинные ряды из двадцати пяти цун и тридцати трех би. По мнению археологов, здесь похоронен служитель культа, вместе с его телом в могилу вложены предметы, которые он использовал во время совершения обрядов

Чтобы вырезать орнамент на нефритовом цун, как, например, этот, найденный в Лянчжу, необходим навык точного измерения и проектирования. Рельефные глазки, украшающие эту 7-сантиметровую трубочку цун, которая была обнаружена во время раскопок в Сыдуне (провинция Цзянсу), указывают на связь с известным рисунком *таоте*. Этот рисунок наносили на бронзовые изделия тысячу лет спустя

раскрошить, а чтобы придать ему форму, нужно приложить массу усилий — методично и интенсивно шлифовать песком. Самые примечательные из найденных нефритовых изделий периода неолита относятся к культурам Хуншань (провинция Ляонин, прибл. 3500 г. до н. э.) и Лянчжу (провинция Цзянсу, прибл. 2500 г. до н. э.). Эти области даже два тысячелетия спустя не считались абсолютно «китайскими». В области Хуншань из нефрита делали украшения, маленькие фигурки черепах, птиц и вырезали удивительных, свернувшихся кольцом, «свиноподобных» драконов. Несколько таких фигурок обнаружили среди каменных ритуальных сооружений, можно предположить, что и они имели символическое или религиозное значение. Нефритом украшали предметы, используемые в ритуалах, в области Лянчжу археологи находят сотни *би* (дисков) и *цун* («трубочек» с круглыми отверстиями и плоскими гранями). Пару тысячелетий спустя *би* и *цун* все еще считались объектами космологического значения, круги и квадраты обозначали соответственно небо и землю. Для других областей восточной части Китая украшения из нефрита не столь характерны, но вот нефритовые топоры, использовавшиеся, вероятно, в ритуальных целях, при раскопках встречаются повсеместно.

В период позднего неолита (прибл. 3000–2000 г. до н. э.) между этими региональными культурами наметилась связь. Формы гончарных изделий и узоры, наносимые на них, получили распространение в других областях. Треножки, использовавшиеся для приготовления пищи, стали известны на западе, а геометрические орнаменты проникли на восток. Это было время нарастания конфликта между общинами. Постепенно металл стали использовать для изготовления оружия, а на севере Китая поселения начали обносить стенами. Размеры стены в Чэнцзыай (провинция Шаньдун) достигали 6 м в высоту, а ее толщина составляла почти 9 м. При возведении такой земляной стены нужно было координировать работу немалого количества строителей, а значит, уже тогда были лидеры, способные управлять людскими ресурсами.

Следующий признак религиозной власти или власти военной элиты — это практика жертвоприношений. Под фундаментами правительственных зданий на севере Северо-Китайской равнины обнаружены человеческие останки, относящиеся к 2000 г. до н. э. Приношение в жертву пленных можно рассматривать как способ задабривания предков или богов, возможно, это укрепляло положение политической элиты, которая решала, кому жить, а кому умереть.

Социальное неравенство отражалось и в захоронениях. На юге провинции Шаньси сохранилось кладбище, насчитывающее более тысячи могил. В девяти из них обнаружены деревянные гробы, в которых находилось более сотни разнообразных предметов, включая музыкальные инструменты, нефритовые украшения и кувшины. В восьмидесяти могилах среднего размера эти предметы также встречаются, но уже в меньшем количестве. Более 600 могил представляют собой простые захоронения, без гробов и каких-либо предметов.

В 2000 г. до н. э. китайский субконтинент представлял собой довольно пеструю картину: в ходу было огромное количество языков, как родственных друг другу, так и совершенно непохожих; в одних племенах власть находилась в руках шаманов, в других о шаманах даже не слышали; одни племена постоянно с кем-нибудь воевали, другие были не столь агрессивны. Нечто похожее происходило

Культ предков

То, что при погребении в могилы клали пищу, сосуды с водой и прочие предметы, в которых умершие нуждались при жизни, объясняется верой в связь между живыми людьми и их предками. Живые подносили мертвым дары, совершали обряды жертвоприношения в их честь, таким способом они задабривали предков, чтобы те оберегали их или, по крайней мере, не вредили. Пища, сосуды с водой и изделия из нефрита и раковин каури встречаются в захоронениях эпохи неолита. Это дает основание предполагать, что такие верования уходят корнями в доисторическое время. Самым первым свидетельством таких верований являются надписи на гадательных костях, относящихся к концу периода Шан.

Правители Шан общались со своими предками, принося жертвы и используя гадания. Простейшее гадание сводилось к следующему. Предсказатель прикладывал или раскаленную металлическую кочергу, или другой раскаленный предмет к черепашему панцирю или большой берцовой кости крупного рогатого скота. Появляющуюся в результате трещину интерпретировали как положительный, отрицательный или же нейтральный ответ на вопрос, заданный предсказателем. Из надписей на этих костях для гадания следует, что предков часто спрашивали о жертвоприношениях (достаточно ли будет пожертвовать корову?). Древние люди интересовались у своих предков, не они ли наслали зубную боль или странный сон на их правителя. Существовала вера в духов, не входящих в число предков. Особенно почитался Ди, «Владыка Неба», который мог даровать щедрый урожай, помочь в битве, послать дождь, бурю, ветер, засуху, эпидемии. В общении с этими силами предки выступали в качестве посредников.

Во времена Западного Чжоу культ предков по-прежнему за-

нимал центральное место в религиозных представлениях китайцев. На некоторых бронзовых изделиях можно встретить целые отчеты, предназначенные предкам и повествующие о достижениях их потомков. В «Книге документов» (*Шу цзин*) упоминается Чжоугун, который глубоко верил в силу предков правителей Чжоу, поскольку те, по его мнению, могли устроить благополучие своих потомков и всей страны в целом. Когда заболел его брат, правитель, Чжоугун обратился к предкам, предложив себя им в услужение в загробном мире в обмен на исцеление государя: «Возьмите меня к себе вместо правителя. Я был добр и послушен отцу. У меня множество талантов и умений — я могу служить призракам и духам». Если текст точно отражает верования начала чжоуской эпохи, то семейная этика и культ предков уже тогда были неотделимы друг от друга. Обряды общения с предками носили этический характер и отражали представления о сыновней почтительности, а модель распределения власти в семье имела религиозное значение, так как отношения отец—сын со временем переходили в отношения предок—потомок.

В одах жертвоприношений «Книги песен» (*Шицзин*) церемонии общения с предками, принятые в чжоуских аристократических кругах, представлены как действия огромной эмоциональной и символической силы. В роли медиума здесь выступал потомок, обычно внук, — получалось, что дух предка присутствовал среди тех, кто участвовал в совершении обряда. Ему подносили много вина, лучшую пищу, развлекали пением и танцами. Присоединившиеся к пиру потомки общались с предком, находящемся в теле медиума. Оды демонстрируют веру в наличие взаимности: если ритуалы исполнялись усердно и без ошибок — предки жаловали долгую жизнь и многочисленное потомство.

Эта испещренная надписями коровья лопатка обнаружена при раскопках в Аньяне. На ней зафиксированы многочисленные предсказания вана У Дин (прибл. 1250 г. до н. э.), например такие, как «следующие десять дней стихийные бедствия не ожидаются». Здесь же записано, что на самом деле произошло после этих пророчеств. Среди упомянутых событий одна смерть и один несчастный случай

в Северной Америке перед нашествием европейцев. Несмотря на то что ученые соотносят черты этой и развившихся в последующие годы культур, было бы неправильно считать их в равной степени протокитайскими.

ДИНАСТИЯ ШАН

Вскоре после 2000 г. до н. э. из разнообразных культур эпохи неолита на Северо-китайской равнине зародилась более сложная цивилизация бронзового века. В этот период возникла письменность, люди научились обрабатывать металл,

Около 1200 г. до н. э. стали использовать легкие военные колесницы, колеса которых были уже со спицами. Появление таких колес объясняется контактом с представителями индоевропейской культуры, так как похожие колесницы уже в течение нескольких веков были распространены на Кавказе. Колесницы считались символом власти, поэтому и в конце династии Шан, и в эпоху Чжоу их зачастую хоронили вместе с умершими владельцами. В этой раскопанной в Люлихэ (провинция Хэбэй) могиле времен Западной династии Чжоу обнаружены как колесницы, так и останки лошадей

приручили лошадей. Для него также характерны классовое расслоение и четко выстроенная иерархия политической и религиозной властей.

Принято считать, что начало периода совпало с правлением династии Ся. При раскопках не удалось обнаружить относящихся к нему письменных документов, поэтому нельзя утверждать, что династии Шан (прибл. 1600–1050 гг.) предшествовала вполне сформировавшаяся династия Ся. Безусловно, это был переходный период китайской истории. Организованные политические общности, регулирующие жизнь Китая, объединились, и грамотная элита зафиксировала свою версию этого отрезка истории государства. Дошедшие до наших дней документы несут в себе субъективную оценку тех событий. Такой оценке были подвергнуты не только другие народы, которые в ту пору считались враждебными, но и члены шанского общества, от рабов до конкурирующих представителей элиты.

Власть династии Шан распространялась на незначительной территории исконного Китая. Провинции Хэнань, Анхуй, Шаньдун, Хэбэй и Шаньси, вероятнее всего, ей не принадлежали. Однако культура Шан стала известна за пределами этих территорий, а ее технология и декоративные приемы были освоены заселяющими всю долину Янцзы народами. Считается, что за время правления династии Шан столицу переносили пять раз. Обнаружено несколько крупных поселений периода Шан, среди которых Чжэнчжоу (вероятно, он был одним из первых культовых центров) и Аньян, более двухсот лет бывший резиденцией правителей династии Шан.

Эта могила (номер 1001) правителя династии Шан — одно из одиннадцати крупных среди тысячи небольших захоронений, обнаруженных в Аньяне. При раскопках в ней были найдены многочисленные изделия из камня, нефрита, раковин, костей, оленьих рогов, зубов, бронзовые и керамические изделия. И это несмотря на то, что захоронения были разграблены в древние времена, возможно, еще завоевателями Чжоу. Все могилы ориентированы с севера на юг, их размеры составляют более 91 м в длину и 18 м в глубину. Чтобы вырыть такую могилу, требовалось привлечь огромное количество рабочей силы

При раскопках в Аньяне в могиле 1001 были обнаружены останки принесенных в жертву людей. То, как аккуратно положены эти безглавые скелеты, подтверждает письменные свидетельства практики человеческих жертвоприношений. Головы были найдены в других частях этой же могилы

В Китае, в отличие от Месопотамии, городов было не так много, зато китайские культовые центры были более крупными и развитыми. В центре города размещались большие дворцы, храмы и алтари на земляных фундаментах, некоторые из которых достигали размера 8×28 м. Центр окружали промышленные районы, где селились бронзовых дел мастера, гончары, резчики по камню и другие ремесленники. В отдалении стояли небольшие дома, наполовину ухидившие под землю, кладбища располагались неподалеку.

На найденной в Аньяне кости для предсказания записано, как однажды центральная власть заключила союз с одними и спровоцировала конфликт с другими наместниками. По приказу правителя в поход была собрана армия из 3–5 тыс. человек. Постепенно вассалы превратились во врагов, а враги — в вассалов. Трофеи, захваченные в ходе войны, обогащали казну, а захваченные в плен люди становились рабами или же их приносили в жертву.

По сравнению с эпохой, предшествующей эпохе Шан, сельское хозяйство практически не эволюционировало, военное же дело, напротив, развивалось стремительными темпами. Копья, алебарды с бронзовыми наконечниками, тяжелые луки, а также запряженные лошадьми колесницы могли принадлежать только военной элите. Колесницы стали использовать около 1200 г. до н. э., вероятно, они попали в Китай из западной Азии. Запряженная парой или четверкой лошадей колесница давала возможность командующим контролировать войска, а лучникам и солдатам, вооруженным тяжелыми алебардами, обеспечивала большую мобильность. Колесницы были непременным атрибутом императорской охоты,

роскошных прогулок с военными маневрами, которые могли длиться месяцами. В те времена Северокитайская равнина была покрыта настоящими лесами, в которых водились олени, медведи, тигры, кабаны, слоны и носороги.

Власть династии Шан опиралась не только на военное превосходство, для нее не менее важно было значение религии и ритуалов. Правитель Шан был жрецом верховного божества Ди и своих собственных предков, эта роль оправдывала его высокий статус. Говоря другими словами, он имел право на власть, поскольку среди живых был тем, кто наиболее тесно связан со своими предками, а в царстве мертвых его предки были приближены к Ди. Именно с культом предков связан факт наследования власти по мужской линии: империя переходила от отца к сыну, от старшего брата к младшему, но никогда к дочерям или сестрам и никогда через них.

Чтобы узнать волю предков, правитель призывал опытных оракулов, которые должны были подготавливать гадательные кости, а значение трещин он толковал сам. Многие предсказания правитель-ван произносил как заклинания или молитвы: «Пойдет дождь» или «В течение следующих десяти дней не будет бедствий». Даже во время частых путешествий по своим владениям правитель не оставлял обязанности жреца, для чего ему приходилось часто останавливаться и приносить жертвы местным духам.

В жертву предкам вана и различным богам явлений природы приносили и животных и людей. В основе жертвоприношения лежит принцип реципроктности, характерный не только для Китая. Человек приносит жертву тем, от кого он ждет помощи, то есть кормит вкусной едой бога или предка, а тот дает ему силу.

Количество человеческих жертв, одновременно принесенных правителями династии Шан, зачастую насчитывало десятки. Руководствуясь чувством долга, равносильным рабскому служению, вассалы добровольно «следовали» за своими повелителями в потусторонний мир. В обнаруженных в Чжэнчжоу гробницах правителей начала и середины эпохи Шан то между внутренним и внешним гробами, то на крышке внешнего гроба находили останки одного, двоих, а иногда и троих преданных слуг. Ближе к концу эпохи Шан таких жертв в гробницах становилось все больше. В обнаруженной в Аньяне могиле 1001, вероятно, также императорской (около 1200 г. до н. э.), найдено более девяноста скелетов сопроводивших правителя в загробный мир: 74 человека, 12 лошадей и 11 собак. Эти жертвы были погребены в самой яме на уступах и пандусах. Одни тела — в отдельных гробах с ритуальными бронзовыми сосудами и оружием, другие (в основном женщины) — без гробов, но с личными украшениями. В могиле найдены останки обезглавленных, разрубленных пополам или умерщвленных иначе жертв, погребенных без каких-либо предметов.

Обширные гробницы правителей — один из признаков отличных управленческих способностей правителей династии Шан. Для выкапывания ям до 12 м глубиной, строительства массивных деревянных погребальных камер, а также для заполнения ямы землей требовалось объединить значительные человеческие и материальные ресурсы. Несомненно, эту способность к мобилизации рабочей силы правители обрели еще до перемещения в Аньян: строительство огромных городских стен Чжэнчжоу (18 м шириной, 9 м высотой и 727 м длиной) должно было занять 10–20 лет, даже если землю рыли и утрамбовывали 10 тыс. рабочих.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Современная китайская система письменности произошла от знаков, которые прорицатели использовали в период Шан

Усовершенствование системы письма в период династии Шан говорит о больших организаторских возможностях правительства того времени. Точно неизвестно, когда в Китае зародилась письменность, поскольку записи делались на недолговечных материалах, таких как дерево, бамбук и шелк, но, как и во всем мире, ее появление сказалось на социальных и культурных процессах.

Бык	Коза, овца	Дерево	Луна	Земля	Вода	Треножник	Показывать, объявлять	Поле (показывает деление)	Тогда (мужчины и чаша)	Предок (фаллос)	Идти против, к	Небо	Молиться
													
牛	羊	木	月	土	水	鼎	示	田	就	祖	逆	天	祝

Гробница госпожи Хао

Древние китайцы не вкладывали деньги в строительство каменных монументов, поэтому не существует китайских аналогов пирамид, дворца Миноса или Парфенона, заставляющих путешественника задуматься об их величии. По материальным затратам и устремленности к вечному с ними сопоставимы только многочисленные захоронения правящего семейства Шан, но их величие сокрыто глубоко под землей.

Единственной гробницей семейства Шан, которая не была разграблена до того, как ее обнаружили археологи, является гробница 5, или гробница госпожи Хао, в Аньяне (прибл. 1250 г. до н. э.). Несмотря на то что эта небольшая могила (4×5,5 м у входа и 7,5 м в глубину) находится в стороне от главного кладбища, она заполнена разнообразными жертвенными предметами.

Человеческих жертв не так много, как в более крупных могилах: обнаружено 16 скелетов мужчин и женщин, взрослых и детей. Отличительной чертой этого захоронения является изобилие ценных предметов — в могиле оставлено целое состояние. Здесь обнаружены 460 бронзовых изделий (130 предметов оружия, 23 колокольчика, 27 ножей, 4 зеркала и 4 тигра или головы тигров), 750 изделий из нефрита, почти 70 каменных фигур, около 500 костяных заколок для волос, более 20 костяных наконечников для стрел и 3 изделия, вырезанных из слоновой кости. Кроме того, в гробнице найдены около 6900 раковин каури, которые, возможно, использовались в качестве денег. Стиль большин-

ства из этих объектов свидетельствует об их столичном происхождении, прочие могли быть присланы издалека в виде дани.

Более 200 бронзовых сосудов составили самый большой и самый полный набор ритуальной посуды из всех обнаруженных в могилах Шан. Среди них бокалы,

Считается, что символы или эмблемы на посуде конца эпохи неолита являются начальными формами китайских графем. На бронзовых изделиях начала периода Шан можно найти похожие символы. Первые длинные предложения были нанесены на кости для предсказания и датируются концом династии Шан.

Благодаря находкам археологов стало известно, что язык того времени является прямым предком современного китайского языка, а стандартная китайская логографическая система используется и в наши дни. Удалось расшифровать около тысячи символов. Ряд из них представлен пиктограммами, изображающими предметы или понятия, некоторые обозначают звуки, есть и комбинированные символы (первая составная часть соотносится со значением, а вторая — со звуком). После введения письменности люди стали создавать различные списки, пытаться организовать мысли, научиться мыслить абстрактно. Одним из примером усовершенствования знания является появление во времена Шан двух систем счисления: десятичной и двенадцатеричной. Десятичная использовалась для обозначения дней в десятидневной неделе, а комбинация двух систем — для обозначения цикла из шестидесяти дней.

треножки и чаши, преобладают сосуды для вина. Это позволяет предположить, что на последнем этапе похоронной церемонии скорбящие совершали возлияние и бросали в могилу чаши с вином. На шестидесяти бронзовых сосудах написано имя госпожи Хао. Среди них есть такие, которые по форме повторяют контуры тел животных, что, возможно, связано с влиянием юга, где ранее создавалось нечто подобное.

Артефакты из этой гробницы довольно мало сообщают о том, кем была госпожа Хао. Вероятно, это та самая госпожа Хао, упомянутая в надписях на костях, одна из многочисленных жен правителя У Дина (около 1200 г. до н. э.). Император обращался к предсказаниям в связи с ее болезнями и беременностями. Из этих надписей нам также известно, что она отвечала за совершение некоторых обрядов и имела поместье за пределами столицы. Госпожа Хао даже возглавляла военные кампании: однажды она выступила с 13-тысячным войском против цянов на западе, следующие ее походы были против племен фу-фан на северо-западе, ба-фан на юго-западе и племени на востоке.

Шестисантиметровая фигурка из нефрита (*слева*) и приблизительно 30 см высотой чаша для вина из слоновой кости с бирюзой (*справа*) были найдены в гробнице госпожи Хао. Фигурка сидит на коленях в позе, принятой в Китае до поры, пока в обиход не вошел стул, что произошло более чем 2 тыс. лет спустя

Культурные сферы. На территории Китая бронзового века культурное влияние двух крупных государств — Шан (прибл. 1600–1050 гг. до н. э.) и Западного Чжоу (прибл. 1050–771 гг. до н. э.) — простиралось от долины Хуанхэ до долины реки Янцзы. Во времена неолита практически каждый регион китайского субконтинента имел свою уникальную культуру, но к третьему тысячелетию до нашей эры процесс заимствования стал настолько активным, что весь центральный Китай стал областью взаимодействующих культур

Так сложилось, что в эпоху Шан развилась логографическая, а не преобладавшая в других областях Евразии фонетическая система письменности. Эта случайность определила дальнейшее развитие китайской цивилизации, повлияла на формирование элиты. Сложность системы письменности привела к тому, что постигшие ее люди автоматически оказывались на особом положении. Так как китайские иероглифы не отражали различий в произношении, то представители образованной элиты ощущали свое единство с теми, чьи тексты они могли прочесть, как с авторами, жившими за много веков до них, так и с современниками, чей разговорный язык они не понимали.

Эта система письменности существенно повлияла на процесс распространения культуры и ассимиляции. Народы, которые жили в отдаленных от центра Китая областях, и те, которые освоили грамоту, желая отстоять или защитить свои интересы, довольно быстро впитали в себя китайскую культуру. Этот процесс затянулся бы, используя Китай фонетическую систему письменности. Было нелегко отделить чтение и письмо от превозносящих китайские ценности текстов, что мешало местному грамотному населению ясно излагать оппозиционные Китаю мнения.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Как и в других частях света, в Китае развитие более сложных форм общественной организации периода правления династии Шан было связано с совершенствованием технологии обработки металла. Способы плавления железной руды,

вероятно, были открыты в процессе обжига в печах керамики. Самые ранние из дошедших до нас бронзовых сосудов датируются приibl. 1700–1600 гг. до н. э. Они были найдены в Эрлитоу (провинция Хэнань, исторически связанная с династией Ся). Необычайно тонкие стенки некоторых сосудов (от 1 мм толщиной), а также характерные формы (острые углы и загнутые края) наводят на мысль об имитации изделий из листового металла. Со временем бронзовые изделия становились все больше и тяжелее. К концу эпохи Шан китайцы умели отливать огромные бронзовые сосуды, некоторые из которых весили более 440 кг.

Большую часть сохранившихся изделий из бронзы составляют самых разнообразных размеров чаши, кубки и котлы причудливых форм, украшенные удивительными орнаментами. Предположительно они были изготовлены для использования в ритуалах жертвоприношений. В бронзе периода Шан просматривается влияние эпохи неолита. Так, обращение к форме треножников демонстрирует связь между художественными традициями эпохи Шан и предшествующих ей культур, характерных для этой области. Во времена династии Шан бронзовые изделия отливали в формах, а само производство было поточным. Так, сначала делали ножки, рукоятки и другие выступающие элементы, а затем их соединяли с основным изделием.

По бронзовым сосудам эпохи династии Шан можно судить о многих особенностях культуры и общественного строя того времени. На сегодняшний день обнаружены тысячи бронзовых изделий, созданных тогда, и по опыту раскопок мы знаем, что в одной могиле может находиться до 200 сосудов. Такое количество свидетельствует о желании элиты Шан посвятить свои немалые богатства ритуальным целям. Объемы производства бронзы демонстрируют организационные способности руководителей периода Шан: требовалось мобилизовать людей и технику для добычи, транспортировки и очистки руды. Еще нужно было руководить производством и обработкой глиняных моделей, стержней и литейных форм, используемых в процессе отливки, а также самим процессом отливки.

Эволюция орнамента бронзовых сосудов Шан позволяет проследить динамику культурных изменений этого периода. Основным украшением всех изделий было изображение звериной маски, или *таоте*, со временем рисунок маски претерпел изменения (см. с. 36–37). Периодически мастера заимствовали новые формы у соседей или же обращались к старым формам, мотивам и перерабатывали их.

Технология обработки бронзы распространилась за пределы управляемой Шан территории, вероятно, даже в области, которые эта династия считала вражескими. В 1986 г. в местечке Саньсиндуй (провинция Сычуань) археологи обнаружили следы культуры, во времена которой также производили бронзу. Расцвет этой культуры совпал с периодом поздней династии Шан, однако для нее характерны иной художественный стиль и иные верования. На месте раскопок были найдены обыкновенные городские земляные стены, но за самими стенами оказались две жертвенные ямы, совершенно не похожие на все ранее известные. В одной содержалось около 300 предметов из золота, бронзы, нефрита и камня, а также 13 слоновьих бивней, около 3 м³ в яме занимали сожженные и переломанные кости животных. Самыми поразительными находками оказались бронзовые

Регионы, находившиеся за пределами политического влияния династии Шан, необязательно были отсталыми, но из-за отсутствия письменных свидетельств мы знаем о них очень мало. Эта необычная бронзовая статуя (2 м в высоту), возведенная на полуметровом постаменте, была найдена археологами в местечке Саньсиндуй (провинция Сычуань). Она лежала в одной из двух ям, наполненных бронзовыми головами, масками, слоновьими бивнями и прочими предметами, демонстрирующими высокий уровень технологического развития культуры, религиозные обряды которой отличались от обрядов династии Шан и начала династии Чжоу

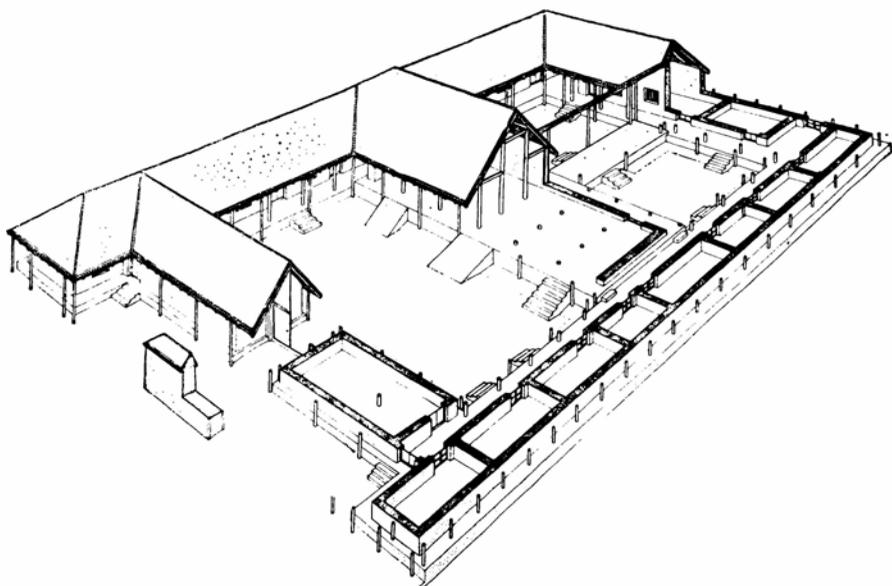
в натуральную величину головы с резкими чертами лица и огромными глазами. В другой яме, в 30 метрах от первой, археологи увидели статую в человеческий рост и 41 бронзовую голову различных размеров, на некоторых из них были золотые маски. Так как большинство предметов оказалось обуглено или разбито, ученые предположили, что на месте этих двух ям проводились грандиозные церемонии жертвоприношений, разделенные между собой одним поколением. В ямах нет останков людей, и это позволяет сделать вывод, что бронзовые головы и статуя замещали собой человеческие жертвы.

Конечно, искусство династии Шан не исчерпывалось производством бронзовых предметов, хотя они и сохранились лучше всего. В гробницах состоятельных людей встречаются искусно обработанные нефритовые изделия, а также множество сохранившихся форм эпохи неолита: *цун*, *би*, ножи и топоры. В это время уже ткали шелк, и в могилах найдены фрагменты превосходных материй. Обнаружены вырезанные из дерева и слоновой кости изделия, некоторые из них инкрустированы бирюзой, иногда со следами лака. Все эти находки позволяют предположить, что и правители династии Шан, и другие знатные семейства жили в роскоши.

ЧЖОУСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Надписи на гадательных костях и результаты раскопок позволяют только догадываться, насколько прямым или жестким был способ управления территориями во времена династии Шан. Государство Шан постоянно находилось в состоянии войны. На западе от него жили свирепые цяны, варварские племена, говорившие на прототибетском языке. Между столицей Шан и территорией цянов находилось пограничное государство Чжоу, которое унаследовало и северо-западные

Остатки земляных фундаментов в Фэнчу в провинции Шаньси позволили археологам восстановить план этого дворца или храма раннечжоуского периода. Размер сооружения составлял 44×32 м, главный зал в центре — 17×6 м. Внутри находились дворы, исполненные в стиле, характерном для более поздней китайской архитектуры

культурные традиции эпохи неолита, и традиции империи Шан. Примерно в 1050 г. до н. э. Чжоу напали на шанцев и победили их в битве.

Раннее Чжоу — это первый период, тексты которого сохранились до наших дней. Считается, что исторические свидетельства, включенные в «Книгу документов» (*Шу цзин*), представляющую собой часть классического конфуцианского произведения, содержат субъективную, принадлежащую Чжоу версию событий того времени. В этих документах завоевание государства Шан чжоусцами представлено как победа справедливых и благородных воинов над двором, пришедшим в упадок под властью распутного и жестокого вана. В то же время чжоусцы видели в государстве Шан центр мира и предпочли возглавить его, а не уничтожить. Переписав историю на новый лад, они как бы узаконили свою власть. Помимо этой книги, до нас дошли сотни надписей, выгравированных на ритуальных бронзовых сосудах. Особенно любопытными оказались упоминания о благодеяниях вана и услуг, за которые эти благодеяния были совершены.

Воцарение династии Чжоу было связано с рядом чрезвычайно важных изменений в религии. Сократилось количество человеческих жертвоприношений, а значит, изменились представления о смерти и загробной жизни. Традиция добровольно следовать за господином в мир иной сохранилась, но в гораздо меньших масштабах. Для предсказаний кости использовались все реже, возникла другая система, описанная в «Книге перемен» (*Ицзин*), заключающаяся в интерпретации произвольных множеств прямых и ломаных линий.

Еще одним важным нововведением стала концепция Неба, которое воспринималось как некая священная духовная сила космоса. И в текстах, и в надписях на сосудах правление Чжоу связывается с волей неба. Ван и его потомки могли править до тех пор, пока они пользовались благосклонностью небес. Если ван не соблюдает священных обязанностей и начнет тиранить свой народ, Небо изъявит недовольство и ниспошлет грозные знамения или даже стихийные бедствия. Если император останется глух к этим предупреждениям, Небо лишит его мандата, наступит хаос в политической и социальной системах, и затем Небо изберет кого-либо более достойного быть правителем. Таким образом, моральные ценности вписывались в концепцию мироздания, а история рассматривалась как отражение воли Неба. Правитель считался посредником между Небом и миром людей, и его добродетель обеспечивала гармонию между двумя сторонами. Таких идей не было в космологии Шан, поэтому вполне возможно, что они появились только с началом правления династии Чжоу и способствовали пропаганде новой власти на бывших территориях государства Шан. Вне зависимости от происхождения, эта доктрина оказалась устойчивой, и в китайской политической космологии она считалась основной вплоть до нового времени.

В ранних текстах за заслуги по образованию стабильного государства прославляются три правителя династии Чжоу. Готовясь к нападению на государство Шан, Вэньван («просвещенный правитель») заключил союз с соседними

Из бронзы изготавливали не только ритуальные предметы, но и более практичные вещи — оружие и доспехи. Этот шлем периода ранней империи Чжоу вместе с другим оружием был найден при раскопках вблизи Пекина. Вероятно, он использовался в военное время

Этот бронзовый ритуальный сосуд с надписью обнаружен в Фуфэн (провинция Шэньси). Надпись из 284 символов была составлена историком Цянем незадолго до 900 г. до н. э. и рассказывает о событиях времен правления шести правителей от Вэн-вана до Му-вана: о кампаниях против «варваров», а также о деяниях предков самого Цяня, служивших императорам

государствами и племенами. Его сын У-ван («воинственный правитель») основал новую столицу, восточнее прежней, после чего его войска разгромили армию Шан и заняли ее столицу. Он уничтожил не всех членов правящей семьи Шан, оставив сына последнего вана в качестве номинального правителя города, чтобы тот продолжал приносить жертвы своим могущественным предкам.

У-ван умер молодым, всего через шесть лет после завоевания, а его брат Чжоу-гун стал регентом при его малолетнем сыне. Чжоу-гун расширил и объединил новые территории, совершив несколько походов на восток. Он подчинил Чжоу всю долину Хуанхэ, при этом, как говорят, разрушил 50 государств. Для управления восточными территориями Чжоу-гун построил новый город на месте современного Лояна (провинция Хэнань), туда он переселил бывшую знать времен правления Шан. Когда молодой ван стал совершеннолетним, князь Чжоу уступил ему власть и стал проявлять к нему чрезвычайную почитательность. Три первых правителя Чжоу стали символическими фигурами, олицетворяющими качества, необходимые лидеру для основания крепкого государства: отвага, великодушие, способность управлять народом с опорой на моральные устои.

Процесс расширения государства Чжоу шел медленно и не всегда успешно (во время похода в современную провинцию Хубэй четвертый ван Чжоу пропал без вести вместе со всей своей армией). Первые правители Чжоу не стремились управлять всеми территориями лично, они посылали родственников и надежных вассалов с войсками, которые на завоеванных территориях возводили окруженные стенами гарнизоны. Там, где это оказывалось невозможным, представителями власти назначались местные правители. Они получали титулы, которые можно было передать по наследству; в их обязанности входили услуги военного характера и выплата дани.

Но не вся власть делегировалась на места. Правители организовали централизованную администрацию, которая обрабатывала письменные документы. На себя они брали содержание армии, войны которой сражалась вместе с присланными из центра наместниками.

Родство и связанные с ним культы влияли на взаимоотношения владетельных князей и отношение к вану. Правитель считался «Сыном Неба» и обладал исключительным правом приносить жертвы богам в своей столице. Во время ритуалов жертвоприношений предкам ему принадлежала основная роль, очень похожая на роль правителей династии Шан. Князья совершали похожие обряды, принося жертвы первым владельцам своих поместий, а также более близким предкам. Браки между родственниками по мужской линии не заключались, поэтому ван и члены его рода брали в жены девушек из других знатных семей. Таким образом, все высшие слои знати были связаны родственными узами. Среди этой знати высоко ценились преданность и доблесть, но не последнее место занимала семейная этика послушания, уважения и солидарности членов семьи.

К 800 г. до н. э. в государстве насчитывалось около 200 больших и малых владений, из которых только 25 были достаточно велики, чтобы иметь какой-то вес. Для совершения ритуалов, а также для выполнения административных или военных обязанностей князь назначал различных служащих. Эти должности и соответствующие им титулы вскоре также стали наследственными. Таким образом, в каждой области существовали семьи аристократов, по наследству передающие должности и землю. Общество отличала строгая иерархичность: от «Сына Неба» — через князей, главных советников, других чиновников, воинов и придворных служащих — до простых крестьян, прикрепленных к земле в качестве крепостных.

И вдоль границ, и в центральной области государства, между наделами, располагались земли не китайских племен, противившихся гегемонии Чжоу. Китайские авторы того времени подразделяли их на четыре этнические группы: *и* жили на месте современного Шаньдун, *мань* — в долине реки Янцзы, *ди* занимали территории вдоль северной границы, а *жуны* заселяли Шэньси. Эти жители окраин вовсе не были отсталыми племенами. На юге, на берегах Янцзы, независимо от Чжоу возникли несколько государств — Чу, У и Юэ. Их правители называли себя императорами, но к концу XIII в. до н. э. признали себя вассалами династии Чжоу.

Искусство чжоусцев значительно отошло от традиций периода Шан. В начале правления Чжоу большие ритуальные бронзовые сосуды производили в тех же огромных количествах и, вероятно, теми же ремесленниками, которые работали еще во времена Шан. Но уже через пару поколений с момента завоевания основной мотив украшения шанских бронзовых изделий — звериная маска, или *таоте*, — практически исчез. Все чаще стали встречаться изображения птиц и простые орнаменты из колосков или прожилок. Укрупненный орнамент, по всей вероятности, наносился на сосуды для того, чтобы во время церемоний публика могла видеть их с большого расстояния. Нередко на поверхности сосудов писали тексты, которые со временем становились все длиннее и длиннее. Поскольку сосуды рассматривались как фамильные ценности, эти тексты содержали размышления о потомках и предках.

Первые образцы древнекитайской поэзии относятся к началу династии Чжоу. Вероятно, многие из 305 стихотворений «Книги песен» (*Шицзин*) произносились нараспев во время важных церемоний при дворе. Одни прославляют подвиги первых правителей Чжоу, другие — торжественность, с которой живые

преподносят пищу своим предкам во время церемоний жертвоприношения. В одной из од отражено глубокое недоверие к участию женщин в государственных делах:

*Мужчина град возвел — умен,
Да женщиной разрушен он!
В жене прекрасной есть, увы,
Коварство злобное совы.
Коль с длинным языком жена,
Все беды к нам влечет она.
Не в небесах источник смут,
А в женщинах причина тут!¹*

Некоторые стихотворения «Книги песен» уходят корнями в народное творчество. Это песни о любви и песни, в которых речь идет о простых тружениках — они расчищают поля, пашут и заботятся о растениях, собирают для шелковичных червей листья тутового дерева, прядут и ткнут полотно. Здесь встречаются жалобы на сборщиков налогов и на трудности военной службы. Вот одна строфа стихотворения о любви:

*Чжуна просила я слово мне дать
К нам не взбираться опять на забор,
Тутов у нас не ломать на позор.
Как я посмею его полюбить?
Страшен мне братьев суровый укор.
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только вот братьев суровых речей
Девушке надо бояться, поверь!²*

Вот еще одна строфа, уже с жалобой:

*Какая трава, не желтея, растет?
Есть день ли такой, чтоб не шли мы в поход,
И есть ли в пределах страны человек,
Свободный от бремени ратных тягот?
Какая трава не бурет в лугах?
Кто вместе с женой, что ему дорога?
О, горе нам, воинам, взятым в поход!
Не люди лишь мы, что идем на врага!³*

Стихотворения, подобные этим, напоминают нам, что не только правителями, воинами, предсказателями и кузнецами были древние китайцы. Большую часть населения и тогда и позднее составляли крестьяне, чья жизнь заключалась в изнурительном труде в полях, к борьбе за выживание и попыткам противостоять поборам власть имущих.

¹ Пер. А. Штукина. Цит. по: Шицзин. Книга песен и гимнов. М.: Худ. лит., 1987. С. 276.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 216.

Основы древнекитайской цивилизации не были уникальными. Повсюду люди учились приручать животных и культивировать растения. У ученых нет оснований считать, что принципы сельского хозяйства были открыты в каком-то конкретном месте, а затем параллельно с миграцией людей или передачей идей распространены по всему миру. Концепции родства и религии, такие как отслеживание происхождения только по мужской линии или принесение в жертву животных и людей богам и предкам, и концепции социального устройства, такие как обращение пленников, взятых во время военных кампаний, в рабов и передача престола сыну или брату, являются общими для всех культур. Эти традиции, скорее, связаны с общей психологией человека, а не с культурными контактами.

Не столь характерен для мировой истории резкий скачок к сложной цивилизации, к идеям и технологиям, позволяющим координировать действия большого населения. Сочетание письменности, металлургии и наличие сильного верховного правителя-жреца имело место лишь в нескольких древних цивилизациях — Месопотамии, Египте, долине Инда, Китае и Мексике. Принято считать, что американская цивилизация зародилась независимо от цивилизаций Азии, а цивилизации Ближнего Востока испытывали взаимное влияние. А что можно сказать о Китае? Самостоятельно ли совершил он этот скачок? Или же знания каких-либо развитых культур Ближнего Востока проникли в Китай через евразийскую степь и спровоцировали подобные преобразования? Связаны ли сходства в социальном, политическом и технологическом развитии государств с однотипным логическим мышлением или же это результат распространения знаний? Многие китайские историки и археологи считают, что чем меньше их предки переняли у других и чем больше изобрели или открыли сами, тем больше чести Китаю. Они указывают на отметки на горшках эпохи неолита как на возможные зачатки системы письменности, опровергая мнение, что идея системы, в которой символ обозначает слово, могла принадлежать неграмотным народам, жившим в степи. Эти исследователи стараются показать, насколько самобытной была китайская технология бронзового литья, дабы заставить сомневаться, что умение производить прочный и ковкий материал из руды могло быть получено тем же путем. И конечно, они пытаются не принимать во внимание большую вероятность, что пшеница, прирученная лошадь, колесница и сложный лук попали сюда из западной Азии.

Эти патриотические усилия представить Китай независимой цивилизацией порождают сомнения в его достоинствах. Если бы древние китайцы, опасаясь за чистоту своей культуры, отказались перенимать полезные идеи других народов, вряд ли мы восхищались бы ими в большей степени. Нет сомнений в том, что китайская цивилизация — не ответвление какой-либо древней культуры Среднего Востока, так как и ее язык, и система письменности, космология и искусство слишком отличны. Но не изоляция и не борьба с влиянием других культур, а комплекс идей, с древних времен лежащий в основе социальных форм, человеческих навыков и технических приемов, сделали Китай одной из величайших цивилизаций мира.

Изображения людей и животных на изделиях из бронзы

В искусстве древнего Среднего Востока, включая Египет, Ассирию и Вавилонию, нередко встречаются изображения, связанные с сельским хозяйством (одомашненные животные и культурные растения) и с социальной иерархией (правители, жрецы, писцы и рабы), они совпадают с нашим видением социального, политического и экономического развития этих обществ. Поэтому преобладание в искусстве империи Шан изображений диких животных остается загадкой.

Зооморфные изображения на бронзовых предметах эпохи Шан довольно разнообразны: от барельефов и горельефов с реалистичными изображениями птиц, змей, крокодилов и оленей до фантастических животных типа драконов, а также схематизированных рисунков *таоте*, лишь отчасти напоминающих животных. Очень редко на изделиях из бронзы можно встретить изображения человека, но и в этом случае они всегда связаны с изображениями животных.

Форма этого ритуального бронзового сосуда эпохи Шан (высота 33 см) довольно причудлива. Мы можем различить туловище медведя (тигра) с открытой пастью, пригоровившегося проглотить человека, однако последнего это, кажется, не беспокоит. Наоборот, он прильнул к зверю, как ребенок к матери. С боков фигура украшена изображениями других животных: оленя, змей, коровы и драконов

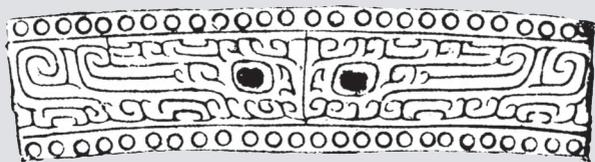

Это бронзовое лезвие топора (33×35,5 см) было обнаружено во время раскопок в Суфутуне (провинция Шаньдун) на пандусе могилы конца эпохи Шан. Топор мог использоваться для принесения в жертву сорока восьми человек, чьи останки найдены здесь же. Вырезанные отверстия напоминают о более распространенном рисунке *таоте*, но в данном случае явно изображено человеческое лицо

Так как во время ритуалов бронзовые сосуды наполняли пищей и напитками, многие эксперты считают, что украшения на них символизируют нечто важное в политической и религиозной космологии Шан. К сожалению, тексты, в которых обсуждается значение изображений, относятся к намного более позднему периоду.

Рассматривая некоторые изображения животных, сразу задумываешься о возможном предназначении каждого из них. Цикаду из нефрита, которую вложили в рот умершему, изображения цикад на бронзовых сосудах легко интерпретировать как образ, связанный с возрождением в царстве духов, поскольку цикады проводят под землей годы, прежде чем выходят на поверхность. Птицы означают посланников, им доступны другие миры, в первую очередь небо.

Больше сложностей возникает с самым примитивным изображением, *таоте*. Одни видят в нем монстра, устрашающее создание, призванное отогнать злые силы. Другие — дракона, животное, чья сила вызывает скорее положительные ассоциации. Существует ряд гипотез: кто-то полагает, что эти изображения копируют использовавшиеся в ритуалах маски, кто-то настаивает, что они связаны выточенными из нефрита в эпоху

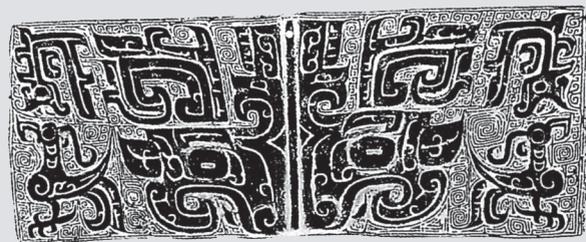
a

б

в

г

д

неолита лицами, найденными в области Лянчжу. Есть и такие, кто склонен видеть в *таоте* зачатки изобразительного искусства. На протяжении всего периода империи Шан рисунок с тонкими линиями и точками видоизменялся и постепенно перешел в реалистичные, очень похожие на животных изображения. Возможно, *таоте* вызывали почтение и трепет, поскольку ассоциировались с правителями Шан и установленным ими порядком, то есть в большей степени являлись эмблемой власти, чем изображением существующих или вымышленных животных.

Ученые, акцентирующие внимание на том, что во времена государства Шан зооморфных изображений создавалось гораздо больше, чем изображений растений, связывают этот факт с поклонением тотему или шаману, с ритуалом приношения животных в жертву. Возможно, поэтому декоративные элементы на церемониальных сосудах содержат намек на поглощение пищи, совершение убийства и на трансформации, происходящие после смерти. Другие исследователи напоминают, что древние племена или кланы считали себя потомками различных животных (тотемов) и поклонялись этим животным или птицам. Шаманизм приводят в доказательство потому, что на бронзовых сосудах эпохи Шан люди иногда изображались в связи с животными. Уже позднее на севере Азии и в Южном Китае шаманы призывали животных на помощь в общении с духами. В такой интерпретации бронзовые изображения людей в пасти чудовищ означают шаманов, в состоянии транса подчинившихся воле животных.

В древние времена Китай не был менее многообразен, чем сейчас, и ни одно из этих предположений не исключает другое. Отличия обнаруженных в разных областях страны рисунков позволяют предположить, что в зависимости от времени и местности сами смыслы этих изображений могли различаться. Так, в конце эпохи Шан мастера Аньяна уделяли рисунку *таоте* гораздо больше внимания, чем, например, художники юга. Зато на юге были широко распространены реалистичные изображения птиц и животных, вероятно, они имели иное значение, чем то, которое вкладывали в них в Аньяне.

Отгиски *таоте* на бронзовых сосудах эпохи Шан. Образцы (a — г) относятся к центральной области империи Шан и расположены в хронологическом порядке. Как видно на примерах (a — г), рисунки постепенно совершенствовались: от простых линий и точек до горельефов, более объемных глаз, рогов и когтей, однако изображения животных не становились абстрактнее. Образец (д) найден западнее, в провинции Сичуань, выделяется на фоне предыдущих и демонстрирует значительные различия в культуре регионов

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ПРИНЦИПОВ

ПЕРИОД ВОСТОЧНОГО ЧЖОУ (770–256 гг. до н. э.)

Интеллектуальные основы китайской цивилизации были заложены во времена Восточной династии Чжоу (770–256 гг. до н. э.). Это было время политической раздробленности и кризиса морали. По названию летописи, в которой были отражены события 772–481 гг. до н. э., его первую половину именуют периодом «Вёсен и осеней». Пока правители Чжоу восседали на троне, их вассалы боролись друг с другом. Они то заключали, то расторгали союзы, обменивались заложниками и иногда брали в руки оружие. Вооруженные конфликты случались все чаще, число жертв увеличивалось, поэтому вторая половина этого этапа вошла в историю как период Воюющих царств (403–221 гг. до н. э.). К тому времени император Чжоу потерял свой авторитет, и шесть крупных государств одно за другим подчинили себе более мелкие.

Жестокость конкуренции между региональными властителями принесла немало горя, однако она стала толчком для социального, технологического и экономического развития государства. Была освоена техника железного литья и чеканки монет, появилась регулярная армия, закрепилось право частной собственности на землю, для общества стала характерна социальная мобильность. Возникли новые идеи управления государством. Советники правителей стали анализировать основные принципы развития человеческого общества и природного уклада, вскоре наиболее мудрые из них задумались о целесообразности установившихся правил и ценностей. Их размышления записывались, и распространение этих трактатов стимулировало новые интеллектуальные дебаты.

ВОЮЮЩИЕ ЦАРСТВА

Децентрализация Западного Чжоу с самого начала таила в себе опасность, что наместники чрезмерно возвысятся и перестанут исполнять приказы вана. Одно поколение сменялось другим, ослабевали узы преданности и родства. В 771 г. до н. э. заговорщиками из числа вассалов и членов племени жунов был убит чжоуский правитель. На трон усадили одного из его сыновей, а столицу перенесли на восток, из долины реки Вэй на место современного Лояна, который расположен к югу от Хуанхэ, в сердце центральных равнин. Чжоу так и не удалось восстановить полный контроль над вассалами, и в Китае начался длительный период без сильной централизованной власти. Во время церемоний чжоуские правители по-прежнему играли роль посредников между земным миром и небесами, но в политическом плане они имели гораздо меньший вес, чем даже некоторые из их вассалов. В 335 г. до н. э. главы владений стали называть себя царями, отказавшись признавать авторитет чжоуского вана. В 256 г. до н. э. его свергли.

Эпоха Восточного Чжоу оказалась жестоким временем, когда в храмах победители подносили своим предкам отрезанные уши побежденных врагов, когда кровь пленников растекалась по церемониальным барабанам, когда ворам отрубали ноги, а правители жили в постоянном страхе за свою жизнь. Вместе с тем это был период укрепления основ дипломатии, которые применялись на практике. В период «Весен и осеней» военные отношения между государствами регулировались кодексом чести и взаимным уважением. Было запрещено нападать на государство, находящееся в трауре по своему правителю, а во время битвы, перед тем как атаковать, следовало дожидаться, пока не выстроится войска противника. Древние китайцы не стирали с лица земли поверженные правящие дома и, вероятно, опасаясь гнева их предков, оставляли в живых хотя бы одного наследника, чтобы тот мог продолжить жертвоприношения.

Иногда случалось, что глава одного царства оказывался лидером союза царств. Самым выдающимся из таких лидеров был Хуань-гун из Ци (685–643 гг. до н. э.). При поддержке талантливого министра Гуань Чжуна он создал экономически развитое царство Ци, в котором чеканилась монета, контролировались цены, а также регулировалось производство соли и железных инструментов. Хуань-гун призвал царства центральных равнин оказать сопротивление экспансии полуварварского царства Чу, располагавшегося в среднем течении Янцзы. Заключив пакт о совместной обороне, он обеспечил защиту от северных племен и даже вынудил Чу подписать мирный договор, предусматривающий выплату дани чжоуским ванам.

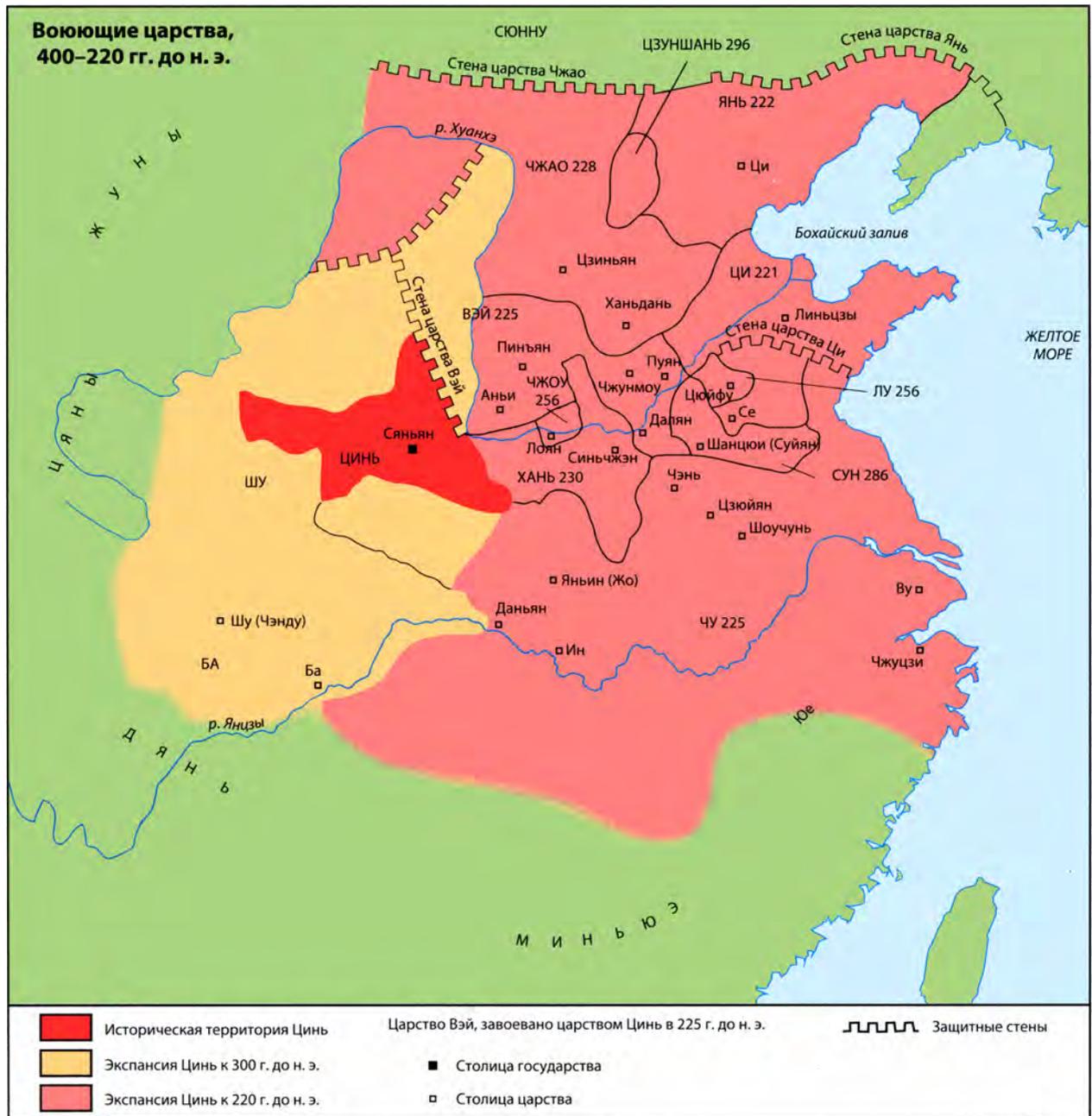
Одним из способов заключения союза между государствами были браки между детьми правителей. Впоследствии это давало преимущество в спорах о наследовании власти в других государствах, а такие споры были нередки из-за внебрачного сожительства.

Правители демонстрировали власть и богатство, собирая большое количество наложниц, и детей они имели от нескольких женщин. По закону наследником, в первую очередь, считался старший сын законной жены, затем более младшие ее сыновья, и только в случае их отсутствия власть переходила сыновьям наложниц. На деле же ван или глава влиятельной семьи при желании мог назвать наследником сына наложницы, поэтому многочисленные сыновья и их матери всеми способами добивались благосклонности правителя, женщины просто не могли оставаться безразличными к таким благам. Споры о наследовании занимают большую часть «Цзо чжуань», летописи Китая этого периода. Сыновья, не названные наследниками, нередко получали поместья или посты в отдаленных регионах. Там они могли накопить силы и поспорить за наследство уже с оружием в руках. Но даже истинно преданные законному наследнику братья на основании сфабрикованных фактов могли быть обвинены в государственной измене. В этом случае им приходилось скрываться от расправы в тех царствах, с правителями которых они имели родственную связь по женской линии. Беженцам всегда были рады помочь, не опасаясь вызвать недовольство в соседних царствах.

Резиденция каждого правителя находилась в городе, обнесенном толстыми земляными стенами, похожими на те, которые строили в северном Китае до воцарения династии Шан. Стены окружали дворцы и храмы предков правителя и других аристократов. Иногда возводили еще и внешнюю стену для защиты

Железные формы конца периода Чжоу предназначались для изготовления железных ножей. В отличие от Европы, где железо ковали, в Китае его с самого начала стали отливать. Бронзовые ритуальные сосуды периода Шан создавали по одному, это настоящие произведения искусства. Изготовление железных инструментов с использованием форм, наоборот, было массовым

В период Воюющих царств уделы раннежоуского периода превратились в независимые государства. Со временем их количество быстро сократилось, так как более сильные захватили земли своих соседей. На севере в 453 г. до н. э. Цинь разгромило Чжао, Вэй и Хань, после чего остались лишь три сильнейших царства: Ци на востоке, Чу на юге и Цинь на западе. Чу ликвидировало Юэ (334 г. до н. э.) и родину Конфуция царство Лу (249 г. до н. э.), а в 221 г. до н. э. Цинь победило все остальные царства

ремесленников, купцов и крестьян, живших за пределами города. В документах, описывающих военные столкновения этого периода, нередко упоминаются случаи осады таких цитаделей. Технология строительства стен постоянно совершенствовалась, поскольку способы атаки и осады городских стен становились все изощреннее. Различным аспектам военного искусства и стратегиям посвящено множество классических трактатов того времени.

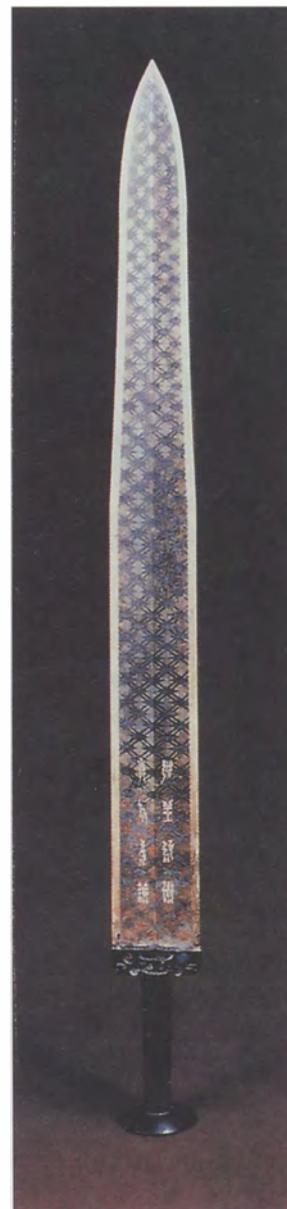
Непрерывные войны стимулировали развитие военной техники и технологии и привели к значительным изменениям социальных взаимоотношений в военное время. С появлением конницы и пехоты отпала необходимость в мчащейся на колесницах аристократии. Заимствованные у живших к северу от исконного Китая кочевых народов кавалерийские приемы были доведены до совершенства. Северное государство Цзинь сформировало свою конную армию сперва для самообороны, а затем уже использовало ее для нападения на другие китайские царства. Приобретение и выпас лошадей стали главными условиями военной готовности и оставались таковыми еще несколько веков. Хорошо обученная пехота, введенная в это время, также была эффективна в сражении против возглавляемого колесницами войска. К 300 г. до н. э. цари отправляли армии, состоящие из сотен тысяч пехотинцев и кавалеристов. С арбалетом — новейшим мощным оружием в руках крестьянин становился воином, способным стрелять дальше, чем всадник из легкого лука. Спусковой крючок арбалета, хитроумный бронзовый механизм, могли создать только искусные мастера.

Победа была за тем, кто смог собрать, вооружить самую крупную армию и привлечь для строительства оборонительных стен большее количество рабочей силы, поэтому амбициозные правители озаботились приростом населения и способами увеличения доходов. Для расширения пахот осушали болота и проводили ирригационные работы. Крепостничество постепенно сошло на нет, так как крестьяне старались вознаграждать за их усилия, кроме того, эта мера позволяла правителям иметь прямой доступ к рабочей силе. Торговлю приветствовали и начали чеканить монеты, которые наряду с рулонами шелка быстро стали единицами обмена.

С введением технологии обработки железа укрепилось экономическое положение государств. К VII в. до н. э. были освоены железорудные месторождения, и за пару веков железо стало широко использоваться в изготовлении орудий труда и оружия. В конце периода Воюющих царств в обиход вошли большие плавильные печи, для работы с каждой из которых привлекалось около 200 человек, а крупные предприниматели заинтересовались торговлей изделиями из железа.

Правители задумались об усилении контроля над народом и землями и стали пробовать новые стили управления. Вместо того чтобы наделять властью представителей потомственной знати, они все чаще поручали дела своим чиновникам. Способ централизованного административного управления давал людям, находящимся на нижней ступеньке старой аристократии, возможность подняться по социальной лестнице. Конкуренция среди чиновников стимулировала продвижение самых способных и исполнительных из них, правители же соревновались за талантливых советников, так что те имели возможность выбора наиболее подходящих условий.

Царства на периферии — Цзинь на севере, Ци на востоке, Чу на юге и Цинь на западе — в борьбе за верховную власть обладали преимуществом, так как могли

Первое упоминание о двусторонних мечах относится к VII в. до н. э. Надпись на этом образце, обнаруженном в Ваншане (провинция Хубэй), свидетельствует о том, что он принадлежал правителю царства Юэ Гоу Цзяню (496–465 гг. до н. э.), известному ценителю мечей

расширяться за пределы Китая. Используя эту возможность, они вновь заинтересовались территориями самого Китая и постепенно подчинили себе небольшие царства центральной равнины. При этом каждый завоеватель объявлялся великим объединителем. К 300 г. до н. э. обозначилось семь крупных царств, и стало ясно, что борьба закончится, когда одно из них уничтожит всех своих противников.

В поисках способов выживания или достижения превосходства правители привечали людей с идеями. Таковыми нередко оказывались члены бывшей знати павших государств, так что и правители, и высокопоставленные чиновники могли собрать вокруг себя множество советников, помощников, учителей, стратегов и писцов из их числа. Совершенствуясь в ораторском искусстве, стратегии и логике, эти люди наперебой советовали правителю, как поступить в той или иной ситуации. Разнообразные учения фиксировались на бумаге, и поскольку вместе с книгой распространялись идеи, рождавшие отклик у последователей и оппонентов, это послужило стимулом для появления философских школ. Данный отрезок времени принято называть периодом «соперничества ста школ», в этой характеристике частично отражен дух неудержимого творчества мысли, который оказался самым ценным наследием конца эпохи Чжоу.

Первые деньги, как и показанные здесь бронзовые монеты периода Чжоу, изготавливались в форме ножей и заступов. Позднее их вытеснили круглые монеты с квадратным отверстием в центре, которые можно было собирать на нитку

Конфуций и ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

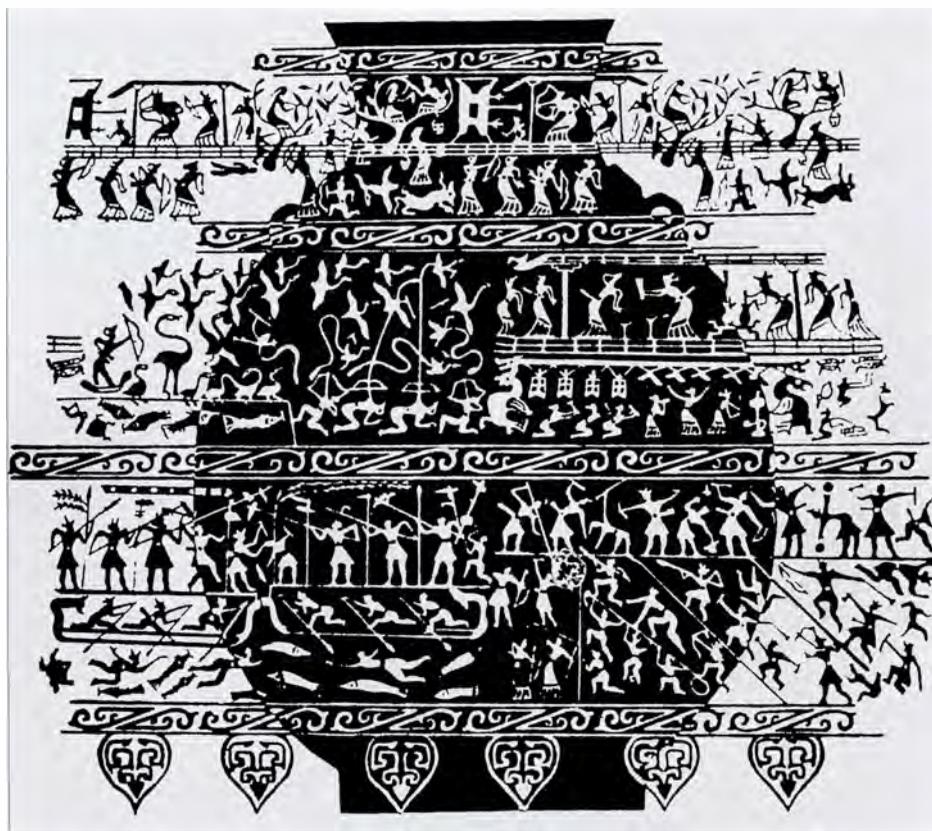
Самым первым из знаменитых советников был Конфуций (551–479 гг. до н. э.). Он родился в Лу, маленьком государстве провинции Шаньдун, находившемся в зависимости от Чжоу. При дворе Лу Конфуций провел несколько лет, но так и не завоевал там авторитета. Затем вместе со своими учениками он отправился в путешествие по соседним царствам в надежде отыскать правителя, который прислушался бы к его советам. В своем странствии Конфуций столкнулся с жадностью, неискренностью, безответственностью, с равнодушием, и это потрясло его. Тогда он решил посвятить себя служению людям, попытаться вдохновить их на хорошие поступки.

Конфуций оказался первым философом Китая, задумавшимся о вопросах морали. Он отмечал связь между этическими нормами и местом человека в обществе, он выступил защитником устоев государства Чжоу, которое в то время было на грани упадка. Как один из «ученых мужей», придворных экспертов, Конфуций помогал правителям совершать обряды и проводить церемонии, такие как приношение жертв предкам и прием дипломатических миссий. Ученые мужи многое знали о Небе и могли дать совет относительно использования календаря, они гадали на костях и толковали результаты, вели записи и ссылались на прецеденты. Раннежозуский период Конфуций представлял себе так: правители и подчиненные, знать и простые люди, родители и дети, мужчины и женщины — все они искренне осознавали предназначенные им роли и посвящали себя исполнению обязанностей перед окружающими их людьми. В его идеальном мире поступки регламентировались определенными правилами, а социальные различия являлись гарантией порядка.

Согласно Конфуцию, намерения и действия, совершенные по отношению к людям, не менее важны, чем действия, обращенные к богам и предкам. Он

придавал большое значение сыновней почтительности, то есть уважению детей к родителям. По Конфуцию, она является отражением как религиозной, так и межличностной морали, поскольку установленные действия должны быть вызваны искренними чувствами. Почтительное отношение к старшим не должно ограничиваться пределами отдельно взятой семьи, так как все общество следует рассматривать как большую семью. Но самой большой добродетелью в глазах Конфуция было такое качество, как *жэнь* («совершенная доброта», «доброжелательность», «человеколюбие», «способность сопереживать», «добросердечность», «великодушие»), в котором заключена искренняя забота о благополучии других. Руководствуясь этим принципом, человек без усилий совершает правильные поступки. *Жэнь* распространяется на всех и, в отличие от сыновней почтительности, не ограничивается рамками иерархии.

Конфуций, несомненно, был неординарным учителем. После того как он обрел репутацию ученого человека, к нему стали обращаться за советами. Многие из тех, кому он помог, остались с ним, чтобы изучать древние традиции. Конфуций продолжал надеяться, что сможет повлиять на правительство, поэтому готовил своих учеников для государственной службы. Он подталкивал их к изучению прославленных традиций, особенно «Книги песен», «Книги документов» и ритуальных текстов. Принято считать, что некоторые из этих текстов Конфуций составил сам.

Инкрустация на бронзовом сосуде для вина периода Воюющих царств. Для искусства конца периода Чжоу характерны изображения охотников, гребцов, сцен сражений или людей, совершающих обряды, занятых сочинением музыки или приготовлением пищи

Сопровождения в загробный мир и человеческие жертвоприношения отошли в прошлое. При погребении их стали заменять статуями, что было одобрено Конфуцием. Эта раскрашенная деревянная фигура женщины была обнаружена в могиле IV–V вв. до н. э. в Чантайгуане (провинция Хэнань)

Идеи Конфуция получили свое развитие благодаря его последователям и их ученикам. Первым вошедшим в историю учеником был Мэн-цзы (прибл. 370–300 гг. до н. э.), который учился вместе с внуком Конфуция. Подражая учителю, Мэн-цзы путешествовал по землям соседних государств и раздавал советы их правителям. Он напоминал им о Мандате Неба, в лицо говорил им, что если те не будут править достаточно хорошо, небеса сделают так, что народ восстанет и свергнет неугодного правителя. Правитель обязан заботиться о том, чтобы люди ели досыта в урожайные годы, и прикладывать все усилия, чтобы избежать голода в неурожай, утверждал Мэн-цзы.

Записки «Мэн-цзы» открывает глава, в которой приводится беседа философа с лянским Хуэй-ваном (370–319 гг. до н. э.). Ван задал вопрос о способах получения выгоды государством. Мэн-цзы в ответ сказал: «Князь! Зачем непременно говорить о пользе. Я буду говорить только о человеколюбии и справедливости. Вы, князь, говорите о том, каким бы образом доставить выгоду своему государству; вельможи скажут: каким бы образом доставить выгоду своему дому; другие чины и народ скажут: каким бы образом доставить пользу себе. В этом случае произойдет между высшими и низшими борьба из-за выгод, и государство очутится в опасности»¹. В последующей беседе Мэн-цзы поведал правителю, что если бы он хорошо обращался со своими подданными, снизил налоги и облегчил наказания, те бы с таким пылом сражались за него, что с одними только заостренными палками в руках победили бы хорошо вооруженных агрессоров Цинь и Чу.

Мэн-цзы беспокоился не только о простом народе, его также заботило положение чиновников. Он считал, что чиновники должны ощущать уважение правителя и получать жалованье, соотносимое с их рангом. По мнению философа, у потомственных министров должно быть преимущество перед теми, кто получил это звание от правителя за заслуги, поскольку министру следует иметь некоторую степень независимости от правителя.

В беседах с учениками и философами он затрагивал не только тему управления государством. Мэн-цзы участвовал в дискуссиях по вопросам этики, например об исходной сущности людей, их врожденного потенциала и путей развития. Мэн-цзы был настроен оптимистично, считая, что добро заключено в самой природе человека. Доказательство этого, по его мнению, можно найти в реакции на страдания других людей: «Вот представим себе, что люди вдруг заметили маленького ребенка, который готов упасть в колодезь. У всех сразу же замрет сердце от страха и сострадания»², и любой инстинктивно протягивает руку помощи, не думая о личной выгоде. Гао-цзы, оппонент Мэн-цзы, утверждал, что «природа человека подобна бурлящему потоку воды: откроешь ему путь на восток — потечет на восток, откроешь ему путь на запад — потечет на запад». Мэн-цзы ответил: «Вода действительно не различает востока и запада. Но разве она не различает, где верх

¹ Пер. П. С. Попова. (См.: Китайский философ Мэн-цзы. М., 1998 (Репринтное издание 1904 г.). С. 1.)

² Пер. с кит. В. С. Колоколова. Мэн-цзы. СПб., 1999. С. 55.

и где низ? Стремление природы человека к добру подобно стремлению воды течь вниз»¹. Подобно тому как заставляют течь вспять воду, бывает, что человека склоняют к плохому, но это нельзя назвать его естественными наклонностями. В другом разговоре Мэн-цзы провел иную параллель с природой: покрытая лесом гора Ню² когда-то была прекрасна, но деревья порубили топорами и секирами, затем на ней стали выпасать коров и овец. «Благодаря этому гора имеет обнаженный вид. Люди, видя ее обнаженную, думают, что на ней никогда не было лесу. Это разве природа горы? Так и с человеком. Хотя бы у него оставалось только то, что составляет человека, — разве возможно допустить, чтобы у него не было чувств человеколюбия и справедливости? То, посредством чего он теряет свое коренное доброе чувство (совесть), — это как бы топоры и секиры по отношению к деревьям... А люди, видя эту оскотинившуюся природу, думают, что она никогда не обладала этой силой (совестью). А разве это человеческое чувство?»³

Книга, содержащая мысли Мэн-цзы («Мэн-цзы»), как и «Лунь юй», представляет собой сборник философских бесед, приведенных без какого-либо специального порядка. Противоречия в его идеях предстоит разрешить читателю.

Учение еще одного влиятельного последователя Конфуция, Сюнь-цзы, или «учителя Сюнь» (прибл. 310–220 гг. до н. э.) дошло до нас в намного более логичной и упорядоченной форме, поскольку трактат «Сюнь-цзы» был написан им самим.

Сюнь-цзы обладал бóльшим политическим опытом, чем Конфуций или Мэн-цзы, и его заботили сложности, с которыми могли столкнуться правители, опиравшиеся на соблюдение обрядов и добродетели. Он развил многие философские идеи, только обозначенные Конфуцием и Мэн-цзы. Конфуций, например, не затрагивал в своих учениях богов, знамения и аномалии, а Сюнь-цзы выдвигал рационалистичный взгляд на Вселенную. Он говорил, что небеса беспристрастны, а судьба человека зависит от действий самого человека. Молитва, обращенная к небесам или к богам, не заставит богов повлиять на земные дела. «Спрашивают: когда возносят молитвы о дожде и он приходит — что это значит? Отвечаю: ничего не значит. Это значит то же самое, когда идет дождь, о приходе которого не просили в молитвах»⁴.

Все же Сюнь-цзы интересовался ритуалами. Он видел в них красоту и рассматривал их как проявление социальной политики. Философ считал, что образованным людям следует поддерживать традицию совершения таких ритуалов, как гадания, перед принятием важных решений и молитвы во время засух. Даже если они осознают, что эти действия не помогут достичь конкретной цели. Он ценил такие традиции, потому что те позволяли мирно выразить чувства, удовлетворить страсти и при этом соблюсти приличия. Подобно тому как музыка влияет на эмоциональное состояние людей, на их сплоченность, обряд и правила этикета провоцируют осознание собственных обязанностей и определяют степень расслоения общества. Отстаивая ритуалы, Сюнь-цзы, вероятно, отвечал на выпады даосов и моистов (см. далее).

¹ Древнекитайская философия. М., 1972. С. 243.

² «Ню» — значит «бык», то есть «бычья гора». — *Примеч. науч. ред.*

³ Пер. П. С. Попова. (См.: Китайский философ Мэн-цзы. М., 1998 (Репринтное издание 1904 г.). С. 200.)

⁴ Древнекитайская философия. Т. 2. С. 172.

«Лунь юй»

Идеи Конфуция дошли до нас благодаря его последователям, записавшим изречения учителя в трактате «Лунь юй» (*Аналекты, или Суждения и беседы*). В этом коротком, свободно организованном тексте приводятся мысли Конфуция не о мире богов или духов, а о мире людей, мире семьи и государства. Его учение было скорее этическим, нежели теоретическим или метафизическим. Конфуций искал подтверждение своих идей на конкретных примерах, без привлечения общих принципов и логики, подобной силлогическим формулам древних греков.

Книга «Лунь юй» стала основой развития социальной, политической мысли, а также развития этической стороны жизни в Китае. Спустя века трактат превратился в культовую книгу, студенты учили ее наизусть. Постепенно фразы из трактата стали крылатыми, их произносили даже неграмотные, не знающие первоисточника крестьяне.

Приведенные ниже цитаты представлены в соответствии с порядком оригинала.

Учитель сказал: «Пока ваш отец жив, надлежит взирать на его волю. Когда ваш отец скончается, надлежит взирать на его поведение при жизни. Не следует ничего менять в Пути отца в течение трех лет. Такое поведение можно назвать почтительностью к родителям» (1.11)¹.

Учитель сказал: «Если управлять народом посредством распоряжений и наводить порядок посредством

наказаний, то народ станет уклоняться от распоряжений и наказаний и утратит стыд. Если же управлять народом посредством силы *дэ* и поддерживать в нем порядок посредством надлежащих норм поведения, то народ сохранит стыд и будет управляем» (2.3).

Учитель сказал: «В пятнадцать лет мои помыслы устремились к учению. В тридцать лет я закончил свое становление. Когда мне исполнилось сорок лет, я освободился от заблуждений. В пятьдесят лет я познал веление Неба [свою судьбу], а в шестьдесят — научился следовать [этому велению]. В семьдесят лет я уже мог прислушиваться к желаниям своего сердца, не нарушая при этом установленных норм» (2.4).

Учитель сказал: «Совершенный муж не является подсобным инструментом» (2.12).

Цзы-гун хотел отменить [обряд] принесения барана в жертву в первый день [каждого] месяца. Учитель сказал: «Сы! Ты жалеешь барана, а я жалею этот ритуал» (3.17).

Учитель сказал: «Совершенный муж осознает свой долг, тогда как низкий человек понимает [только свою] выгоду» (4.16).

Учитель сказал: «Встретив мудреца, думай о том, как сравняться с ним. Встретив неумного человека, иследи себя самого» (4.17).

Учитель сказал: «Служа родителям и [видя, что они не правы], убеждай их с мягкостью. Не изменяй почтительности, когда видишь, что они проявляют упорство, и не ропщи, когда устанешь» (4.18).

Учитель сказал: «Как одряхлел я [духом]! Как давно я во сне не видел Чжоу-гуна!» (7.5).

¹ Здесь и далее цит. по: А. С. Мартынов. Конфуцианство. «Лунь юй». СПб, 2001.

Сюнь-цзы опровергал тезис Мэн-цзы о том, что человеческой натуре присуще человеколюбие, поскольку считал врожденные наклонности человека непредсказуемыми и требующими обуздания образованием. Он разделял то, что заложено в человеке с рождения, и то, что приобретается со временем. «Следуя своей природе, человек стремится поесть досыта, когда он голоден; быть в тепле, когда ему холодно; отдохнуть, когда он устал от тяжелой работы». Многие желательные качества не появляются в человеке от природы, их нужно воспитывать. «То, что сын уступает отцу, младший брат — старшему, и то, что сын работает за отца, а младший брат — за старшего, — эти два вида поведения человека противоречат его природе, идут вразрез с его чувствами. Между тем именно таков путь почитания сыном родителей, именно в этом состоит культурность, рождающаяся из соблюдения норм ритуала и выполнения своего долга»¹.

¹ Древнекитайская философия. Т. 2. С. 202.

Учитель сказал: «Я не принадлежу к тем, кто знает от рождения. Я любил древность и прилежно разыскивал следы ее повсюду» (7.19).

Чжун-гун задал Учителю вопрос о гуманности. Учитель ответил: «Принимая людей, обращай с ними как с дорогими гостями. Относись к людям так, будто участвуешь в большом жертвоприношении. Не делай другим того, чего не желаешь себе. И тогда не будет обиженных ни в государстве, ни в семье» (12.2).

Цзы-гун задал вопрос о целях политического управления. Учитель ответил: «В государстве должно быть достаточно еды и достаточно оружия, а народ должен доверять [правителю]».

Цзы-гун сказал: «Если в трудном положении возникнет необходимость чем-то пожертвовать из этих трех вещей, то что будет стоять на первом месте?» Учитель ответил: «[Следует вначале] пожертвовать оружием».

Цзы-гун [вновь] спросил: «Если в трудном положении возникнет необходимость чем-то пожертвовать из этих двух вещей, то что будет стоять на первом месте?» Учитель ответил: «[Следует вначале] пожертвовать едой. Начиная с древности все мы смертны, но народ без доверия не выстоит» (12.7).

Чжун-гун, будучи главным распорядителем делами в роде Ци, спросил об управлении. Учитель ответил: «Опирайся прежде всего на должностных лиц. Прощай им мелкие проступки и выдвигай мудрых и способных».

Чжун-Гун спросил: «Но как распознать мудрых и способных, чтобы возвысить их?» Учитель сказал: «Выдвигай тех, кого ты знаешь. Если ты кого-то не знаешь [среди мудрых и талантливых], то неужели же ими пренебрегут другие люди?» (13.2)

Обращаясь к Конфуцию, правитель княжества Се сказал: «В моих владениях имеется человек с прямым характером. Когда его отец украл барана, то сын донес на него». Конфуций сказал: «Прямые характером в наших владениях отличны от ваших. Сыновья покрывают проступки отцов, а отцы покрывают проступки сыновей. Вот в чем заключается прямота» (13.8).

Вэйский князь Лин-гун спросил у Конфуция о [правилах] построения войск. Конфуций ответил: «Я постоянно и много занимался ритуальными вопросами, но военные дела я не изучал» (15.1).

Цзы-гун [задал Учителю] вопрос о гуманности. Учитель ответил: «Ремесленник, стремящийся к хорошей работе, вначале непременно точит свои инструменты. Поселившись в каком-либо государстве, следует служить самому мудрому из местных сановников и дружить с самым гуманным из благородных» (15.10).

Учитель сказал: «Совершенный муж мучительно переживает [свою] неспособность, но не переживает отсутствие признательности [со стороны других] людей» (15.19).

Учитель сказал: «Случалось, что я целыми днями не ел и целыми ночами не спал, посвящая их размышлению. Но от этого нет пользы. Лучше — учиться» (15.31).

Конфуций сказал: «Совершенный муж остерегается трех вещей. В ранней юности, когда его жизненные силы еще не установились, он остерегается близости с женщинами. Во взрослом состоянии, когда его жизненные силы уже окрепли, он остерегается стычек. Достигнув старости, когда его жизненные силы стали приходить в упадок, он избегает алчности» (16.7).

Из сотен других учеников Конфуция, живших в конце эпохи Чжоу, Мэн-цзы и Сюнь-цзы — наиболее известны. Некоторые последователи специализировались на ритуалах, другие научились читать древние тексты. Исторически важным оказалось развитие направления, изучающего самосовершенствование. В двух коротких трактатах неизвестного автора — «Великое учение» (*Да сюэ*) и «Срединное и неизменное» (*Чжун юн*) — эти идеи выражены неотразимо и лаконично. Чтобы достичь мира в государстве, следует предварительно изменить людей. Стремясь улучшить членов своей семьи, правитель должен начать с себя; пока в его семье нет порядка, нечего и думать об управлении государством; он может принести людям мир, только если будет правильно ими управлять. Изменить других людей или улучшить мир может только тот, кто изменился сам.

ДАОСИЗМ

Конфуций и его последователи занимали активную позицию. Они считали себя призванными сделать все, что в их силах, и заставить правительство работать на благо людей. Те, кого впоследствии стали называть даосами, придерживались иного принципа. Они отстаивали право на частную жизнь и хотели убедить правителей оставить народ в покое. Стремясь уйти от ежедневных забот, они задумывались о более абстрактных вещах. Даосы не ставили человека в центр Вселенной и беспокоились, что технический прогресс нарушает естественный ход вещей. Они верили в существование Пути (*Дао*), неделимой, не поддающейся описанию нематериальной силы, или энергии, которая является источником всего сущего.

Наши знания о раннем даосизме основаны на двух дошедших до нас книгах: «Лао-цзы» и «Чжуан-цзы». «Лао-цзы», или «Канон пути и его силы» (*Дао дэ цзин*), традиционно приписывается Лао Даню (VI в. до н. э.), но, вероятнее всего, была составлена в III в. до н. э. Этот поэтический шедевр переводят и трактуют совершенно по-разному. Основной является мысль: податливость гораздо лучше агрессии, а молчание предпочтительнее слов. Высшее благо — как вода: «Вода приносит благо и пользу всем существам, ни с кем вражды не зная. Течет она в таких местах, где людям, да и тварям, жить нельзя. Поэтому и близка она Дао-Пути»¹. Вторая по важности концепция — связана с взаимозависимостью противоположностей и переходом одной в другую. «Когда в Поднебесной все узнают, что прекрасно прекрасное, — это уже безобразно. Когда в Поднебесной все узнают, что добро есть добро, — это уже не добро»². В соответствии с этим учением любое целенаправленное действие является непродуктивным, и правителю следует позволить возвращение к естественному состоянию, когда люди были несведущи и счастливы.

Не почитайте мудрецов и ссор не будет меж людьми.

Не цените труднодоступные товары и люди не пойдут разбойничать и грабить.

Не устремляйте взор на вожаков и не смутится ваше сердце.

Вот совершенномудрый управляет так: опустошает поданных сердца, но наполняет животы им, их волю-самочинность ослабляет, взамен их кости укрепляет.

Всегда стремится он, чтоб у народа не было ни знаний, ни желаний, а знающие чтобы действовать не смели.

Творит недеяние он, но нет на свете ничего, не приведенного в порядок»³.

¹ Е. А. Торчинов. Даосизм. «Дао-дэ цзин». СПб., 1999. С. 231.

² Е. А. Торчинов. Указ. соч., с. 227–228.

³ Е. А. Торчинов. Указ. соч., с. 228–229.

Было бы лучше, говорится в «Лао-цзы», если бы люди меньше знали, если бы не использовали свои орудия и отказались от письменности, если бы не уходили далеко от дома и подавили страсть к войне. Тогда они были бы довольны своей жизнью и не завидовали бы соседям.

Другим ключевым трактатом даосизма является «Чжуан-цзы», большая часть которого была, вероятно, написана философом Чжуан Чжоу, или Чжуан-цзы (369–286 гг. до н. э.). Чжуан-цзы разделял многие положения «Лао-цзы», поскольку видел полезное в бесполезном и считал относительным социальное неравенство. Равнодушный к политике, он прославлял свободу духа. Так, в ответ на предложение царя Чу принять из его рук управление государством, философ задал вопрос царскому посланнику, что бы предпочла черепаха, которую три тысячи лет почитали священной: умереть так, чтобы потомки благоговели перед ее костями, или жить, волоча хвост в грязи.

Чжуан-цзы был талантливым писателем с богатым воображением, его трактат полон иносказаний, в него включены описания вымышленных встреч реально существовавших лиц, сюда же вошли восхитительные пародии на Конфуция и его учеников. Лао-цзы заботила человеческая индивидуальность, а Чжуан-цзы был занят поиском места человека во Вселенной, что позволило бы примирить его со смертью. Как мы можем быть уверены в том, что жизнь лучше смерти? Люди боятся неизвестности, но, как пленница, которой суждено стать наложницей правителя, они могут научиться любить то, что их пугало. Так Чжуан-цзы объяснил своему другу, почему после смерти жены он поет, а не рыдает:

«Когда она умерла, мог ли я поначалу не опечалиться? Скорбя, я стал думать о том, чем она была вначале, когда еще не родилась. И не только не родилась, но еще не была телом. И не только не была телом, но не была даже дыханием. Я понял, что она была рассеяна в пустоте безбрежного Хаоса. Хаос превратился — и стало Дыханием. Дыхание превратилось — и стало Телом. Тело превратилось — и она родилась. Теперь настало новое превращение — и она умерла. Все это сменяло друг друга, как чередуются четыре времени года. Человек же схоронен в бездне превращений, словно в покоях огромного дома. Плакать и причитать над ним — значит не понимать судьбы. Вот почему я перестал плакать».

Взгляды Чжуан-цзы на жизнь и смерть определяли и его взгляды на политику. В одной его притче колесный мастер дерзнул убеждать князя в бесполезности книг, поскольку считал их содержимое шелухой душ, оставшихся от давно ушедших людей. Когда князь, угрожая жизни наглеца, потребовал объяснения, колесный мастер сказал:

«Ваш слуга судит об этом по своей работе, — ответил колесник. — Если я работаю без спешки, трудностей у меня не бывает, но колесо получается непрочным. Если я слишком спешу, то мне приходится трудно и колесо не прилаживается. Если же я не спешу, но и не медлю, руки словно сами все делают, а сердце им откликается, я об этом не сумею сказать словами. Тут есть какой-то секрет, и я не могу

передать его даже собственному сыну, да и сын не смог бы перенять его у меня. Вот почему, проработав семь десятков лет и дожив до глубокой старости, я все еще мастерю колеса. Вот и древние люди, должно быть, умерли, не раскрыв своего секрета. Выходит, читаемое государем — это шелуха душ древних мудрецов!»¹

Опытные мастера не анализируют, не обосновывают и даже не запоминают правила, которые они усвоили когда-то; в той или иной ситуации они действуют спонтанно, и этому должны научиться другие. Иными словами, рациональное структурирование каких-либо действий не так привлекало Чжуан-цзы, как само знание, форма понимания, существующая за пределами необходимости сделать выбор.

И Лао-цзы, и Чжуан-цзы считали Дао ключевым понятием. В отличие от последователей Конфуция, употреблявшего его для обозначения этически правильного пути человечества, (Пути мудрецов и истинных правителей), даосы использовали это слово, описывая путь природы, до конца не постижимый, но с которым человек должен достичь гармонии. Конфуцианство, с его основным вниманием к поступкам людей, справедливо считается гуманистической философией. В даосизме человеческое общество — лишь малая часть общей реальности, а чтобы получить свободу и силу, нужно видеть свое продолжение в мире природы.

ЛЕГИЗМ

В IV–III вв. до н. э. шел процесс завоевания малых государств более крупными. Число уцелевших государств сокращалось, и соперничавшие между собой правители стали восприимчивы к идеям политических теоретиков, которые доказывали, что понимают суть государства, предлагая методы усиления контроля над чиновниками и простыми людьми. Эти советники утверждали, что сила власти заключается не в моральных качествах правителя и его приближенных, как уверял Конфуций, а в учреждении эффективных структур. Отправной точкой в этом учении был не образ государства, к которому нужно стремиться, а государство, существующее в данный момент. Этих мыслителей-государственников прозвали легистами из-за их внимания к законам. Будучи стратегами, они не интересовались космологией, эпистемологией или этикой индивидуума и сосредотачивались на поиске выходов государства из критических ситуаций и способов достижения власти.

Первый из двух дошедших до нас длинных трактатов легистов традиционно приписывается Шан Яну (Гунсунь Ян, умер в 338 г. до н. э.), главному министру царства Цинь, наиболее полно воспринявшему учение легистов. В конце периода Воюющих царств в Цинь предприняли ряд мер для усиления государства. Была упразднена аристократия, на смену которой пришла военная элита, в число которой попадал тот, кто срубил в бою больше вражеских голов. Только государство

¹ Чжуан-цзы. Пер. Малявина В. В. М.: Наука, 1985.

определяло ранг и соответствующие ему привилегии. Уделы расформировали, а страну разделили на округа, для управления которыми были назначены чиновники. Чтобы привлечь мигрантов из других государств, новым поселенцам предоставляли участки земли и жилье. Отменили крепостную зависимость, и крестьяне теперь были вольны покупать и продавать землю. Они обрели личную свободу, но попали взамен под прямой контроль со стороны нового государства Цинь. Все семьи должны были объединиться в группы круговой поруки, в которых каждый нес ответственность за преступление, совершенное кем-либо из членов группы. Простые жители имели обязательства перед государством в виде уплаты налогов и трудовых повинностей, они не имели права путешествовать без разрешения; наказание бродяг и преступников заключалось в общественных работах.

В приписываемой ему книге Шан отказывается чтить традиции и убеждает правителя, что перемены лишь укрепят государство. Основатели империй Ся, Шан и Чжоу не боялись нововведений, потому что «мудрый творит законы, а глупый ограничен ими; одаренный изменяет ритуал, а никчемный связан ритуалом»¹. Закон, по его мнению, есть отражение воли правителя, которую следует тщательно записывать и неукоснительно исполнять. Монарх руководит при помощи правил, но сам остается выше закона.

Наиболее полным собранием тезисов легизма является трактат Хань Фэй-цзы (умер в 233 г. до н. э.), ученика конфуцианца Сюнь-цзы. В своих записях Хань Фэй-цзы анализировал ситуации с точки зрения правителя. Основная проблема заключалась в том, чтобы найти того, кому можно доверять, поскольку «когда правитель кому-либо доверяет, он попадает под влияние». Это относится не только к министрам, но и к женам и наложницам, пекущимся об интересах своих сыновей. «Мужчину пятидесяти лет все еще влечет к женщинам, но женщина утрачивает свою привлекательность уже к тридцати. Когда женщина, чья красота увядает, служит мужчине, который все еще полон сил, она будет отвергнута, и ее сын, вероятнее всего, не станет наследником. По этой причине жены правителя, консорты и наложницы могут замыслить его погубить». Учитывая склонность своих подчиненных руководствоваться лишь собственными интересами, правитель не может позволить себе привязаться к кому-либо или быть откровенным с кем-нибудь. Наоборот, он должен держать их в благоговейном неведении относительно своих планов, должен создавать им условия для здоровой конкуренции.

Конфуций полагал, что в основе государственности лежит соблюдение достоинств и обычаев, а Хань Фэй-цзы считал, что в его время это невозможно. Управление должно строиться на методе кнута и пряника, привязанность и поучения здесь не годятся:

Подумай об отношении родителей к детям. Они поздравляют друг друга с рождением сына, но жалуется, когда на свет появляется дочь. Отчего так, ведь и сын и дочь в равной степени являются их отпрысками? А происходит это оттого, что родители рассчитывают на долгосрочную выгоду. Если даже родители настолько прагматичны, чего ждать от тех, с кем не имеешь родственной связи? Когда сегод-

¹ Древнекитайская философия. М., 1973. Т. 2. С. 213.

Музыка

При дворе древнекитайских правителей музыка занимала центральное место. Хозяев и их гостей развлекали музыканты и труппы танцоров. Многие из стихотворений «Книги песен» — это оды и гимны, исполнявшиеся во время церемоний. Древние мудрецы полагали, что музыка обладает великой силой. Конфуций различал несколько типов музыки. Считалось, например, что древний танец Шао несет в себе созидательную силу, помогающую людям достичь гармонии, а вот музыка царства Чжэн была опасной — она вызывала грязные мысли.

Слово «музыка» обозначалось на письме тем же иероглифом, что и слово «развлечение», поэтому Сюнь-цзы связывал их между собой: «Музыка — источник радости, а радость свойственна чувствам человека. Человек не может жить без радости; когда же он радуется — это непременно находит свое выражение в его голосе и проявляется в его поступках»¹.

Сюнь-цзы также отмечал, что музыка влияет на человека, независимо от его социального положения, а значит, исполнение сдержанных и торжественных музыкальных произведений поможет правителю поддерживать в простых людях чувство гармонии и уверенности.

Внимание теоретиков, озабоченных вселенскими проблемами, привлекла численная сторона музыки — они рассуждали о значениях соотношения высоты тона и прочих музыкальных параметров. Будучи естественным явлением, звук воспринимался как пример нормального хода вещей, когда одна сущность сквозь пространство необъяснимо влияет на другую. Между прочим, там, где в классической западной философии применяется «геометрический» словарь, в классической китайской традиции используют словарь «общения».

¹ Сюнь-цзы. О музыке. Цит. по: В. Ф. Феоктистов. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. Исследование и перевод. М., 1976. С. 227.

Археологам удалось обнаружить всего несколько музыкальных инструментов, на которых играли при дворе Чжоу. Были найдены каменные колокола, бронзовые барабаны и струнные, похожие на лютню инструменты, а также бамбуковые флейты и колокольчики, которые звенели от удара с наружной стороны какой-нибудь деревянной палочкой. Самая крупная находка была обнаружена в могиле правителя И (около 433 г. до н. э.), возглавлявшего небольшое царство Цзэн (территория современной провинции Хубэй), которое располагалось к северу от крупного царства Чу. В могиле были

обнаружены 124 музыкальных инструмента, в их числе барабаны, флейты, губные гармошки, свирели, цитры, 32-колокольный литофон и система из 64 колоколов (см. выше). Цитры имеют от 5 до 25 струн и различаются по конструкции; они могли быть изготовлены в разных областях и использоваться для исполнения национальной музыки. В выгравированных на колоколах иероглифах содержится информация о высоте тона и дарственные надписи от правителя Чу. Эти колокола являются доказательством того, что искусство их отливки в те времена достигало высочайшего уровня

няшные ученые дают советы правителям, они в один голос твердят, что следует избавиться от мыслей о выгоде и следовать путем взаимной любви. То есть правитель должен превзойти своих родителей.

Хань Фэй-цзы призывал правителей быть твердыми, но последовательными и сделать так, чтобы законы и запреты были всем понятны, а награды и наказания не зависели от воли чиновников. Чиновников и простых людей это сделает покорными, и «государство станет богатым, а армия сильной. И тогда появится возможность установить господство над другими государствами».

Конфуцианцы сравнивали государство с семьей, а хорошего правителя с хорошим родителем. Понаблюдав за семейной жизнью современников, Хань Фэй-цзы вывел иные заключения: «Мать любит вдвое больше, чем отец, но приказы отца в десять раз действеннее, чем указания матери». Он считал, что взрослый человек разбирается в том, что лучше для него, не лучше младенца.

Если голову ребенка не обрить, его раны не заживут; если нарывы не вскрыть, болезнь будет прогрессировать. Даже если его будут дергать, а обривать голову или вскрывать нарывы будет его любящая мать, ребенок будет кричать без остановки, ведь он не может знать, что эти временные неудобства приведут к серьезному улучшению. Когда правитель принуждает народ возделывать землю и следить за пастбищами, он всего лишь старается повысить производительность труда своих подданных. Но народ считает его жестоким. Правитель устанавливает тяжелые наказания для искоренения преступности, но народ считает, что правитель суров. Он взимает налоги деньгами и зерном, заполняет амбары на случай голода и содержит на собранные средства армию, но народ считает его жадным. Правитель требует, чтобы все жители страны прошли военную подготовку, и заставляет войска яростно сражаться, чтобы одолеть противника, но народ считает его неистовым. Во всех четырех случаях правитель руководствуется соображениями, которые должны привести к миру, но народ не чувствует себя счастливым.

В том, что касается порядка, Хань Фэй-цзы и другие легисты придерживались авторитарной точки зрения. В их учении не было места частным концепциям о правильном и неправильном, поскольку разнообразие концепций влечет за собой ослабление идеи в целом и хаос. Правители принимают закон в интересах государства. Если закон правильно преподносят и решительно проводят в жизнь, он будет побуждать людей делать то, к чему они не имеют склонности, например трудиться в поте лица или сражаться на войне. В результате, на благо всем будет достигнут порядок и предсказуемость. Таким образом, эта система не давала права на существование мнения других людей, кроме правителя, это же относилось к древним привилегиям и традициям. По учению легистов, не было закона выше, чем воля правителя, не было закона, независимого от нее и ограничивавшего правителя, например закон природы или закон богов, как у древних греков.

Шелк

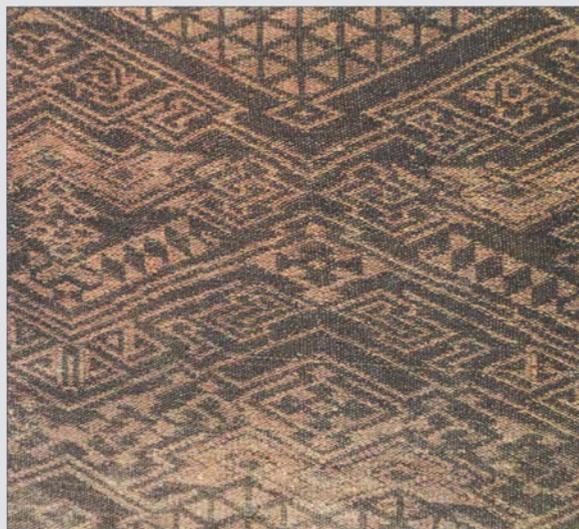
Шелк всегда ассоциировался с Китаем. Уже в конце эпохи Чжоу жители других стран знали Китай как страну, где изготавливался шелк — самая ценная из всех тканей, мягкая, легкая, долговечная, выкрашенная в яркие цвета. Там, где письмо сохранило священное значение, шелк служил вместо бумаги. Он символизировал богатство, поскольку одежду из шелковой ткани носили обеспеченные люди, и целое тысячелетие (со времен Чжоу и до конца династии Тан) рулоны шелка использовались как денежная единица.

Археологические раскопки подтвердили, что еще во времена Шан древние китайцы научились вышивать на однотонных шелковых тканях искусные рисунки. В гробницах конца периода Чжоу, расположенных в центральном Китае (область Чу), обнаружены достаточно большие фрагменты шелковых тканей, свидетельствующих о высочайшем уровне мастеров того времени. Это разноцветные парчовые, с искусной вышивкой ажурные газовые ткани. Здесь изображены человеческие фигуры, животные, драконы, птицы феникс, геометрические орнаменты.

Производство шелка требует выращивания шелковицы и заботы о тутовом шелкопряде, питающемся листьями этого дерева. Шелкопряд не образует коконы по требованию, при его разведении следует строго соблюдать режим и температурный уровень. Например, с момента выведения личинок и до образования коконов его целый месяц нужно кормить каждые не-

сколько часов, днем и ночью. При условии тщательного ухода шелкопряд, наконец, приступает к наматыванию кокона, на это уходит еще несколько дней. Каждый кокон состоит из нити длиной более километра, то есть для производства 450 г шелка требуется свыше 2 тыс. гусениц. Чтобы получить ткань из этих коконов, их кипятят, затем отделяют нити и наматывают на катушки. Затем несколько нитей скручивают в одну, более толстую, и только после этого ее можно красить и ткать.

Шелкопрядением традиционно занимались женщины: они ухаживали за гусеницами, сматывали нить, пряли и ткали, то есть делали все то, что превращает коконы в прекрасные шелковые ткани. Разделение труда отражено в фразе, относящейся к периоду Чжоу, а возможно, к еще более раннему: «Мужчины пашут, а женщины ткут».

Фрагмент трехцветной узорчатой ткани, найденной в могиле IV в. до н. э. в Машане (провинция Хубэй). Ткань довольно плотная: около 330 нитей основы и 100 нитей утка на 2,5 см

Фрагмент ритуального наряда из вышитой шелковой газовой ткани, обнаруженного в той же могиле. В орнамент вплетены драконы, фениксы и тигры. Контур и заполнение цветом выполнены ровными округлыми тамбурными стежками

ДРУГИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ШКОЛЫ

Столь подробное рассмотрение конфуцианства, даосизма и легизма обусловлено их длительным влиянием на китайскую цивилизацию. Но этими учениями интеллектуальная жизнь позднего периода Чжоу не исчерпывается. Помимо уже упомянутых философских течений, развивали свою мысль софисты, которые увлеченно решали логические головоломки, утописты и отшельники, рассуждавшие об удалении от мирской жизни. Были также приверженцы философии земледелия, утверждающие, что кто не работает — тот не ест, и последователи космологии, которые превозносили силы природы. Неудивительно, что ученых привлекали и военные дела. В трактате «Искусство войны», приписываемом Сунь-цзы, современнику Конфуция, речь идет не только о тактике сражений, но и о приемах ведения разведочных операций и иных способах обмануть врага и победить без боя.

Особо следует упомянуть теоретиков *инь* и *ян*. Инь ассоциируется с женским, темным, чувствительным, мягким, негативным и слабым началом. Ян — с противоположными качествами и силами, это мужское начало, яркое, агрессивное, созидательное, позитивное. Взаимодействие этих дополняющих друг друга полюсов рассматривалось как неотъемлемая часть процессов, определяющих естественный порядок. Циклическая смена дня и ночи, зимы и лета обусловлена взаимодействием инь и ян. Нарушение равновесия может изменить этот порядок точно так же, как неправильное питание или недостаток отдыха могут расстроить здоровье человека.

Одним из уникальных учителей, кого нельзя отнести ни к школе Конфуция, ни к даосам или легистам, считается Мо-цзы (стал известен в 420-е гг. до н. э.). Мо-цзы жил чуть позже Конфуция и происходил из более низких слоев общества. Есть основания предполагать, что он был экспертом по созданию осадных лестниц и оружия, как для нападения, так и для обороны. Мо-цзы любил дебаты, и стиль приведения аргументов, к которому он прибегнул в трактате «Мо-цзы», отличается от более ранних текстов. Философ определил свои критерии оценки судопроизводства и других учреждений. Хорошо ли они работали? Служили ли они людям? Руководствовались ли они учениями мудрецов? Отвечали ли их действия общепринятой практике? Говоря о полезности, Мо-цзы имел в виду все население. Он был противником захватнических войн, утверждая, что получение территории не стоит потери жизни. Он призывал покончить с войнами, советовал людям заботиться друг о друге, не разделяя на своих и чужих. Мо-цзы настаивал, что нужно не спорить, а соглашаться со взглядами вышестоящих, особенно правителя, поскольку тот следует воле небес: «Что вышестоящий считает неправильным, все должны считать неправильным».

Мо-цзы оспаривал необходимость ритуальных традиций, таких как соблюдение траура. Он говорил, что раз и защитники и противники длительного траура ссылались на предписания древних мудрецов, единственный способ понять, кто прав — проанализировать реальные последствия этой практики. Философ пришел к заключению, что траур отвлекает от работы и вредит здоровью, истощает

людей и нарушает обороноспособность государства. В отличие от конфуцианцев, например Мэн-цзы, который уважал институт наследования, Мо-цзы призывал способствовать продвижению достойных, талантливых людей, даже если те были крестьянами, ремесленниками или торговцами.

ЦАРСТВА И ЭТНИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

В конце периода Чжоу началось разделение государства на отдельные царства, и возможно поэтому в это время особенно сильное распространение получили идеи, связанные с культурными и этническими особенностями. Другими словами, ослабевание династии Чжоу как политической силы, объединявшей цивилизацию, заставляла людей задумываться, кто с кем заодно и кого можно считать одним из нас.

У каждого более или менее крупного царства сформировался индивидуальный облик, обусловленный особенностями исторических процессов, с характерными чертами отдельно взятых культур. Принадлежность людей к тому или иному царству считалась важной отличительной чертой, и во многих литературных произведениях конца периода Чжоу всегда указывалось, из какого царства происходит тот, о ком в повествовании идет речь. Но верность, преданность и законопослушность не ограничивались пределами царств. Люди нередко переселялись из одного государства в другое, а технические новинки и художественные мотивы быстро распространялись между областями. Чтобы укрепить дипломатические связи, между представителями правящих в различных царствах семейств заключались браки. Нередко оказывалось, что бабка, мать и жена правителя родились в разных государствах.

Идея огромной единой империи уравнивалась осознанием принадлежности к своему царству. Все государство называли «Поднебесной» (*Тянь ся*), или «Срединными царствами» (*Чжунго*). В конце эпохи Чжоу, когда для всех стало очевидным, что ван в действительности не правит, термин «Поднебесная» начали употреблять для обозначения цивилизованного мира, то есть связанных между собой государств и людей. Мэн-цзы говорил, что, когда правитель переменит политику и создаст все условия для деятельности крестьян, купцов и ученых мужей Поднебесной, тогда народ из соседних государств перейдет к нему, и у правителя не останется врагов в Поднебесной, и он сможет править как настоящий император. При этом нельзя сказать, что в Поднебесной торжествовало равноправие, здесь все было сконцентрировано вокруг правителя, Сына Неба. Идея централизованности, на этот раз географической, отражена в термине «Срединные царства». Этим термином называли государства, располагавшиеся вдоль Хуанхэ. Регион занимал центральное положение и в империи Ся, и в империи Шан, и даже во времена Восточной Чжоу здесь устанавливали стандарты, определяющие чужаков.

Критерии, по которому определялись «чужие», со временем изменялись. В категорию «чужих» попадали те, кто селился за пределами Чжоу и не признавал даже номинального владычества чжоуских императоров. Различия между подданными и противниками Чжоу постепенно стали такими же, как и различия

между народами *хуа* или *ся* (теперь их уже можно называть этническими китайцами) и варварами, в числе которых были *и*, *мань*, *ди* и *жуны*, а также огромное количество отдельных племен. Правитель жунов, заключивший союз с государством Цзинь, в 599 г. до н. э. сказал: «Напитки жунов, наша еда, одежда совсем не такие, как у народа *хуа*. Мы не обмениваемся с ними подарками. Мы плохо понимаем языки друг друга».

Концепция «варваров» не имела ничего общего с расовыми предрассудками. Физические особенности людей не считались важным отличительным признаком. Зато в то время существовало довольно тонкое понимание различий в обычаях. Так, Мо-цзы утверждал, что люди считают правильным все то, что совершалось в прошлом, и привел несколько примеров странных верований и обрядов. «Раньше на восток от Юэ лежала страна Шайшу, жители которой расчленили и съедали первого новорожденного сына, говоря, что это их долг перед младшими сыновьями. После смерти деда они бросали бабушку на произвол судьбы, объясняя это тем, что не могут жить с женой призрака». Мо-цзы такие обычаи казались дикими, но он не утверждал и даже не намекал, что это плохие люди. Мэн-цзы также принимал относительность культур. «...Эти дикари Мо не разводят пять разных хлебов, а только одно просо. У них нет ни городов, ни крепостей, ни дворцов, ни домов, ни храмов предков, нет также обрядов поминания и жертвоприношений; нет у них ни владетельных князей, которым нужны шелка и ткани, ни яств для угощений и подарков; у них нет никаких чинов и управляющих. Вот почему им достаточно взимать 1/20 дохода. Ныне мы живем в Срединном владении. Как же мы можем допустить то, чтобы отказаться от правил соподчинения между людьми и обходиться без добропорядочных мужей?»¹ Сюнь-цзы говорил: «Дети, рожденные на юге в Юэ или среди варваров Мо на севере, одинаково кричат при рождении, но по мере того как они взрослеют, им приходится следовать различным обычаям».

Если культура является отражением жизни общества, как полагал Мэн-цзы, или результатом укоренившихся обычаев, как утверждали Мо-цзы и Сюнь-цзы, значит, люди имеют способность впитывать культуру. В учении Конфуция встречается множество высказываний, подтверждающих идею, что и варвары могут стать цивилизованными людьми. Когда кто-то спросил Конфуция, можно ли жить среди варваров, он ответил: «Если бы благородный муж жил среди них, то какая в этом была бы странность?»

Сохранилось множество текстовых и вещественных доказательств процесса расширения китайского мира и присоединения к нему групп, ранее считавшихся варварскими, а также почти варварскими. В начале эпохи Чжоу таковой слыла вся южная часть современного Китая. Государство Чу в долине Янцзы быстро расширялось, оно покорило и вобрало в себя не менее 50 малых государств, его северные границы оказались в опасной близости к сердцу Чжоу, а на востоке им были поглощены старые государства У и Юэ. К этому моменту Чу контролировало территорию, сравнимую по площади с территориями династий Шан или Западной Чжоу периода их расцвета. Насколько огромными были богатства Чу,

¹ Мэн-цзы / Пер. с кит. В. С. Колоколова. СПб., 1999.

можно судить по большому количеству найденных на территории Чу гробниц, датированных концом периода Чжоу. Художники этого государства заимствовали стили севера и обогатили их. Для искусства Чу характерно изображение рогатой цапли, мотива, связанного с определенными религиозными верованиями.

Правящая элита Чу была хорошо знакома как с материальной, так и с духовной культурой Средних царств, а к концу периода Чжоу даже многое привнесла в эту культуру. Например, государство Чу оказалось новатором в сфере административных методов управления и использования пехотной армии. Чжуан-цзы довольно долго пробыл в Чу, и многие ученые видят истоки даосизма в Чу. Фантастические стихи «Песен Чу» (*Чу цы*) и реалистичные стихи «Книги песен» ранней империи Чжоу столь же непохожи, как небо и земля. Автор и героиней самой известной поэмы — Цюй Юань, министр, чья преданность правителю осталась незамеченной, отчего он бросается в реку. Цюй Юань воображает себя бродящим по облакам и смотрящим вниз на землю. В сборнике также присутствуют стихотворения, в которых шаманы ищут расположения неуловимых богов или летают по миру призраков.

Историю Чу можно сравнить с историей гораздо меньшего, находящегося на северо-востоке, государства Чжуншань. Его правители — «*белые ди*» происходили из некитайских кочевых племен, которые в VI в. до н. э. были вынуждены переселиться из Шэньси в Хэбэй, откуда Центральные государства не могли их изгнать. К началу V в. до н. э. ди заручились поддержкой государства Вэй и основали город, около века прослуживший им столицей, пока с севера не пришли войска Янь.

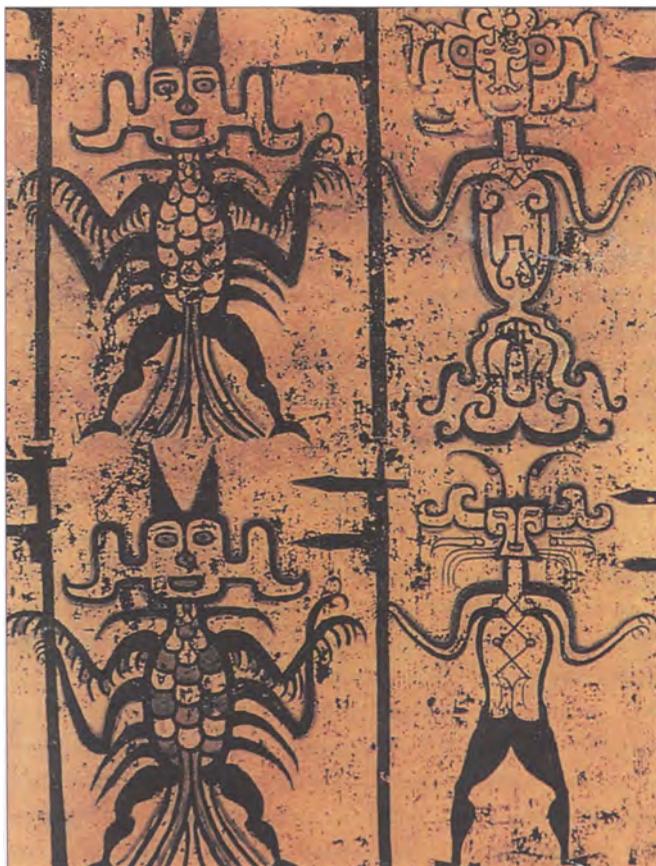
Раскопки двух гробниц правителей Чжуншань показали, что этой культуре свойственно приспособление ко вкусам и духовным ценностям китайцев, среди которых они жили. Одежда обнаруженных в гробницах фигурок скорее характерна для китайцев, а не для жителей севера. Нанесенные на 90 бронзовых сосудов тексты повествуют об исторических событиях на языке Конфуция. В то же время в этих гробницах были найдены предметы, необходимые для жизни в степи, например инструменты для разбивки шатров. Незадолго до падения Чжуншань правитель соседнего государства отправил туда шпиона, дав ему задание оценить ситуацию; вернувшись, тот рассказал, что правитель Чжуншань любил ученье, подданные искали славы, но его солдаты были трусливы.

Идеи, бытовавшие в конце периода Чжоу, возникли в особых географических и временных условиях. Предпочтение даосизма в личной жизни и искреннее стремление конфуцианцев и моистов утвердить моральные устои человечества можно рассматривать как реакцию на жестокость эпохи. Философские школы конца периода Чжоу разделили страну на сферы своего влияния, в зависимости от того, где та или иная школа возникла и где ее последователи находили сторонников. Поскольку идеи этих мыслителей записывались в «книгах» (на свитках из шелка или бамбуковых дощечках), со временем философские школы утратили свою историческую и географическую привязку к определенной местности.

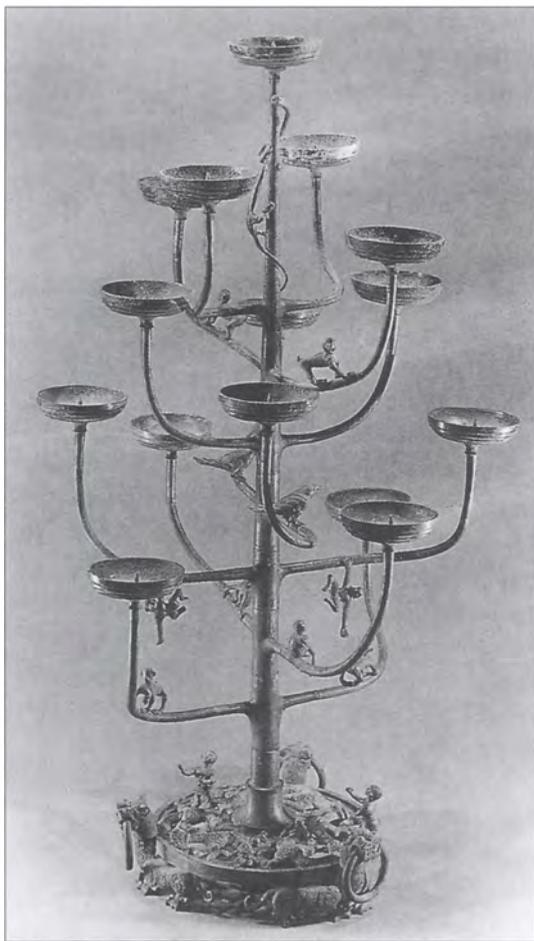
Материализованные таким образом идеи стали играть огромную роль в развитии китайской культуры. До сих пор образование в Китае немислимо без глубокого осмысления древних текстов, начавших появляться как раз в этот период.

Прочитав их, китайцы со временем были способны изменять свой взгляд на мир (доказательством того является торжество буддизма). Конечно, они могли не соглашаться друг с другом в вопросах интерпретации и применения этих знаний на практике, но сложно переоценить значение древних текстов, поскольку они передают общее знание о мире и живущих в нем людях. В первую очередь, «книги» влияли на образованных людей, но по мере распространения образования и общения образованных людей с неграмотными крестьянами основные элементы культурных направлений стали известны в широких кругах. Из всего этого сложилась большая часть того, что позже стали называть «китайской культурой».

Китай был не единственным местом, где в тысячелетии до н. э. сформировались ключевые философские идеи. Интеллектуальный прорыв Упанишад и Будды Шакьямуни в Индии, Сократа, Платона и Аристотеля в Греции, как и прорыв «Ста философских школ» в Китае, явился результатом того, что носители культуры и религии перестали слепо следовать традициям, они отошли от этого, начали оглядываться по сторонам и задавать вопросы, задумались об установившемся порядке. Творческие личности стали предлагать новые взгляды и перспективы. Но теории, выдвигаемые философами разных местностей, довольно сильно различались, а значит, в этих размышлениях заключены были и существенные

Фрагмент росписи гроба правителя царства Цзэн (провинция Хубэй, прил. 433 г. до н. э.). Эти фантастические изображения полулюдей несомненно связаны с ранними религиозными верованиями, распространенными в области Чу. Возможно, они изображают стражей потустороннего мира. Оружие в их руках призвано отразить нападение злых сил

Изготовленная из бронзы масляная лампа, почти 80 см высотой, обнаружена в Пиншане (провинция Хэбэй) в гробнице царя Чжуншань (IV в. до н. э.). Хотя царство Чжуншань и основано народом ди, к IV в. до н. э. в высших кругах его общества ощущалось влияние китайской культуры. Эта лампа с пятнадцатью масленками демонстрирует великолепную технологию литья. Особое внимание привлекают обезьянки, свисающие с ветвей деревьев

различия между цивилизациями. Если сравнить философов конца периода Чжоу с индийскими или греческими мыслителями, их внутренние расхождения не так заметны, но то, что объединяет всех китайских мыслителей, видно и невооруженным глазом.

На уровне космологии основные философские школы Китая имели одинаковые представления о предках и Небе (об этом см. главу 1). Они разделяли общее мнение, что Вселенная возникла сама по себе, то есть в системе китайских верований отсутствовал образ создателя, столь важный для западных религий. Вместо того чтобы интересоваться механизмами, которые приводят предметы в движение (в учениях, утверждающих существование творца, значение этих механизмов велико), мыслители уделяли особое внимание органичным связям между всеми составными частями мироздания, основной упор они делали на взаимоотношениях и взаимодействиях, а не на причинах. Рассматривая Вселенную как нечто неделимое, китайцы старались обозначить свой мир не набором антитез, где одно исключает другое (естественное — сверхъестественное, жизнь — смерть или душа — тело), а наоборот, во всех противоположностях они видели взаимодополняющие полюса: день и ночь, инь и ян, знание и действие. Образу мышления китайцев в большей степени присущи рассуждения о процессах и фазах, чем изучение отдельных предметов.

На социальном и политическом уровнях гипотезы или основные культурные ценности у китайцев и у представителей других великих цивилизаций тоже различаются.

Особенно интересен вопрос об отношении к семье. В отличие от Греции, где личная жизнь и семья оказались на втором месте после общественной жизни полиса, в Китае преданность семье воспринималась как несомненная добродетель. Утопическая идея Лао-цзы вовсе не означает, что индивидуум должен оставить семью, наоборот, она направлена на то, чтобы семьи могли жить и практически не испытывать давления со стороны социальных или политических структур, своим штатом намного превосходящих деревню. Китайские мыслители не сомневались, что семья необходима для общества, и не рассматривали иного общественного уклада, кроме патриархального, который был гарантией наследования по мужской линии. Для многих семья была моделью идеального политического устройства, основанного на центральной роли авторитарного правителя. Он выстраивал иерархию в государстве по принципу, принятому в семье.

В большинстве своем политические взгляды совпадают. Все китайские мыслители этого периода считали, что порядок неким образом регулируется правителями, чья власть основана на космических закономерностях. Владыка мира воплощает в себе политический порядок и наделен властью изменять контролируемое им общество в лучшую или худшую сторону. Законам же ни один из

китайских философов не придавал существенного значения. И конфуцианцы, и легисты, и даосы рассматривали его как нечто необходимое, но не безусловное или неизменное, не как некую данность, существующую независимо от воли правителя.

Еще одно мнение, получившее широкое распространение среди китайских философов и особенно контрастирующее с ранними идеями индийских мыслителей, связано с уверенностью в том, что жизнь в этом мире можно улучшить. Основные философские школы, за исключением легистов, рассматривали начало империи Чжоу или даже время древних правителей Яо, Шуня и Юя как лучший мир. То, что китайцы продолжали жаловаться на пороки своего века, но не сомневались, что истинное благо находится именно в этом, земном мире, лишь подтверждает эту веру в золотое время.

СОЗДАНИЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ИМПЕРИИ

Династии Цинь и Хань (256 г. до н. э. — 220 г. н. э.)

После покорения царством Цинь своих соперников Китай превратился в мощную аграрную империю. Династия Цинь (управлявшая всем Китаем с 221 по 206 г. до н. э.) создала централизованную бюрократическую монархию, характерную практически для всей дальнейшей истории Китая. Во времена династии Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.) данная форма правления закрепились. Параллельно шел процесс расширения географических границ исконного Китая (региона, где среди других этнических групп преобладали китайцы), правители овладевали новыми землями на юге, в число которых входили территории современного Вьетнама. Идеология нового государства складывалась из элементов, заимствованных у легистов, даосов и конфуцианцев, но управляющие государством чиновники все больше и больше склонялись к учению Конфуция, поскольку оно создавало им условия некоторой независимости от трона. Со временем к конфуцианцам примкнули представители местной элиты, члены которой поступали на государственную службу и налаживали контакты с чиновниками, в результате чего правительство Хань попадало под влияние конфуцианства.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ВОКРУГ ЦАРСТВА ЦИНЬ

Цинь, самое западное из царств Чжоу, сложилось на основе удела, первоначально предназначенного для разведения лошадей и защиты государства от варваров. После того как в 770 г. до н. э. правители Чжоу покинули долину реки Вэй и основали новую столицу в Лояне, Цинь расширило свои территории и укрепилось на западе. В начале и середине эпохи Чжоу Цинь казалось диким и отсталым царством, поскольку в нем не было таких развитых городов, как в восточных царствах, а уровень культуры считался недостаточно высоким, сопоставимым с уровнем культур извечных его врагов, племен *жун*, *цян* и *ди*.

В конце периода Чжоу правители Цинь решили прибегнуть к помощи советников, стратегов и дипломатов, пришедших с территорий соперников, и стали нанимать их на службу. В 361 г. до н. э. в Цинь появился Шан Ян, который, руководствуясь учением легистов, вскоре предпринял ряд шагов по укреплению правительственной власти (см. с. 49–53, гл. 2). К III в. до н. э. народ Цинь стал исключительно законопослушным, объемы сельскохозяйственного производства возросли, а прямое налогообложение приносило существенный доход в казну правителя. Путешествуя по Цинь в 264 г. до н. э., последователь Конфуция философ Сюнь-цзы заметил, что люди здесь испытывали благоговейный трепет перед чиновниками, а чиновники были серьезны, чисты и не стремились создавать клики.

Бронзовая гиря высотой 17 см, обнаруженная при раскопках в руинах дворца Цинь в Сяньяне (провинция Шэньси). На ней отлиты имя изготовившего ее мастера и единица измерения веса, свидетельствующая о стандартизации мер в империи Цинь

Правитель Чжэн, которому было суждено объединить Китай, взошел на трон в 247 г. до н. э. в возрасте 9 лет. Поддерживаемый своими министрами Люй Бу-вэем и Ли Сы, он вел государство от одной победы к другой. В последнем десятилетии его правления, с 230 по 221 г. до н. э., Цинь завоевало царства Хань, Чжао, Вэй, Чу, Янь и Ци. В результате Чжэн стал правителем Поднебесной и провозгласил себя «первым императором», то есть *Ши-хуанди*. Термин *хуанди*, что значит «император», образован двумя словами — «священный» и «император», до сих пор эти слова использовались для обозначения легендарных мудрецов-правителей, живших в далеком прошлом Китая.

Более поздние китайские историки не только не превозносили Цинь Ши-хуанди как одного из величайших завоевателей всех времен (как, вероятно, поступили бы греческие или римские историки), а наоборот, осуждали его за жестокость, деспотизм, подозрительность и манию величия. Первый император стремился к объединению Китая и намеревался превратить его в единое государство. Использование местных денег, мер и весов или письменных знаков рассматривались как государственная измена. Царства и привилегии их знати были ликвидированы, страну поделили на 36 областей, состоявших из уездов. Этими новыми образованиями управляли чиновники, их деятельность регламентировалась огромным количеством инструкций, требований отчетов и штрафов за нарушение предписаний. Чтобы пресечь возможность организованного мятежа, населению было запрещено иметь оружие, а сотни тысяч знатных или богатых семей из завоеванных государств были насильственно переселены в столицу Сяньян, недалеко от Сианя (провинция Шэньси). В результате столь жестких мер Китай лишился значительной части своего культурного наследия и утратил многие традиции.

Цинь Ши-хуанди не терпел критики действий правительства, он доверил его членам контроль над распространением знаний в империи. Учителями могли быть только чиновники, а само образование предназначалось лишь для будущих чиновников. Как только советник Ли Сы пожаловался, что ученые изучают литературные труды прошлых лет, осуждают политику императора и тем самым подрывают его авторитет, все письменные произведения, за исключением трактатов по сельскому хозяйству, медицине и гаданию, были собраны и сожжены. Расправились и с непокорными учеными: согласно преданию, 460 из них были заживо закопаны в общей могиле для назидания остальным, дабы не повторялись случаи неповиновения.

С простыми людьми тоже поступали сурово. Поощрялось доноительство, после вынесения приговора правонарушителей жестоко наказывали: либо казнили, либо отправляли на изнуряющую работу или же наносили увечье (разрезали щеку до носа или отсекали левую ступню). Даже абсолютно законопослушные люди были вынуждены нести тяжкую трудовую повинность. Мобилизованные и провинившиеся отправлялись сооружать дворцы, дороги, каналы, императорские гробницы и военные укрепления. В 212 г. до н. э. несколько сот тысяч человек были брошены на строительство огромного нового дворцового комплекса. Еще большому количеству людей предстояло начать возведение Великой стены. Раньше государства выстраивали вдоль своих границ земляные валы. При Цинь были разрушены те из них, которые разделяли уже не существующие государства, и объединены стены вдоль северной границы для защиты от набегов кочевников.

Достижения первого циньского императора объясняются его стремлением лично контролировать каждый шаг в управлении империей. Каждый день он должен был прочитывать определенное количество документов и отдавать распоряжения, император не отдыхал, пока не завершал всю бумажную работу. Он неоднократно совершал поездки по стране, инспектируя свои новые владения и наводя ужас на подданных. В священных местах он устанавливал таблички с перечнями своих деяний. В одной из них сообщалось, что его владения настолько расширились во всех направлениях, что «каждый из ныне живущих признает владычество империи».

После трех покушений Цинь Ши-хуанди направил всю свою энергию на поиски секретов победы над смертью. Он снарядил морскую экспедицию, которая должна была найти Пэнлай, мифическую землю бессмертия. Исторические свидетельства об огромных суммах, затраченных на тайное сооружение его гробницы, и невероятном количестве привлеченной рабочей силы подтвердились во время археологических раскопок. В трех ямах, которые были обнаружены почти в километре от еще не обследованной гробницы императора, на защиту своего повелителя выстроились тысячи терракотовых фигур вооруженных солдат и лошадей, вылепленных в натуральную величину.

(Слева) Терракотовая армия обнаружена в трех огромных ямах, вырытых почти в километре от гробницы первого императора Цинь недалеко от Сианя (провинция Шэньси). Масштабы этого захоронения указывают как на мощь военной машины Цинь, так и на заботу императора о достойной загробной жизни. Изначально раскрашенные 12 или 13 яркими цветами, эти фигуры в натуральную величину были собраны из взаимозаменяемых лепных деталей, но закончены вручную, поэтому невозможно найти двоих одинаковых солдат. Для большего реализма их снарядили настоящими колесницами и бронзовым оружием

ГОСУДАРСТВО ХАНЬ

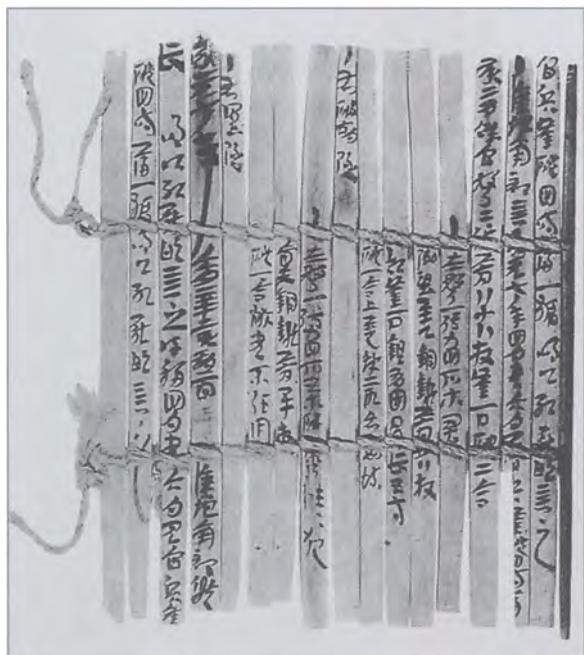
Административные учреждения империи Цинь поддерживали единоличную власть монарха, в результате стабильность государства оказалась в прямой зависимости от силы и характера восседавшего на троне человека. Поэтому после

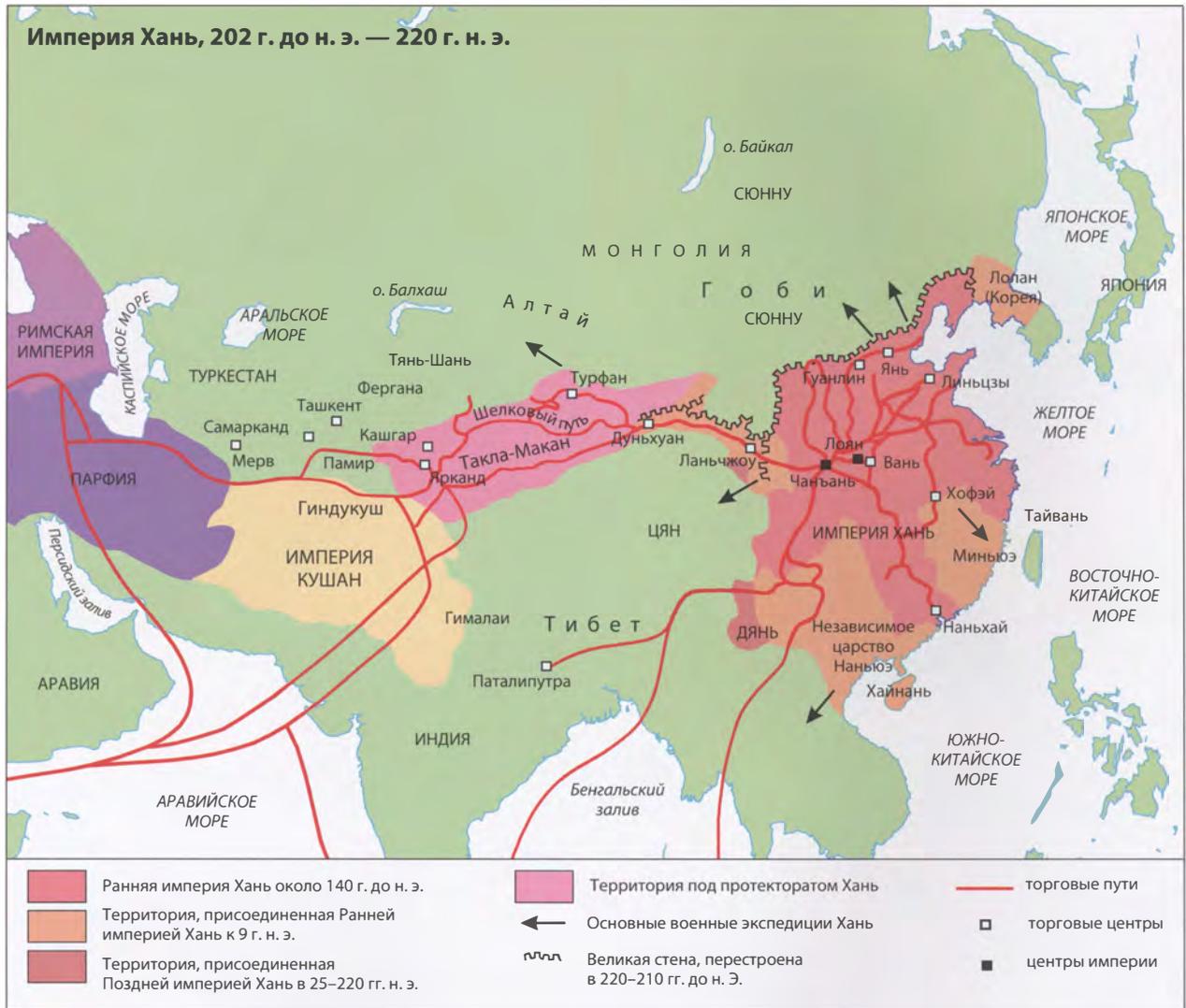
смерти Ши-хуанди в 210 г. до н. э. империя распалась. Законного наследника очень скоро убил его младший брат, после чего начались восстания. В 209 г. до н. э. группа мобилизованных для охраны границы крестьян из-за дождя опоздала на службу, верной смерти, которая грозила им за опоздание, крестьяне предпочли положение вне закона. К их удивлению, вскоре к ним присоединились тысячи желавших избежать тяжкого бремени трудовой повинности или военной службы. Подобные восстания вспыхивали по всей стране. В 208 г. до н. э. второй император убил министра Ли Сы, в 207 г. до н. э. он сам был убит новым министром, с которым, в свою очередь, покончил наследник, им же на престол возведенный. Тем временем генералы империи Цинь бежали, а бывшая знать царств эпохи позднего Чжоу подняла свои армии. В конце концов победителем оказался Лю Бан, известный также как Гао-цзу (202–195 г. до н. э.). Это был человек скромного происхождения, во времена Цинь занимавший невысокую должность начальника почтовой станции. В 206 г. до н. э. он объявил себя императором Хань, а в 202 г. до н. э. дал отпор своему основному сопернику, выдающемуся, происходившему из аристократических кругов генералу Сян Юю. Гао-цзу перенес столицу в Чанъань, что в нескольких километрах от дотла сожженной повстанцами столицы Цинь.

После падения империи Цинь многие говорили о прямой связи между централизацией и тиранией, считая, что правительству Хань следует разделить империю на области, как это было в начале эпохи Чжоу. В результате Гао-цзу стал наделять большими землями своих старых товарищей, что повлекло за собой обособление вассальных государств. Вскоре император осознал свою ошибку — рассредоточение власти представляло немалую угрозу. Перед правительством Хань стояла задача развития такой формы централизованной власти, которая могла быть гарантией порядка и стабильности без применения жестокости, в которой сочетались бы основные китайские ценности: военная мощь (*ю*) и гражданское управление, основанное на морали (*вэнь*).

Династия Хань сохранила основное оружие против старой аристократии, использовавшееся империей Цинь. Этим оружием было прямое управление областями и назначение чиновников за заслуги, а не по праву рождения. При необходимости их с этих постов снимали и переводили на другие должности, иногда подвергали дисциплинарным взысканиям. Главы областей и уездов эпохи Хань имели множество обязанностей и обладали большой властью: они вели судебные процессы, собирали и отправляли налоги в столицу, проводили одобренные государством религиозные церемонии, командовали войсками, принимали решения относительно времени проведения и вида общественных работ (например, для защиты от наводнений), контролировали экономику области, образование, а также подыскивали подчиненных среди местного населения.

Бюрократические правительства времен Хань производили огромное количество документов на деревянных и бамбуковых рейках. Гигантские скопления таких документов обнаружены в руинах гарнизонов, располагавшихся вдоль северо-западной границы. Например, опись инвентаря двух пехотных подразделений (на фото) была найдена в Цзюйяне (провинция Ганьсу), документ датирован 95 г. н. э.

Наиболее удачливые из удельных правителей призывались ко двору и становились во главе министерства или советниками императора.

Ключевой фигурой в укреплении государственного аппарата Хань стал У-ди (141–87 гг. до н. э.). Взойдя на престол энергичным 15-летним юношей, он сразу ограничил власть князей и других землевладельцев, под разными предлогами конфисковал поместья более чем у половины из них. Молодой император объявил, что уделы после смерти владельца должны делиться между всеми его наследниками, это должно было привести к дроблению вотчин с каждым новым поколением на все более и более мелкие части. Он ограничил власть богатых торговцев, установил государственную монополию и налогообложение коммерческой деятельности, что регулярно пополняло имперскую казну. Отвергая принятую ранее мирную политику (см. ниже), У-ди был чрезвычайно агрессивно настроен по отношению к другим государствам. Деятельность этого

Династия Хань претендовала на обширные области от Кореи на востоке до Центральной Азии на западе и Вьетнама на юге. Как только были заложены гарнизоны, за ними быстро последовали торговцы, ускорившие распространение материальной культуры китайцев

Позолоченная бронзовая фигурка служанки с масляной лампой в руках высотой около 48 см. Обнаружена в Маньчэне (провинция Хэбэй) при раскопках на месте гробницы Доу Вань, жены одного из братьев императора У. Конструкция этой изящной лампы позволяет регулировать направление и яркость света, а ее корпус не пропускает дым наружу. Это один из 3 тыс. предметов из бронзы, железа, золота, серебра, нефрита, керамики и шелка, найденных в этой огромной гробнице, свидетельствующих о роскоши и утонченности дворцовой жизни

потомок императора. Мужчин императорской фамилии — братьев и сыновей императора — регулярно высылали в принадлежащие им поместья, за пределы столицы, что позволяло успешно удерживать их вдали от большой политики. Однако эта практика не касалась мужчин, приходившихся родственниками женам и матерям императоров, зачастую они даже становились влиятельными фигурами при дворе. После смерти Гао-цзу власть захватила его решительная вдова, императрица Люй, которая руководствовалась исключительно интересами своей семьи. После смерти императрицы, наступившей спустя 15 лет, ее родственники были казнены.

Столетием позже к власти пришел Ван Ман, родственник императрицы Ван (ум. в 13 г. н. э.). В течение 40 лет эта женщина играла заметную роль при дворе: сперва как вдова одного императора, позже как мать другого, а затем как бабка третьего. Успев побыть регентом при двоих несовершеннолетних императорах, в 9 г. н. э. Ван Ман согласился взойти на трон и положил начало династии Синь, или «Новой» династии.

Несмотря на то что позднее историки обвинили его в узурпации власти, это был истинный конфуцианец, который от всего сердца желал реализовать описанные в классической литературе политические программы. Он переименовал учреждения, передал леса и болота в государственную собственность, построил залы для проведения ритуалов, восстановил общественные зернохранилища и урезал расходы двора. И все же политика Ван Мана, особенно неустойчивое

правителя оставила след и в культуре: он ввел величественные ритуалы, столь же грандиозные, насколько грандиозной была империя, которой он правил. У-ди привлек ко двору лучших писателей и ученых и тем самым свел на нет все возможности конкуренции со стороны других культурных центров.

У-ди и другие императоры Хань, как и императоры Цинь до них, считали себя выше закона и по сути были диктаторами с практически неограниченной властью. Не на постулаты легизма, заключавшиеся в перечне правил и процедур, опирался У-ди, управляя чиновниками. Он и другие правители Хань руководствовались идеями Конфуция, полагая, что правителю гораздо проще достичь своих целей, если его взаимоотношения с подчиненными базируются на моральных ценностях, преданности и ответственности. Чтобы установить именно такие отношения со своими подданными, У-ди стал вводить конфуцианское образование (см. ниже).

Проблема, которую все-таки не сумел решить У-ди, касалась случаев, когда престолонаследником оказывался малолетний или слабый

положение государственной валюты и национализация золота, привела к экономическому кризису. В дополнение к этому в 11 г. н. э. Хуанхэ изменила свое русло, повернув к югу от полуострова Шаньдун, и затопила огромные территории, лишив крова миллионы крестьян. Вскоре к противникам Ван Мана присоединились лишившиеся земли голодные крестьяне, пострадавшие от экспроприации землевладельцы, считавшие его узурпатором ученые-конфуцианцы, а также члены императорского семейства Лю. В итоге победил член императорского клана Лю Сю (Гуан У-ди¹, 25–57 гг. н. э.), чья семья в течение ряда поколений вела жизнь, характерную не для знати, а для зажиточных землевладельцев. С самого начала он сделал столицей город Лоян, расположенный на востоке равнины. Период после Ван Мана условно называется Поздней, или Восточной, империей Хань (25–220), период до него — Ранней, или Западной, империей Хань (206 г. до н. э. — 9 г. н. э.); восток и запад здесь обозначают местонахождение столицы.

СТЕПЬ И ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Успех бюрократической формы правления сказался на военном деле: с начала III в. до н. э. северный Китай должен был отражать набеги степных народов, поэтому нуждался в способном руководить многочисленными хорошо обученными войсками правительстве.

Задолго до эпохи Хань контакты Китая с внешним миром сводились либо к торговым отношениям, либо к военным конфликтам. Качество шелка и лакированных изделий, производимых в империи, было значительно выше, чем у соседей, что определяло спрос на эти продукты. Некоторые государства предлагали в обмен дерево, лошадей, овец и коров. Альтернативой торговым отношениям были набеги: группы людей некитайского происхождения обнаружили, что все им необходимое они могут получить силой. Случалось, что к тому же способу прибегали племена, однажды наладившие торговые отношения. Обращение к такой практике могло быть связано с расторгжением этих отношений или с тем, что, например, в результате сильнейшей засухи племя могло оказаться в безвыходном положении. Проблема противостояния некитайским народам существовала еще со времен династии Шан, но поскольку в засушливых степях к северу от исконного Китая возросла численность кочевников, к середине эпохи Чжоу эта проблема чрезвычайно обострилась.

Степь Внутренней Азии представляла собой обширный регион с лугами, горами и пустынями, она позволяла прокормиться небольшому количеству людей. На лучших лугах, которые располагались на территории современной Монголии, количества выпадающих осадков было недостаточно для выращивания зерна, но вполне хватало для выпаса животных. Жившие рядом с Китаем степные кочевники выращивали овец, коз, верблюдов и лошадей, летом они переносили

¹ Гао-цзу, Гуан У-ди и др. — это не совсем те имена, под которыми императоры правили, а «посмертные имена», под которыми они упоминаются в исторических трудах. — *Примеч. науч. ред.*

Сыма Цянь и «Исторические записки»

Китайцы судят о своем прошлом и таким образом о самих себе во многом по книге, написанной во времена династии Хань, «Историческим запискам» (*Ши цзи*) Сыма Цяня (145 — ок. 85 г. до н. э.). До того как завершить свой исторический труд, Сыма Цянь совершил политическую ошибку, защитив генерала, сдавшегося племени *сюнну*. Перед лицом выбора — умереть или стать дворцовым евнухом — он предпочел унижение и рабство. В письме другу Сыма Цянь сознался, что выбрал позорную жизнь, «поскольку в моем сердце осталось кое-что, что я не успел еще выразить до конца».

В результате получилась монументальная работа из 130 глав, в которых прошлое рассматривается с различных точек зрения: последовательное повествование об исторических событиях, тематические описания основных учреждений и биографии известных личностей. Рассказ об исторических событиях начинается с Желтого императора, затем упоминаются династии Ся, Шан и Чжоу, и так до У-ди, современника Сыма Цяня. Далее приведены хронологические таблицы с генеалогическими данными и информацией о государственных постах. Затем следуют монографии, посвященные представляющим интерес для правительства предметам, таким как государственные ритуалы, календарь, возведение ирригационных сооружений и государ-

ственные финансы. Тридцать глав отведены рассказу о правящих домах царств периода Чжоу с подробными последовательными характеристиками правителей. Эти главы дополнены еще семьюдесятью, о других видных личностях, не только великих чиновниках и генералах, но и не связанных с управлением людей, известных и неизвестных. Среди них философы, поэты, торговцы, колдуны, мятежники и убийцы. Сыма Цянь затрагивает историю народов, даже не принадлежавших империи Хань, а живших вдоль ее границ.

Понесенное писателем наказание не заставило его приукрашивать власть имущих; между прочим, он предоставил достаточно свидетельств легковерия и политических ошибок У-ди. Если Сыма Цянь и занимал чью-то сторону, то это были те, чья смелость, отвага и преданность остались незамеченными при их жизни. Сыма Цянь видел свой исторический труд объективным и основанным на фактах, он пытался отделить свое личное мнение от повествования. Если писатель располагал документами, он цитировал их, если же они отсутствовали — сочинял речи и диалоги, которые, на его взгляд, соответствовали характерам и ситуациям. Так, например, он изложил беседу первого императора Хань, Гао-цзу (Лю Бана) и его первого советника Сяо Хэ, состоявшуюся на восьмой год его правления:

стоянки на север, зимой — на юг. Их умение держаться в седле, охотиться и выпускать стрелы на полном скаку делало кочевников опасными врагами. Степные народы обычно жили племенами, в которых семьи и кланы подчинялись вождям, избравшимся из числа самых отважных воинов. При объединении достаточного числа семей эта структура могла использоваться для проведения успешных военных кампаний. Различия в образе жизни крестьян и пастухов привели к серьезным расхождениям в их системе социальных ценностей. Большую часть имперского периода китайские крестьяне считали наездников-пастухов безжалостными разбойниками, предпочитавшими работе грабеж. Кочевники же гордились своей военной силой и с презрением смотрели на крестьян, слабых, неспособных постоять за себя людей.

Первая великая конфедерация кочевых племен во Внутренней Азии была образована *сюнну* в конце III в. до н. э. В 213 г. до н. э. первый император династии Цинь направил против них войско из 100 тыс. человек, дополнительным средством защиты выступала Великая стена. Первые императоры династии Хань пытались проводить мирную политику: щедро одаривали вождей *сюнну* шелком, рисом, деньгами и даже отдавали им в жены принцесс. Однако многие опасались, что в результате враг просто становился сильнее. И действительно,

Первый советник Сяо Хэ стал строить дворец Вэйянгун¹ по своим планам, воздвигнув восточные и северные ворота, передний дворцовый зал, оружейные склады и огромные кладовые. Когда Гао-цзу возвратился [из похода] и увидел грандиозные дворцы и арки ворот, он рассердился и сказал Сяо Хэ: «Поднебесная еще продолжает бурлить, много лет подряд идут тяжелые войны, на чьей стороне будет победа или поражение, еще неизвестно, как же можно строить столь огромные дворцы и палаты!» Сяо Хэ ответил: «Именно потому, что Поднебесная еще не успокоена, следует, не откладывая, построить дворцы и палаты. К тому же все земли среди четырех морей являются домом Сына Неба, а без величественных и роскошных зданий, как показать свое могущество и влияние? Кроме того, не следует предоставлять вашим потомкам возможность создать нечто, еще более величественное». Гао-цзу обрадовался².

«Исторические записки» оказались настолько выдающимся произведением, что стали образцом для придворных историков, работавших над описанием

деяний следующих династий. Сложный составной стиль повествования (рассказы об исторических событиях дополняются монографиями и биографиями) стал стандартным. Не менее важно и то, что написавший так хорошо и так много Сыма Цянь серьезно повлиял на представление китайцев о государстве, о личных достижениях и даже о природе Китая. Например, государство слишком сложно, чтобы ограничиваться рассказами об одних только правителях, в истории учреждений тоже много интересного, они изложены с привлечением специальных терминов. В способе составления биографий отражалось видение индивидуума Сыма Цянем. Он отбирал случаи, демонстрировавшие постоянство черт характера определенного человека, и то, насколько хорошо этот человек исполнял свою роль, не так важно было, насколько он преуспел в личном развитии.

Описания варваров, принадлежащие Сыма Цяню, косвенно помогли получить представление о китайцах. Образ «другого» сложился у Сыма Цяня, очевидно, в связи с племенем *сюнну*. Все у них казалось противоположным китайскому: письменность отсутствовала, фамилии не использовались, старших в этом племени не чтили, они не строили города и постоянные жилища, сельского хозяйства тоже не было. Где *сюнну* преуспели, так это в искусстве войны — все их мужчины ездили верхом, метко стреляли и устраивали набеги без малейших колебаний: «Когда они видят врага, у которого есть чем поживиться, они налетают, как стая птиц».

¹ Дворец Бесконечного. — *Примеч. науч. ред.*

² Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2 / Пер. с кит. и комм. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. М., 1975. С. 192.

в 166 г. до н. э. 140 тыс. всадников вторглись вглубь китайской территории и оказались менее чем в 160 км от столицы.

У-ди перешел в наступление. В 133 г. до н. э. он отправил на территорию *сюнну* 300 тыс. солдат. В последующих походах в 124, 123 и 119 гг. до н. э. было задействовано свыше 100 тыс. человек. Эти кампании оказались невообразимо затратными, они потребовали налаживания путей снабжения войск и повлекли за собой большие потери людей и животных. Однако в результате китайцы захватили земли севернее и западнее столицы, таким образом отрезав *сюнну* от территории покоренных ими прототибетских племен *цянов*. Ганьсу было разбито на четыре области, и на колонизацию этого северо-западного региона было отправлено более миллиона людей. В это же время У-ди послал войска в северную Корею для завоевания там областей, откуда можно было контролировать *сюнну* с востока.

В поиске союзников и пополняя армии лошадьми, У-ди не обошел своим вниманием и Центральную Азию. В 139 г. до н. э. он послал одного из своих чиновников, Чжан Цяня, на запад, чтобы тот нашел союзников для борьбы с *сюнну*. Чжан Цянь попал в плен и провел там около десяти лет, в конце концов сумел бежать в Бактрию и Фергану и вернулся на родину в 126 г. до н. э. В 115 г. до н. э. он отправился во второе путешествие на запад. Из его отчетов китайцы впервые

Найденные учеными металлические украшения *сюнну* подтверждают, что эта народность контактировала с пастухами-кочевниками, живущими западнее. Например, скифами, которые тоже включали изображения животных в узоры на металлических табличках и застежках. Эта золотая застежка или украшение длиной около 8 см датируется III в. до н. э.

предводитель южных *сюнну* подчинился Китаю, как другие племена и государства вдоль западной и южной его границ. Вассальному государству надлежало отправить в китайскую столицу сына своего правителя, который жил там как заложник и получал китайское образование. Кроме того, вассалам следовало периодически отправлять делегации с подношениями. Китайцам эта система обходилась дорого, зато она позволяла избежать войн и утверждала Китай в качестве центра цивилизованного мира. За период существования династии Хань правительство отдало огромное количество шелка государствам и племенам, принявшим статус вассалов. Например, в 25 г. до н. э. было передано 20 тыс. рулонов шелка и около 44 тонн шелка-сырца. По приблизительным подсчетам около 10 % государственного дохода уходило на такие подарки.

Большая часть шелка, полученного *сюнну* и другими северными вассалами, в результате оказывалась в странах, располагавшихся далеко на западе. В Римской империи шелк стал популярным еще до 44 г. до н. э., то есть еще до смерти Юлия Цезаря, а в последующие десятилетия его стали ввозить еще активнее. Шелк достигал стен Рима, проходя через руки согдийских, парфянских и индийских купцов. Его привозили и в мотках, и в виде ткани, изготовленной в самом Китае или в мастерских Сирии. Движущиеся в обратную сторону караваны везли золото, лошадей, а иногда предметы роскоши из Западной Азии — стеклянные бусы и чаши.

В период гражданской войны после свержения Ван Мана мощь династии Хань пошла на убыль, и тогда многие отдаленные территории отделились от Китая, но в период Поздней Хань власть Китая была восстановлена. Генерал Бань Чао и его сын Бань Юн добились восстановления владычества Хань в Центральной

узнали о других цивилизованных государствах, сравнимых с Китаем по уровню развития, но сформировавшихся независимо от него. Фергана, по его словам, располагалась в 10 тыс. *ли* (около 5 тыс. км) на запад от Китая. Это была страна укрепленных городов с высокой плотностью населения, там выращивали пшеницу, виноград для производства вина, а также превосходных скакунов. Парфию он описывал приблизительно такими же словами, но особое внимание уделял ее купцам и серебряным монетам с изображением лица правителя. Чжан Цянь выяснил, что эти регионы уже ввозили китайские товары, в первую очередь шелк. В 101 г. до н. э. после трехлетних попыток китайская армия обошла Памир, вторглась в Фергану и захватила множество великолепных лошадей. Жители признали господство Китая, в результате чего тот получил контроль над пролегающими в Центральной Азии торговыми путями. Территория государства Хань существенно расширилась.

Угроза со стороны *сюнну* постепенно ослабевала. В 55 г. до н. э. конфедерация *сюнну* распалась на пять противоборствующих группировок. Вскоре после этого

Азии, в 97 г. н. э. Бань Чао прошел с армией за Памир. Не все стоявшие вдоль Шелкового пути города-государства противились китайскому присутствию, поскольку так они оказывались под защитой императорских гарнизонов и могли спокойно заниматься торговлей, лежавшей в основе их благополучия.

Однако сверхрасширение таило в себе угрозу для государства Хань, поскольку поддержание таких отдаленных границ могло привести его к банкротству. Постоянной проблемой являлось снабжение конной армии лошадьми, даже после того как было открыто множество конных заводов. Правительство Хань активно искало пути сокращения расходов на оборону обширных территорий империи. Вдоль границ закладывались военные поселения, в которых солдаты находились на самообеспечении, здесь же набирали легионеров из некитайских племен. Во времена Поздней Хань роль основных сил в сражениях против извечных врагов Китая, северных *сюнну*, играли южные *сюнну*, которым для поддержания союза были предоставлены земли и прочие приманки. Но оборона оставалась очень затратной статьёй, и необходимость содержания огромного штата военных не позволяла правительству увеличить эффективность пополнения казны и улучшить инфраструктуру, построив дороги, мосты и каналы.

МИФЫ, МАГИЯ И ЧУДЕСА

В искусстве и литературе эпохи Хань часто встречаются упоминания о духах, знаменьях, странных и могучих мифических героях, бросивших вызов смерти и победивших. Вероятно, это следствие влияния культуры области Чу, родины основателя династии Хань и большинства его сторонников.

«Хуайнань-цзы», сборник созданных под влиянием даосизма текстов, был написан в середине II в. до н. э. по заказу хуайнаньского князя. В книге говорится о горных богах с человеческими лицами и телами драконов и описано волшебное царство, расположенное в горах Куньлунь далеко на западе, где, по легенде, можно обрести бессмертие. Усердно принося жертвы, императоры династии Хань

Свита из солдат и слуг, сопровождающих чиновников в путешествии, демонстрировала их социальный статус. Похожие наборы фигурок были найдены во многих гробницах Поздней империи Хань. Представленный здесь образец является одним из наиболее интересных среди найденных при раскопках захоронения II в. н. э. в Лэйтиай (Ганьсу). Эта «процессия» насчитывает 12 солдат, 28 слуг, 39 лошадей и 14 повозок. Каждая из фигурок около 30 см высотой

▲ Бронзовое «денежное дерево» восточной династии Хань, обнаруженное в Гуанхане (провинция Сычуань). Монеты эпохи Хань (круглые с квадратным отверстием в центре) «вырастают» на ветвях полутораметрового дерева. Мать — правительница Запада предстает здесь в виде птицы, восседающей на троне, который напоминает тигра и дракона. Такие денежные деревья встречаются только в Сычуане

На этом маленьком бронзовом зеркале эпохи Хань выгравированы слова: «Это зеркало непревзойденного качества создал синий дракон. Стремись достичь высочайшего положения в обществе, как Отец — правитель Востока. Стремись достичь долголетия, как Мать — правительница Запада». Мать — правительница изображена с крыльями, рядом — двое сидящих слуг, около Отца-правителя — всегда один стоящий. В эпоху Поздней Хань, вероятно, из-за преобладания космологии инь-ян, рассматривавшей любое явление как часть пары, Царицу Мать — правительницу Запада нередко изображали в паре с Отцом — правителем Востока

пытались установить контакт с миром богов и бессмертных, церемонии зачастую проходили по сценарию даосских колдунов. Особо следует выделить императора У-ди, который приглашал ко двору астрологов, алхимиков, пророков и шаманов. Те рассказывали ему истории о том, как Хуанди, Желтый император, вошел в царство бессмертных со всей своей свитой и всеми женами. Как придворные, так и простые люди стремились понять механизм действия космических сил и научиться предсказывать будущее, что привело к возрастанию интереса к предзнаменованиям и приметам. И до, и после восхождения на престол Ван Мана китайцы неоднократно получали знамения, предрекающие скорые перемены. Это были камни и другие предметы с нацарапанными посланиями. Конечно, это могло быть результатом манипуляций как союзников, так и противников Ван Мана, но кем бы они ни были, они несомненно опирались на то, как люди верили в послания с небес.

Во времена Хань люди также беспокоились о судьбе умерших. Считалось, что у души имеются две стороны: более светлая, небесная ее часть поднимается к облакам и может войти в царство бессмертных, земная часть души остается возле тела усопшего, ей-то и предназначались пища и различные предметы, которые клали в могилу. Организация таких захоронений — не просто дань уважения к мертвым, а еще и способ защиты живых от гнева неудовлетворенных духов. В записях этого периода, характерных для более позднего этапа формирования религии китайцев, упоминается суд, ожидающий каждого после смерти. Как только империя встала на путь централизованной бюрократизации, потусторонний мир также бюрократизировался. В могилах времен Хань археологи находят подробные перечни ее содержимого, адресованные Владыке Мертвых. В других текстах упоминается суд на священной горе Тайшань на полуострове Шаньдун, где живых и мертвых судят и где, исходя из отчетов о деяниях, их или награждают, или карают.

В эту эпоху мысли о бессмертии выразились в культе богини, называемой Матерью — правительницей Запада. Ее царство (рай) изображалось как земля чудес, где росли деревья бессмертия и текли реки вечности. Постоянными спутниками богини были трехногая ворона, танцующая жаба, девятихвостая лисица и лунный заяц, смешивающий в ступке эликсир долгожительства, или бессмертия. Мать — правительницу Запада чтили люди всех социальных уровней, и при поддержке властей по всей стране в ее честь возводились храмы. Иногда поклонение доходило до фанатизма. В качестве иллюстрации можно привести отрывок из «Истории династии Хань», описывающий время около III в. до н. э.:

Люди по всей стране металась и передавали из рук в руки стебли конопли, приговаривая, что это жезл повеления Матери — правительницы Запада. Тысячи людей, кто растрепанный, кто босой, отравились в путь... По дороге в столицу они прошли 26 областей и уездов. [Даже оставшиеся дома в своих деревнях] впали в религиозный экстаз, они совершали обряды, пели и танцевали в честь Матери-правительницы. Повсюду распространялись тексты «Мать говорит людям, что тот, кто наденет этот талисман, не умрет».

Таким было первое известное мессианское движение в истории Китая. Оно пришлось на период, когда пророки говорили о скором падении правящей династии. Предсказание сбылось, и трон занял Ван Ман.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА

Цивилизация Хань базировалась на сельском хозяйстве, технический уровень его развития существенно возрос. В этот период стали выращивать по два вида растений в чередующихся бороздах и засеивать их различными культурами с точным расчетом времени. У плугов того периода появились регулируемые распорки, с помощью которых можно было изменять глубину борозды, а добавление в его конструкцию загнутого металлического отвала позволило уменьшить трение. Крестьяне научились пахать на волах, что позволило обрабатывать большие территории. Процесс усовершенствования ирригационной системы сказался не только на активном сооружении каналов, охотно спонсируемом государством, но и на том, как повсеместно стали осваиваться простейшие технологии, крестьяне, например, стали обкладывать колодцы кирпичом. Для перевозки небольших грузов все чаще стали использовать ослов, которых северные китайцы узнали благодаря *сюнну*. Не менее функциональной была тачка, тоже появившаяся во времена Хань.

В условиях технического прогресса, относительного спокойствия в государстве и расширения его границ население Китая периода Поздней Хань стало стремительно увеличиваться. В переписи 2 г. н. э. зафиксировано население в 59 млн человек, в данном отношении Китаю уступала даже Римская империя. Однако, как это следует из текстов того времени, люди больше думали о неустойчивости экономики, чем о ее сильных сторонах. Чувство незащищенности усугубляли некоторые черты политической экономики, характерные практически для всей дальнейшей истории Китая. Долгосрочная аренда земли, характер наследования и налоговая политика государства определяли существование как очень маленьких семейных полей, так и больших земельных участков. При этом переход от богатства к бедности и наоборот был мгновенным, так, некоторые семейства могли разом лишиться всего, а другим удавалось довольно быстро расширить границы своих поместий.

Слова Чао Цо об экономически шатком положении крестьян, записанные в 178 г. до н. э., относятся и к политике последующих династий:

Они трудятся — пахут весной и мотыжат летом, собирают урожай осенью и сохраняют его зимой, рубят лес и исполняют трудовую повинность по воле местного правительства. Они не защищены от пыли весной, от зноя — летом, от бурь — осенью, от холода — зимой. В течение всех четырех времен года у них нет ни единого дня, чтобы отдохнуть. Но как и все, они должны принимать гостей, хоронить умерших, ухаживать за больными, заботиться о сиротах, воспитывать детей. Не важно, насколько усердно они работали, все, что они создали, может уничтожить наводнение, засуха

или безжалостные и своевольные чиновники, которые взимают налоги в неустановленное время и постоянно изменяют свои распоряжения. В момент уплаты налогов те, у кого есть продукция, вынуждены реализовывать ее за полцены [чтобы получить деньги], тем, кому нечего продавать, приходится занимать [под такие высокие проценты], что возвращать им нужно будет в два раза больше. В результате, некоторые продают землю и дома, а иногда даже детей и внуков.

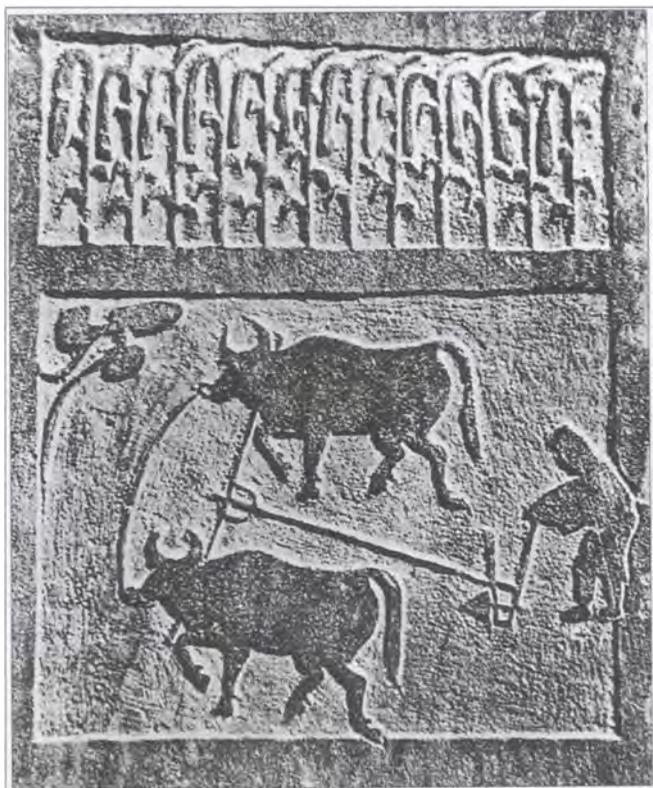
Основной причиной, по которой крестьяне едва сводили концы с концами, являлось равное деление семейной собственности между всеми сыновьями — обычай, установленный во времена Хань. В период Чжоу аристократические титулы и чины, а также ответственность за соблюдение связанных с культом предков ритуалов переходили к единственному наследнику, обычно старшему сыну. Как только земля перестала закрепляться за их владельцами и появилась возможность ее свободной купли-продажи, разделение семейной собственности стало обычным явлением. Распределение наследства влияло как на структуру семьи, так и на динамику развития сельского хозяйства. В китайских семьях право наследования передавалось по мужской линии, то есть сохранялся патриархальный уклад, но собственность переходила уже не всегда старшим сыновьям. Владельцы земельных участков нередко менялись: обеспеченные люди (чиновники или торговцы) были готовы покупать, а наследникам зачастую не оставалось иного выхода, кроме как продать часть своих владений, чтобы покрыть расходы. Необходимым условием для выживания рода стало не только наличие потомка мужского рода, который продолжил бы жертвоприношения предкам, главы семейств были также озабочены сохранением и пополнением семейной собственности, позволившей бы всем сыновьям жениться и поддерживать семью.

Оказавшиеся в затруднительном положении крестьяне были вынуждены обрабатывать малопродуктивную землю и интенсивно засеивать ее всем, что у них было. Если этого было недостаточно, они обращались за помощью к местным богачам, брали земли в аренду или нанимались к ним на работу. Разорение крестьян повышало благосостояние их покровителей, к тому же последние обретали некоторую власть. Подобные решения не всегда принимались добровольно, бедные крестьяне не могли постоянно рассчитывать на то, что чиновники защитят их от местных разбойников. Еще в I в. до н. э. критики отмечали: чем меньше крестьян попадало в налоговые ведомости, тем сильнее сборщики податей давили на тех, кто в налоговой ведомости значился. Когда требования становились слишком жесткими, бедняки вставали перед выбором: переселиться в отдаленные области и расчистить новые земли или попасть в полурабскую зависимость к какому-нибудь богачу.

Как большинство правительств последующих периодов, правительство Хань было недовольно уменьшением налоговой базы и попыталось предотвратить сокращение количества независимых средних землевладельцев. Стали организовываться ирригационные работы для увеличения сельскохозяйственного

Эта расписанная шелковая ткань длиной 2 метра покрывала гроб госпожи Дай (прибл. 168 г. до н. э.). Изображенные на ткани сцены повествуют о путешествии женской души. В верхней части небесное царство, населенное драконами, леопардами и различными фантастическими существами. По углам изображены ворона, символизирующая солнце, и жаба, символизирующая луну. Солнце и луна в паре обозначают космические силы инь и ян

Увеличение площадей культивируемых земель в период Хань, вероятно, связано с усовершенствованием плуга. На каменном рельефе, найденном в Мичжи (провинция Шэньси), изображены впряженные в плуг животные

облагать их особо высокими налогами. Лодки, телеги, мастерские и прочие приспособления облагались налогом на имущество. Но самый тяжелый удар правительство нанесло, вступив с торговцами в конкуренцию, — товары, изъятые у них в уплату налога, перепродавались по более низким ценам. В 119 г. до н. э. была установлена государственная монополия на производство железа, спиртных напитков и добычу соли — самые прибыльные отрасли промышленности. Крупная торговля зерном тоже была доходным делом, поэтому под предлогом контроля над рынком государство прибрало к рукам и ее. В тех областях, где зерна было много, его закупали по низкой цене, затем отправляли либо в зернохранилища, либо в бедные зерном области. Эта схема была призвана помочь устранить спекуляцию, установить постоянные цены и обеспечить прибыль государству.

Отрицательный результат такой фискальной политики дал о себе знать намного позже, он проявился в подрыве развития частного коммерческого сектора. В первые сто лет нахождения у власти династии Хань мелкие предприниматели процветали, и это привело к росту городов, к специализации в торговле и на производстве. Но после того как государство монополизировало отливку металла и соляные разработки, а затем взяло на себя торговлю зерном, этот сектор сдал позиции. Несмотря на то что правительство Поздней Хань изменило курс, его политика невмешательства скорее помогла крупным землевладельцам, нежели торговцам. Таким образом экономика Китая стала преимущественно аграрной и оставалась таковой на протяжении долгой истории Китая.

производства, были введены ограничения площади земельных участков, а в неурожайные годы сокращались налоги, и правительство оказывало прямую помощь крестьянам. Тем, кто оставил свои земли во время голода, было предложено вернуться, они получали семена в долг, для них устанавливались налоговые льготы. В основе политики было стремление сделать налог на землю не слишком обременительным. Казна Хань пополнялась как от подушного налога, так и от налога с сельскохозяйственной продукции, в течение практически всего периода Хань он равнялся 1/30 осеннего урожая. Конечно, от низкого налога на землю выигрывали и крупные землевладельцы.

Правительство Хань не желало обременять крестьян, и поэтому пришлось найти другие источники дохода. Чтобы оплатить военные кампании, У-ди велел чеканить монеты, конфисковал земли у знати, стал распродавать должности и титулы и увеличил налог на частную торговлю. Подозрительное отношение к торговцам, как с моральной, так и с политической точки зрения, характерное для всех слоев общества, позволяло

КОНФУЦИАНСТВО, ГОСУДАРСТВО И ОБРАЗОВАННАЯ ЭЛИТА

Период Хань не без основания связывают с торжеством конфуцианства, которое пришло на смену официальной идеологии легизма, характерной для времен Цинь. Но, как упоминалось раньше, особый статус конфуцианства не остановил распространение неконфуцианских идей о духах, предзнаменованиях и чудесах. Более того, ханьское конфуцианство оказалось эклектичным, оно дополнилось принципами и философскими концепциями других школ, конкурировавших в период, предшествующий Цинь. Поэтому «торжество» конфуцианства в эпоху Хань не повлекло за собой исчезновения других представлений, и его историческое значение сводится к регламентации взаимосвязей между элитой, обществом и государством.

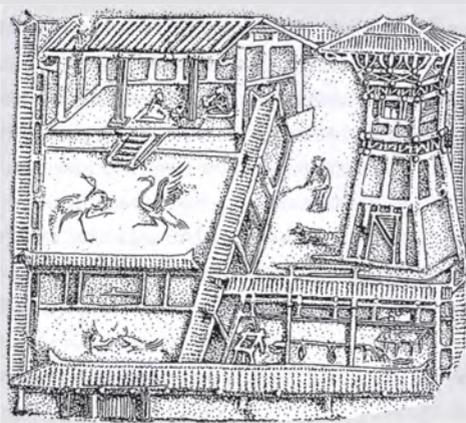
Первые ханьские императоры проявляли предусмотрительность и избегали жесткой политики, которая была характерна для свергнутой династии Цинь. Однако особого расположения к конфуцианству у них тоже не наблюдалось. Гао-цзу обращался к ученым-конфуцианцам прежде всего для разработки придворных ритуалов, которые должны были возвысить его над прежними соратниками и удержали бы их от склок при дворе. Вэнь-ди (179–157 гг. до н. э.) находил много ценного в политике недеяния, предпочитая даосизм. Его внука У-ди часто обвиняли в приверженности легизму, но по иронии судьбы именно при его дворе конфуцианство заняло привилегированное положение. Назначая людей на ответственные посты, У-ди обращал внимание на качества, связанные с учением Конфуция, такие как самообладание, забота о других, трепетное отношение к ритуалам, принципиальность, преданность вышестоящим. Государственная система обучения потенциальных чиновников также развивалась в стиле конфуцианской классики. В основанной У-ди Императорской академии за каждую из пяти классических книг («Книга перемен», «Книга документов», «Книга песен», «Книга ритуалов», «Летопись Весен и Осеней») отвечал определенный учитель. Преемники императора поддерживали эту политику, и к I в. до н. э. чиновниками становились люди, обученные принципам конфуцианства, за верность которым их уважали в обществе. Чиновники имели право назначать своих сыновей или других близких родственников на государственные посты, но было вовсе не обязательно происходить из семьи чиновника, чтобы получить должность на гражданской службе. Неуклонно росли престиж и влияние государственных мужей, и по всей стране начались соревнования между обеспеченными и влиятельными в своей местности людьми. Каждый стремился доказать свою ученость и сыновнюю почтительность, которые открыли бы им дорогу к государственным постам. Так как критерии отбора кандидатов на должности в правительственные учреждения основывались на учении и добродетелях конфуцианства, амбициозным молодым людям было необходимо получение образования, поскольку именно оно открывало дорогу к власти и престижу. По всей стране учителя привлекали огромное количество учеников и последователей, а набор в Императорскую академию к середине II в. н. э. увеличился от нескольких десятков до более чем тридцати тысяч человек.

Жилища

Основным строительным материалом в Китае было дерево, поэтому до нас не дошли ни руины дворцов Цинь или Хань, ни обычные здания. Но базовые принципы постройки домов все же можно проследить. В этом ученым помогают обнаруженные в могилах керамические модели домов и нарисованные, вырезанные или оттиснутые на стенах гробниц чертежи. Многие можно узнать и по самим гробницам, которые сооружались как подземные жилища.

В могилах периода Хань найдено немало керамических моделей многоэтажных домов или сторожевых башен

Сооружение внутренних дворов позволяло хозяевам эффективнее использовать и помещения, и открытые пространства. Все работы, связанные с ведением хозяйства (мытьё посуды, обработка зерна и т. п.), было принято выполнять на улице. Этот план дома и двора был оттиснут на плите, закрывавшей могилу II в. н. э., которую археологи обнаружили в провинции Сычуань

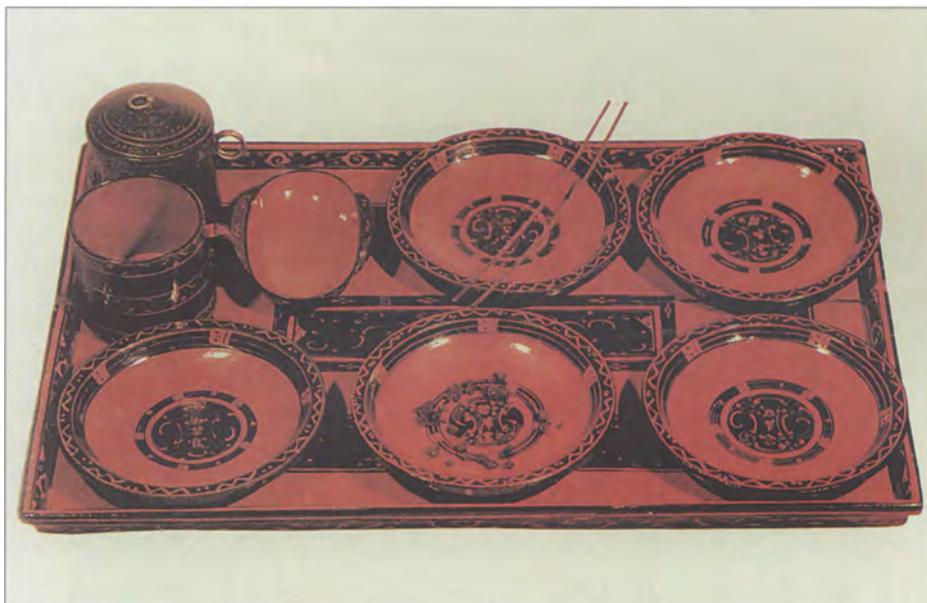
При строительстве использовались дерево, черепица, штукатурка, кирпич и камень. Дома среднего размера обычно группировали вокруг одного или нескольких дворов, с одной стороны располагались комнаты, приподнятые на несколько ступенек над землей, с другой — крытые галереи. Возводились и многоэтажные дома, в качестве главного здания среди других построек двора либо за его пределами в качестве сторожевых башен.

Любое жилое здание представляло собой деревянный каркас с деревянными столбами, на которых держалась соломенная или черепичная крыша. Стены вокруг деревянного каркаса не были несущими, обычно их складывали из кирпича, из утрамбованной земли или ила. Застрехи, призванные защитить стены от дождя, поддерживались деревянными брусьями. Некоторые строители искусно вытачивали их, и тогда эти брусья выполняли декоративную функцию. Края черепичной крыши тоже нередко украшали лепными деталями.

Керамическая черепица из руин дворца Цинь

Эти лакированные чашки, миски, палочки и подносы были обнаружены в гробнице 1 в Мавандуе неподалеку от Чанша (провинция Хунань). Еще со времен неолита лак получали из сока произрастающего в Китае дерева и покрывали им изделия из дерева и бамбука, что позволяло защитить их от воздействия влаги. Во времена династии Хань такая искусно изготовленная лакированная посуда ценилась столь высоко, что иногда оказывалась дороже изделий из бронзы

Своим политическим успехом конфуцианство обязано ученым, которые привели его в соответствие настроениям времени и требованиям государства. Объединение страны привело к синтезу самых разнообразных мыслей. Последователи Конфуция эпохи Хань искали пути постижения окружающего их мира, который они воспринимали как возникший сам по себе самостоятельный организм. По их мнению, он управляется циклическими, но всегда уникальными потоками инь и ян и пятью элементами (огнем, водой, землей, металлом и деревом). Эти космологические теории дополняли толкования исторических циклов и смены династий. Последователи Конфуция находили взаимосвязи между качествами последовательно сменявших друг друга элементов и другими концепциями (времена года, стороны света, вкусовые ощущения, запахи, цвета, ноты, числа, планеты, органы тела, чувства и т. п.), они считали, что сбой в одной из сфер провоцирует соответствующие изменения во всех остальных. Это как нота, сыгранная на одном музыкальном инструменте, рождает отзвук в другом, так же настроенном.

Эта космология, основанная на глобальной взаимосвязи, использовалась для того, чтобы узаконить императорскую власть и упрочить положение самого императора. Правитель считался уникальным среди смертных, поскольку ему приписывалась способность устанавливать связь между царствами неба, земли и людей. В том, как философ Дун Чжуншу (прибл. 179–104 г. до н. э.) говорил о правителе, слышались отголоски даосизма и легизма, по его словам, император правит бездействуя, находится в стороне от ежедневных забот, чтобы поддерживать свое возвышенное состояние. Однако на идеи этого мыслителя повлияла и конфуцианская мораль. Не исполняющий своего предназначения правитель, пишет Дун, становится причиной нарушения равновесия между небом и землей, что приводит к наводнениям, землетрясениям и другим стихийным бедствиям. Возродив и дополнив теорию Небесного Мандата, эти идеи стали характерны для имперской идеологии в годы правления последующих династий.

Тексты доханьского периода, пережившие сожжение книг во времена Цинь, чтити очень высоко, особенно «Пятиканоние». В 175 г. н. э. по приказу правительства они были высечены на каменных плитах по рукописи выдающегося каллиграфа Цай Юна и установлены в Императорской академии. Ученые приходили в академию, чтобы скопировать эти тексты, таким образом классические книги и распространялись. На рисунке представлен дошедший до нас фрагмент «Летописи весен и осеней» размером 1,22 м²

Помимо размышлений о космологии, ханские ученые-конфуцианцы затратили огромное количество энергии на восстановление уничтоженных правительством Цинь книг, а также на восстановление традиций их интерпретации. Масса восстановленных книг обрела статус классических, канонические тексты несли в себе мудрость предков, которую следовало принимать с почтением и руководствоваться ею во всех начинаниях. Каждый из ученых-конфуцианцев специализировался на какой-либо одной книге, и получалось так, что учителя передавали ученикам индивидуальное толкование каждого ее предложения. Широкое распространение получили две группы классических текстов: «новые тексты», записанные в период Хань со слов пожилых ученых, которые застали канонические книги до сожжения во времена Цинь, и «старые тексты», основанные на рукописях периода Чжоу (они были спрятаны в стене дома последователей Конфуция и найдены впоследствии). Два великих ученых-конфуцианца Поздней Хань, Ма Жун и Чжэн Сюань, объединили две эти традиции. Они проработали

все классические тексты и написали комментарии, руководствуясь, как правило, более ранними их версиями. Однако споры о том, какая же из групп текстов в действительности содержит мудрость предков, не утихали вплоть до XX в.

Поскольку получившие конфуцианское образование чиновники рассматривали свои взаимоотношения с правителем с точки зрения морали, они не были бюрократами в современном понимании этого слова, их действия находились под контролем системы правил и законов. Принимая во внимание принципы лояльности, они нередко составляли оппозицию правительству и противились автоматическому одобрению политики своих начальников, даже если это был император. В эпоху династии Хань многие ученые и чиновники из числа конфуцианцев были против государственных монополий, сомневаясь в их этичности и положительном влиянии на благосостояние людей. Критике с их стороны подвергалась агрессивная внешняя политика, так как военные кампании приводили к большим человеческим потерям. К тому же для достижения согласия военные действия были не так эффективны, как мирная политика. Кроме того, ученые мужи нередко выступали против расточительности императора, убеждая его уменьшить расходы на дворцовых женщин, развлечения, охотничьи угоды, конюшни и церемонии. В период Поздней Хань, особенно после 150 г., ученые-конфуцианцы активно противостояли евнухам, имевшим в то время большое влияние при дворе, зачастую это стоило им карьеры или даже жизни (об этом см. ниже). Таким образом, сочетание конфуцианства и китайской бюрократии обусловило некоторое равновесие в верхах: на уровне «внутреннего двора» императора (между приближенными к нему — семьями жен и евнухами) и на уровне «внешнего двора», состоящего из чиновников.

Совокупность идей, ценностей и исторических связей послужила причиной единения бюрократии и определила характер отношений между чиновниками и местной образованной элитой, численность которой в этот период увеличилась. Чиновники на местах нередко помогали способным юношам и посылали

Изображение известных исторических фигур в искусстве периода династии Хань играло большую роль, чем в предыдущие периоды. Возле каждого из нарисованных на лаковых вставках этой корзины персонажа (высота фигур около 8 см) значится имя. Корзина была найдена во время раскопок могилы II в. н. э. в Северной Корее. Ранее это были территории колонии Лелан, основанной после завоевания региона армией У-ди в 109–108 гг. до н. э.

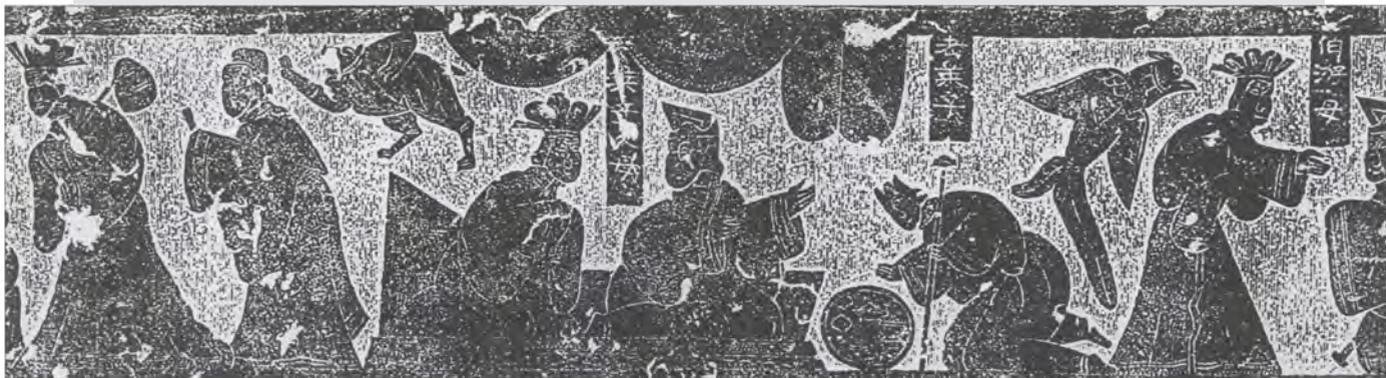
Почтительные сыновья и преданные жены

Конфуций прославлял сыновнюю почтительность, для него она означала любовь, почтение и послушное долгу внимание к нуждам и пожеланиям старших, особенно родителей. В период династии Хань сыновняя почтительность приобрела еще большее значение. Чиновник мог продвигаться по службе, если слыл почтительным по отношению к старшим человеком, а чтобы завоевать такую репутацию, некоторые и вовсе впадали в крайности, например отказывались прекращать траур по родителям. Из уст в уста передавались сказки о благочестивых сыновьях, которые преданно служили своим родителям, исполняли любые их прихоти и были вознаграждены, иногда эти награды выходили за рамки естественного. Текст «Канона сыновней почтительности» (*Сяо цзин*) стал настоящей азбукой для воспитания целых поколений в духе сентенций: «Тот, кто действительно любит своих родителей, не проявляет гордыни по отношению к низшим, непослушания по отношению к высшим и сварливости с равными себе».

В почете также были примерные женщины. Философы доханьского периода в своих трудах женщин игнорировали, даже знатных. Однако во времена Хань выдающийся ученый и библиограф Лю Сян (79–8 гг. до н. э.) написал «Биографии героических женщин» (*Ленюй чжужуань*). Это сборник рассказов о подвигах и бескорыстии 125 женщин древности, прославившихся своей верностью правителю, мудростью советов, данных супругу или отцу, а также тем, что сохранили невинность, оказавшись в плену. Еще один важный текст, в котором были воспеты женские добродетели, был написан женщиной. Бань Чжао (ок. 45–116) была наставницей воспитывав-

шихся при императорском дворе девочек, эту должность она заняла после того, как овдовела. Ее «Наставления для девочек» (*Ню цзе*) культивировали в женщинах приличные тому времени добродетели — смирение, послушание, опрятность и прилежание. Она считала, что места мужчин и женщин в обществе четко определены, и поэтому женщины должны развивать именно те добродетели, которые соответствуют их роли.

Проявлять покорность — это значит уступать и вести себя почтительно, в первую очередь, заботиться о нуждах других, и в последнюю — о своих. Никогда не следует упоминать о своих хороших поступках или отрицать свою вину, следует терпеть обиды и плохое обращение, и все это с надлежащим трепетом. Проявлять прилежание — это значит поздно ложиться, рано вставать, ни утром, ни вечером не уклоняться от работы, никогда не отказываться выполнять домашнюю работу и делать все аккуратно и тщательно. Продолжение жертвоприношений — это значит служить мужу-господину в надлежащей манере, содержать себя в чистоте, не смеяться, не шутить и готовить чистое вино и пищу, чтобы преподнести ее предкам. Не было еще женщины, которая обладала бы этими добродетелями и погубила при этом свою репутацию или попала бы в немилость. С другой стороны, если женщина этими добродетелями не обладает, ей не сберечь честного имени и не избежать позора.

Отгиск с каменной плиты, в котором представлены сцены из жизни почитавшего родителей Лай-цзы, был найден в гробнице У-Ляна, возведенной в 151 г. н. э. в Цзясяне (провинция Шаньдун). Лай-цзы известен тем, что когда ему самому было более 70 лет, он, стремясь убедить своих родителей, что те еще не стары, притворялся играющим в игрушки мальчиком

Деревянные и керамические фигурки, которые археологи находят при раскопках могил, позволяют многое узнать о повседневной жизни людей периода Хань. Например, об их играх и развлечениях. Две эти деревянные фигурки около 28 см высотой были обнаружены в могиле I в. до н. э. в Моцзуйцзы, близ Увэй (провинция Ганьсу)

их в столицу, чтобы те могли продолжить обучение. Распространение образования во времена Хань, без сомнения, обусловлено изобретением бумаги, которое ускорило процесс изготовления книг. Правительство было заинтересовано в росте популярности конфуцианства у местной элиты, это учение позволяло сокращать расходы на управление, так как такое мировоззрение представителей элиты соответствовало потребностям правительства. К концу империи Хань образованные люди из разных уголков Китая, вне зависимости от географического положения их земель и связанного с этим рода деятельности, стали осознавать себя не просто лидерами своих общин, а пусть и косвенными, но участниками литературной, научной и политической жизни страны. В последующие века сила и слаженность этой элиты, состоящей из образованных людей, для единства китайской цивилизации была не менее важной, чем политическая централизация или экономическая интеграция.

КОЛОНИЗАЦИЯ ЮГА

Во времена династий Цинь и Хань территория империи активно разрасталась в сторону юга. В течение этих четырех веков поселенцы все дальше и дальше продвигались по долинам рек, отгнав местное население на юг или в гористые малоплодородные районы. В I и II вв. н. э. продвижение было достаточно быстрым, так как крестьяне спасались от экономического кризиса, стихийных бедствий и резкого ухудшения условий жизни во время правления Ван Мана, причиной были также набеги *сюнну* и других неханьских народов, пришедших с севера и северо-запада. Если сопоставить переписи населения во 2 и в 140 гг. н. э.,

станет ясно, что за весь I и начало II в. 5–10 млн людей с севера мигрировали в долину Янцзы и еще южнее.

Военная сила тоже сыграла свою роль в этой экспансии. Экспедиции, посылаемые императорами династии Цинь, достигали не только провинций Фуцзянь и Гуанси, но даже территории современного Вьетнама. Во времена Хань такие гарнизоны были призваны защищать торговцев, поселенцев и авантюристов, это способствовало проникновению китайской продукции на юг. Когда численность населения значительно увеличивалась, правительство назначало чиновников для управления им и сбора налогов, что приводило к продолжению роста числа южных областей. По мере укрепления китайского присутствия чиновники на местах могли по-своему руководить местным населением. Например, усиливать ассимиляцию жителей, частично воспринявших китайскую культуру, для чего открывали школы, где их обучали чтению китайских текстов. Тех, кто сопротивлялся присутствию китайцев, умирляли с применением военной силы.

Жизнь и карьера Чао То служит ярким примером того, как авантюрист мог повлиять на расширение государства. Чао родился на севере Китая. В составе экспедиционных войск он оказался на юге, вскоре женился на девушке из племени *юэ*. После смерти своего начальника и падения империи Цинь он вступил в союз с предводителями *юэ* и захватил управление регионом Гуандун. Ко времени образования империи Хань он объединил три самых южных области и объявил себя ваном южных *юэ*. Когда к нему прибыл посланник от нового императора Хань, Чао То согласился стать вассалом императора. Тем не менее он продолжал действовать самостоятельно и аннексировал новые территории северной части современного Вьетнама. Пришедшая к власти императрица Люй попыталась умирить Чао То, запретив ввозить на его территории железные инструменты и лошадей. В ответ он напал на Чанша в Хунани и объявил себя императором. Вэнь-ди избрал более примирительный подход по отношению к Чао То, он осыпал почестями его братьев, осевших на севере, и предложил восстановить дружеские отношения, поставив одно условие: Чао То должен перестать называть себя императором. Сила Чао То основывалась на поддержке местного населения, он называл себя Великим вождем южных варваров, а военачальниками и офицерами в его армии были местные воины. Он поощрял смешанные браки, но в то же время пропагандировал заимствование местным населением китайской материальной культуры. После смерти Чао То в 137 г. до н. э. (он умер в возрасте 93 лет) У-ди сумел наладить относительно эффективное управление через его наследников.

Чаще всего появившиеся в приграничных зонах сильные личности не были ханьцами по происхождению. Государство Дянь (территория современной провинции Юньнань) находилось под контролем всадников-аристократов, плененные ими враги становились их рабами, а их благосостояние пополнялось за счет торговли с привлечением как китайских монет, так и раковин каури. В центре религиозных верований Дянь были бронзовые

Именные печати с выгравированными титулами были символами могущества и власти. Император Хань даровал представленную на фото печать с драконом Чжао Мэй, преемнику Чжао Цо, правителя Наньюэ. Эта трехсантиметровая печать изготовлена из золота, обнаружена в Гуанчжоу (провинция Гуандун) и датируется I в. до н. э.

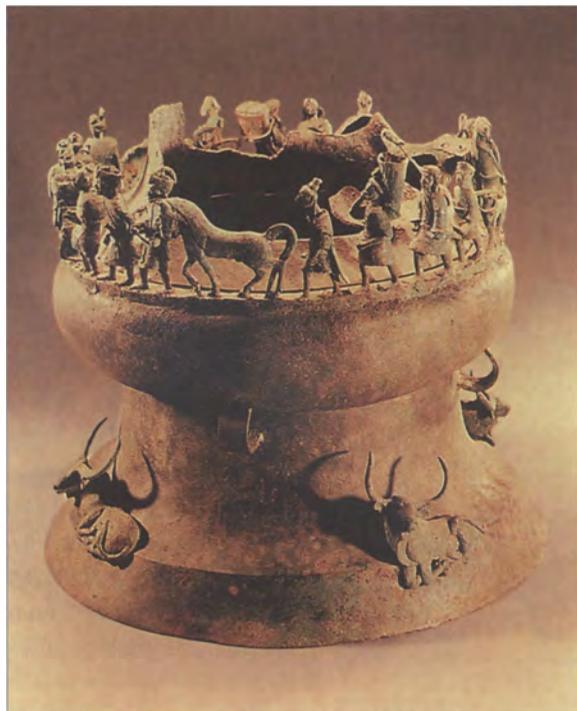

барабаны, символизовавшие одновременно политическую власть и плодородие. Несмотря на то что у Дянь отсутствовала система письменности, их материальная культура была высокоразвитой: археологические раскопки позволили обнаружить бронзовое оружие, орудия труда и ритуальные принадлежности. В 109 г. до н. э. У-ди напал на Дянь и разгромил его, присоединив затем к империи Хань в качестве данника. Несколько раз в царстве Дянь вспыхивали восстания (в 86, в 83 г. до н. э., в 14 и 42–45 гг. н. э.), но каждый раз правительству Хань удавалось сохранить или вновь утвердить свое присутствие на этой территории.

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ ХАНЬ

Первые 70 лет Поздней династии Хань были временем восстановления и утверждения власти императора. Однако во II в. н. э. политика ханьского двора переживала период стагнации: евнухи, служившие во дворце, состязались с родственниками императрицы за контроль над двором. Евнухи — это не только исполнители прихотей обитательниц дворца; набранные из простых семей, они не имели сильных покровителей и потому должны были выполнять все приказы своих хозяев. Нередко они становились доверенными лицами выросших во дворце императоров. Слабые императоры подвергались опасности попасть в зависимость от евнухов. В 124 г. н. э. группе евнухов удалось возвести на трон ребенка, которым можно было легко манипулировать. В 159 г. император обратился к евнухам с просьбой помочь разогнать клику семейства супруги, и с тех пор евнухи получили возможность влиять на ход событий. Во время чисток 166 и 169 гг. недовольные таким положением дел чиновники «внешнего двора» попали в немилость императора: несколько сотен человек были брошены в тюрьму, казнены или лишены поста и высланы из столицы.

Верховное правительство находилось в замешательстве, поэтому практически ничего не было предпринято в связи с сокращением налоговой базы, которое происходило вследствие постепенного упадка небольших крестьянских хозяйств и укрепления богатых усадеб. С неуклонным уменьшением финансовых ресурсов правительству Хань становилось все сложнее и сложнее поддерживать население в неурожайные годы. В 143 г. государственная казна настолько истощилась, что пришлось урезать жалование чиновникам и вынудить правителей и аристократию заплатить налог на землю за год вперед. А 153 г. ознаменовался нашествием саранчи и выходом из берегов Хуанхэ, в результате чего сотни тысяч людей оставили свои земли и отправились на поиски пропитания, но все, что могло сделать верховное правительство, это разрешить местным властям реквизицию 30 % частных запасов зерна.

Экспансия империи Хань на юг определила контакты Китая со многими культурами. Этот контейнер для раковин каури высотой 38 см выполнен в форме барабана. Яркие, реалистичные изображения людей и животных на нем совсем не похожи на изделия из центральной части Китая, но типичны для искусства царства Дянь доханьского периода. Бронзовые барабаны были также найдены на юго-востоке Азии, что позволяет предположить наличие контактов между Дянь и культурами более южных территорий. Контейнер найден в Шичжайшане (провинция Юньнань) и датируется ок. 100 г. до н. э.

Империя Хань так никогда и не оправилась от разразившегося в 184 г. массового восстания, организованного сторонниками «Пути Великого Благоденствия». В основе этого религиозного культа лежали даосские идеи — вера в возможность исцеления и достижения всеобщего благополучия. Сотни тысяч фанатиков захватили правительственные учреждения сразу в нескольких частях страны, в некоторых областях и уездах были убиты представители власти. Хотя через год это восстание было подавлено, в стране появились новые повстанцы, провозглашавшие похожие доктрины и использовавшие похожие принципы организации. На этот раз правительство оказалось бессильно. Отправляемые на подавление мятежей генералы в целях получения личной власти сталкивали свои армии и боролись друг с другом, что вылилось в несколько десятилетий гражданской войны. В 189 г. военачальник, которому был поручен контроль над столицей, казнил более 2 тыс. евнухов и сделал императора своей пешкой. Лоян был захвачен и сожжен, были уничтожены практически все правительственные библиотеки и архивы. В этих условиях династия Хань прекратила свое существование.

Одной из задач легизма эпохи Цинь был контроль над действиями императора и всех членов общества. Хотя правительство Хань и смягчило многие правила Цинь, единый установленный принцип ведения хозяйства все же не был упразднен. Во времена Хань налогом облагался каждый гражданин, в соответствии с возрастом, полом и дарованными империей титулами. Случалось, что богатые и влиятельные семейства насильно заставляли менять место жительства, например в 198 г. до н. э. 100 тыс. человек были вынуждены переселиться в новую столицу Чанъань. На общественные работы все так же вербовали целые трудовые армии, все так же использовался труд осужденных, но теперь люди работали уже не в таких ужасных условиях, как это было в период династии Цинь. Во время Хань велись работы по реконструкции Великой стены, ремонтировались дамбы на Хуанхэ, строилось огромное количество дорог.

Тем не менее во времена Хань жизнь в местных сообществах не во всем определялась позицией государства и столицы. Исключение составляла особая категория чиновников («твердых чиновников», если использовать терминологию того времени), которые игнорировали реально существовавшие структуры местной власти и в принудительном порядке пытались заменить их всеми теоретически возможными управленческими структурами государства. Более типичным был компромиссный подход, когда присланные из центра наместники назначали на посты членов семейств местной знати или оставляли многие дела в руках местной элиты, заручаясь таким образом ее поддержкой. Подобные взаимоотношения между центральным правительством и местной властью воспринимались как наследие имперской системы Хань, поскольку утверждали неограниченную власть империи.

Китай времен династии Хань был современником Римской империи, поэтому их часто сопоставляют. В ряду общих характеристик можно назвать сильные правительства, которые поощряли территориальный рост государств и ассимиляцию и в течение нескольких веков обеспечивали стабильность в центральных регионах. Обеим империям удавалось справляться с проблемами, связанными с огромными масштабами, и руководить приблизительно одинаковым количеством

людей на примерно одинаковой территории. И в Китае, и в Риме развивались административные учреждения, куда брали на службу образованных землевладельцев. Обе империи вкладывали немалые средства в строительство дорог, защитных стен и систем водоснабжения. Обеим на границах угрожали варварские племена, и обе нередко заключали союзы с некоторыми из этих племен как со вспомогательной военной силой.

Любопытны также различия между Китаем династии Хань и Римом. Китай представлял собой скорее аграрную цивилизацию. Разведение животных играло гораздо меньшую роль, города и торговля также незначительно определяли экономику империи. Культурные традиции в этих двух империях также различались. Возможно, благодаря китайской системе письменности намного проще говорить о культуре элиты периода Хань, чем о римской. По мере усиления влияния китайской культуры в приграничных районах, обусловленного присутствием китайских гарнизонов и правителей, местное население научилось читать по-китайски. Логографическая система письменности облегчала восприятие основных принципов китайского языка и блокировала артикуляцию звуков, присущих данной местности. В Римской империи другая ситуация: даже когда латынь трансформировалась в лингва-франка, другие письменные языки оставались в употреблении (греческий, иврит и демотическое египетское письмо), что способствовало выживанию неримских идей. Все, что мы знаем о ценностях *дэнь*, *юэ* и *сюнну*, пришло к нам из текстов, записанных на китайском.

БУДДИЗМ, АРИСТОКРАТИЯ

И ИНОЗЕМНЫЕ ПРАВИТЕЛИ

ЭПОХА РАЗДРОБЛЕННОСТИ (220–589)

После того как в 220 г. пала династия Хань, Китай раскололся на государства, которые оказались неспособными управлять своими территориями. До момента окончательного объединения Китая в 589 г., а произошло это после воцарения династии Суй, его разрывали междоусобицы. Спустя несколько десятилетий соперничества между тремя претендентами (период Троецарствия, 220–265 гг.) Китай на некоторое время был объединен Западной Цзинь (265–316). Как только империя Цзинь пошатнулась под воздействием внутренних раздоров, в борьбу вступили некитайские племена. Так север Китая оказался под контролем иноземных завоевателей, а на юге правили переселившиеся из бывшей столицы аристократы. Слабое правительство практически не пыталось сдерживать тенденции, ведущие к социальному неравенству. За эти века сильно обогатились аристократы и усугубилась крепостная зависимость низов общества. Доверие к конфуцианским взглядам на общественный и политический порядок ослабело, и люди всех социальных уровней искали ответ в религиях, обещавших спасение и расширение сознания, причем не только в даосских культах, но и в только зародившемся буддизме, чрезвычайно обогатившем интеллектуальное и религиозное самосознание китайцев.

ТРОЕЦАРСТВИЕ И ДИНАСТИЯ ЦЗИНЬ

В период между династиями Хань и Тан во главе страны сменяли друг друга слабые временные правительства, они никогда не достигали такого уровня власти, как Хань или Тан в годы своего расцвета. Общественная жизнь и культура Китая, которая обычно регламентировалась сильными правительствами, смогли развиваться относительно свободно, что привело к неоднозначным результатам.

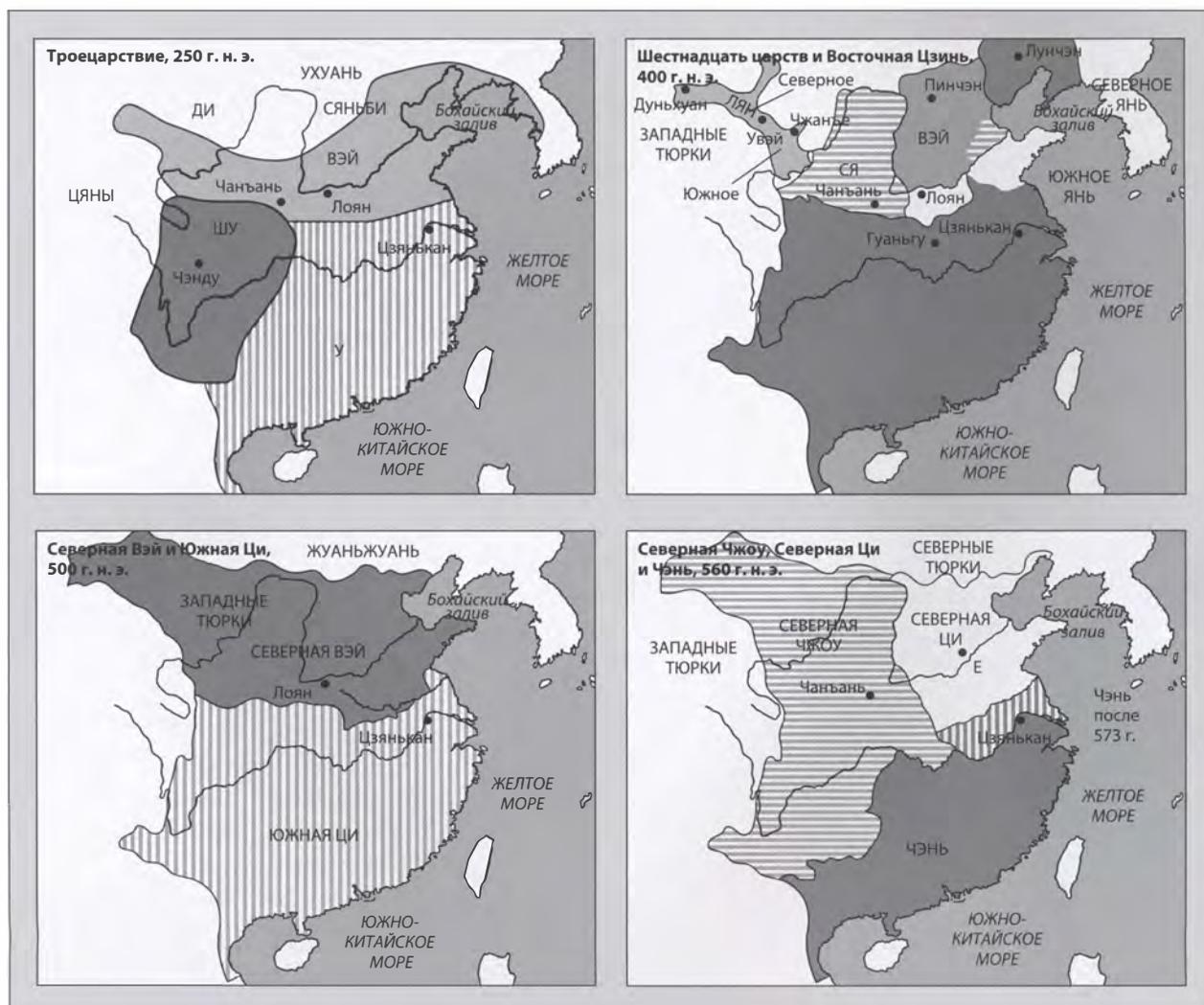
Эти три с половиной века — один из самых сложных периодов в истории Китая. Он начался, когда генералы, направленные правительством Хань для подавления восстания «Желтых повязок», оказались сильнее трона и начали делить между собой власть.

К 205 г. поэт-генерал Цао Цао возглавил северный Китай. Вместо того чтобы ограничить рост благосостояния местных богачей, которых было тяжело заставить платить налоги, Цао Цао предложил альтернативные пути снабжения своих армий. Захватив разоренные войной земли, он обозначил огромные государственные поместья, заселил безземельными бедняками и пленными мятежниками и заставил их обрабатывать эту землю. Таким образом государство

оказалось самым крупным землевладельцем. Кроме того, Цао Цао основал военные поселения, в которых хозяйство переходило по наследству, мужчины могли и воевать, и возделывать землю. В коннице Цао Цао числилось огромное количество людей из племени сюнну, этих легионеров он поселил на юге Шаньси. После смерти Цао Цао в 220 г. его сын Цао Пэй утвердил власть своей семьи, принудив последнего императора Хань отречься от трона, и основал династию Вэй в старой столице империи, Лояне.

Двое соперников, претендующих на трон, обладали достаточной мощью, чтобы помешать Цао Цао и Цао Пэю построить государство, по масштабам соотносимое с Хань. Территории в центральном и нижнем течении Янцзы и еще дальше к югу принадлежали государству У, основанному братьями Сунь Цэ и Сунь Цюанем. Их поддерживали знатные семейства, переселившиеся в этот приграничный регион, который был все еще густо населен местными народностями.

В течение трех с половиной веков после распада империи Хань Китай находился в раздробленном состоянии. Границы постоянно изменялись. Южные государства владели огромными территориями, но они никогда не обладали той военной мощью, которая была у расположенных на севере государств. И в конце VI в. Китай был вновь объединен государствами, возникшими на северо-западе

На западе, в Сычуане, Лю Бэй, дальний родственник императорского семейства Хань, создал свое государство, в этом ему помог блестящий стратег Чжугэ Лян. Но империя Вэй превосходила любое из этих государств по численности населения (более чем в два раза) и обладала сильнейшей армией, поэтому неудивительно, что в конце концов именно она одержала верх. В 263 г. Вэй разбило государство Шу в Сычуане. Однако два года спустя сын победоносного генерала заставил императора Вэй отречься от трона в его пользу. Так была основана династия Цзинь, названная позднее Западной Цзинь (265–316). В 280 г. в результате крупной военно-морской кампании было уничтожено южное государство У. Династии Цзинь удалось объединить Китай, и некоторое время даже казалось, что недалек тот час, когда можно будет повторить славу династии Хань.

Пока продолжалась вооруженная борьба, на протяжении века в высших кругах царил атмосфера эгоизма и отчужденности. Идеалы Конфуция, ставящие превыше всего общественное благо, утратили свою значимость, образованные и обеспеченные люди начали соревноваться друг с другом в экстравагантности образа жизни. Имеющие склонность к философии изучали таинственные и загадочные явления. Такие книги, как «Канон перемен», «Лао-цзы» и «Чжуан-цзы», интерпретировались по-новому, а интеллектуальные диспуты выстраивались вокруг метафизических проблем, например о значении «небытия» и его отношении к «бытию». Популярны были остроумные дискуссии, так называемые «чистые беседы», особенно

- ▶ Первоначально стремя использовали только для того, чтобы быстрее взбираться на лошадь, благодаря чему повысилась мобильность конных воинов. Эта керамическая 23-сантиметровая фигурка была найдена в могиле в Шаши (провинция Хунань). Как видим, всадник пользуется еще не всеми преимуществами стремени

содержавшие выразительные характеристики известных личностей. Многие выражали отвращение к политике с ее непростыми правилами и отказывались участвовать в грязных стычках придворных кланов.

Поиск «естественности» и «непосредственности» привел к творческому всплеску, особенно это проявилось в поэзии. Огромное влияние на развитие лирического стихосложения оказали выдающиеся поэты Цао Цао и его наследник Цао Пи со своим младшим братом Цао Чжи. Среди самых утонченных эстетов того времени сформировалась группа одаренных поэтов, вошедших в историю как «Семь мудрецов из бамбуковой рощи». Один из них, Жуань Цзи, шокировал современников тем, что горько оплакивал умершую незамужнюю соседку, в то время как в день похорон своей матери ел мясо и пил вино. Когда кто-то упрекнул его за разговор с невесткой, он ответил: «Уж не считаете ли вы, что правила пристойности относятся и ко мне?». Такое поведение приводило в ярость консервативных конфуцианцев и властолюбивых правителей, и в 262 г. один из семи мудрецов, Си Кан, был казнен за оскорбление общественной морали.

Западная Цзинь объединила Китай, но ее правителям так и не удалось создать автократическую по структуре империю, которая была бы залогом безусловной власти императора и предотвратила бы раздоры и борьбу за трон. Правящему семейству постоянно угрожали родственники императорских жен, особенно отличилось семейство Цзя, членов которого подозревали в организации убийства предыдущей императрицы, ее родни, а также нескольких престолонаследников. Кроме того, императоры не могли полностью контролировать государственную гражданскую службу. Сначала назначение на государственные посты происходило в соответствии с так называемой «системой девяти рангов», учрежденной в Вэй: принимали во внимание характер и дарование претендента. Но постепенно этот сложный процесс выродился в процедуру распределения мест согласно положению семьи потенциального чиновника. Дарение огромных участков земли князьям, родственникам правителя, обернулось для династии Цзинь еще большим ослаблением централизованной власти. Обладание такими ресурсами

В течение целого века после смерти «Семи мудрецов из бамбуковой рощи» их прославляли как представителей наиболее самобытного интеллектуального сообщества. Этот оттиск двух кирпичных секций, которыми была облицована могила IV в., раскопанная возле Наньцзина (провинция Цзянсу), изображает увлеченных беседой мудрецов

провоцировало братоубийства, которые нередко выливались в кровопролитную борьбу за наследование трона. Каждый ван находил себе союзников — генералов и некитайских вождей с армиями. В результате с 291 по 305 г. сама столица и ее окрестности были охвачены самой настоящей гражданской войной.

СЕВЕРНЫЕ И ЮЖНЫЕ ДИНАСТИИ

Династия Цзинь погрязла в междоусобной войне и стала уязвимой. Один за другим вожди некитайского происхождения организовывали мятежи. Во II и III вв., дабы обезопасить государство от набегов *сюнну* и других северных народов, сотням тысяч их представителей было позволено селиться на территориях Китая. Из числа этих народов нередко набирали солдат, а также формировали вспомогательные войска. Однако управлять этими, в недалеком прошлом кочевыми, а теперь оседлыми скотоводами оказалось нелегко, да и процесс ассимиляции был затруднен. В 304 г. (китаизированный вождь *сюнну* Лю Юань объявил себя императором Хань. В 311 г. его сын захватил столицу Цзинь Лоян, заставив жителей города в ужасе спасаться бегством. В 316 г. другой предводитель *сюнну* напал на Чанъань, вскоре в стычку вступили вожди Ши Лэ и Фу Цзянь, в меньшей степени подверженные китайскому влиянию. Весь период, вошедший в историю как период «Шестнадцати царств» (304–439), северный Китай представлял собой поле сражения, а китайская цивилизация находилась под угрозой.

Война ознаменовалась разгулом бандитизма и голодом, деревенские общины северного Китая строили укрепления и собирали отряды самообороны. Постепенно власть перешла к местным руководителям, она удалась от центра сильнее, чем в годы упадка империи Хань. Страдала торговля, сократилось денежное обращение. Несколько миллионов жителей северного Китая собрали свое имущество и бежали через Янцзы на юг. Столкнувшись с мародерством и угрозой чужеземных порядков, даже богатые и высокопоставленные жители спешно покидали свои дома и владения. В Цзянкане (современный Нанкин) высшие чиновники сформировали правительство в изгнании, возведя на трон отпрыска цзиньского дома. Примеру Восточной Цзинь (317–420) последовали еще четыре династии, тоже осуществлявшие правление из Нанкина. Вместе Сун, Ци, Лян и Чэнь называли Южными династиями (420–589). Эти четыре короткие династии были основаны генералами, успешно справлявшимися с бременем власти при жизни, но не сумевшими передать ее своим наследникам. У них было желание создать империю, но не было возможности обеспечить сосредоточение власти в одном месте.

Сложности, с которыми сталкивались эти правители, частично объяснялись появлением наследственной аристократии, закрепившейся в высших кругах чиновничества. В этих семействах еще в большей степени, чем в эпоху Хань, судили о других по происхождению и вступали в брак только с представителями семейств с не менее знатной родословной. Было принято составлять генеалогические древа самых известных родов. Закрепив почти автоматический доступ к высшим государственным постам при помощи системы девяти рангов, аристократы

обеспечили себе государственные зарплаты и освобождение от налогов и трудовой повинности. Многим удалось обзавестись большими поместьями, где трудились нищие, беженцы с севера, попавшие в крепостную зависимость. При дворе представители знати часто конфликтовали с правителями-«выскочками», стараясь помешать назначению или продвижению императорских фаворитов. Но не стоит считать аристократов врагами китайской цивилизации. Члены этих семейств видели себя ее носителями, именно они сохраняли высшие культурные достижения династии Хань и традиции ученых-чиновников. Сплоченность знати была гарантией выживания китайской цивилизации в тот период, когда ни одно из государств не было способно выполнять такую функцию.

Возникновение столицы южнее Янцзы благотворно сказалось на экономическом развитии южного региона. В 311 г. после падения Лояна на юге жило всего лишь 10 % от зарегистрированного населения Цзинь (не считая представителей некитайских племен — местных жителей, не плативших налоги). Чтобы содержать армию, императорский двор и аристократию в соответствии с их претензиями, правительство было вынуждено расширить область налогооблагаемых сельскохозяйственных угодий. Поэтому всё новые и новые земли заселялись мигрантами, коренные жители такжеполнили ряды налогоплательщиков. Юг,

В частых сражениях, ознаменовавших эпоху раздробленности, пехотинцы, всадники и их лошади были закованы в доспехи. Как это выглядело, мы можем судить, например, по датируемой VI в. батальной сцене, изображенной на стене пещеры 285 в Дуньхуане (провинция Ганьсу)

с его умеренным климатом и обильным снабжением водой, давал практически неограниченные возможности такой политики.

При дворе в Нанкине шла непрерывная борьба за власть. Самое разрушительное восстание началось в 548 г. Оно было инициировано претендентом на пост полководца Хоу Цзином, который пришел с севера, собрал большую армию из числа противников правящего дома и осадил столицу. После четырех месяцев блокады города в своих особняках от голода скончались многие члены знатных семейств. Хотя генерал вскоре и провозгласил новую династию Чэнь, его управление отдаленными территориями сводилось в основном к назначению на главенствующие посты местных лидеров.

Север тем временем развивался по другому пути. В IV в. вышедшие из различных этнических групп военачальники сражались за контроль над территорией, всевозможными способами стараясь вытеснить друг друга. Первым, кто укрепил свои позиции, оказался сяньбийский клан Тоба. Его члены нашли источник доходов в сельском хозяйстве Китая и основали династию Северная Вэй (439–534). В начале IV в. они пришли из южной Маньчжурии и заняли территорию на севере провинции Шаньси, которая стала их военной базой. Здесь они готовились к набегам на другие племена и китайские поселения, сюда приводили пленников, лошадей, коров и овец.

С усилением присутствия сяньби на территории Китая набирал обороты процесс переселения их общин на заброшенные земли. Активная сельскохозяйственная деятельность на этих участках гарантировала продовольственное обеспечение основанной ими столицы. Мечтая подчинить себе весь китайский мир, они обратились к образованным китайцам, экспертам в искусстве управления государством. Нанимать китайских чиновников и учреждать предложенные ими институты было целесообразно, поскольку численность представителей племени сяньби и других северных племен их конфедерации не превышала и двух миллионов человек, тогда как китайцев, над которыми они пытались установить контроль, вероятнее всего, было тридцать миллионов.

Именно по совету китайцев правительство Западной Вэй пересмотрело фискальную систему и установило принцип «равных полей», то есть надельную систему, напомнившую попытки Хань обложить налогами частные хозяйства, а также военные поселения и государственные земли Цао Цао. Новая система Вэй основывалась на том, что единственным землевладельцем является государство. Частным хозяйствам правительство выделяло 20 му наследственной земли, которая предназначалась для выращивания тутовых и прочих деревьев, в пожизненное пользование предоставлялся также участок земли под зерновые культуры, площадь такого участка зависела от имеющихся трудовых ресурсов. Например, на одного трудоспособного человека (включая рабов) давали 40, на быка — 30 му. Поместья большего размера позволялось иметь только семьям чиновников. Эта система «равных полей» должна была стать «гарантией того, чтобы не было запущенных участков, чтобы не было бродяг, чтобы могущественные семейства не захватили всю плодородную землю и чтобы простые люди получили свою долю земли». Даже если влиятельным лицам и удавалось обойти закон, правительство смиряло их налогом на землю. Введение такого налога

стало ключевым этапом построения фискальной основы для все более укрепляющейся системы правления.

Несколько лет спустя император Сяо-вэнь (471–499) решил преобразовать свое государство в истинно китайскую династию по образцу Хань и Цзинь. В 490-х гг. он перенес столицу более чем на 480 км на юг, на место разрушенного Лояна и отстроил там прекрасный новый город. Сяньбийцам дал китайские фамилии, а свою семью назвал Юань («исток»). При дворе нужно было говорить по-китайски и носить традиционную китайскую одежду, приказ распространялся даже на сяньбийцев. Сяовэнь поощрял заключение браков между представителями сяньбийской и китайской элит.

За двадцать пять лет Лоян стал великолепным городом с полумиллионным населением, огромными дворцами, изящными особняками и тысячей буддийских монастырей. Многие знатные сяньбийцы научились ориентироваться в культурных традициях Китая и ощущали себя «своими» среди аристократических китайских семейств.

Однако это равновесие с центром в Лояне оказалось недолгим. В 524 г. восстали солдаты-сяньбийцы, приписанные к гарнизонам северных границ, которые были призваны защищать от набегов степных жителей (жуаньжуаней и тюрков). Они возненавидели китаизированных сяньбийских аристократов, купавшихся в роскоши абсолютно китайского Лояна. После столкновения мятежников и отправленных на их подавление войск разразилась гражданская война. Захватив Лоян, повстанцы казнили около 2 тыс. чиновников.

Спустя десятилетие гражданской войны обозначились двое основных соперников, каждый из которых претендовал на трон Вэй. В 552 г. на востоке была основана династия (Северная) Ци (552–577), которая отделилась от Вэй. В 557 г. западные области последовали этому примеру и провозгласили (Северную) Чжоу (557–581). Оба двора страдали из-за этнического конфликта между китаизированными сяньбийцами, китайскими аристократами и воинами, избежавшими китайского влияния. На северо-западе закон, требующий от сяньбийцев принятия китайских имен, был отменен, более того, китайским чиновникам давались сяньбийские имена. В 553 г. северо-западный двор завоевал Сычуань, до тех пор удерживаемый югом. В 575 г. южный двор Чэнь совершил умный с точки зрения дипломатии ход, заключив союз с двором Чжоу, вместе они завоевали Ци. Царство Ци было уничтожено в 577 г., большая часть территории перешла Чжоу, а север был вновь объединен. В 581 г. власть в Чжоу была узурпирована одним из генералов, провозгласившим династию Суй. Вскоре он уничтожил Чэнь и объединил весь исконный Китай (см. главу 5).

Воссоединение стало возможным благодаря введению нового военного института, позволяющего расширять армию без риска для государственной казны. Это было ополчение, добровольческая армия из крестьян, служивших кто в столице, кто на границах. К 570-м гг. численность этой «милиции» выросла до 200 тыс. человек. Экипировка солдат была довольно дорогой: следовало учесть затраты на лошадей, на доспехи для них и для всадников, которые были предназначены для защиты человека и животного от стрел мощных арбалетов. Всадники были вооружены легкими луками, дальность стрельбы которых составляла

300 м, а пехота использовала арбалеты, выстреливавшие на расстояние до 450 м. Городские стены воины осаждали с большими, мощными арбалетами в руках, дальность их стрельбы превышала 900 м. Вступающие в конные отряды ополчения добровольцы должны были приводить своих лошадей; скорее всего, они происходили из семей, члены которых долгое время служили в войсках. Пехотинцами же становились состоятельные крестьяне, в обмен на это их освобождали от уплаты налогов. Расходы на содержание армии сокращались еще и за счет того, что солдатам было позволено заниматься сельским трудом в свободное от учений или кампаний время. Координировать ополчение было проще, чем военные силы, которым оно пришло на смену, поскольку военные в большинстве своем были преданы только своим офицерам.

«ГОСТИ», СЛУГИ, КРЕПОСТНЫЕ И РАБЫ

Династии Цинь и Хань большую часть доходов получали напрямую от производителей сельскохозяйственной продукции. Поэтому они были вынуждены постоянно заботиться о том, чтобы земельные и человеческие ресурсы не выпадали из их налоговых реестров. Сменившие Хань более слабые государства еще в меньшей степени имели возможность поставить на место бедняков, которые не выплачивали долги и налоги, равно как богачей и имеющих власть людей, накапливающих земли и крепостных работников. В эпоху раздробленности возросла доля населения, находящегося в статусе зависимых.

Само по себе это унижительное положение было не ново. К концу периода Чжоу считалось нормальным разграничивать обычный «добрый» и «подлый» люд — изувеченные за совершение преступлений или осужденные на рабство в наказание за преступление ближайшего родственника (в случае, когда самого родственника приговаривали к смерти). В конце правления династии Чжоу и при Хань окончательно разоренные китайцы нередко продавали своих жен и детей в домашние слуги или в крепостные. Однако закон устанавливал суровое наказание за похищение и продажу в рабство «добрых» людей. Вероятно, мало кто из китайцев считал коренных жителей юга «добрым» людом, так как во времена Хань и после нее южные территории являлись основным источником рабов.

С появлением больших земельных наделов и формированием частных армий, начиная со времен Поздней Хань, обозначилось новое гражданское состояние — «гость»¹. Многие добровольно переходили в подчинение к богатым покровителям, меняя свободу на защищенность. «Гости» крупных землевладельцев на местах могли вести сельское хозяйство или участвовать в сражениях, другие же выполняли исключительно функции частных солдат. Еще в III в. государство закрепило такие отношения, попытавшись ограничить приобретение «гостей» чиновниками. В соответствии с указом правительства Цзинь высокопоставленные чиновники могли иметь не более сорока зависимых освобожденных от налогообложения и трудовой повинности людей, а для чиновников более низкого

¹ В англоязычной литературе это понятие обозначается термином *client*, «клиент». — *Примеч. ред.*

Запряженные волами телеги стали привычным средством передвижения, поскольку являли собой более дешевую альтернативу конным повозкам. Эта керамическая модель была обнаружена в гробнице середины VI в. в Тайюане (провинция Шаньси)

ранга были определены другие, соотносимые с их положением количества, до 10 человек. Тем не менее никто эти ограничения не учитывал. Во время Южных династий численность зависимых людей, по сути крепостных, ощутимо возросла, поскольку многие беженцы были готовы принять даже этот статус, лишь бы получить земельный участок.

Обычаи северных пастушеских племен усилили тенденцию к распространению крепостной зависимости и рабства. В этих племенах существовало разделение на полноправных членов общества и рабов. Когда одно племя одерживало верх над другим, пленные становились невольниками победителей, и в зависимости от способностей их распределяли для выполнения различных видов работ, чаще всего это была самая черная работа. Сражаясь против Южных династий, армии Северной Вэй тысячами обращали пленных в рабство. Генералы могли пополнять пленными солдатами состав своих армий, но высокопоставленные чиновники, получавшие десятки и сотни невольников, превращали их в домашних слуг или селили на своей земле, поручая им ее обработку. Используя систему «равных полей», правительство Вэй поддерживало привлечение рабского труда в сельском хозяйстве, в соответствии с этой системой рабы учитывались при распределении земли.

Ставших рабами пленников иногда освобождали или выкупали. В середине V в. южный чиновник предлагал тысячу рулонов ткани за свою шестидесятилетнюю жену, которая, попав в плен, оказалась служанкой во дворце. Другой чиновник, с севера, отправился на юг, чтобы предложить тысячу лошадей в обмен на пятьдесят человек, захваченных в военной кампании. Когда в 554 г. Северная

Чжоу завоевала город Цзянлин, принадлежавший Лян, в рабство было обращено более 100 тыс. его жителей. Генерал Юй Цзинь получил тысячу рабов, 200 рабов достались одному из его сыновей. Некоторых пленников выкупили друзья и родственники, кого-то из них через несколько лет освободили новые хозяева. В 557 г. тот, кто еще находился в рабстве, обрел свободу по императорскому указу. В указе было сказано, что в случае если раб пожелает остаться с хозяином, его будут подвергать меньшим унижениям, но все же обращаться как со слугой.

Многое из того, что мы знаем о жизни рабов и крепостных, взято из бытовых записей их владельцев. Члены высокопоставленных семейств за малейшую провинность могли забить раба до смерти, не опасаясь привлечения к суду, это не считалось преступлением. Нередко рабам делали татуировку на лице, чтобы исключить возможность их побега. Рабыни часто становились наложницами хозяина, а рабское клеймо переходило к их детям. Отпрыски рабов-мужчин оказывались в однозначно зависимом положении: хозяин их отца мог подарить их кому-нибудь, оставить себе или же освободить — все зависело от его желания.

Буддизм

Когда доверие гражданскому правительству иссякло, в Китае получила распространение религия, на тот момент уже известная во многих странах Азии. Когда в Китай проникло учение Будды, китайцам открылось совершенно новое восприятие жизни и смерти, человека и Вселенной.

Шакьямуни, вошедший в историю под именем Будды («Будда» означает «просветленный»), жил в Индии и был современником Конфуция. Вполне естественно, что в основу его учения легли традиционные концепции индийской космологии, такие как карма и реинкарнация. Согласно этим взглядам, мужчины, женщины, животные, птицы, обитатели подземного царства и все прочие живые существа проходят через бесконечную череду жизней. То опускаясь, то возвышаясь — в зависимости от кармы и накопленных злых или добрых дел. Шакьямуни путешествие его души позволило открыть главные истины существования человека: он учил, что все желания и привязанности и есть источник человеческих страданий — люди запутываются в сетях привязанностей, они неизбежно разочаровываются, на них наваливаются заботы. Нужно жить духовной жизнью, дабы остановить этот процесс. Следует воздерживаться от соблазнов, упражняться в способности проникать в суть вещей и учиться концентрации. Тот, кто идет по этому пути, в конечном итоге сможет избежать повторного рождения и достичь нирваны, но для достижения главной цели может понадобиться не одна жизнь. Первые, самые преданные последователи Шакьямуни оставили свои семьи, и поиск пути спасения стал их главным делом. После смерти учителя его проповеди передавались из уст в уста, и только через несколько веков они были записаны и положены в основу большинства священных книг, называемых сутрами.

Буддизм проник в Китай тем же путем, что и товары, ввозимые из северной Индии, — через проповедовавшие буддизм царства Центральной Азии, такие

как Хотан и Куча. В начале новая вера воспринималась как религия чужеземцев. То, с чем столкнулись китайцы II–IV вв., нельзя назвать целостным мировоззрением. Это был комплекс разнообразных идей и обрядов, в равной степени соотносившихся и с монашеской дисциплиной, и с магией, он также включал в себя поклонение статуям и реликвиям и медитативные и экстатические техники. К моменту, когда китайцы узнали о буддизме больше, начала развиваться философия Махаяны (что значит «большая колесница»), таким образом в Китай одновременно проникали и первоначальные, и более поздние формы буддизма. По мнению приверженцев Махаяны, ставящий перед собой цель достичь нирваны может быть назван эгоистом, и стремиться следует к обращению в бодхисаттву, то есть существо, достигшее состояния Будды ради спасения других живых существ.

На закате Западной Цзинь буддийские идеи стали очень популярными среди членов высшего общества Китая. Решившие стать монахами должны были отказаться от фамилий и принять обет безбрачия, перечеркнув таким образом культ предков, который связывал живых, мертвых и нерожденных. Однако многие решились пойти на такое. Эти идеи привлекли внимание и правителей соседних северных государств. Миссионеры из Центральной Азии использовали все средства, убеждая их, что буддизм гораздо мощнее привычного им шаманизма. К тому же буддийские концепции, в отличие от конфуцианских, были универсальными, они не создавали невыгодных условий для жителей некитайских государств и вполне могли быть положены в основу консолидации многонационального населения.

Многими китайцами буддизм был воспринят сперва как вариант даосизма. Это объясняется тем, что в первых переводах смысл буддийских идей передавался при помощи даосской терминологии. Например, махаянистская концепция пустоты явлений в соответствии с даосской теорией называлась учением о небытии. Более точное понимание буддизма связано с заслугами известного монаха Кумарадживы (350–413). Прибыв из Центральной Азии, он поселился в Чанъане, где усадил несколько тысяч монахов за перевод текстов. Китайцы, желающие постичь то, что осталось непереуверенным, тоже стали отправляться в трудные путешествия в Индию. Первые записки о таком путешествии принадлежат отважному монаху Фа-сяню, который в 399 г. добрался до Индии по суше через Кучу и Хотан, а в 414 г. морем возвратился через Шри Ланку и Суматру.

Постепенную адаптацию буддизма в Китае можно проиллюстрировать рассказом о о жизненном пути великого учителя Хуэй-юаня (334–417). Он родился на севере в период величайших волнений, получил базовое образование, изучая конфуцианские и даосские тексты. Проповедь китайского монаха (ученика миссионера из Кучи) побудила Хуэй-юаня оставить семью. В конце концов он оказался на юге, в провинции Цзянси, и в горах Лушань основал монастырь. Здесь Хуэй-юань вел ученую переписку с Кумарадживой, обсуждая доктрину, и обучал последователей техникам концентрации и визуализации образов Будды. В 402 г. он собрал группу, состоящую из монахов и мирян, перед изображением «чистой земли», западного рая будды Амитабы, таким образом он дал понять, что буддизм является

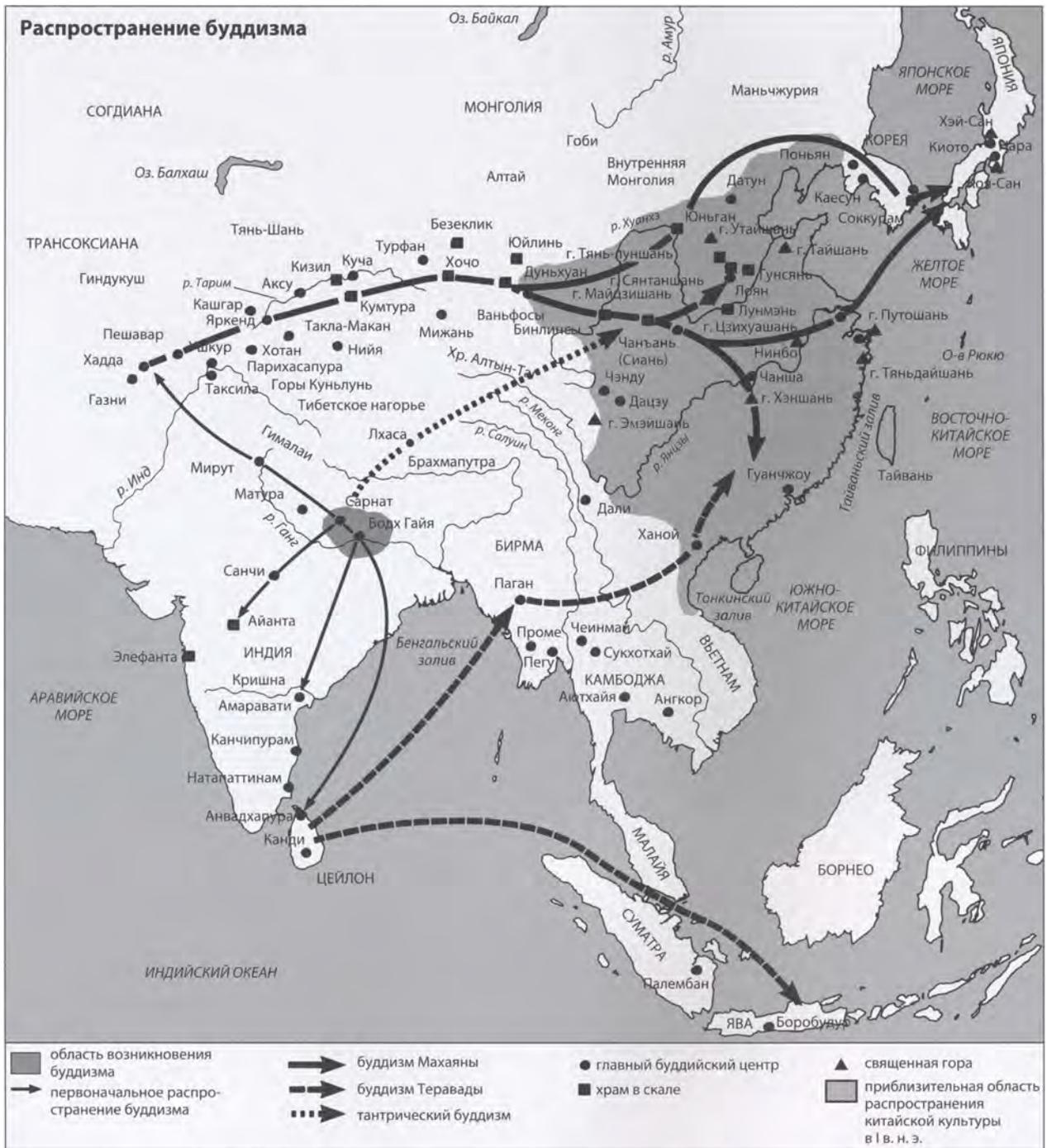
Бронзовый алтарь. Будда Амитаба изображен сидящим на троне из лотоса в окружении учеников и слуг. Надпись гласит, что алтарь был изготовлен в 593 г. по заказу восьми пожилых женщин (называющих себя матерями перечисленных мужчин), чтобы заслужить благодать для членов своих семей

Буддизм изменил и ландшафт Китая: в городах и далеко в горах были построены монастыри и храмы. К 477 г. в северном Китае было 6478 буддийских храмов, 77 258 монахов и монахинь, на юге несколькими десятилетиями позже количество храмов составило 2846, духовенство насчитывало 82 700 человек. Великолепие буддийского искусства (см. с. 106–107) привлекало представителей всех слоев населения.

В 460 г. двор династии Северная Вэй заказал храмы в Юньгане, неподалеку от столицы (север современной провинции Шаньси). Из 53 пещер большая часть была вырублена до 494 г., в это время династия Вэй перенесла столицу на юг, в Лоян. В пяти первых пещерах возвышаются огромные каменные изваяния Будды, самая большая из них — стоящий Будда высотой около 21 м.

религией, в которой все верующие равны. Через два года, в 404 г., Хуэй-юань написал трактат «Почему монахи не кланяются царям», провозгласив тем самым политическую независимость буддийской церкви. Он пытался убедить правителя, что буддизм не является антриправительственным движением, что буддисты несут добро, поскольку опасаются наказания в виде плохой кармы и желают попасть в рай, а потому действуют осмотрительно. «Тот, кто возликует на Пути Будды, сперва должен послужить своим родителям и повиноваться своим господам».

Широкое распространение в Китае буддизм получил в конце эпохи раздробленности. Простых людей он привлекал однозначностью ответов на вопросы о страдании и смерти, которой не отличались исконно китайские религии. Он предлагал развернутое представление о загробной жизни и возможности спасения и обещал, что однажды все создания смогут избавиться от страданий и достичь блаженства. Буддийская этика, в том числе запрет на лишение жизни, воспринимался многими как утирированная форма сострадания. Уход в монастырь стал новой альтернативой уставшим от жизни, особенно привлекательным этот вариант оказался для знатных вдов. И действительно, буддизм благоволил к женщинам. Хотя женская реинкарнация считалась находящейся на ступень ниже, чем мужская, но и она рассматривалась как временная, в поиске пути к спасению за женщинами признавались почти равные права с мужчинами. К тому же буддизму присущи некоторые андрогинные символы, чего не было в китайских традиционных верованиях: бодхисаттва не был ни мужчиной, ни женщиной — он вне различия полов, классов и этнических групп.

Куда бы ни проникал буддизм, на каждой новой территории он впитывал местные идеи и стили искусства, дальше они распространялись уже видоизмененными. Так, формы искусства с греческими чертами, развившиеся в Афганистане, достигли Китая уже как буддийские

художественные традиции. Подобным образом китайское понимание сыновней почтительности и связи с предками пришло в Японию в качестве китаизированного буддизма с его церемониями, призванными искупить грехи предков

Тао Юань-мин и искусство китайской поэзии

Классический китайский язык с его тонами и богатыми рифмами словно создан для стихосложения. Китайские иероглифы также благоприятствуют созданию поэтических произведений, поскольку стимулируют не только фонетическое, но и зрительное восприятие. Возможно, поэтому поэзия с давних времен занимала центральное место в литературе Китая. Современники Конфуция, дипломаты и философы, в своих речах и очерках нередко цитировали «Книгу песен». Делали они это не только для того, чтобы показать свою эрудированность, но и чтобы эффективнее донести информацию до слушателя или читателя. В эпоху Хань знатоки подчеркивали, что поэзия напрямую связана с выражением эмоций: в поэтическом произведении заключено то, что взволновало поэта, объясняли они, и, читая стихотворение, восприимчивый читатель может ощутить его эмоциональное состояние. В кругах эстетствующих аристократов эпохи раздробленности поэтическое искусство небывало превозносилось, а в поэтах видели сложные индивидуальности, влекомые противоречивыми, но сильными эмоциями.

Тао Цянь, более известный под именем Тао Юань-мин (365–427), был одним из первых, кто повлиял на формирование такого образа. Тао сделал незначительную политическую карьеру на юге (современная провинция Цзянси), не задерживался подолгу ни на одной должности. Рассказывают, что однажды он предпочел оставить службу, лишь бы не развлекать чиновника, приехавшего с инспекцией, со словами: «Не буду же я кланяться этому деревенскому шуту за пять горсточек

риса». Временами он демонстрировал безграничные амбиции, а иногда ему хотелось побыть одному, чтобы прислушаться к собственному сердцу. Когда ему исполнилось сорок, он распрощался с государственной службой и занялся сельским трудом.

Дошедший до нас сборник Тао содержит более 100 произведений. В таких строках, как «излишнее размышление вредит жизни», «нет ничего лучше, чем доверять самому себе» или «правила поведения и обычаи, какая глупость следовать им с большой серьезностью», ощущается влияние даосской философии. Несмотря на то что Тао воспевал скромную жизнь, отшельником он не был. Поэт не покидал семью и друзей, а в его стихотворениях отразилась любовь к книгам, музыке и вину. «Я подношу к губам бокал и все мои заботы отдаляются. / Еще один бокал — и внезапно я забываю даже небо. / Но действительно ли небо далеко от такого состояния? / Нет ничего лучше, чем доверять самому себе» (из сборника «Питье вина в одиночку в дождливый сезон»). Тао Юаньмин идеализировал сельскую жизнь, противопоставляя ее государственной службе. В стихотворении «Возвратился к садам и полям» он предстает перед нами всем довольным обитателем деревни:

*С самой юности чужды
мне созвучия шумного мира,
От рожденья люблю я этих гор
и холмов простоту.*

В традиционных китайских храмах отсутствовали статуи и изображения божеств, буддисты же использовали их для обучения религиозным догматам, а также для помощи в концентрации на праведных деяниях.

Буддизм предполагал возвышение над классовыми различиями. Из надписей на буддийских статуях и храмах следует, что чиновники китайского и некийтайского происхождения, местная знать, простолюдины и духовенство работали вместе, принося свой вклад в общее дело. Объем пожертвований монашеским общинам был огромен: набожные миряне дарили участки земли и рабов, поскольку были уверены, что тем самым они проявляют сыновнюю почтительность по отношению к родителям и будут вознаграждены за это в дальнейшем. Самым щедрым из покровителей был император У-ди из династии Лян (502–549). Он исключил из своего рациона мясо и вино, финансировал строительство храмов, писал комментарии к сутрам и организовывал обширные собрания монахов и верующих из числа мирян, в одном из таких собраний приняли участие 50 тыс. человек. Чтобы собрать средства на нужды церкви, он добровольно

*Я попал по ошибке
в пылью жизни покрытые сети,
В суету их мирскую —
мне исполнилось тридцать тогда.*

*Даже птица в неволе
затоскует по старому лесу,
Даже рыба в запруде
не забудет родного ручья.*

*Целину распахан я на далекой
окраине южной,
Верный страсти немудрой,
воротился к садам и полям.*

*Вся усадьба составит
десять му или больше немногим,
Дом, соломою крытый,
восемь-девять покоев вместит¹.*

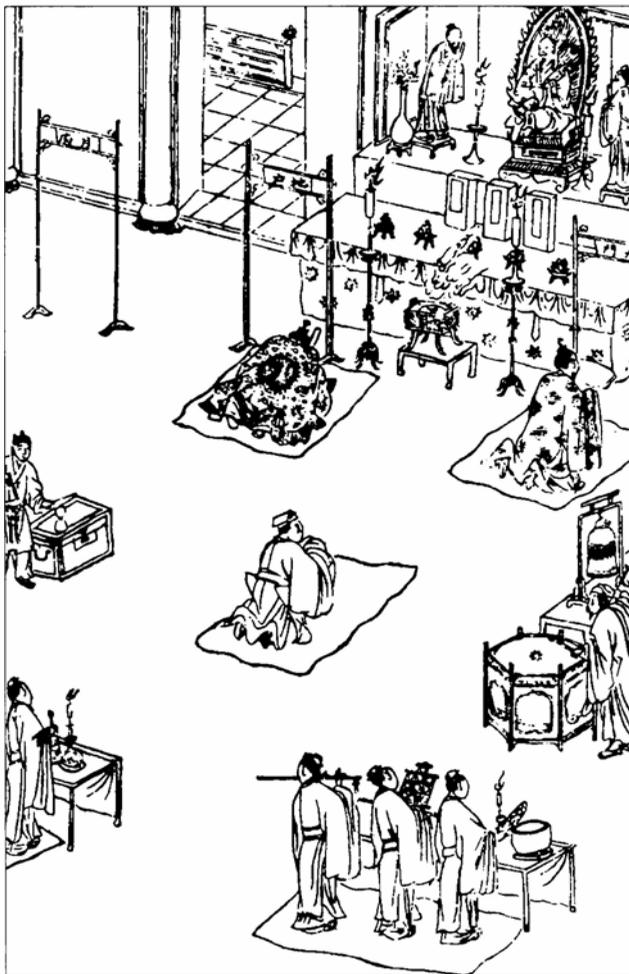
¹ Тао Юаньмин. Лирика / Пер. с кит. Л. Эйлина. М., 1964. С. 41–42.

Многие века китайские художники изображали Тао Юаньмина человеком, который принял решение удалиться от политических забот и нашел удовлетворение в простых радостях жизни. Рисунок по шелку Чэнь Хуншоу (1599–1652)

сделался узником, до тех пор пока придворные не собрали огромные суммы, желая освободить его.

Конечно, не все были довольны абсолютным успехом буддизма. Обиженные даосы и конфуцианцы называли многие буддийские идеи и практики аморальными и чуждыми Китаю. Обычай монахов брить голову и кремировать тела они осуждали как надругательство над телом, непозволительное в конфуцианстве. Особенное возмущение вызывала концепция безбрачия, ведь, по словам Мэнцзы, самым серьезным проявлением сыновней непочтительности является отсутствие наследника. Отказ монахов платить дань правителю и налоги в казну расценивался недоброжелателями как угроза благосостоянию государства. Они утверждали, что крупные суммы, затрачиваемые на возведение храмов, статуй и роскошные церемонии, подтачивали экономику, разоряли население, а значит, и государство. Чтобы опровергнуть эту критику и предупредить сомнения потенциальных новообращенных, сторонники буддизма отвечали, что их религия во многом соотносима с исконными ценностями китайцев. Высшим

В период более поздних династий даосизм все еще переживал свой расцвет, и даосские священнослужители нередко проводили масштабные церемонии. На этой иллюстрации к опубликованному в 1618 г. роману даосский священнослужитель совершает обряд. Перед ним алтарь со статуями, свечами и курительницами. Музыканты изображены поодаль, а человек, стоящий на коленях в центре зала, очевидно, является заказчиком ритуала

ДАОСИЗМ КАК РЕЛИГИЯ

Развитие буддизма в Китае как религии высшего порядка (подразумевающей комплекс священных текстов и наличие священников, умеющих их толковать) способствовало переходу даосизма в этот же ранг. Даосизм черпал вдохновение в философии периода Чжоу, проникнутой духом квиетизма, однако он был не просто ее вариацией. На новом витке появились заимствования как из народных верований (поклонение местным божествам и использование специальных заклинаний для общения с ними), так и из традиционных практик элиты, связанных с попытками достижения долголетия и бессмертия.

Становление даосизма как оформленного религиозного движения произошло во II в. н. э., когда власть империи Хань стала терять свой авторитет, и особенно это ощущалось в сельской местности Китая. Два религиозных лидера, Чжан Цзюэ (вождь восстания «Желтых повязок») и Чжан Даолин (первый Небесный Наставник), сумели обратить надежды народа на новую лучшую жизнь

проявлением сыновней почтительности, настаивали они, является освобождение родителей от мук чистилища, а добиться этого можно, совершая праведные поступки в их честь. А молитвы монахов за благосостояние правителя и всего населения нисколько не вредны для государства.

Правители, даже те, кто принимал эти аргументы, осознавали необходимость введения ограничений для буддийской церкви, так как слишком многие земли не учитывались в налоговых ведомостях. За монастырскими землями закрепили статус неотчуждаемых и освободили их от налогообложения, монахов не привлекали к исполнению трудовых повинностей, но взамен потребовали от них доказательств их набожности и образованности. Яростным противником новой религии дважды удавалось убедить северных правителей преследовать буддистов. В 446–452 и 574–579 гг. были изданы указы о закрытии монастырей и насильственном возвращении монахов и монахинь к мирской жизни. Но ни в этот, ни в последующий период гонений никто не пытался уничтожить в людях буддийскую веру. Государство никогда не вторгалось в духовную сферу жизни населения и никогда не требовало отречения от буддизма. К тому же оба периода гонений длились лишь до конца правления его инициаторов, а преемники сполна возместили нанесенный ущерб.

в мощное религиозное движение. Проживая в разных концах страны, оба образовали группы последователей, практиковавших «духовное лечение», которое основывалось на магических обрядах, и создали организации для управления своими приверженцами. Чжан Цзюэ и его последователи были разгромлены во время восстания, которое началось в 184 г., а секта Чжан Даолина в Сычуане уцелела.

Ответвление даосизма, ставящее своей целью найти секрет бессмертия, считалось очень древним еще в конце эпохи Хань. Первый император Цинь и ханьский император У-ди обращались за советами к экспертам в области искусства продления жизни. Даосский поиск долголетия обозначался такими терминами, как, например, усиление в организме энергии ян, что означает обращение вспять естественного, ведущего к смерти хода событий. При помощи особых приемов (дыхательные упражнения, диета, сексуальные практики, использование эликсиров, трав и талисманов) человек мог сконцентрировать и усовершенствовать в своем теле энергию ян, и тогда тяжелое смертное тело преобразится в легкое бессмертное.

В эпоху раздробленности образовался свод даосских священных писаний, составивших конкуренцию сутрам. На протяжении 364–370 гг. двоим людям, отцу и сыну, являлись Совершенные мужи с Небес Высшей Чистоты, царства, по величию превосходящего любое из тех, с которыми общались Небесные Наставники. Бессмертные сообщили, что демонические силы собираются очистить землю от злодеев и подготовить ее к сошествию с небес нового правителя Вселенной. Некоторые из текстов-откровений, помимо близких буддизму идей, таких как концепции предназначения и реинкарнации, содержат сведения, имеющие отношение к алхимии¹. В последующие десятилетия появились и другие откровения, зафиксированные в текстах школы Линбао. В них содержатся подробные указания, как совершать священные ритуалы. В 415 г. даосу из школы Небесных Наставников, Коу Цяньчжи, явился сам Лао-цзы. Лао-цзы поручил ему реформировать даосизм, исключив из него сексуальные практики и прочие обычаи, оскорбляющие высшие божества. Почти все писания такого рода держались в секрете от непосвященных, что отличало их от свободно распространяемых буддийских сутр.

В период Южных династий даосы учредили организации, подобные буддийским монастырям. К концу эпохи раздробленности буддизм и даосизм вступили в борьбу за власть над умами простых китайцев. Даосы утверждали, что их заклинания и способы достижения бессмертия действеннее и что сами они обладают большей властью над злыми божествами. Буддисты называли идеалы своего учения более возвышенными, а пути спасения и помощи умершим достичь лучшего перерождения более совершенными. Обе религии приспособивались к народным верованиям и включали местные божества в свои пантеоны, но отвергали убийство любого живого существа ради принесения в жертву. В этот период, да и в последующие века, больше китайцев пополняло ряды буддийского

¹ Медиумически записанные откровения бессмертных, явившихся с Небес Высшей Чистоты, составили текст «Речи Совершенных». — *Примеч. науч. ред.*

духовенства, нежели даосского, было построено больше буддийских храмов, чем даосских, но обе религии развивались во взаимодействии друг с другом, а также с властями и обществом Китая.

РАЗЛИЧИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

До середины VI в. политическая раздробленность Китая существовала уже более двух столетий, поэтому общество и культура каждого региона развивались независимо друг от друга.

Различались, например, стили жизни семейств в аристократических кругах севера и юга. Занимающие высокое социальное положение северяне обычно не покидали земли, где на протяжении столетий жили их предки, как правило, это была сельская местность. Очень важным для них было соблюдение конфуцианских догматов и воплощение их в семейной и общественной жизни. Тем не менее они стремились занять высокие посты в правительстве не только из чувства долга, но и потому, что такая служба была престижной и гарантировала власть и связи с представителями элиты по всей стране. Значительный отрезок их «трудовой» деятельности, как правило, занимала служба на периферии. Вначале недалеко от дома, где к должностям нижнего уровня был открыт прямой доступ, затем они могли продвигаться по служебной лестнице и получить звание, иногда даже звание командующего войсками. При дворе северные аристократы должны были демонстрировать знание классики и истории. Многие из них были довольно образованными, как, например, отпрыск известного северо-восточного семейства Вэй Шоу, который изложил историю династии Вэй в 114 главах. Его труд содержит подробные рассказы как о сянбийских, так и о китайских лидерах, и даже осветил путь развития буддизма и даосизма.

Активная политическая деятельность знатных семейств была невероятно ценной для северных правителей, стремящихся к построению государства. На юге же, наоборот, высочайшим уважением пользовались семейства аристократов-беженцев, тосковавших по культуре эпохи Вэй и Западной Цзинь. Государственное жалованье им было практически обеспечено, поэтому они могли полностью посвятить себя искусству.

Остроумный разговор, вино и поэзия стали неизменным атрибутом культурной жизни аристократов в Нанкине. «Чистые беседы», которые на более ранних стадиях строились на анализе характеров людей, постепенно видоизменялись и дополнились литературными и философскими темами. Литературная критика процветала в окружении, где многое значил изысканный вкус. Приблизительно в 530 г. князь династии Лян составил антологию *«Литературный сборник»*, содержащую тщательно отобранные образцы тридцати жанров прозы и поэзии.

Каллиграфия и живопись развивались одновременно, поскольку в равной степени способствовали выражению индивидуальности. Ван Сичжи, которого многие считают величайшим каллиграфом всех времен, черпал вдохновение в даосизме, акцентируя внимание на свойственной этому учению естественности и непосредственности. Его младший современник Гу Кайчжи стал

мастером изображения фигур. Интерес к горам, где обитали бессмертные, и характерное для даосизма тяготение к природе способствовали формированию пейзажной живописи. В начале VI в. Се Хэ изложил правила, по которым надлежало судить о картинах, среди них — степень насыщенности жизненной силой и манера рисования. Таким образом, каллиграфия и живопись оказались воплощением идеи, что отличало их от керамики, лакированных изделий или тканей.

Северяне считали южных эстетов изнеженными. Даже некоторые южане отмечали, что озабоченность эстетическими ценностями может превратиться в пустую гонку за стилем. Янь Чжитуй жаловался, что многие юноши из аристократических семей научились надушивать свои одежды, пудрить и румянить лица, но не могут сочинить ни единого стихотворения по случаю праздника. По его мнению, подобный пробел явился следствием чрезмерной защищенности от жизни, ведь молодые аристократы могли спокойно тратить свои чиновничьи жалования и так ничего и не узнать о том, как выращивают зерна. Аристократия Нанкина, описанная Янь Чжитуем, очень похожа на эстетствующую аристократию средневековой Японии, представленную в «Повести о Гэндзи».

Политическое разделение севера и юга не только не оказывало неблагоприятного воздействия на культурное развитие, наоборот, оно способствовало распространению буддизма. Центры буддийского знания на севере Китая имели тесные контакты с Центральной Азией, и осознание чужеземного происхождения буддизма сохранялось усилиями честных переводчиков. На юге, водой отделенном от Центральной Азии, все усилия были направлены на китаизацию буддизма, а также на толкование и развитие его идей в рамках традиционных философии и религии. После объединения Китая под властью династий Суй и Тан два этих направления дополнили одно другое, в результате чего усилилось влияние буддизма на китайское общество.

Разрозненность государства стимулировала формирование новых политических теорий, так как сторонники конкурирующих режимов стремились подкрепить свои притязания на трон династии Хань и на звание Сына Неба.

Северная аристократия занимала очень выгодную позицию с точки зрения географического положения, поскольку именно здесь находились столицы Чжоу и Хань и именно здесь располагались все священные или памятные для истории Китая места, включая могилы правителей. Северяне стремились сохранить политические традиции Чжоу и Хань, один из режимов так и назвали, Чжоу, и сформировали его правительство в соответствии с древним описанием «Чжоуских ритуалов» (*Чжоу ли*).

Южане не могли похвастаться тем, что живут в географическом центре бывшей империи, зато имели все основания гордиться происхождением своих правителей, чистокровных китайцев. Они разработали теорию, в основе которой лежали ритуалы наследования власти и отречения от нее, связывавшие правителей в единую последовательность Сыновей Неба. Таким образом над государством Шу одержало верх Вэй, власть Вэй перешла к Цзинь, а власть Цзинь — к Сун. Все эти ссыльные правители почитались законными Сыновьями Неба.

Торговля с Центральной Азией продолжалась и в эпоху раздробленности. Аристократы северного Китая охотно покупали и привозили из дальних стран предметы роскоши. Это золотое ожерелье с жемчугом и лазуритом было найдено среди украшений в могиле девятилетней девочки, происходившей из знатной семьи. Изделие было создано в конце VI в., вероятно, в Персии или Афганистане

Северяне и южане контактировали и конкурировали друг с другом. Они общались на одном языке и читали те же книги. Вынужденно или добровольно путешественники отправлялись с юга на север и наоборот. Так что отличия между регионами можно считать довольно условными.

По мнению китаеведов, ни один из правителей эпохи раздробленности не стал настоящим Сыном Неба, поскольку ни один из них не установил правильного и гармоничного порядка в Поднебесной. Этот период считается очень важным в истории, это отрицательный пример. Хаос и беспредел, этническая вражда и кровавые столкновения среди придворных, тирания и рабство — всему этому должен был положить конец сильный правитель, который создал бы централизованную империю. Несмотря на царивший в ту пору беспорядок, китайская культура обогатилась как никогда, а все потому, что государство не имело возможности контролировать жизнь общества, и простые люди, равно как и элита, руководствовались менее ориентированными на государство системами ценностей.

Западные историки и современные китайцы, знакомые с историей Запада, часто сравнивают Китай эпохи раздробленности со средневековой Европой после падения Римской империи. И на Востоке и на Западе распалась великая империя, подняли головы варварские племена, бывшие наемники, дала трещину привычная городская экономика. И там и там быстро нашла своих последователей чужеземная, претендующая на универсальность религия, а религиозный пыл потребовал огромных затрат на монументальные сооружения. Но не стоит увлекаться этими интригующими совпадениями, обратимся к не менее интересным различиям между европейским и китайским опытом. После падения Западной Цзинь в Северном Китае еще более века царил хаос,

но уже в середине V в. стали предприниматься активные действия, направленные на строительство государства. Это была попытка утвердить централизованный, бюрократически управляемый политический строй. Возможно, здесь учитывался негативный опыт династии Чжоу, во времена которой узы между вассалами и уездными правителями привели к разделению на более мелкие государства.

Наводнившие Китай варвары оказали незначительное влияние на культуру и сознание людей. Разговорным языком северного Китая так и остался китайский, язык сяньби в конце концов исчез. Карл не мог отрицать или скрыть свое германское происхождение, и оно ограничивало его как правителя Римской империи. У императоров Суй и Тан не было подобных сложностей, поскольку они идентифицировались как наследники древнего китайского рода. Чувство отчужденности и отсутствие моральных и эмоциональных связей с прошлым ощущалось в Китае не так явно, как на Западе.

Образование и наука на Востоке никогда не приходили в упадок. Аристократия, как на севере, так и на юге Китая, была прекрасно образованна, а южные

интеллектуальные сообщества всегда шли навстречу литературным и художественным экспериментам. Это, кстати, было свойственно Китаю во все времена. Ведущие писатели эпохи оказались не менее искусными, чем их предшественники. Знакомство с индийской цивилизацией, самой близкой из всех, с которыми Китай сталкивался до этого, стимулировало интеллектуальный поиск и самоанализ. Так, например, мучительные попытки донести звуки санскрита привели к первому анализу тонов китайского языка. Даже предпринимательство не испытало в Китае такого потрясения, как на Западе. Конечно, предпринимательские отношения в IV в. были значительно ограничены, сократилось использование монет, но уже к концу V в. экономика постепенно восстановилась, наладилась и торговля между севером и югом.

Раннее буддийское искусство

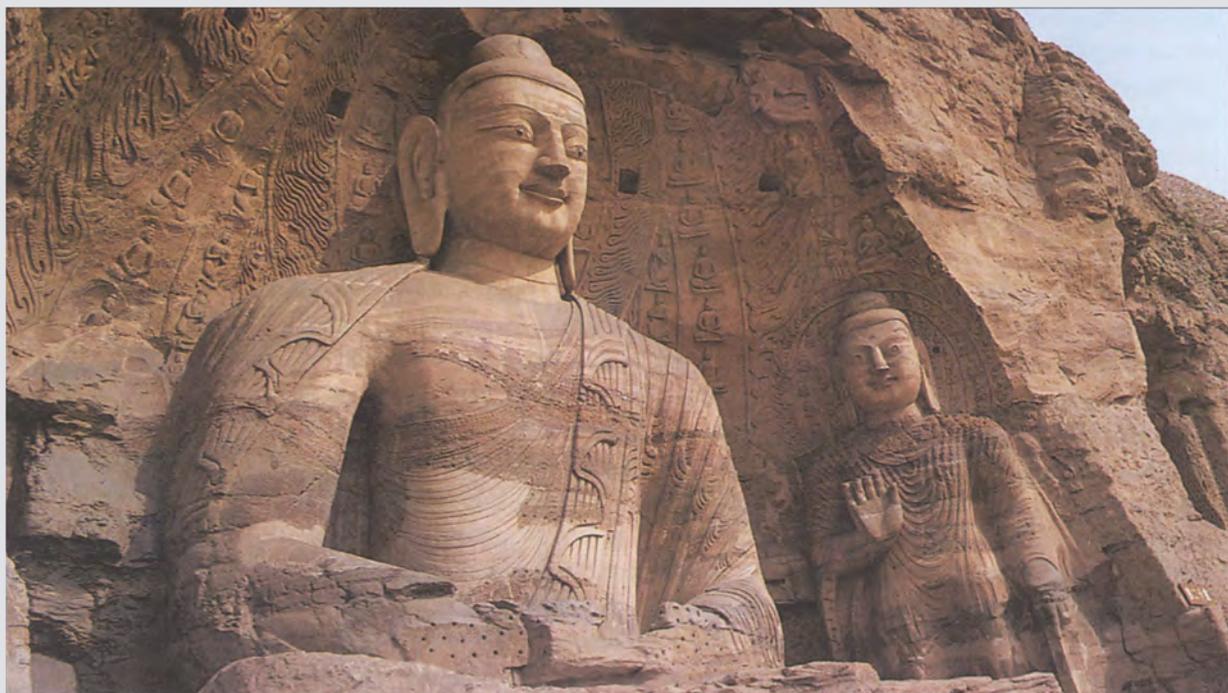
Буддизм очень сильно повлиял на искусство Китая, в особенности на скульптуру и живопись. Торговцы и миссионеры из Центральной Азии вместе с основами самой религии распространили в Китае знания, касающиеся постройки, украшения храмов и изображения Будды и бодхисаттвы. Греческий и индийский элементы проникли в китайское искусство через исповедовавшее буддизм царство Гандхара (территория современных Афганистана и Пакистана), а также через буддийские центры, расположенные вдоль Шелкового пути от Дуньхуана и далее в направлении центрального Китая.

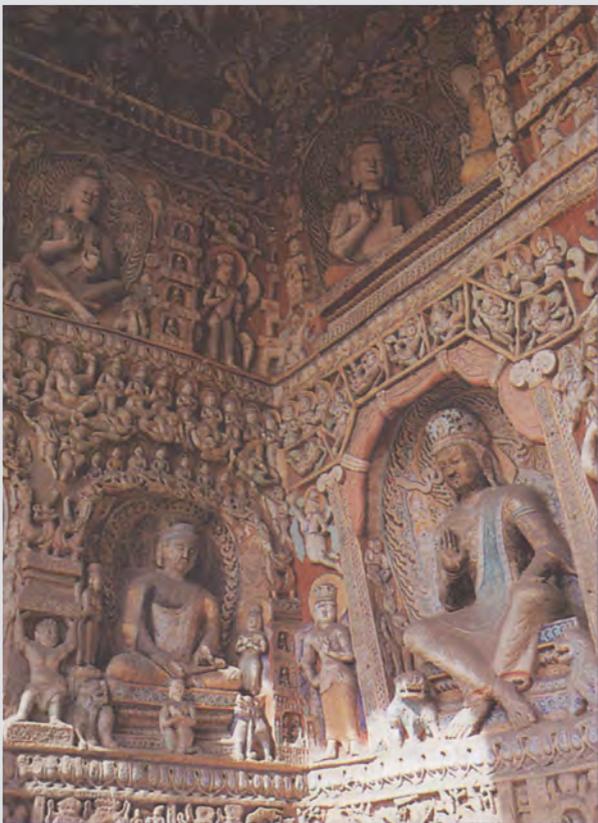
Большинство связанных с ранним буддийским искусством Китая изделий обнаружено в скальных храмах в Дуньхуане и Юньгане, которые, в отличие от храмов, возведенных в городах, не были уничтожены во времена преследования буддистов. Строительство пещерных храмов в Дуньхуане, что на западе провинции Ганьсу, было инициировано местными монахами, вероятно, ок. 400 г. и продолжалось несколько веков. Население Дуньхуана в это время было преимущественно не китайским, поэтому нет ничего удивительного в том, что украшение пещер в Дуньхуане напоминает образцы буддийского искусства западных городов-оазисов, таких как Куча и Хотан.

Многие из ранних пещерных скульптур и рисунков иллюстрируют события из жизни исторического Будды, Шакьямуни. Чаще всего Будда предстает медитирующим, его лицо не выражает ни единой эмоции и напоминает маску. Признаками буддийской традиции в изображении Будды являются удлиненные мочки ушей и шишки мудрости на темени. Бодхисаттва, напротив, имеет облик простого смертного: среди его украшений браслеты и серьги, его позы отличаются большим разнообразием. В VI в. китайцы стали изображать Будду и бодхисаттву более стройными и менее угловатыми, в этом отразились эстетические предпочтения светского искусства.

До наших дней дошли храмы V–VI вв. в Дуньхуане и Юньгане, а также чуть более поздние храмы в Лунмэне (неподалеку от Лояна). Однако в свое время они составляли лишь малую часть от всех имевшихся. На территории городских и горных храмов и монастырей обострялись

На создание этого огромного Будды мастеров, вероятно, вдохновили колоссальные статуи Будды в Бамиане (на территории Афганистана). Это самая массивная из 51 тыс. статуй Будды, она вырублена в скале и составляет более чем 800 м в ширину и 14 м в высоту. Статуя расположена в Юньгане и датируется приблизительно 490 г.

◀ Стены пещеры 9 в Юньгане украшены статуями стоящего и сидящего Будды в окружении бодхисаттв, преклоняющихся перед ним обитателей небес, а также музыкантов и парящих апсар. На рельефах нижнего яруса представлены сцены из жизни Шакьямуни

▲ Центральный алтарь в пещере 432 в Дуньхуане периода Западной Вэй. По обе стороны от раскрашенной глиняной фигуры Будды расположены бодхисаттвы около метра высотой

все возможные чувства: этому способствовали аромат ладана, звучание песнопений, созерцание стен огромных залов и пагод, расписанных изображениями небес или жизни Будды и его ближайших учеников. Во время гражданской войны 524 г. Ян Сюаньчжи был настолько взволнован разрушением Лоянских храмов и монастырей, что восстановил в памяти и описал, какими монастыри и храмы были до разрушения. По его словам, самым прекрасным из всех был монастырь Цзинмин. Каждый седьмой день четвертого месяца в этом монастыре собирали все буддийские статуи города, которых было более тысячи. Во время церемонии Великого Благословения император лично осыпал их цветами: «Золото и цветы сияли, как солнце, подобно облакам плыли расшитые драгоценными камнями балдахины, колыбался лес знамен, клубился туман ладана, а буддийская музыка Индии сотрясала небо и землю. Плечом к плечу демонстрировали свое мастерство всевозможные акробаты и актеры. Прибывали группы добродетельных, опиравшихся на посохи монахов; толпились верующие с цветами в руках, всадники и экипажи, стоящие вперемешку, довершали эту бесконечную массу».

Рисунок начала VI в. с западной стены пещеры 428 в Дуньхуане. Здесь изображены ученики, оплакивающие умершего Будду

ДИНАСТИЯ ТАН (581–907)

В конце VI в. север и юг Китая были объединены усилиями непродолжительной династии Суй (581–617). Следующая династия, Тан (618–907), превратила Китай в динамично развивающуюся космополитическую империю. Воссоединение страны, сооружение Великого канала, соединившего Север и Юг, создание двух огромных столиц и расширение межрегиональной и международной торговли стимулировали экономический рост. Чанъань, столица Тан, стала самым крупным городом в мире с более чем миллионом жителей. Он привлекал торговцев, учащихся и паломников со всей Азии. По крайней мере до того, как массовое восстание Ань Лушаня (755–763) не положило конец этой эпохе экспансии, китайцы империи Тан оставались открыты другим культурам. Иноземное влияние особенно ощущалось в музыке и живописи. Буддизм тоже видоизменялся под воздействием догм и ритуалов, вносимых из-за пределов исконного Китая.

ФОРМИРОВАНИЕ ИМПЕРИИ

Нельзя утверждать, что восстановление объединенной китайской империи в конце VI в. было неизбежно. На тот момент исконный Китай уже несколько веков был разделен на северные и южные государства, правитель каждого из которых считал себя истинным наследником династий Чжоу и Хань. С учетом географических различий сложившаяся ситуация могла закрепиться надолго. Север и Юг развивались бы самостоятельно, как это произошло в Римской империи, разделившейся на Западную и Восточную.

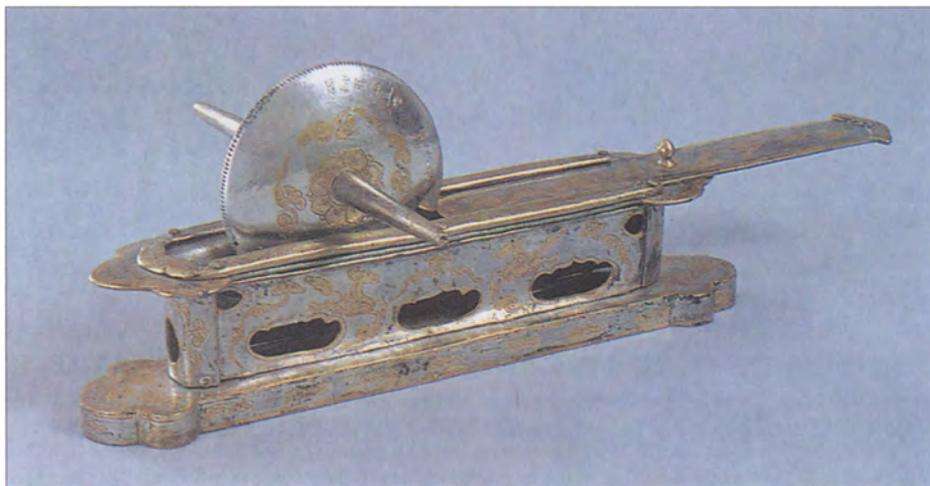
Однако объединение Севера и Юга все же состоялось и оказало серьезное и продолжительное воздействие на развитие китайской цивилизации. Обновленная централизованная бюрократическая монархия оказалась гораздо крепче ханьской. Это воссоединение и окончательный мир вылились в три столетия процветания культуры. В рассуждениях об истории Китая помимо трех великих древних династий (Ся, Шан и Чжоу) сторонники единого государства с удовольствием упоминали и две «современные» — Хань и Тан. Постепенно привычное отделение независимых государств стало восприниматься как нечто неестественное, неразумное и нежелательное.

Объединение произошло благодаря силе оружия. Наследники сяньбийской династии Северная Вэй, названия которых в результате успешных переворотов в Западной Вэй, последовательно менялись на Чжоу и Суй, в 553 г. завоевали Сычуань, в 557 г. — северо-восток, в 589 г. — Юг. Для завоевания Юга привлекались и пехота, и морской флот, тысячи кораблей боролись за контроль над рекой Янцзы. Победители Суй сделали Нанкин южной столицей и вынудили живущую там знать и чиновников переехать в новую столицу Суй, Чанъань. Таким образом

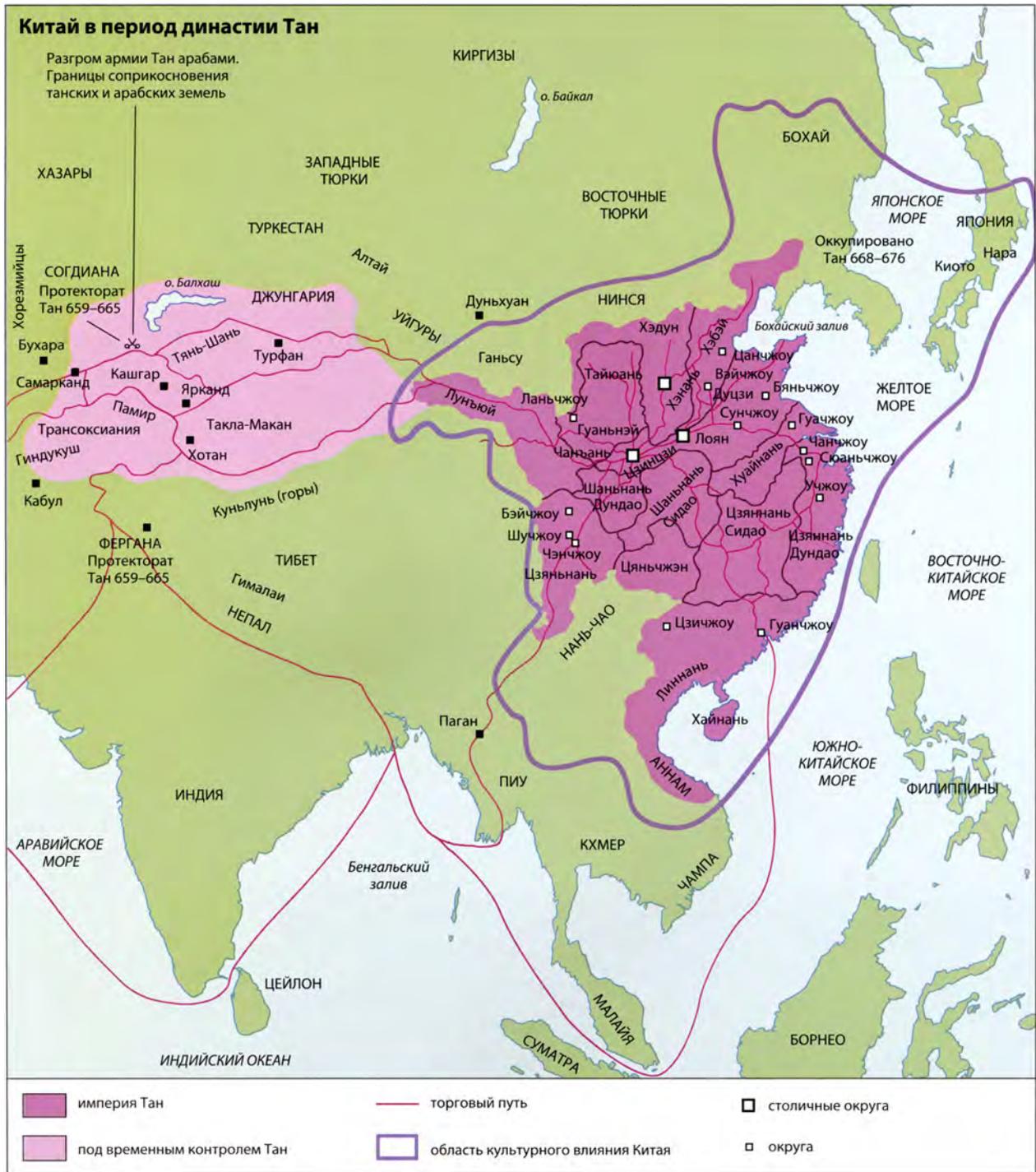
они предотвратили сепаратистские настроения и способствовали усвоению южных культурных традиций на севере страны.

Правители Северной Чжоу, чья армия объединила Китай, несомненно принадлежали к народности *сяньби*. Однако в 581 г. генерал с китайской фамилией Ян Цзянь изгнал наследника трона (сына своей дочери), укрепил свое положение убийством 59 человек, принадлежавших к императорскому дому Чжоу, и основал династию Суй. Известный как император Вэнь-ди (581–604), для подтверждения легитимности своих действий он объявил себя буддийским царем Чакравартином, то есть монархом, который использует военную силу для защиты буддийской веры. И у него, и у его преемника были грандиозные планы по преобразованию Китая, но они попытались сделать слишком много за слишком короткий срок. Набор на государственную и военную службы был обременительным: например, в 612 г. для военной кампании против Кореи было призвано 1 132 800 человек. Меньше чем через четыре десятилетия династия Суй была свергнута повстанцами. Среди многих претендентов самым мощным оказался представитель той же северо-западной элиты, из которой произошли правители Северной Чжоу и Суй. Победитель, Ли Юань (император Гао-цзун, 618–626), приходился двоюродным братом второму императору Суй (их матери были сестрами). Он и его сын Тай-цзун (626–649) в основном следовали прежнему курсу развития империи Суй. Тай-цзун правил в три раза дольше, чем его отец, и считается одним из основателей династии Тан. Взошел на трон он так же, как и Вэнь-ди: убил двоих братьев и отправил в изгнание десятерых их сыновей. Затем он потребовал от своего отца отречения от власти в его пользу. Несмотря на это жестокое начало, Тай-цзун показал себя мудрым и честным правителем, способным выбирать достойных советников и прислушиваться к ним, даже когда те критиковали его.

Современные историки часто описывают династию Суй и начало династии Тан как режимы, основанные при участии не только китайцев, но и иностранцев. Таким образом они привлекают внимание к значительности вклада северных династий в формирование социальных институтов, а также к тому, что немалую часть политической и военной элиты этого периода составляли *сяньби*

Как напиток чай получил широкое распространение во времена Тан. Эта серебряная с позолотой мельничка и предназначалась для получения чайного порошка, который добавляли в выпечку. Мельничка изготовлена в 869 г. и была среди даров императорской семьи буддийскому храму Фамэньси в Фуфэне, что возле Сианя (провинция Шэньси)

Государства, соседствующие с Китаем в период правления династии Тан, заимствовали многие элементы его политического устройства: на северо-востоке Силла и Бохай, на востоке — Япония (столица Нара), на западе — Наньчжао и Тибет. Политическое влияние Китая распространялось на центральную Азию, однако вглубь их китайская культура туда не проникала

и представители других северных народностей. И действительно, оба основателя происходили из семейств, приближенных к правителям сяньби или связанных с ними родственными отношениями. Но никто из этих ранних правителей не представлял себя в качестве человека, синтезировавшего лучшие китайские и сяньбийские традиции. Поскольку Ян и Ли считались китайскими именами, они смогли объявить себя потомками древних китайских родов и императоров в традициях Хань. К тому же военная доблесть, любовь к лошадям и охоте не были чужды и китайцам. В этот период присутствие сяньби стало быстро ослабевать, поскольку представители этой народности смешались с коренным населением, и их язык был утрачен. Сяньбийские мужчины брали себе китайские фамилии, те, что были даны им в конце V в., а военной службе они предпочитали гражданскую. Например, одним из главных советников Тай-цзуна по делам государственного устройства был Чжан Уцзи, высокообразованный выходец из императорского клана тоба.

Несмотря на то что, управляя государством, основатели Суй и Тан оперировали исключительно китайскими понятиями, они во многом обращались к опыту северных династий. Обе династии сохранили систему «равных полей», установленную в эпоху Северной Вэй. Утвердив относительно низкий единый налог зерном, тканями, совмещенный с трудовой повинностью, они способствовали увеличению числа хозяйств, которые уже не избегали выплаты налогов. За несколько лет после воссоединения число таких хозяйств удвоилось и составило 9 млн (для сравнения общая численность населения приближалась к 50 млн). Во времена Суй и в начале династии Тан столица и границы государства патрулировалась отрядами милиции, сформированной в эпоху Северной Чжоу, эта добровольческая армия состояла из крестьян, которые своей службой обрабатывали выделенные им земельные наделы.

Благодаря армии правители Суй и Тан сумели быстро установить контроль над территориями за пределами исконного Китая. На границе с внутренней Азией время от времени обострялись отношения с могущественными тюрками. Чтобы устранить эту угрозу, правители использовали проверенные способы: они возводили укрепления, строили матримониальные планы, даровали титулы их предводителям, снаряжали экспедиции с богатыми товарами и дарами, а также провоцировали раздоры между их племенами. Например, в 605 г., когда северо-восточные *кидане* начали набеги на Китай, им навстречу был отправлен китайский генерал и 20 тыс. вооруженных тюркских всадников. За помощь в разгроме киданей тюрки получили плененных женщин и скот. А в 630 г. китайцы обратились уже против тюрков и перехватили у них контроль над Ордосом и юго-западной Монголией, в результате чего Тай-цзун обрел титул великого хана. Этим было положено начало китайско-тюркских походов 640-х и 650-х гг. на центрально-азиатские города Шелкового пути, которые определили доминирующее положение Китая на этой территории.

Эпоха правления династии Суй и начала династии Тан охарактеризовалась формированием империи, укреплением, стандартизацией и структуризацией институтов бюрократического аппарата. Суй провозгласила кодекс законов, объединивший в себе элементы северных и южных правовых традиций. Он сохранил

Спокойная, выражающая почтение фигура олицетворяет собой качества, которые были необходимы государственным служащим высшего ранга. Это одно из изваяний ряда каменных чиновников и военных, расставленных на пути к могиле первого императора Тан

свою силу и во времена Тан. В кодексе 653 г., самом раннем из дошедших до нас, содержится более 500 статей, предписывающих наказание за различные проступки: от десяти ударов легкой и ста ударов тяжелой палкой до трехгодичного рабства, пожизненной ссылки на каторгу и казни. Как и раньше, законы были призваны поддерживать социальную и политическую иерархию, определяя наказания в зависимости от взаимного положения сторон. Например, племянник, избивший дядю, карался серьезнее, чем дядя, избивший племянника, по такому же принципу рассматривались случаи убийства хозяина слугой. Правовые основы, сформулированные в кодексе Тан, определили законодательство всех последующих династий.

Контроль центральной власти над администрацией на местах был основной проблемой этого периода. За время правления северных и южных династий уездов стало больше, а чиновниками в основном становились представители местной знати. Чтобы укрепить государственный контроль над местными правительствами, Суй пришлось провести ряд реформ. Было сокращено количество уездов и округов, ведомство чинов наделили полномочиями контролировать чиновничество всех уровней, включая самый низший, чиновникам запрещалось служить в своих «родных» уездах, а служить в одном и том же уезде разрешалось в течение только одного срока. Новая политика была направлена на ограничение власти местных семейств и была призвана предотвратить их консолидацию с назначенными «сверху» чиновниками.

Как и в период Хань, укреплению императорской власти способствовало назначение на должности людей, верных конфуцианским принципам, правителю и исполненным чувства долга перед народом. И действительно, назначение достойного человека обходилось намного дешевле, чем человека, чей каждый шаг нужно было контролировать. Чтобы определить истинного конфуцианца, во время Суй были введены письменные экзамены, выявляющие литературные способности кандидатов и уровень знания канона. В эпоху Тан экзаменационная система развивалась и была дополнена новыми элементами конфуцианского образования. Были учреждены государственные школы и распространены канонические, дополненные комментариями версии «Пятикнижия». В период правления династии Тан эти экзамены ежегодно сдавали лишь 20–30 человек, однако со временем они стали играть важную роль в формировании бюрократической элиты, чиновников высших эшелонов власти, стремительно поднимавшихся по служебной лестнице. Эта система дала новые возможности талантливым людям, не имеющим связей; к середине эпохи человек из провинции Гуандун, где аристократов и в помине не было, благодаря экзаменационной системе мог дойти до высших должностей в правительстве. Разумеется, бюрократическая форма организации Тан не исключала присутствия членов знатных семейств. Аристократы обычно

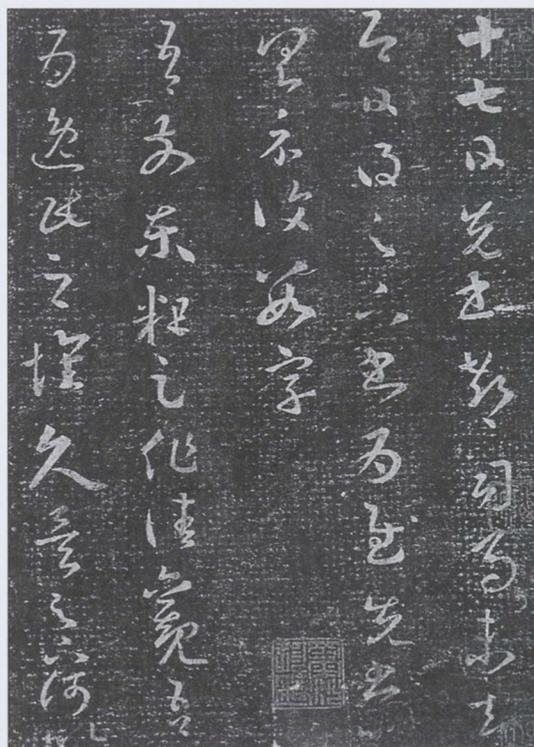
Каллиграфия как вид живописи

Каллиграфия в Китае как нигде в мире связана с живописью. Этому виду искусства обучали грамотных, достигших определенного социального положения людей. В зависимости от настроения и назначения можно было выбрать определенный стиль письма: регулярный «деловой» или «скорописный». В рамках отдельно взятого стиля разрабатывалось множество почерков. Считалось, что в каждом образце каллиграфии отражаются характер и чувства мастера. А то, насколько четки, аккуратны и плавны линии иероглифов, написанных им с помощью гибкой волосяной кисти, демонстрирует его моральные и физиологические качества, равно как и эмоциональное состояние на момент создания работы. В связи с этим во времена Тан образцы каллиграфии рассматривались как своеобразное портфолио кандидатов на государственные посты. Совершенствование почерка требовало дисциплины и уважения к традициям. Тот, кто хотел овладеть мастерством, сперва должен был прилежно копировать работы признанных каллиграфов и только после этого пытаться выработать собственный стиль. Произведения старых мастеров высоко ценились, и почтительное отношение к ним оказало значительное влияние на развитие этого вида искусства.

Самым замечательным произведением китайской каллиграфии, несомненно, являются «Предисловие к Стихам, писанным в Орхидеевом павильоне», созданные в 353 г. Ван Сичжи. Известные также в связи с историей о том, как три века спустя они оказались в руках танского императора Тай-цзуна. Трижды Тай-цзун посылал гонцов в один из южных монастырей к Бяньцаю, пожилому монаху, по слухам, сохранившему это произведение, и каждый раз получал ответ, что бесценная рукопись была уничтожена во время войны. Тогда Тай-цзун отправил к нему Сяо И, внука одного из последних южных правителей. Тот явился к Бяньцаю под видом ученого-конфуцианца, и вместе они хорошо провели время за вином, игрой в шахматы и сочинением стихов. После нескольких таких визитов Сяо И показал Бяньцаю один рисунок и между делом упомянул, что у него есть и образцы каллиграфии Ван Сичжи. Бяньцай попросил его принести их на следующий день, а когда взглянул, сказал: «Они подлинные, но не первоклассные. У меня есть действительно исключительная работа, оригинал „Записок о павильоне орхидей“». Сяо И притворился, что не верит, поэтому на следующий день Бяньцай достал работу из тайника и продемонстрировал ее ему. Сяо И указал на изъяны и назвал это копией, что привело к горячему спору. Сконфуженный Бяньцай забыл спрятать

рукопись перед тем, как отправиться на молитву, и тогда Сяо И схватил сокровище и исчез. На радостях Тай-цзун произвел Сяо И в чиновники пятого ранга и пожаловал ему драгоценности, особняк в столице, поместье за городом и двух прекрасных лошадей из императорской конюшни. Бяньцай Тай-цзун сперва хотел наказать за скупость, но в конце концов послал ему шелк и зерно, продав которые, монах построил пагоду. Велев сделать множество копий произведения Ван Сичжи, император так и не смог расстаться с оригиналом и унес его с собой в могилу.

Не так важно, правдива ли эта история. Одно то, что ее записали в эпоху Тан, свидетельствует о невероятно трепетном отношении к реликвиям прошлого. Уже тогда жажда коллекционирования и стремление сохранить целостность своей коллекции у некоторых людей граничили с одержимостью.

Чтобы воссоздать каллиграфию Ван Сичжи, Тай-цзун приказал с величайшей осторожностью скопировать ее образцы и выгравировать их на камне. В дальнейшем с этих форм можно было сделать множество оттисков. На фото приведен оттиск времен династии Тан или Суй

Повести о любви

Двумя самыми знаменитыми женщинами эпохи династии Тан были императрица У и Ян Гуйфэй. Представления о власти женщины над мужчиной сформировались во многом благодаря историям об этих двух непохожих друг на друга женщинах, живших во дворце. Однако на закате правящей династии уже вымышленные женские персонажи стали играть похожую роль. В классических коротких повестях известные авторы рассуждали о том, что привлекает мужчин и женщин друг в друге, как они проявляют свою любовь, и рассказывали истории о преданности или бессердечии.

В повестях о любви периода Тан часто говорилось о молодых литераторах, которые влюблялись в куртизанок или проституток. Бай Синцзянь описал юношу, который готовился сдать экзамен, но на беду с первого взгляда влюбился в прекрасную куртизанку Ли Ва. Она и ее хозяин постепенно выудили из него все деньги и исчезли. Оставшийся без гроша молодой человек был вынужден зарабатывать себе на жизнь тем, что пел поминальные песни. Увидев сына в таком положении, отец избил его едва ли не до смерти. Некоторое время он жил подавием, пока случайно не встретил Ли Ва. Из чувства вины и сострадания та сначала откупила от хозяина, а затем приютила его. Выйдя юношу, она убедил его возобновить обучение. В результате он блестяще сдал экзамены, стал чиновником и вернул себе доверие отца, который даже признал Ли Ва своей невесткой.

В следующей, более известной повести речь идет о еще одном готовящемся сдать экзамен юноше, только здесь он влюбляется в девушку из хорошей семьи, свою дальнюю родственницу. Это произведение было написано выдающимся литератором Юань Чжэнем. В этой

повести Чжан, сын чиновника, влюбляется в Ин-ин, как только ее овдовевшая мать представляет девушку молодому человеку, в благодарность за оказанную им услугу. По совету служанки Ин-ин Чжан пытается завоевать сердце девушки, посвящая ей стихотворения. И Чжан, и Ин-ин образованны и чувствительны, особенно Ин-ин.

Она превосходно разбиралась в искусстве, но вела себя так, как будто ничего не понимала в этом. Она была умна и скоро в речи, но не имела склонности к остроумию. Она очень любила Чжана, но никогда не говорила об этом словами. Она была подвержена меланхолии, но не позволяла чувствам отражаться на своем лице. Однажды она сидела одна в ночи и наигрывала на цитре грустную мелодию. Когда появился услышавший ее Чжан и попросил ее возобновить прерванную игру, она отказалась. Это еще сильнее привлекло его к ней.

Их роман начался без формального обручения или благословения родителей и закончился, когда Чжану пришлось время отправиться в столицу, чтобы сдать экзамены. Когда он не вернулся, в своем письме Ин-ин обвинила его в предательстве, а он порвал с ней, объяснив свой поступок другу тем, что прекрасные женщины приносят несчастья. Оба сочетались браком с теми, кого им подыскали родители.

Суждения о том, что именно делает женщину привлекательной, изменялись в Китае с течением времени. Фигурки, найденные в могилах эпохи Тан, свидетельствуют о том, что привлекательными считались активные женщины, которые, например, могли играть в конное поло. Особенными красавицами считались полные и круглолицые женщины

хорошо сдавали экзамены, поэтому особенно много их было «наверху», просто изменился стиль подготовки к государственной службе. С этих пор образование в высших кругах было нацелено на развитие интеллектуальных способностей, а военные навыки (умение держаться в седле, стрельба из лука и владение мечом) стали играть менее заметную роль в жизни элиты.

Экзаменационная система способствовала преодолению напряженных отношений между представителями северо-западной, северо-восточной и южной элит. Экономической и политической интеграцией империя была обязана и инженерным достижениям, в частности сооружению Великого канала (605–609), на строительство которого были мобилизованы неисчислимые трудовые ресурсы. Транспортные каналы известны со времен Цинь, но никогда еще не создавалось ничего столь грандиозного. Первый отрезок соединил восточную столицу Лоян

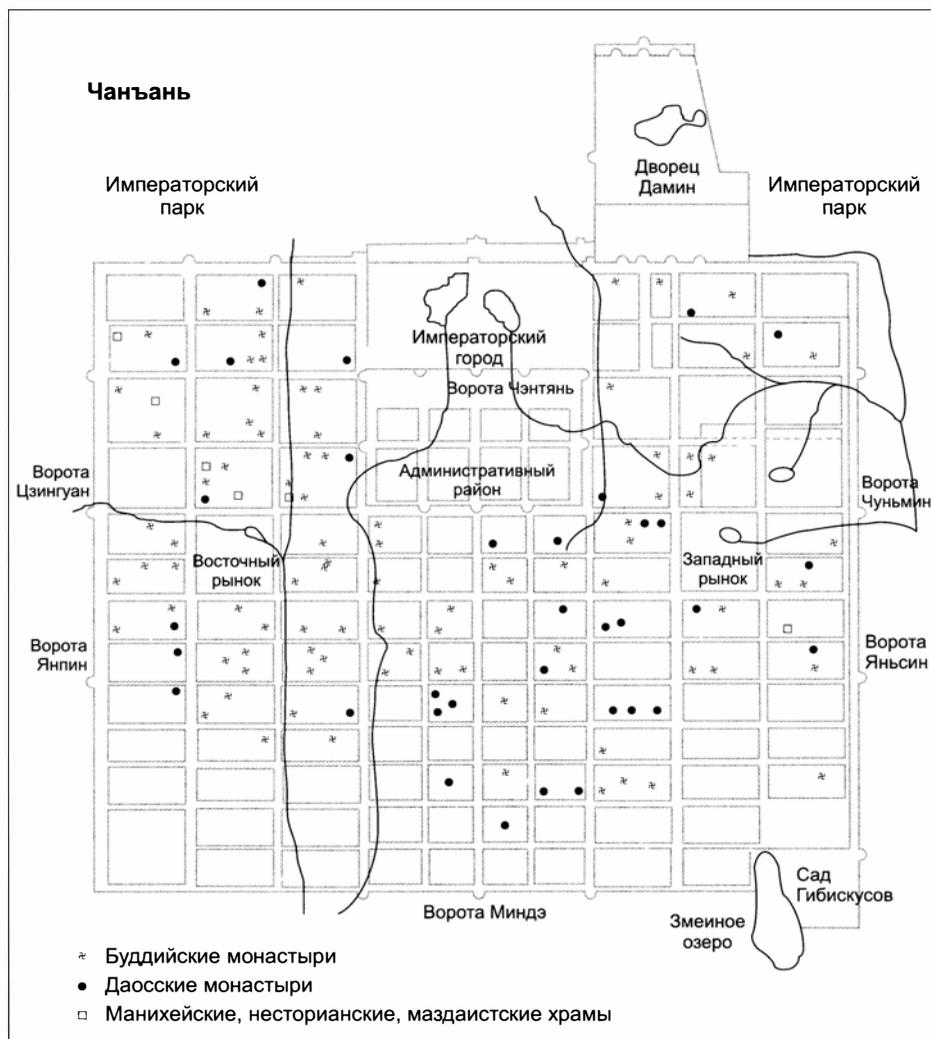

Вклад династии Суй в развитие инфраструктуры Китая не ограничивался сооружением Великого канала. На севере строились дороги, призванные облегчить доступ к северной границе. Этот мост в Чжоусяне (провинция Хэбэй) был возведен между 605 и 616 г. Для его строительства использовали более тысячи камней весом более тонны каждый. Пролет моста достигает более 40 м, ширина — около 9 м

с долиной Янцзы (территория современной провинции Янчжоу). По его завершении второй император Суй направил к южной столице в Янчжоу флотилию, которая растянулась больше чем на 100 км. Вскоре канал продлили южнее к Ханчжоу и севернее к области Пекина. Вдоль канала построили императорскую дорогу и почтовые станции. Канал, длина которого составила почти 2 тыс. км, позволил государству растущее благосостояние долины Янцзы направить на обеспечение столицы и северо-восточных приграничных гарнизонов. Благодаря использованию этой водной артерии у армии постепенно отпала необходимость обеспечивать себя самостоятельно, поскольку упростилась грузовая перевозка с юга на север.

Империя продолжала развиваться быстрыми темпами, даже когда в конце VII в. к власти пришла императрица У, невероятно сильная личность, в политических играх по жестокости и ловкости не уступавшая Вэнь-ди и Тай-цзуну. То, что ей удалось занять трон, тем более поразительно, что сначала она была не законной супругой, а наложницей Гао-цзуна. Влияние У на Гао-цзуна (650–683) было столь сильным, что через несколько лет после ее появления во дворце он устранил действующую императрицу и вопреки ярким протестам со стороны высокопоставленных чиновников возвел наложницу на ее место. Став императрицей, она быстро избавилась от всех соперников и оппонентов. После того как в 660 г. Гао-цзун сразил удар, императрица У взяла власть в свои руки. В 683 г. Гао-цзун умер, однако она продолжала управлять страной, даже когда трон поочередно занимали двое ее сыновей, которых она сама же и свергла. В 690 г. она провозгласила себя императором новой династии Чжоу и вошла в историю Китая как единственная женщина, присвоившая себе этот титул. Чтобы обеспечить себе поддержку со стороны буддистов, она распространила «Сутру о великом облаке», предсказывающую близкую реинкарнацию Будды Майтрея в монархиню, которая избавит мир от болезней, забот и бедствий. В годы ее правления двор переехал в Лоян, и к службе было привлечено множество чиновников с востока, вероятно, в противовес северо-

Основанный в начале династии Суй, Чанъянь во времена Тан разросся до большого города. Его разбили на административные районы и обозначили их границы стенами. Ворота между районами запирались на ночь. Торговать было позволено только в специально отведенных для этого рыночных кварталах, зато храмы можно было обнаружить в любой точке города

западным аристократам, которые были связаны с императорским семейством Тан. Заклейменная впоследствии историками как жестокая узурпаторша, императрица У была, без сомнения, очень сильной личностью. На ее счету подавление восстания членов императорского рода и достаточно агрессивная внешняя политика. Она так крепко держала в руках все государство, что сместить императрицу сумели только в 705 г., когда ей было за восемьдесят и ее замучили болезни.

СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Женщина на престоле, связывающем Небо и человечество, была, в сущности, аномальным явлением в истории Китая, но это было не единственным отклонением от нормы в эпоху Тан. В начале и середине эпохи Тан китайцы были открыты всему новому больше, чем когда-либо до XX в. Возможно, причина в том,

Во времена династии Тан шелк по-прежнему оставался основным товаром для вывоза в Центральную Азию. Из самых роскошных шелковых тканей шили женскую одежду. Образцом подобного наряда может служить надетое на эту деревянную куклу платье. Фигурка была обнаружена в могиле китайского чиновника на западной границе возле Турфаня (провинция Синьцзян)

что мировая религия, позаимствованная у иноземцев, связала Поднебесную со всеми азиатскими странами восточнее Персии, или в том, что элита включала в себя множество семей не китайского происхождения, а может, и в китайских гарнизонах, которые контролировали Шелковый путь и являлись гарантом его открытости для торговцев, — в любом случае, китайцы с удовольствием приобщались к лучшему из того, что предлагал остальной мир.

Великолепная столица Чанъань манила к себе. Как и более ранние северные столицы, Чанъань был регулярным (построенным по плану) городом, однако превосходил прочие своими размерами. Его внешние земляные стены были 3–4,5 м толщиной и 10,6 м высотой, а их протяженность составляла 8 км с севера на юг и около 9,6 км с запада на восток. Дворец располагался на севере, так чтобы, окинув взором южный горизонт, император мог увидеть все 108 административных районов, разграниченных стенами. Несколько кварталов было отведено для рынка, они были открыты только в определенные часы. Большие южные ворота города распахивались на необъятный проспект, около 152 м шириной. Прежде чем попасть на аудиенцию к императору, иностранные посланники проезжали по этой магистрали, ведущей прямо ко дворцу. Этот и другие проспекты города окружали каналами и обсаживали деревьями. Во время правления династии Суй, когда Чанъань был только что построен, чиновников и знать поощряли за строительство домов и храмов на территории города, к тому же сюда были вынуждены переехать многие аристократы из южной столицы, завоеванной в 589 г. Но вскоре необходимость поощрять или принуждать отпала: к началу периода Тан знатнейшие особы сами горели желанием жить в Чанъане или хотя бы во второй столице, Лояне, также перестроенной в период Суй.

Культура Чанъаня и Лояна восхищала космополитизмом. Рассказы монаха Сюань-цзана (602–664), вернувшегося в Китай в 645 г. после пятнадцати лет странствий по Центральной Азии и Индии, очаровали Тай-цзуна. Информация о внешнем мире проникала в Поднебесную вместе с послами, купцами и паломниками как из вассальных царств Центральной Азии, так и из соседних государств, таких как Япония, Корея и Тибет. Товары из этих отдаленных регионов — лошади, ювелирные изделия, музыкальные инструменты и ткани — бесконечно восхищали представителей двора и элиты. В моду вошла заграничная манера одеваться и укладывать волосы, а заимствованные у иностранцев развлечения вроде игры в поло у обеспеченных людей превратились в любимый способ проводить досуг. Караваны из Центральной Азии стали настолько популярны, что среди предметов, которые клали вместе с умершими в могилу, нередко встречались глиняные фигурки верблюдов и погонщиков. Среди тысяч поселившихся здесь иностранных купцов были представители всевозможных вероисповеданий: ислама, иудаизма, манихейства, зороастризма

и несторианства, однако ни одно из них не получило такого распространения, как буддизм.

Иностранное влияние в искусстве ощущалось довольно долго. Усовершенствовался процессковки серебра: по чашам, блюдам, кувшинам и другим мелким предметам прослеживается влияние персидских узоров и технологий. Знакомство с новыми инструментами и новыми мелодиями из Индии, Ирана и Центральной Азии существенно повлияло на китайскую музыку. Изменилась отделка помещений, так как привычка сидеть на полу на циновках была вытеснена иностранным обычаем сидения на табуретах и стульях.

Расцвету культуры периода Тан способствовал экономический подъем, который произошел после воссоединения страны и соединения Севера и Юга

Керамическая фигурка изображает музыкантов, сидящих верхом на верблюде. Она была обнаружена в могиле 723 г. в Сиане (Чанъань), высота фигурки составляет 66 см. Одежда, бороды и лица выдают в персонажах жителей Центральной Азии. В могилах периода династии Тан нередко встречаются керамические статуэтки музыкантов и погонщиков лошадей и верблюдов. Интерес к этим людям объясняется пристрастием танской элиты к музыке Центральной Азии, а также ее обеспокоенностью за караваны, привозящие товары с запада

Великим каналом, к тому же всюду развивалась международная торговля на Шелковом пути, и увеличивались объемы перевозок по морю. Уровень экономического развития Юга впечатлял, его подкрепляла бесперебойная система транспортировки по рекам и каналам. Число речных судов росло настолько быстро, что во время шторма на Янцзы в 721 и 751 гг. были разрушены более тысячи кораблей. Чай, который издавна выращивали на юге, уже не был только тонирующим медицинским снадобьем, теперь его пили во всей стране, он стал одним из главных экспортных товаров. Южные города-порты Кантон, Цюаньчжоу и Фучжоу заметно разрослись, поскольку развилась морская торговля вдоль побережья и далее в Юго-Восточную Азию, в основном находившуюся под контролем арабских купцов. Перепись 742 г. показала, что по сравнению с началом VII в. юг стал заселяться интенсивнее.

Ни экономический рост, ни развитие городов никак не повлияли на состав социальной или политической элиты. Китай времен Тан все еще был аристократическим обществом. В высших кругах все так же затевались споры о вопросах генеалогии, а выдающиеся предки все так же служили предметом гордости и восхищения. Семейства, принадлежавшие к верхушке общества, заключали брачные союзы между собой, чем еще более усиливали концентрацию элитарности. В начале династии Тан императоры периодически делали попытки подорвать престиж аристократии, заявляя, например, что высокий пост дает больше оснований для гордости, чем выдающиеся предки. Однако когда стало ясно, что все приближенные к трону семейства воспринимаются обществом как аристократия, императоры отказались от своей затеи.

Большое внимание аристократы и другие образованные члены общества эпохи Тан уделяли искусству и образованию. Процветали все виды научного конфуцианства, особенно ценились исторические труды и комментарии к классике. В этот период конфуцианское образование и верность его принципам больше не считалось противоречащим буддизму или даосизму, и многие люди обучались на текстах разных традиций. Искусство также привлекало ученых, многие из них прославились как талантливые каллиграфы. Почти все образованные люди увлекались поэзией, сочинение стихотворения было обязательным заданием на престижных экзаменах, как, например, экзамен на степень *цзиньши* («продвинутый муж»). Вероятно, поэтому эпоха Тан произвела много великолепных поэтов, таких как Ван Вэй, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи и Ли Шаньинь. До нас дошло более 48 900 стихотворений, сочиненных 2200 поэтами эпохи Тан. Традиционной была тема расставания друзей, возможно, потому что чиновников часто переводили из одной провинции в другую. Огромные расстояния, опасности путешествия, проблемы поддержания связи между разлученными друзьями делали каждое прощание исключительно важным. Поэты часто посещали веселые кварталы, где наслаждались исполняемой женщинами музыкой. В конце периода Тан куртизанки во многом способствовали распространению новой стихотворной формы, поскольку накладывали стихи известных поэтов (а иногда и свои собственные) на музыку.

Расцвет культуры Тан пришелся на первую половину VIII в., когда правил Сюань-цзун (712–756), внук императрицы У, двор которого стал центром высокой

культуры. Сюань-цзун проводил масштабные церемонии и систематизировал государственные ритуалы. При его дворе нашлось место буддийским и даосским священникам. Он пригласил учителей из только что сформировавшейся школы тантрического буддизма, в 726 г. призвал яванского монаха Вайрабодхи для совершения предотвращающих засуху тантрических обрядов, а в 742 г. лично держал курительницу с ладаном, пока цейлонский Амогхавайра читал магические заклинания, которые должны были способствовать победе армии Тан. Чтобы скрасить жизнь при дворе и загородные прогулки императора в женской компании, была учреждена новая поэтическая академия. В этой академии несколько лет служил поэт Ли Бо, он писал легкие чувственные стихотворения, воспевающие красоту императорских парков и прогуливающихся по ним дам. Еще Сюань-цзун любил музыку и лошадей, при дворе держали несколько лошадей, умевших танцевать. Кроме того, у него служил Хань Гань — великолепный рисовальщик лошадей.

В начале своего правления любовь Сюань-цзуна к светской жизни не мешала ему вести государственные дела. Он решительно ограничил власть императорских родственников и буддийских монастырей, которую те получили при императрице У. Чтобы предотвратить недостачу средств в казне, в которой были повинны укрывающиеся от уплаты налогов крестьяне, он приказал провести новую перепись и реформировал систему равных полей. Из-за угрозы со стороны тюрков, уйгуров и тибетцев император пересмотрел оборонительную стратегию: окружил государство кольцом военных поселений вдоль границы от Сычуаня до Маньчжурии и наделил их комендантов большими полномочиями.

Сюань-цзун имел много жен, у него было 13 сыновей и 29 дочерей. Но одна женщина занимала особое место в его жизни. В народной молве Сюань-цзун известен тем, что в шестьдесят лет влюбился в молоденькую Ян Гуйфэй, красавицу, разделявшую его интерес к музыке и танцам, но не отличавшуюся политическим чутьем. Ее забавляла компания Ань Лушаня, одного из недавно назначенных военачальников некитайского происхождения. Безумно влюбленный Сюань-цзун выказывал Ань Лушаню свое благоволение и, исполняя прихоть Ян Гуйфэй, позволил ему собрать войско из 160 тыс. человек вдоль северной и северо-восточной границ. В 755 г. Ань Лушань поднял восстание и двинулся на Лоян и Чанъань, вынудив Сюань-цзуна бежать на запад. Императорские войска взбунтовались и заставили Сюань-цзуна отдать приказ задушить Ян Гуйфэй. Удрученный таким поворотом событий семидесятилетний Сюань-цзун отрекся от престола в пользу своего сына. Так завершился самый яркий период светской культуры при дворе.

Влияние буддизма на жизнь китайцев

Космополитические настроения периодов Суй и Тан обусловили открытость Китая внешнему миру и способствовали усилению значения буддийских организаций в жизни общества. Буддийские монастыри создавали школы для детей, они предоставляли кров путешественникам на окраинах империи, а городские

монастыри нередко становились местом, где проводились разнообразные общественные мероприятия, например вечеринки, приуроченные к расставанию друзей. Деятельность монастырей обеспечивала экономическое благосостояние страны. Огромные земельные владения и большое количество крепостных позволяли монастырям формировать малые производства, строить мельницы и маслодавлини, а также осваивать новые земли. Полученные доходы и ростовничество позволили монастырям обрести статус экономической силы в местных сообществах и активно участвовать в развитии товарно-денежных отношений.

Буддизм способствовал и изменению мировоззрения китайцев. Среди популярных сказок времен Тан встречается немало сюжетов буддийского происхождения. Обращая в свою веру, монахи показывали неграмотным мирянам картинки и рассказывали истории. Легенда о Муляне, вызволившем из преисподней свою мать и избавившем ее от невероятных страданий, легла в основу праздника духов, который отмечают в пятнадцатый день седьмого месяца. Это один из наиболее важных народных праздников Китая, когда все население — и буддисты, и представители других вероисповеданий — от самых образованных духовных лиц до простых неграмотных сельских жителей выносят на порог пищу и оставляют ее голодным, страдающим в преисподней духам. По свидетельству японского монаха Эннина, жившего в Китае с 838 до 847 г., в этот день около сорока монастырей в Янчжоу могли соревноваться в создании

Великий храм Наньчаньсы на горе Утай — одно из старейших сохранившихся зданий Китая. Вероятно, был построен, как только пошли на спад масштабные гонения на буддистов, начавшиеся в 845 г.

причудливых свечей, лепешек и искусственных цветов, которые раскладывали перед входом в храмы. «Во время этого самого пышного праздника все до единого в городе ходят по монастырям и украшают их».

К середине периода Тан завоевали популярность наиболее китаизированные буддийские секты и школы. Приверженцы учения Чистой земли почитали Будду Амитабху и бодхисаттву Гуаньинь, его главную помощницу, и после перерождения надеялись оказаться в раю Амитабхи, в Чистой земле. Среди образованной элиты не менее популярной была школа Чань (в Японии известна как Дзэн). Последователи Чань отрицали значимость сутр и считали, что буддийская истина должна передаваться патриархами из уст в уста. Среди наиболее почитаемых патриархов были Первый патриарх Бодхидхарма, индийский монах, пришедший в Китай в начале VI в., и Шестой патриарх Хуэйэн, китайский монах, умерший в начале VIII в. То, что Хуэйэн достиг просветления будучи неграмотным, служило подтверждением чаньского положения о том, что просветление достигается мгновенно, поскольку проникает в истинную сущность человека.

Из всех больших монастырских комплексов, построенных далеко в горах, наверное, ни один не привлекал большего числа паломников, чем монастырь на горе Утай (провинция Шаньси). Слава о нем распространилась настолько, что изображения этого комплекса встречаются за сотни километров от самого храма. Например, на стенах в пещере 61 в Дуньхуане (провинция Ганьсу)

В «Сутре лотоса» о бодхисаттве Гуаньинь говорится, что та могла даровать ребенка любой женщине, которая ей молилась. Это, несомненно, добавляло Гуаньинь привлекательности и усиливало тенденцию наделять бодхисаттву женскими чертами. На представленных здесь страницах иллюстрированной версии IX или X в. *справа* изображена семейная пара, молящая Гуаньинь даровать им ребенка, *слева* — повитуха, принимающая роды.

Однако буддизм в период Тан — это не только проникновение и усиление влияния этого вероисповедания. В конце династии Тан вновь сформировалось негативное отношение к буддизму как иностранной религии, поскольку на мировой политической арене ослабела позиция Китая. Финансовые затруднения, которые начали испытывать при дворе, также породили волну недовольства буддийскими учреждениями, поскольку именно туда, в обход правительственных институтов, стекались огромные денежные средства.

В 841 г. правительство наложило запрет на буддизм и ряд других иностранных религий. До 845 г., когда указы были отменены, около 250 тыс. монахов и монахинь вынудили вернуться к светской жизни, 150 тыс. крепостных были отобраны, 4600 монастырей и 40 тыс. часовен снесли или перестроили для других целей. Этот удар пришелся на несчастливое для китайского буддизма время, так как именно тогда была утрачена связь с центрами в Индии, где в тот момент буддизм пребывал в состоянии упадка, и Центральной Азии, где распространялся ислам. В результате из всех философских и экзегетических школ буддийской мысли в следующий век перешли только школы Чистой земли и Чань.

Этот печатный календарь на 877 г. был найден на северо-западе, в Дуньхуане. Среди первых печатных образцов нередко встречаются календари с указаниями, что можно делать и чего следует избегать в определенные дни

This image shows a traditional Chinese cosmological chart, likely a calendar or a divination tool, divided into several sections. At the top, there are columns for months and years, with characters like '月' (month) and '年' (year). Below this is a grid of numbers (1-30) and various symbols, possibly representing the days of the month or specific astrological events. The middle section contains several diagrams, including a circular diagram with numbers and characters, and a larger diagram with a grid of numbers and characters. The bottom section is titled '推丁酉年五姓起造圖' (Diagram of Starting Construction in the Year of the Earth Goat for Five Families). It features a grid with columns for the Five Families (官, 商, 工, 農, 士) and rows for the months (子, 丑, 寅, 卯, 辰, 巳, 午, 未, 申, 酉, 戌, 亥). The grid contains characters and symbols, including a large '丁' character and a diagram of a house with a roof and pillars. To the right of the grid is a vertical column of text providing instructions or commentary on the construction process. The entire chart is filled with dense Chinese characters and symbols, reflecting the complexity of traditional Chinese cosmology.

ЖИЗНЬ ВДАЛИ ОТ ЦЕНТРА

Представление о том, как протекала жизнь простых граждан империи Тан вдали от столицы, можно получить, просмотрев архив документов, который был найден запечатанным в пещерном храме в Дуньхуане. Этот храм расположен на северо-западной окраине исконного Китая, как раз там начинался Шелковый путь через пустыню. Среди дошедших до нас документов можно найти договоры на продажу земли, домов и рабов, бытовые записи, связанные с системой равных полей, учебники для начального образования; документы, касающиеся разводов, усыновлений или разделов семейного имущества, образцы писем на все случаи жизни, циркуляры по регистрации религиозных обществ; местные летописи и список местных выдающихся семейств, а также огромное количество бюрократических документов.

Несмотря на удаленность Дуньхуана от политического центра государства, крестьянский быт его жителей полностью определялся установленными в столице правилами, в числе которых была наделная система. Найденные в Дуньхуане документы подтверждают, что люди получали земельные участки в соответствии с этой системой, а после их смерти земля возвращалась государству. Кроме того, в ходу была и аренда земли. Арендовать можно было не только государственные, но также и те земли, владельцы которых по каким-то причинам не могли обрабатывать их сами. Монастыри, обладавшие немалыми территориями, лишали своих арендаторов ряда личных свобод: крестьяне не могли ни переезжать с места на место, ни сочетаться браком с представителями других социальных групп. Однако документы, обнаруженные в Дуньхуане, свидетельствуют о том, что зависимые от монастырей работники нередко имели личную собственность, могли нанимать себе помощников, у некоторых из них даже были свои рабы.

Государство также контролировало торговые отношения. До наших дней дошло около девяноста фрагментов официальных прејскурантов, свидетельствующих о том, что власти ежемесячно устанавливали цены на огромное количество товаров, в том числе на продукты питания и ткани. Эти товары распределялись по трем категориям и попадали на рынки, находящиеся под государственным надзором. В отношении некоторых других сфер жизни в дальних провинциях государство проявляло гораздо меньший интерес. Например, реконструкция ирригационных каналов производилась в основном небольшими группами крестьян, непосредственно заинтересованных в ремонте.

Развивалась коллективная негосударственная деятельность. В Дуньхуане даже простые крестьяне собирались вместе, чтобы решить те или иные вопросы. Большое количество разнообразных обучающих текстов позволяет сделать вывод, что образование было распространено и находилось большей частью вне ведомства государства. Учебники для начальных монастырских школ прививали основы конфуцианской этики. «Наставления деда членам семьи», которые сохранились в Дуньхуане в сорока двух экземплярах, использовались для обучения юношей хорошим манерам:

*Когда отец выходит на прогулку,
Сын должен идти следом.
Если по пути он встречает старшего,
Он ставит ноги вместе и складывает руки.
Перед старшим он не плюет на землю.*

В них отражались моральные основы и женского поведения:

*Новобрачная служит мужу
Так же, как она служила отцу.
Ее голоса не должно быть слышно,
Ее облик или тень не должны быть видны.
Она не смеет разговаривать
С отцом и старшими братьями мужа.*

При раскопках в Дуньхуане нашли много экземпляров учебников для самых способных учеников, таблиц умножения, сборников арифметических примеров, словарей и монографий по этикету, освещающих вопросы поведения в обществе — как разговаривать со старшими, с равными по положению или с младшими, содержащих рекомендации по написанию писем, как держать себя в гостях, на церемонии бракосочетания или похоронах.

По дуньхуаньским документам можно также проследить начало и развитие книгопечатания. Наибольшая потребность была в школьных учебниках, календарях удачных и неудачных дней, руководствах по борьбе со злыми силами и справочниках для готовящихся сдать экзамен. Еще одной предпосылкой для тиражирования стало желание заслужить расположение высших сил за усердное копирование и распространение буддийских сутр. С другой стороны, переход к печатным формам, который позволил затрачивать гораздо меньше время на воспроизведение текстов, был не таким уж большим шагом вперед, поскольку для создания оттисков на бумаге уже задолго до этого китайцы пользовались металлическими, каменными и глиняными штампами. К тому же они владели техникой притирания, например при переносе текстов на камень. Один из старейших образцов применения печатных форм датируется началом VIII в., к IX в. эта технология была усовершенствована. Самая древняя сохранившаяся печатная книга — копия «Бриллиантовой сутры» 868 г. была найдена тоже в Дуньхуане, наряду со словарями и альманахами. Уже в IX в. объемные тексты стали наноситься не на длинные свитки, а на сложенные, образующие книгу страницы, хранить в таком виде тексты было гораздо удобнее. За два столетия с момента своего изобретения книгопечатание постепенно реформировало сам принцип передачи информации.

Во времена династии Тан уровень мастерства обработки золота и серебра достиг своего пика. Этот серебряный с позолотой сосуд, обнаруженный при раскопках возле Сианя (провинция Шэньси), по форме напоминает кожаные фляги кочевников, а на технике его изготовления сказалось персидское заимствование. На стенках сосуда выгравированы забавные лошади императора Сюань-цзуна, которые были обучены танцам, с винными чашами в зубах

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Правительству Тан так и не удалось оправиться после восстания Ань Лушаня. После восьми лет сражений (755–763) преемнику Сюань-цзуна ничего не оставалось, кроме как пойти на компромисс. Чтобы восстановить порядок, он простил мятежников, а их предводителям передал военную власть в тех областях, которые они захватили. После этого в некоторых жизненно важных для империи областях военные чиновники оказались на положении правителей независимых государств: они не платили налоги и назначали себе подчиненных, а также передавали власть по наследству. Большую часть государственных постов в таких провинциях заняли военные, не имевшие отношения к ханьцам или бывшие китайцами лишь наполовину. Однако постепенно и в провинциях, возглавляемых гражданскими лицами, укрепилась административная власть, все это происходило в ущерб полномочиям как центрального, так и уездного и областного руководства.

В этих условиях наконец была упразднена давно изжившая себя надельная система, которая досталась Китаю от северных династий, а в 780 г. на ее место пришел налог, зависящий от фактического размера владения, его взимали дважды в год. Регионы получили квоты на налоги и некоторую свободу действий по их сбору. Отсутствие правительственного контроля над земельными вопросами повлекло за собой возвращение открытого земельного рынка и увеличение больших наделов, поскольку обанкротившиеся землевладельцы были вынуждены продавать свои хозяйства в счет долгов, а богатые могли приобретать все больше и больше собственности.

Новый налог на землю приносил немалые деньги, но центральное правительство посчитало, что этот доход возрастет, если государство будет еще и контролировать производство и продажу соли. Несколько увеличив цену, оно продавало соль имеющим лицензию оптовым торговцам, то есть опосредованно собирало налоги даже в тех регионах, где влияние центра было минимальным. К 779 г. государственная монополия на соль принесла более половины общего дохода. После такого успеха в правительстве задумались и о других товарах, включая чай и вино. «Комиссия по вопросам соли» стала очень влиятельной организацией, она не зависела от прежних правительственных органов, ею руководили специальные финансовые чиновники.

Прекратив контролировать земельный рынок, правительство Тан больше не следило и за городскими рынками. Как ни странно, ослабление контроля положительным образом сказалось на развитии торговли. Увеличился товарооборот, открылось множество городских рынков, обеспечивавших региональную торговлю, концентрировавшуюся вокруг новых столиц провинций. Торговцы, которых не контролировали так тщательно, как раньше, решили проблему нехватки монет, вводя в обращение серебряные слитки и используя расписки об обмене. К IX в. наряду с государственной иерархией административных центров сформировалась новая экономическая иерархия рынков и городов. Южные регионы получали выгоду от наплыва мигрантов, так как весь север, в особенности провинция

Хэбэй, сильно пострадал в результате восстания. Поскольку сельское хозяйство на юге было более продуктивным, любое перемещение населения в этом направлении шло на пользу экономике всей страны. Процветающие города в низовьях Янцзы, такие как Янчжоу, Сучжоу и Ханчжоу, манили многочисленные знатные семейства, переезжавшие сюда с севера.

Чанъань оставался развитым городом и после восстания, однако живущим там придворным в ту пору пришлось несладко. Талантливые и решительные императоры и члены правительства принимали разнообразные меры по укреплению центральной власти, но с переменным успехом. Чтобы противостоять угрозе со стороны региональных лидеров, правительство создало Дворцовую гвардию, а командование доверило личным слугам императора, дворцовым евнухам. Однако те оказались не меньшим злом, чем мятежные провинции. Чтобы удержаться во дворце, высокопоставленные чиновники были вынуждены заключать союзы с группировками евнухов. После 820 г. при дворе царил атмосфера заговоров и контрзаговоров, когда евнухи и их союзники одного за другим возводили на трон императоров, манипулировали ими и убивали за ненадобностью. В 835 г. император, который в тот момент занимал трон, и группа приверженных ему чиновников попытались выступить против них, однако этот план был раскрыт. По требованию евнухов были немедленно казнены более тысячи чиновников. Трех главных министров вместе с членами их семей публично казнили на западной рыночной площади Чанъаня. Все это было сделано для того, чтобы продемонстрировать безграничную власть евнухов.

Параллельно с нарастанием внутреннего недовольства все острее становилась угроза со стороны соседствующих с Китаем государств. Вражеские силы объединялись вдоль границ империи Тан: от Бохая на северо-востоке до Тибета, Наньчжао — на западе и юго-западе. Тюркские уйгуры были ненадежными союзниками. Восстание Ань Лушаня было подавлено во многом благодаря им, но после возвращения Лояна императору от уйгуров пришлось откупаться огромным количеством шелка, чтобы те воздержались от разорения столицы. Во избежание набегов этого народа Китай был вынужден выменивать их лошадей на шелк в ущерб своей казне. К этому моменту набрала силу Тибетская империя, и чуть только оборона на западной границе Поднебесной ослабела (войска были отозваны для защиты столицы от повстанцев под предводительством Ань Лушаня), тибетцы перешли в наступление и отрезали китайскую метрополию от Центральной Азии. После крушения Тибетской империи и развала империи уйгуров Китай принял решение не отвоевывать бывших доминионов в Центральной Азии.

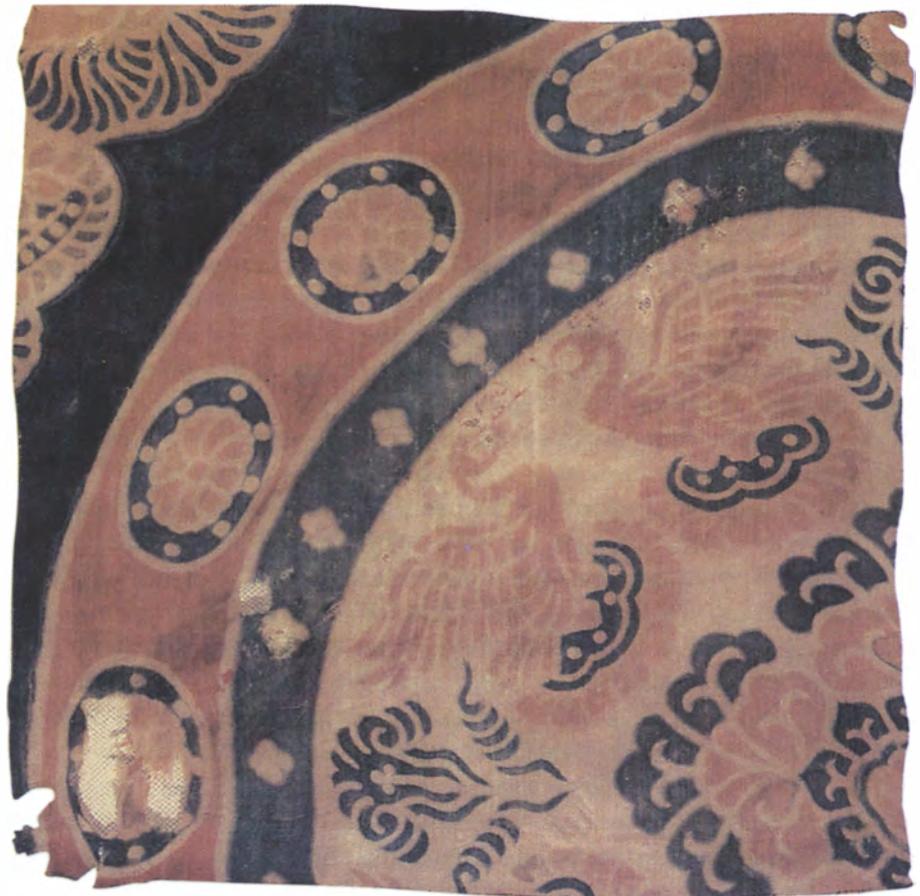
После 860 г. децентрализованное государство (вся власть оказалась в руках региональных командующих) не имело возможности создать даже видимость порядка. Бандитские шайки, по численности нередко достигавшие размеров небольшой армии, разоряли деревни и нападали даже на обнесенные стенами города. Эти банды грабили торговцев и сборщиков налогов, занимались контрабандой соли и совершали налеты зачастую вдалеке от своих баз. Самую удачную группировку возглавлял Хуан Чао, проваливший государственные экзамены торговец солью. Его быстро перемещавшаяся с севера на юг и вновь на север

армия в 879 г. захватила Гуанчжоу, в результате чего были убиты тысячи иностранных купцов. В 881 г. Хуан Чао занял Чанъань и образовал там свое правительство. Когда в 882 г. на стене правительственного здания появилось стихотворение, в котором осмеивался новый режим, было приказано казнить каждого, кто был способен сочинять стихи. Погибли 3 тыс. человек. В течение следующих двадцати лет все законодательство и устои времен империи Тан были упразднены и провозглашена (кратковременная) династия Лян. Начался период, условно именуемый «Эпохой пяти династий и десяти царств» (907–960).

ПЕРЕОЦЕНКА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ПЕРЕСТРОЙКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Древнекитайские мыслители в свое время рассматривали Китай как единственный оплот цивилизации, где существовала письменность, возводились города и совершенствовались технологии. В период династии Тан это суждение пришлось пересмотреть. Благодаря паломникам и миссионерам на протяжении

Когда книгопечатание уже вовсю использовалось для воспроизведения текстов, ему нашлось применение в украшении тканей (тисненные ткани). На этом фрагменте шелкового знамени VII–IX вв., найденном в пещере 17 в Дуньхуане, объединены персидские мотивы (закругленные элементы заимствованы из декора персидских металлических изделий) и рисунки китайского происхождения (пара птиц)

многих веков в Китае постепенно распространялась информация об Индии, с ее традицией письменности, ничуть не уступавшей китайской. К тому же у китайцев больше не было оснований считать своих ближайших соседей примитивными племенами: Корея, Бохай (в Маньчжурии), Наньчжао (в Юньнани), Тибет и Япония образовали государства, где исповедовали мировые религии, они имели письменность (в ряде случаев разрабатывали собственные системы), строили города и поддерживали торговые отношения вдали от своих границ. Китай по-прежнему мог настаивать на превосходстве перед этими государствами, но не отрицал, что кроме него есть и другие очаги культуры. В начале династии Тан политическое, институциональное и культурное главенство Китая утвердилось повсеместно. Стремясь создать политически мощные центры, корейские и японские правители пытались копировать устройство китайской империи.

В период династии Тан люди стали сидеть на приподнятых платформах, как показано на иллюстрации. Мужчины одеты в характерный для отдыхающих ученых наряд: платья синего и коричневого цветов, черная обувь и черные шляпы. Стенная роспись размером 178×234 обнаружена в гробнице, неподалеку от Чаньаня

Однако конец периода Тан обозначил глубокий культурный кризис. Лучшие умы эпохи осознавали необходимость перемен и, отталкиваясь от принципов конфуцианства, размышляли о государстве и о национальной культуре. Эти глубокие искания отразились в творчестве двоих выдающихся писателей, Ду Ю (732–812) и Хань Юя (768–824).

Ду Ю, выходец из известной аристократической семьи, великолепно себя зарекомендовал на государственной службе в провинции и в столице. В 801 г. он преподнес императору «Тун дянь» («Политический свод») объемную энциклопедию китайских учреждений, состоящую из 200 томов (более 5 тыс. страниц в современном издании). Эту работу можно рассматривать как призыв к активным действиям, направленным на решение проблем современности. В частности, к реформированию государства и укреплению централизованной власти, которая в тот момент находилась под угрозой со стороны автономных провинций. Большинство чиновников свято верили в примат императорской власти, но, по мнению Ду Ю, представления о самой власти императора во многом устарели, поскольку чиновники по-прежнему превозносили роль ритуалов, а рациональные основы государственного устройства обходили своим вниманием. Нарушив традицию, Ду Ю начал свою энциклопедию не с описания придворных ритуалов, его волновали проблемы продовольствия и денег. Он рассуждает о том, как находят средства к существованию простые крестьяне и каким способом получает доход государство. Затрагивая тему налогообложения, Ду Ю положительно отзываясь о Гао Цзюне, чиновнике династии Суй, который включил дополнительные хозяйства в реестр надельной системы. Пока враждовали северо-восток и северо-запад, «жестокие правители и нерасторопные чиновники, непомерные налоги и бесконечные трудовые повинности вынуждали людей искать защиты у местных лидеров». Когда же династия Суй установила порядок, увидев, что государство забирает меньше урожая, чем местные магнаты, крестьяне предпочли попасть именно в государственный реестр. То есть, по мнению Ду Ю, «благодаря усилиям Гао Цзюна фискальная система Суй была введена повсеместно, и народ радовался процветанию». Оглядываясь назад, мы можем заключить, что крайне положительный эффект имело освобождение экономики от государственного диктата во времена поздней династии Тан, однако Ду Ю предпочитал хорошо продуманный контроль «сверху».

Точка зрения Ду Ю расходилась с конфуцианской, он не считал, что государство должно строиться по старинным классическим канонам. Он утверждал, что древние китайцы были такими же отсталыми, как некоторые варвары, населявшие в его времена приграничную с Китаем зону. По мнению писателя, система уездов и округов периодов Хань и Тан давала гораздо больше положительных результатов, чем феодальная система империи Чжоу, она, например, продлевала периоды мира и обеспечивала прирост населения. Автор предисловия к «Тун дянь» характеризует Ду Ю как человека, который верит в то, что «цель высшей личности состоит в наведении порядка в государстве, наведение порядка означает усовершенствование положения вещей, усовершенствование положения вещей возможно, когда изучен опыт прошлого, а изучение опыта прошлого предполагает изменение вместе со временем».

Более молодой современник Ду Ю, Хань Юй, рассматривая проблемы Китая, больше отталкивался от понятий культуры. Основой образования и хорошего стиля письма он считал конфуцианскую классику и настаивал на простоте стиля в прозе, которая создавалась бы с опорой на древние идеалы ясности, лаконичности и функциональности. Как и Ду Ю, его беспокоила слабость «верхушки», однако он верил, что возврат к конфуцианству упрочит положение правящей элиты. Он представил трону меморандум, в котором протестовал против того, чтобы императора почитали в соответствии с традицией буддизма. Он считал буддизм варварским культом, где поклоняются истукану, к которому даже противно прикасаться. Демонстрируя свое уважение к этой религии, утверждал писатель, император как бы вдохновляет простых людей оставить настоящую работу и общественные обязательства ради достижения буддийских целей, а между тем это наносит ущерб государству и приводит к сокращению налоговой базы. В не менее известном труде об истоках Пути Хань Юй писал о том, что истинное конфуцианское знание передавалось по цепочке посвященных, начиная с Чжоугуна и заканчивая Конфуцием и Мэн-цзы, а затем эта цепочка была прервана. По мнению Хань Юя, чтобы восстановить «Путь мудрецов», необходимо вернуться к «Лунь юй» и «Мэн-цзы» и вновь обратиться к подлинному учению. Он также изложил историю китайской цивилизации, его версия не уступала версии Ду Ю по глубине мысли, зато оказалась более лаконичной. С точки зрения Хань Юя начало китайской цивилизации связано с мудрецами, которые оградили людей от зла, научили их добывать пропитание и одеваться, оберегаться от диких животных, научили музыке и совершению ритуалов, а также создали политические институты, призванные защищать людей и подавлять преступность, однако правильный ход событий был нарушен появлением даосизма и буддизма. Хань Юй закончил свой очерк предложением вернуть буддийских и даосских монахов к мирской жизни, сжечь принадлежащие им книги и перестроить их храмы в жилые дома.

Взгляды Ду Ю и Хань Юя существенно различались. Ду Ю настаивал, что необходимо изучать изменение и рассматривать детали конкретных задач. Хань Юя, наоборот, в первую очередь заботило неизменное и универсальное, в вопросах политики больше внимания он уделял этическим проблемам и утверждал, что лидирующие позиции следует занимать только тем, кто постиг «Путь мудрецов». Ду Ю прослеживал последовательные этапы развития общества, в то время как повествование Хань Юя развивается скачкообразно и не дает представления о едином историческом контексте. Однако по ряду вопросов наблюдается некое единогласие. Например, оба они мало интересовались популярными со времен династии Хань космологическими теориями императорской власти. Оба были уверены в том, что человек с добрыми намерениями способен изменить мир к лучшему. Таких взглядов придерживались многие их современники, и дебаты на эту тему заметно разнообразили интеллектуальную жизнь.

В том, как китайцы воспринимали свою историю, единство и расширение имели гораздо большее значение, чем фрагментация и сжатие. Поэтому первая половина эпохи Тан рассматривается как один из блестящих периодов в истории Китая, а вторая половина — как плохое последствие. Упадок династии не стал

Музыкальные инструменты, подобные этой около метра длиной четырехструнной пипе (так называли лютию иранского происхождения), преподносились в дар японским послам, посещавшим Китай в конце VII или в начале VIII в. На обратной стороне пипы в технике инкрустации по дереву выполнены цветы, птицы, бабочки и горы

неожиданностью, он явился результатом предсказуемой динамики развития любой из династий. Успешные правящие дома, подобные Тан, были основаны энергичными и целеустремленными людьми, высокие моральные качества которых позволяли им удерживать Мандат Неба. Еще одним достоинством танского государства были низкие и справедливые налоги, которые устранили проблему коррумпирования местной власти. Преемники династии не были сверхлюдьми и не смогли предотвратить борьбу за власть при дворе, не сумели воспрепятствовать усилению администраций на местах и увеличить источники доходов. С этой точки зрения даже самые способные и мудрые императоры и их советники если и приостанавливали упадок, то никак не могли повлиять на естественный ход истории: династия неизбежно ослабевала и рушилась.

Древние историки Китая не связывали одну правящую династию с другой, по их мнению, смена династий представляла собой ничем не определенную последовательность. Когда в конце XIX — начале XX в. китайские историки наконец познакомились с европейской теорией ступенчатого развития цивилизации (древняя — классическая — средневековая — современная), то предложили схему более крупной периодизации китайского исторического процесса. Как уже упоминалось в предыдущих главах, они усмотрели связь между ханьским государством и Римом, эпохой раздробленности и Средневековьем. Полному соответствию мешало лишь воссоединение Суй и Тан, ведь воссоздать Римскую империю в прежнем масштабе не сумели ни Юстиниан в Константинополе (VI в.), ни Карл в Риме (IX в.). А китайская империя Тан не просто догнала Хань, но по многим показателям опередила ее: она сумела противостоять еще более серьезной угрозе извне, управлять более разнообразным по составу обществом, и все это в условиях более развитой экономики.

Некоторые современные историки отмечают цикличность китайской истории, для характеристики изменений они используют многосложную терминологию и трех-четырёхступенчатую периодизацию, свойственную трудам по истории Запада. Пытаясь определить собственно китайский путь исторического развития, большинство ученых рассматривает закат династии Тан (на самом деле период упадка) как период стремительного роста. Беспокойство интеллектуальных кругов общества по поводу положения, в котором оказалась центральная власть, побудило их вновь обратиться к идеалам конфуцианства. Эти идеалы не утратили своей актуальности и в период династии Сун. Возможно, центральное правительство и было неспособно пристально следить за экономикой (в результате это привело к оскудению государственных запасов), зато по этой же причине заметно оживилась низовая экономика. Такие неоднозначные условия повлияли на китайское общество: оно перестало концентрироваться на политике и военных структурах государства и научилось преодолевать политические кризисы.

СМЕЩЕНИЕ К ЮГУ

Династия Сун (907–1276)

В конце периода Тан темп перемен в китайском обществе существенно возрос. К началу эпохи Сун (960–1276) нововведения в сельском хозяйстве и промышленности обусловили головокружительный рост экономики. Усилились темпы миграции на юг, в результате по уровню экономического и культурного развития долина реки Янцзы ничем не уступала северным долинам Хуанхэ. Система экзаменов для поступления на гражданскую службу стала определяющей в жизни элиты, и конфуцианство вновь обрело большое значение. Несмотря на эти признаки благополучия, династия Сун не сумела утвердиться в Восточной Азии, как это сделали в свое время империи Хань и Тан. В сильных соседях уже приходилось видеть себе равных, а никак не вассалов, и оборона территорий государства стала главной заботой правительства и интеллектуальной элиты.

ГОСУДАРСТВО В БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ

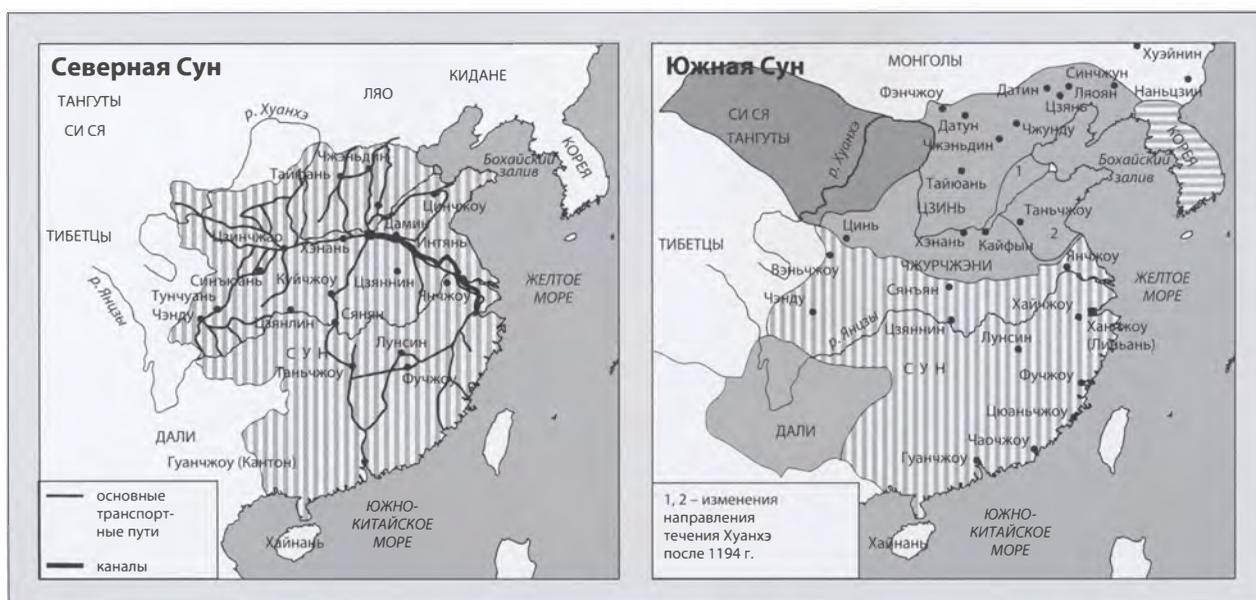
После крушения династии Тан в течение беспокойного столетия (860–960) политическая и военная власть постепенно рассредоточилась и переместилась на местный уровень. Любой способный организовать людей для защиты от мятежников или банды разбойников мог назваться военачальником и стать местным правителем. Многие из таких правителей вышли с самого «низа», один, например, был рабом торговца. На юге самопровозглашенным правителям удавалось объединить под своим началом не такие уж большие территории, не более чем одна-две современные провинции. Поэтому эти южные государства называют «Десять царств». Политическая раздробленность на юге не вредила экономике, наоборот, стремясь к увеличению налогооблагаемой базы. Региональные правители с удовольствиям поощряли торговлю.

Результаты раздробленности на севере были менее утешительны. Многие местные военачальники были не китайцами, а тюрками из гарнизонных армий. И Чанъань и Лоян были опустошены войнами конца династии Тан, поэтому роль центрального города северного Китая была отведена Кайфыну, расположенному в провинции Хэнань, в устье Великого канала. Быстрая смена Пяти династий (Поздней Лян, Поздней Тан, Поздней Цзинь, Поздней Хань и Поздней Чжоу) показала, как недолго могли усидеть на троне правители в этой столице, их тут же смещали соперники. В 937 г. один из правителей обратился к укрепившимся в Монголии киданям, чтобы те помогли ему получить контроль над Кайфыном. За это он признал их своими господами и подарил земли недалеко от современного Пекина. Когда же его преемник попытался аннулировать соглашение, кидане напали на Кайфын (946–947).

Наконец появился человек, который сумел объединить страну. Чжао Куань-инь (960–976) стал первым императором династии Сун. До этого он командовал дворцовой гвардией, а императором стал при поддержке подвластных ему войск, не желавших подчиниться семилетнему сыну предыдущего императора. Чжао Куань-инь ликвидировал независимые региональные армии и в течение шестнадцати лет, еще до того как он умер, большинство военачальников юга подчинились империи Сун. Чтобы укрепить контроль над всеми вооруженными силами, Чжао Куань-инь отправил своих командующих на пенсию и назначил им щедрые пособия, а военных губернаторов постепенно заменил гражданскими чиновниками. Из лучших подразделений региональных армий он собрал дворцовую гвардию и командовал ею лично, эта большая, мобильная профессиональная армия была призвана защищать столицу. Дабы предотвратить появление новых региональных предводителей, император отдал армию под гражданский контроль и старался как можно чаще менять ее начальников. Завершил реорганизацию вооруженных сил младший брат Чжао Куань-иня, унаследовавший трон в 976 г. Он расформировал военные провинции и назначил интендантов, которые должны были отвечать за решение судебных, фискальных, военных и транспортных вопросов, а также координировать работу чиновников.

Воссоединение во время династии Сун не повлекло за собой военной экспансии, как это было во времена Хань или Тан. Надеяться на восстановление господства в Центральной Азии не приходилось и никак не удавалось прогнать киданей с земель вокруг Пекина. Более того, тангуты, близкий к тибетцам народ, образовали крепкое государство на северо-западе, центр которого находился на территории современной провинции Ганьсу. Как и северные династии в V и VI вв., государство киданей Ляо и государство тангутов Ся возглавлялись не-китайцами, использовавшими опыт китайских чиновников и китайские методы

В период династии Сун китайская цивилизация развивалась в довольно ограниченном пространстве. Объем территорий особенно сократился после 1127 г., когда чжурчжэни захватили север, отрезав таким образом северное царство Цзинь от южного Сун

управления. Среди смешанного населения было много ханьцев: крестьян, торговцев, ремесленников (см. гл. 7). По мирным соглашениям 1004 и 1044 гг. правительство Сун соглашалось выплачивать ежегодные подати Ляо и Ся, а в ответ те гарантировали мир. Но безопасность границ постоянно находилась под угрозой. Между 979 и 1041 г. численность армии Сун увеличилась более чем втрое и составила 1,2 млн человек. В огромных количествах производилось оружие: в год запасались несколькими десятками миллионов наконечников для стрел, изготавливали десятки тысяч доспехов. Военные расходы составляли почти 3/4 государственного дохода.

Необходимость противостоять мощному врагу стимулировала развитие военных технологий. В 1040 г., во время войны с тангутами, по приказу императора Жэнь-цзуна был составлен трактат о военном искусстве, в него вошло 40 глав, содержащих инструкции по изготовлению и применению разнообразных орудий и осадных механизмов. Здесь приведен первый рецепт пороха. В те времена его добавляли в разрывные бомбы, которые метали с помощью катапульта, но только к концу династии Сун военные инженеры обнаружили, что свойства пороха позволяют отправлять на дальние расстояния тяжелые снаряды, и создали некий прообраз пушки. Однако для армии Сун сражения проходили с переменным успехом, удержать техническое превосходство было практически невозможно, так как враги нередко захватывали оружейных мастеров и инженеров и принуждали их производить похожее оружие.

Опасность, в которой находилось государство, поддерживала властные структуры в постоянном тонусе. Императорское правление в Китае всегда сохраняло баланс между центральным и местными правительствами, между обладавшим безграничной властью императором и исполнителями его приказов, гражданскими и военными чиновниками. Но в период династии Сун баланс сместился в пользу центральной власти и гражданских чиновников. По ряду характеристик китайское государство стало соответствовать идеалам конфуцианства, причем в гораздо большей степени, чем в предшествующие или последующие периоды. Среди императоров Сун не было тиранов, императрицы не замыслили ничего дурного, евнухи не устраивали заговоров.

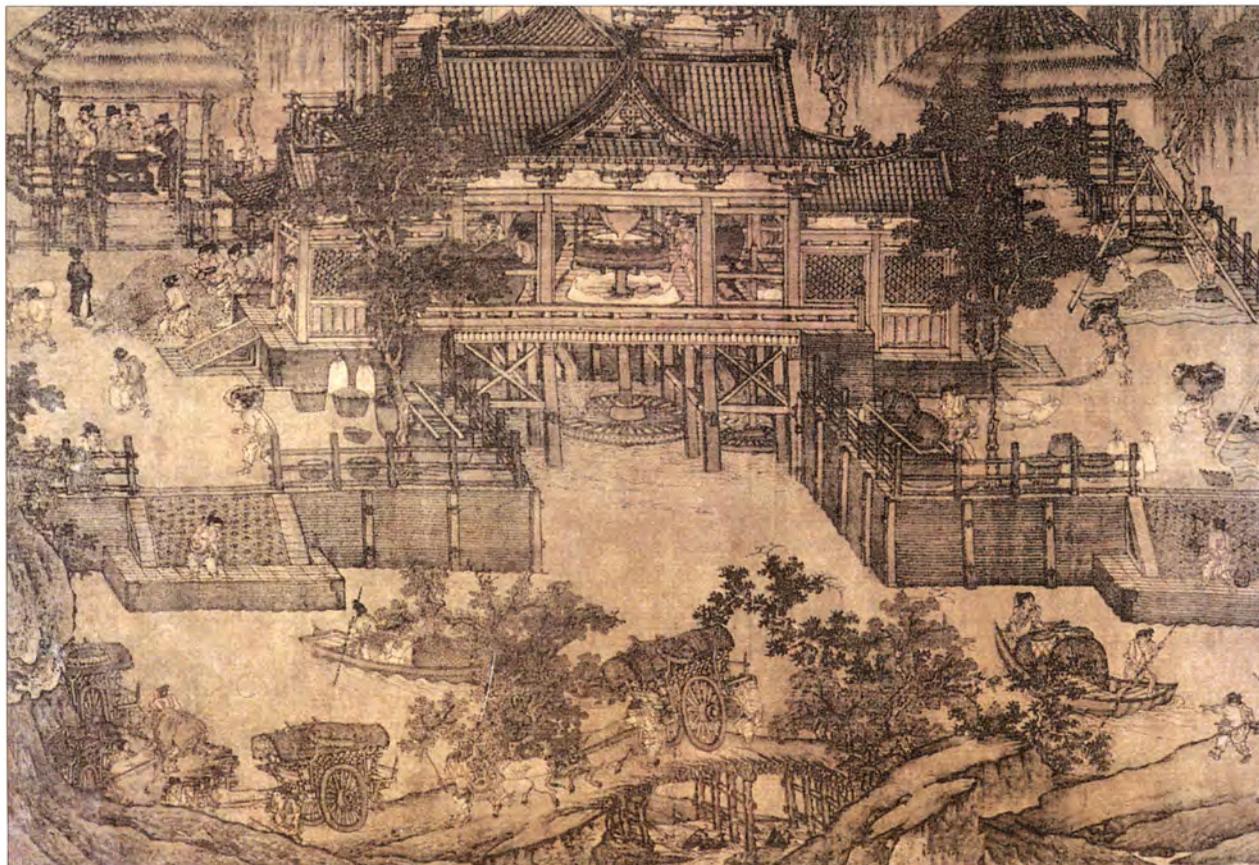
Императоры династии Сун не проявляли деспотизма. Чтобы принять окончательное решение по какому-либо вопросу, они сперва выслушивали ряд мнений и, как правило, следовали совету высокопоставленных чиновников. Куань-инь поклялся, что никогда не казнит несогласного с ним и наказал своим преемникам поступать так же. Правительственные чиновники отождествляли себя с династией и способствовали укреплению центральной власти. Многие из них были выдающимися людьми, которые были преданы идее достойного руководства и были готовы отстаивать свои принципы. Ученый-чиновник Фан Чжунъянь в 1043–44 гг. попытался провести реформу местного самоуправления и предложил пересмотреть подбор кадров административного аппарата. По его мнению, долг чиновника-конфуцианца заключается в следующем: «быть первым, заботясь о бедах мира, и быть последним, наслаждаясь его благами».

Несмотря на то что достойных императоров и политиков было предостаточно, правительство Сун все же имело два недостатка: фракционность и бюрократизм.

Книгопечатание облегчило создание документов, скорее всего поэтому бюрократические предписания составлялись в невообразимых количествах. Правила проведения церемоний в одном из императорских залов составили 1200 книг, а о том, как принимать корейских послов, написали 1500 томов. Вносить коррективы в предписания и процедуры стало настолько обременительно, что многие чиновники возражали против любых реформ.

Фракционность тоже оказалась трудноискоренимой. В то время не существовало законных мер по разрешению политических конфликтов, поэтому когда между чиновниками обострялись споры о влиянии на императора, каждая из сторон собирала вокруг себя союзников и выискивала пути смещения оппонентов. Ярким примером является эпизод, начавшийся с того, что трон занял двадцатилетний император Шэнь-цзун (1067–1085), который позволил Ван Аньши провести масштабную реформу правительства. Целью Вана было обогащение населения страны и увеличение доходов государства. В процессе полной реструктуризации налогового управления он изменил принципы земельного налога, ввел новые схемы сбора и транспортировки дани, а крестьянам дал возможность получать ссуды под проценты, чтобы те могли обеспечить себе независимость от владельцев земель. Трудовую повинность он заменил денежным налогом, реорганизовал систему канцелярий на местах, учредил государственные

На этой росписи по шелку работы неизвестного художника начала династии Сун хорошо представлена взаимосвязь между водным транспортом, водяными мельницами и обработкой зерна

Су Дунпо

На протяжении столетий самоидентификация и национальная гордость китайцев была неразрывно связана с символическими фигурами прошлого. Среди великих людей периода Сун самым замечательным, пожалуй, был Су Ши (1037–1101), более известный под выбранным им самим именем Су Дунпо. Один из величайших поэтов и эссеистов, следовавших китайской традиции, Су был также серьезно вовлечен и в политику. С момента его смерти до настоящего времени люди находят образцы его каллиграфии, рисунки с изображением поэта, надписи на камнях (свидетельства его визитов) и храмы, посвященные его памяти.

Су родился на западе Китая, в Сычуани. В 1056–1057 гг. выдержал экзамены для поступления на государственную службу и вскоре оказался в кругах ведущих литераторов. С самого начала своей карьеры в бюрократической системе он откровенно критиковал правительство и затем возглавил оппозиционную Ван Аньши фракцию. Эта активная политическая позиция отразилась в его творчестве. Вскоре он был арестован и брошен в тюрьму по обвинению в клевете на императора и назначенных им чиновников. Казнь заменили ссылкой в Хубэй, область, которую он полюбил всем сердцем и где написал свои лучшие поэтические произведения. Спустя несколько лет после возвращения к службе, его сослали вновь. На этот раз он оказался на острове Хайнань, самой южной точке царства. Он умер на обратном пути.

Су Дунпо писал изумительно. До нас дошли около 800 писем и 2700 стихотворений. Для его поэзии характерны необыкновенное разнообразие тем и внимание к деталям. Одни произведения иг-

ривы, другие излучают тепло и нежность. В ссылке он написал шутивное и хлесткое стихотворение, приурочив его к первому купанию своего месячного сына: «Все, чего я хочу — это сына, который был бы глуп и нем. Тогда неудачи и трудности не встанут на его пути к высочайшим придворным постам». Образность поэтики Су Дунпо, вероятно, обусловлена его одаренностью в области каллиграфии и рисования. В работах по теории рисования он отмечал, что, рисуя, следует не просто изображать вещи, а выражать собственные чувства, то есть приближаться к поэзии.

Затрагивая в своих трактатах тему гражданской службы, Су продемонстрировал свою приверженность идеям конфуцианства, однако его привлекали и даос-

ские, и буддийские идеи. Две самые искусные его поэмы были навеяны посещением Красного утеса на реке Янцзы, где в 208 г. произошло известное сражение. В первом приведена его беседа с другом о краткости жизненного пути, об удовольствии, которое дарит речной бриз. Во втором он рассказывает, как хорошо бродить с друзьями по горам, а затем, опустив весла и доверившись течению, плыть по реке в лодке. Еще двадцать пять лет после смерти Су его произведения были запрещены из-за его связи с антиреформистской фракцией. Как только запрет был снят, их стали издавать коммерческие организации, частные лица и буддийские монастыри. Во времена Сун в свет вышло не менее девяти отдельных изданий.

Су Дунпо на Красном утесе, Ли Сун
(прибл. 1190–1225 гг.)

ломбарды и инициировал формирование отрядов милиции для поддержки национальной обороны.

Стремясь перестроить все одним махом, Ван Аньши быстро нажил себе врагов в бюрократической системе. Ведущие чиновники, такие как историк Сыма Гуан и поэт Су Ши, заявили, что его программы противоречат конфуцианским. Ван был вынужден продвинуть в системе своих людей. Он пересмотрел программу экзаменов для поступления на службу и увеличил число государственных школ, что еще больше разъярило его противников. Личная неприязнь, различия в региональных и классовых интересах, возникновение оппозиции философии правительства привели к усилению вражды между противниками политики Вана и его сторонниками. Получив власть, Ван Аньши уволил многих своих врагов, но у тех вскоре появилась возможность отплатить ему тем же. Вражда между фракциями союзников и противников Вана еще полвека после его смерти отравляла взаимоотношения ученых-чиновников.

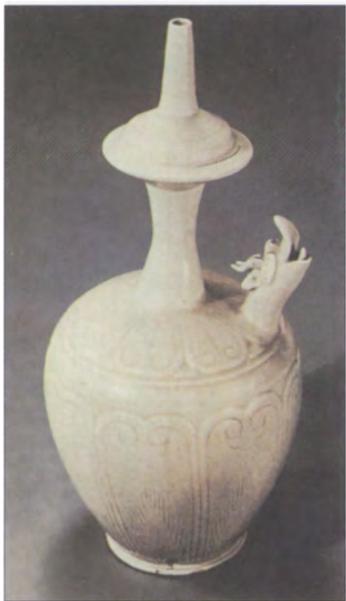
РАСЦВЕТ ЭКОНОМИКИ

Как уже было сказано, политическая раздробленность конца династии Тан, так удручавшая мыслителей, существенно стимулировала экономическое развитие государства. Это доказывает, в частности, тот факт, что за период с VIII по XII в. население увеличилось почти вдвое. В 742 г. население Китая составляло около 50 млн человек (как и во 2 г. н. э.). Три последующих столетия в центральном и южном Китае постепенно засеивали все большие по площади рисовые поля, возросли объемы продовольствия, а вслед за этим население страны к 1100 г. насчитывало уже 100 млн человек. Процветание сельского хозяйства и увеличение плотности населения способствовали развитию товарно-денежных отношений. Крестьяне из густонаселенных регионов активнее участвовали в торговле: они продавали излишки продуктов и покупали уголь, чай, масло и вино. Те, кто в основном занимался выращиванием зерна, нередко параллельно затевали побочное производство вина, угля, бумаги или ткани, а затем продавали товар через посредников. Стали появляться специализированные крестьянские хозяйства. Например, в окрестностях Сучжоу занялись выращиванием шелковичных червей и производством шелковой нити. В Фуцзяни, Сычуани и Гуандуне многие крестьяне засеяли все свои земли сахарным тростником. Чай, овощи, апельсины, лес, бамбук, масличные семена, коноплю и рами¹ тоже выращивали для продажи, а в конце эпохи Сун эти товары пополнил хлопок.

Носить с собой такую бумажную купюру, выпущенную в Ханчжоу в период южной Сун, было значительно легче, чем эквивалентный ей по ценности шнурок с тысячей монет

¹ Рами — китайская крапива, используемая в тканевых изделиях. — *Примеч. ред.*

Наиболее искусные изделия из фарфора и камня производились не в столице, а в региональных центрах, где технологии массового производства керамических изделий были доведены до совершенства. Торговцы часто развозили посуду по всей стране и значительным территориям Азии. Этот 25-сантиметровый кувшин, датированный концом X в. и изготовленный в известной мастерской в Динчжоу (провинция Хэбэй), украшен узором из листьев лотоса

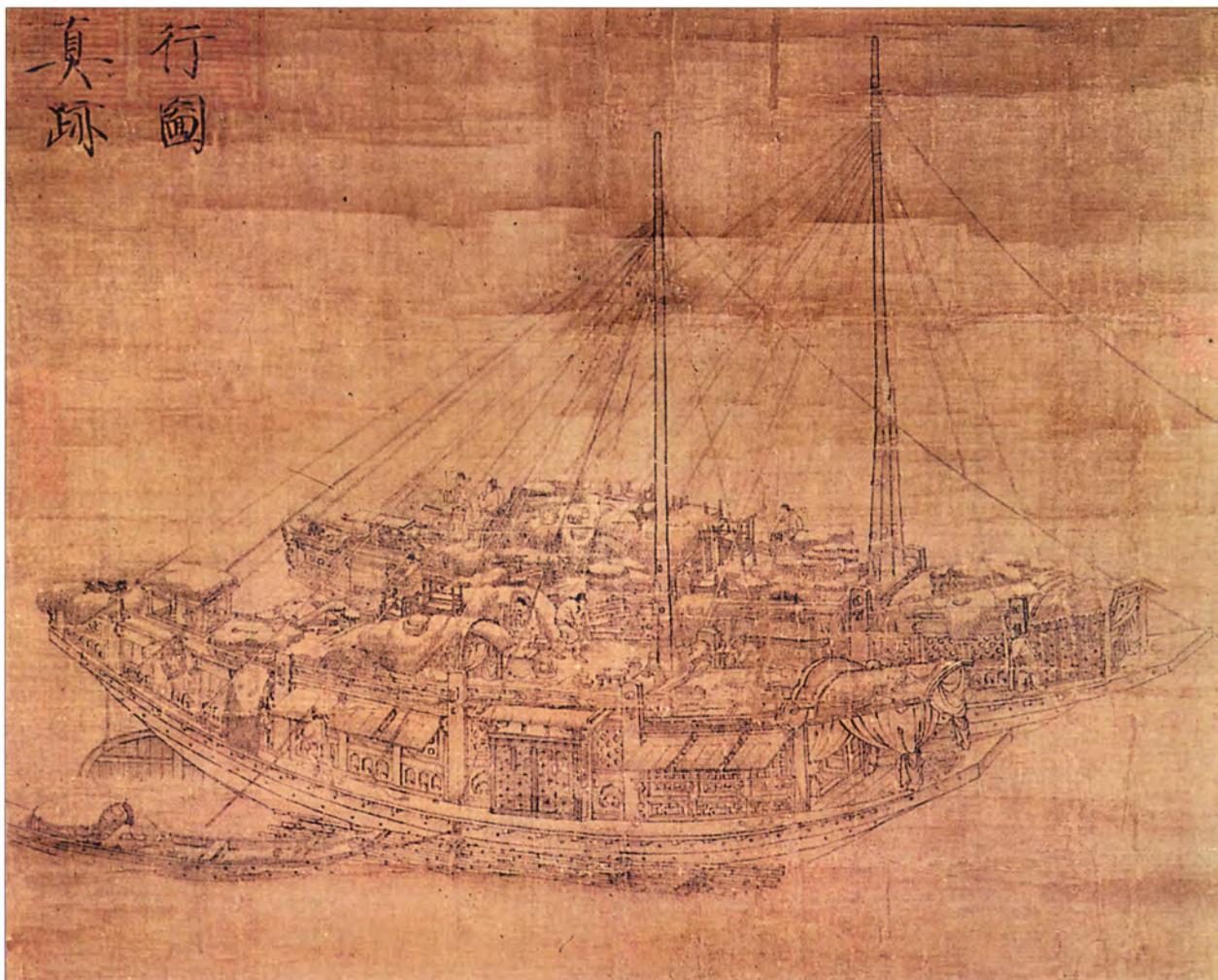
Потребность в транспортировке продукции в рамках межрегиональной торговли стимулировала развитие инфраструктуры внутри страны и каботажного судоходства. Корабельных дел мастера и моряки всегда могли найти работу, а те, у кого было достаточно средств для того, чтобы приобрести корабль, получили возможность преумножить свои капиталы. Венецианский купец Марко Поло, путешествуя по Китаю в конце XIII в., был поражен огромным количеством лодок на реке Янцзы: «Надо сказать, что эта река уходит так далеко, через такое количество регионов, а на ее берегах стоит столько городов, что, по правде говоря, по объему и стоимости перевозимых по ней грузов она превышает все христианские реки вместе с морями».

По мере развития торговых отношений возрастала потребность в деньгах. В конце периода Тан правительство запретило использовать рулоны шелка в качестве валюты, результатом стало все большее распространение металлических денег. К 997 г. правительство Сун чеканило 800 млн монет в год, то есть в два с половиной раза больше, чем во времена Тан. К 1085 г., менее века спустя, количество чеканившихся монет увеличилось почти в восемь раз, преодолев рубеж в 6 млрд монет в год. Параллельно все большую значимость в жизни китайского населения стало составлять серебро. В 1120 г. правительство собрало в виде налогов более 500 тонн серебра.

Широкое распространение валюты обусловило появление бумажных денег. Сперва они появились в Сычуани, где монеты чеканили из железа, а не из бронзы. В конце эпохи Тан, совершая крупные денежные операции, чтобы не носить с собой огромные по весу суммы, местные торговцы использовали расписки из хранилищ, где они оставляли свои деньги или имущество. В начале периода Сун монополии на выпуск таких депозитных сертификатов власти передали ряду банков, а в 1120-х гг. эта система оказалась под контролем государства, которое стало первым в мире, централизованно выпускающим денежные знаки. Контролировавшему этот процесс правительству Сун удавалось избегать излишнего выпуска, который приводит к росту инфляции.

Межрегиональная торговля становилась интенсивнее, рынок постепенно структурировался и сегментировался. Вошли в систему партнерские отношения, стали возникать коммерческие предприятия, наподобие акционерных обществ, для руководства которыми владельцы нанимали управляющих. Упростилась система кредитования, теперь в нее были вовлечены не только ростовщики, но также брокеры, оптовые торговцы и владельцы складов. В крупных городах торговцы объединялись в гильдии. Например, гильдия торговцев рисом регулировала взаимоотношения между оптовыми торговцами и владельцами магазинов и периодически устанавливала цены. На административном уровне, когда обсуждались вопросы налогообложения и реквизиции, главы гильдий представляли интересы всех торговцев своего объединения.

Торговля не ограничивалась внутренним рынком страны. Правительство поощряло внешнюю, особенно морскую, торговлю. Придворные отправлялись в страны юго-восточной Азии, где должны были пропагандировать торговлю с Китаем. Сами торговцы тоже не сидели сложа руки, и во времена Сун в южных морях усилилось присутствие именно китайских торговых судов. Новые корабли

могли принять на борту до нескольких сот человек и управлялись при помощи весел и парусов. Приблизительно в это же время был изобретен компас, первое упоминание о нем встречается в китайских источниках 1119 г. Развитие морской торговли способствовало росту доходов государства, особенно в Южной Сун, где правительство нашло эффективные способы налогообложения коммерческой деятельности. Но, что самое главное, новая, ориентированная на море политика обусловила формирование мощного океанского флота.

Промышленность в эпоху Сун развивалась не менее динамично. Традиционные отрасли, такие как производство шелка, лакированных изделий и керамики, поднялись на высочайший технологический уровень. Прекрасные шелковые ткани изготавливали как крупные государственные, так и небольшие семейные предприятия. Выращиванием тутовых деревьев, разведением шелковичных червей, продажей крученого шелка городским ткацким хозяйствам занимались семьи, проживающие в сельской местности. Процветало керамическое производство, несколько региональных центров по праву называли свою продукцию самой

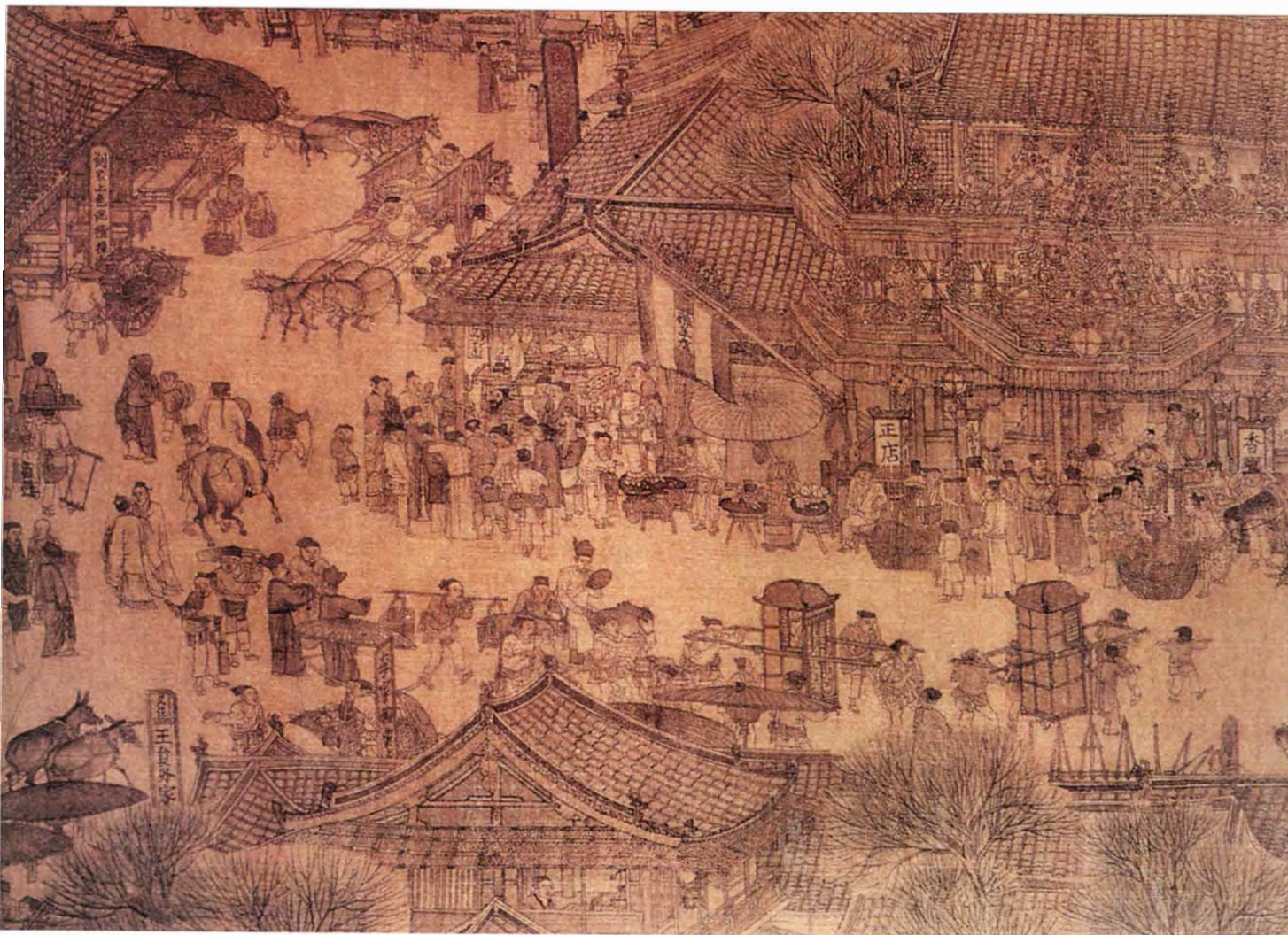
Торговая реформа требовала хорошо развитой транспортной системы. Грузовые корабли, подобные этому, изображенному на шелке периода Сун, перевозили товары по обширной сети рек и каналов

высококачественной. С увеличением потребности людей в книгах, документах, деньгах и оберточной бумаге стало набирать обороты бумажное производство. Невероятно быстро развивалась тяжелая промышленность, в особенности металлургия. Как только в 1078 г. были освоены новые технологии, производство железа стало составлять почти 125 тыс. тонн в год, то есть с 800 г. оно увеличилось в 6 раз. Изначально в процессе выплавки использовался древесный уголь, для чего на севере Китая активно вырубали лес, но к концу XI в. на смену углю пришел битумный кокс. Еще одним новшеством стали гидравлические механизмы, приводящие в движение воздуходувные меха, а для разработки рудников стали использовать взрывчатые вещества. Полученное железо играло важную роль в промышленности (например, в производстве соли и меди), из него изготавливали инструменты, оружие, корабельные гвозди, цепи для навесных мостов и в том числе для буддийских статуй.

Развитие торговли и промышленности стимулировало укрупнение городов. Прирост населения шел так стремительно, что более чем половине жителей приходилось переселяться за городские стены. Кайфын, бывший столицей Сун до 1126 г., по заселенности напоминал Чанъань, столицу государства Тан. В действительности же это был торговый город, в котором количество круглосуточных рынков превосходило количество дворцов и правительственных учреждений. Комнаты в многоэтажных жилых домах нередко сдавали в аренду. Эти дома стояли прямо на улице, и их не обносили стенами, как встарь. После того как север был потерян, в Ханчжоу выросла новая столица, по числу жителей и экономическому развитию не уступавшая, а возможно, даже превосходившая Кайфын. Марко Поло описал ее как самый прекрасный и роскошный город мира: «Когда видишь множество людей, сомневаешься, найдется ли достаточное количество пищи, чтобы накормить их всех. Но ежедневно рыночные площади заполняет народ и торговцы, которые привозят сюда пищу на телегах и лодках».

Уездные города тоже росли с небывалой скоростью, в десятках мест население превышало 50 тыс. человек. В удаленном от моря городке Цзянькан, что на севере провинции Фуцзянь, по всей вероятности, проживали 200 тыс. человек. Население Цюаньчжоу, расположенного в прибрежной части южной Фуцзяни, в 1120 г. составляло 500 тыс. жителей, если учитывать окрестности. Повсюду стали появляться «рыночные города». Многие из них возникли на месте временных ярмарок, которые проводились регулярно: каждый пятый или десятый день месяца. Постепенно эти ярмарки привлекали чайные домики, затем магазины бытовых товаров, а со временем здесь появлялись и новые жители. Затем правительство регистрировало новые города и учреждало для них налоговую службу.

Расширение экономических возможностей и прирост населения привели к постепенному насыщению китайского юга. Примером этого может послужить провинция Фуцзянь. В начале периода Тан некий чиновник утверждал, что половина людей в Чжанчжоу не китайцы, а «варвары, которые не расчесывают волосы и застегиваются на левую сторону». В конце правления Тан, по свидетельству другого очевидца, местные жители Фуцзяни не знали китайского, селились в пещерах или на плотках. К середине периода Сун в Фуцзяни, чтобы прокормить увеличившееся население, пришлось засеять террасовые поля на горных склонах,

а люди были вынуждены уезжать в менее развитые области, такие как Гуандун. По словам современника, девять из десяти залогодержателей одного уезда в Гуандуне приехали именно из Фуцзяни.

ОБРАЗОВАННАЯ ЭЛИТА

Благодаря экономическим и политическим изменениям в стране сформировался класс ученых-чиновников, которые подтверждали свой интеллектуальный уровень на конкурсных литературных экзаменах. Это одна из своеобразных черт китайской цивилизации — ни в одной другой цивилизации не существовало подобной элиты. И хотя члены элиты при обращении друг к другу употребляли характерные для классических времен термины «*ши*» («ученый – благородный муж») или «*шидафу*» («ученый-чиновник»), между ними и их предшественниками

«*Весенний праздник на реке*»: представлена сцена, характерная для жизни в столице Северной Сун, Кайфыне и его окрестностях — извозчики и носильщики, торговцы вразнос и продавцы из лавок, профессиональный сказитель, предсказатель судьбы, писец, женщина в паланкине, ученые и монахи, ведущие беседы. Работа Чжана Цзэдуаня датируется XII в. и составляет 25 см в высоту и более 5 м в длину

Производство шелка состоит из нескольких этапов. На этой детали рисунка шелкового свитка XIII в. изображены люди, которые собирают листья тутовника, сортируют их, чтобы затем скормить их шелколичным червям, передвигают рамы, на которых черви плетут коконы, укладывают коконы в корзины и взвешивают их

существовало несколько ключевых различий. Упадок аристократии, рост благосостояния населения, интеллектуальный бум, обусловленный возрождением учения Конфуция, и значение экзаменационной системы при назначении чиновников — все это привело к тому, что элита стала более разнородной и образованной, чем раньше.

Во времена Суй и Тан система экзаменов была отодвинута на задний план, но в начале Сун она вновь стала играть определяющую роль в формировании новой верхушки общества. Чтобы не допустить засилия военных в правительстве, первые императоры династии утверждали систему экзаменов и развивали государственную систему образования в целом. Количество выдержавших экзамены высшей ступени в 4–5 раз превысило показатели периода Тан. Вскоре требования к кандидатам были ужесточены, поскольку следовало выявить самых квалифицированных. Чтобы обеспечить объективную оценку экзаменационных работ (во времена Тан экзаменатору не возбранялось оценивать работу положительно только за то, что она была выполнена его близким знакомым), готовые задания переписывались служащими и помечались только номером. Благодаря этой системе впервые в истории Китая видными чиновниками стали члены

семей, живущих в центре и на юге страны, таким образом был положен конец господству севера. Выдержать эти экзамены считалось невероятно престижным. Даже привелегированные наследники высокопоставленных чиновников предпочитали сдавать экзамены, поскольку в этом случае возрастали их шансы на пост, заняв который, можно было влиять на политический курс страны. На государственную службу можно было поступить и без экзамена, в этом случае карьера начиналась с назначения в удаленную область, где чиновник мог провести всю жизнь на должностях уездного уровня, не поднимаясь выше поста главы уезда.

При таких стимулах количество желающих попытаться сдать экзамен для поступления на государственную службу все возрастало. В начале XI в. экзамены сдавали 30 тыс. кандидатов ежегодно, к концу века этот показатель достиг 80 тыс., а к завершению правления династии — 400 тыс. Важно отметить, что количество имеющихся постов оставалось неизменным, и шансы каждого из кандидатов стремительно уменьшались: в некоторых уездах конкурс составлял около 333 человек на место. Готовясь к экзаменам, кандидаты заучивали наизусть канонические книги целиком, чтобы суметь опознать даже самые туманные отрывки. Еще было необходимо владение всевозможными формами сочинения, включая

Люди, обладающие состоянием и вкусом, часто устраивали у себя дома банкеты. Гостей на таких мероприятиях нередко развлекали нанятые для этих целей куртизанки из веселых кварталов. Изящная мебель с расписными поверхностями и прекрасные фарфоровые винными кувшины добавляли роскоши этим собраниям. Обратите внимание на стулья со спинками. На рисунке представлена деталь копии свитка X в. работы Гу Хунчжуна

поэтические жанры. На счастье соискателей, этот период совпал с распространением книгопечатания, и книги стали доступнее. Образованные семьи и все, кто стремился попасть в разряд чиновников, легко могли приобрести или одолжить у кого-нибудь конфуцианскую классику, исторические труды, сборники поэзии и прозы, справочники. Богатые семьи собирали тысячи книг для своих частных библиотек.

Самые замечательные представители новой элиты ученых-чиновников были людьми удивительно широкого кругозора. Оуян Сю, помимо того что занимал один из высочайших постов, писал превосходные стихи и очерки, под его редакцией вышли два больших труда по истории, и он же составил аналитический каталог оттисков, выполненных на камне и бронзе, это была одна из первых работ по эпиграфике и археологии. Широкие интересы были и у Су Ши, но большую склонность он имел к искусству. Сыма Гуан, первый министр и глава оппозиции Ван Аньши, написал исследование по истории Китая, охватывающее 1300 лет — от конца династии Чжоу до основания Сун в 960 г. Практически всесторонне одаренной личностью был Шэнь Гуа. За годы государственной службы Шэнь успел разработать дренажную систему и систему дамб, благодаря которым удалось осушить большие участки земли под сельскохозяйственные культуры, служил экспертом в сфере эффективности валютной политики, возглавлял Астрономическое бюро, контролировал оборонную деятельность, а однажды выступил послом в государство Ляо. Шэнь Гуа написал множество работ по географии, истории, археологии, ритуалам, музыке, математике, военной стратегии, живописи, медицине, геологии, поэзии, книгопечатанию и земледелию. Кроме того, он написал комментарии к конфуцианской классике и особенно интересовался предсказаниями и буддийской медитацией.

Класс ученой элиты формировали семейства, лишь некоторые представители которых участвовали в политической и общественной жизни страны. Дать своим

сыновьям возможность учиться могли разве что землевладельцы, относящиеся к местной, региональной элите. После того как один из членов семьи поступал на государственную службу, другим уже было легче попасть туда. И не только из-за того, что высокая должность повышала экономическое благосостояние семьи, но и потому, что сыновья, внуки, а иногда даже дальние родственники чиновника высшего или среднего ранга обладали некоторыми привилегиями: начиная возможностью лучше подготовиться к экзаменам и заканчивая автоматическим назначением на низшие посты. Нет ничего удивительного в том, что на местном уровне представители уважаемых семейств были более успешными, чем выдвиженцы. В округе с населением в сотни тысяч человек практически все выдающиеся личности одного-двух столетий происходили из десятка авторитетных семейств. Но и у этих семейств не было каких-либо гарантий — все они могли разориться, ведь семейная собственность по-прежнему разделялась между всеми почтительными сыновьями. Чтобы сохранить экономическую составляющую своего рода, главы семейств должны были знать, как управлять арендаторами и агентами, как покупать и продавать землю, как давать в долг деньги и инвестировать их в предприятия, в противном случае семейство могло лишиться собственности и разориться.

К концу династии Сун элита, состоящая из ученых-чиновников, достигла пика своего влияния на общественную, политическую и культурную жизнь страны, и это сделало Китай непохожим на другие евразийские государства. С подачи центрального правительства на большую часть самых влиятельных постов назначались люди, обладавшие выдающимися литературными способностями. С точки зрения структуры классов и местной власти правящий класс все больше отождествлялся с образованностью и сдачей экзаменов, даже если его основным экономическим ресурсом оставалось землевладение. С точки зрения культурных идеалов китайская цивилизация стала отождествляться с образованными людьми, что частично было обусловлено конкуренцией между Сун и более сильными в военном отношении кочевыми и полукочевыми народами севера.

УТРАТА СЕВЕРА

Самым просвещенным императором династии Сун был Хуэй-цзун (1100–1126). Будучи талантливым художником и каллиграфом, Хуэй-цзун не только тратил средства трона на создание императорской художественной коллекции (свыше 6 тыс. произведений живописи), но и лично разрабатывал новые стили каллиграфии и изображения птиц и цветов, к тому же нередко обучал рисованию придворных художников. Хуэй-цзун серьезно интересовался даосизмом и устраивал при дворе великолепные ритуальные празднества.

Книгопечатание было под силу даже маленькой мастерской с несколькими работниками. Первый мастер вырезал текст на деревянном блоке, второй работник кисточкой наносил чернила на блок, клал на него лист бумаги и проводил по нему сухой стороной кисточки. Таким способом один человек мог напечатать до тысячи страниц в день. С блоков можно было снимать в среднем 20 тыс. копий, поэтому стоимость одной копии была невысока. На этой иллюстрации изображена печатная мастерская, в которой отец и братья Чэн в благотворительных целях печатают книгу о морали

По мнению народа, именно потому что Хуэй-цзун был так поглощен эстетическими и религиозными делами, он потерял трон, а династия — север Китая.

В 1115 г. в регионе, расположенном к северу от государства киданей Ляо, восстали *чжурчжэни*, народ, живший в восточной Маньчжурии и занимавшийся земледелием, скотоводством и охотой. Чжурчжэни провозгласили династию Цзинь и начали войну против киданей (см. главу 7). Династия Сун решила, что нашла нового единомышленника, и вскоре заключила союз с Цзинь, намереваясь поделить территорию киданей. Через три года этот союз распался, а в 1126 г. чжурчжэни напали на Кайфын. В течение двух месяцев город выдерживал осаду, а затем был сдан врагу и разграблен. К этому времени Хуэй-цзун отрекся от трона в пользу сына; он и его наследник были схвачены и вместе с 3 тыс. родственников сосланы далеко на северо-восток. Переговоры по освобождению Хуэй-цзуна оказались безрезультатными, он так и скончался в плену на севере Китая в 1135 г. Период правления династии до потери северных земель обычно называют Северной Сун, последующий период — Южной Сун, «север» и «юг» в данном случае обозначают расположение столиц.

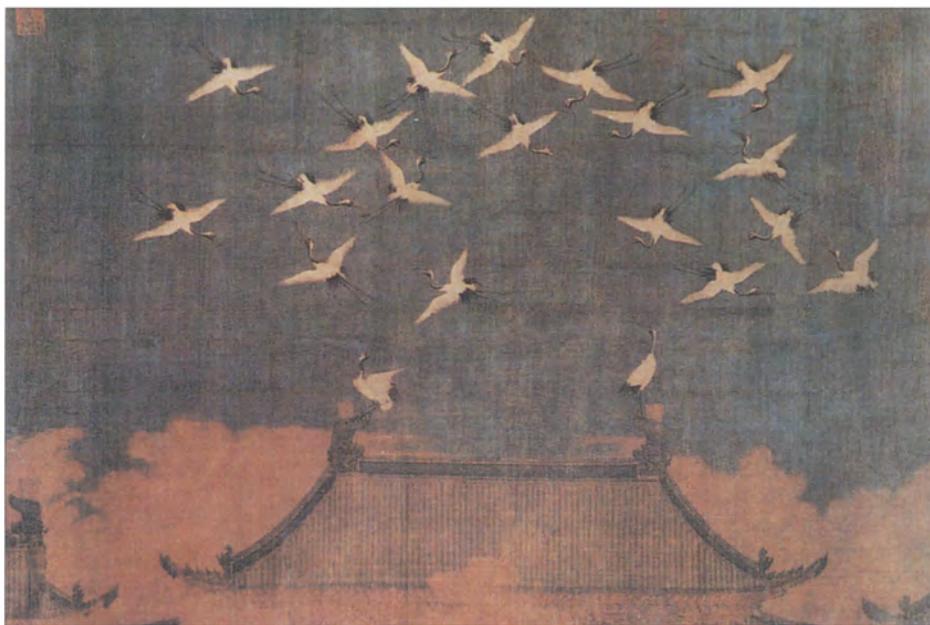
Верные династии силы перегруппировались на юге и провозгласили императором младшего сына Хуэй-цзуна. Двор оказался в унижительном положении — ему пришлось добиваться мирных переговоров с завоевателями, удерживавшими родителей, жену, брата и других многочисленных родственников императора. Но к 1138 г. ситуация стабилизировалась, и двор Сун в Ханчжоу стал контролировать большую часть области к югу от реки Хуанхэ.

До конца XII в. главной заботой чиновников и интеллектуальной элиты Сун было возвращение территории, которую они все еще называли сердцем Китая, где располагались столицы всех основных династий и находились могилы всех предыдущих императоров Сун. Позднее историки почти единодушно осудили всевозможные мирные партии за политику уступок, а героем назвали генерала Юэ Фэя, попытавшегося вернуть северные земли (ему даже удалось достичь области Лояна, вслед за чем он был отозван и казнен). После договора 1142 г. правительство Сун сдерживало Цзинь, ежегодно выплачивая им дань, примерно так же, как раньше откупалось от Ляо. Время от времени та или иная сторона предпринимала попытку завоевать земли противника, но особых изменений не происходило вплоть до усиления монголов в начале XIII в. (см. главу 7).

Потеря севера не нарушила экономику Сун, а возникновение столицы на юге способствовало еще большему развитию региона. Доставлять товары в бывшую столицу было довольно обременительно, а вот транспортировка в столицу, расположенную на юге, обходилась гораздо дешевле. Более того, политическая граница между Сун и Цзинь не являлась препятствием для коммерции, и север продолжал в больших количествах импортировать с юга чай, рис, сахар и книги.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К КОРНЯМ

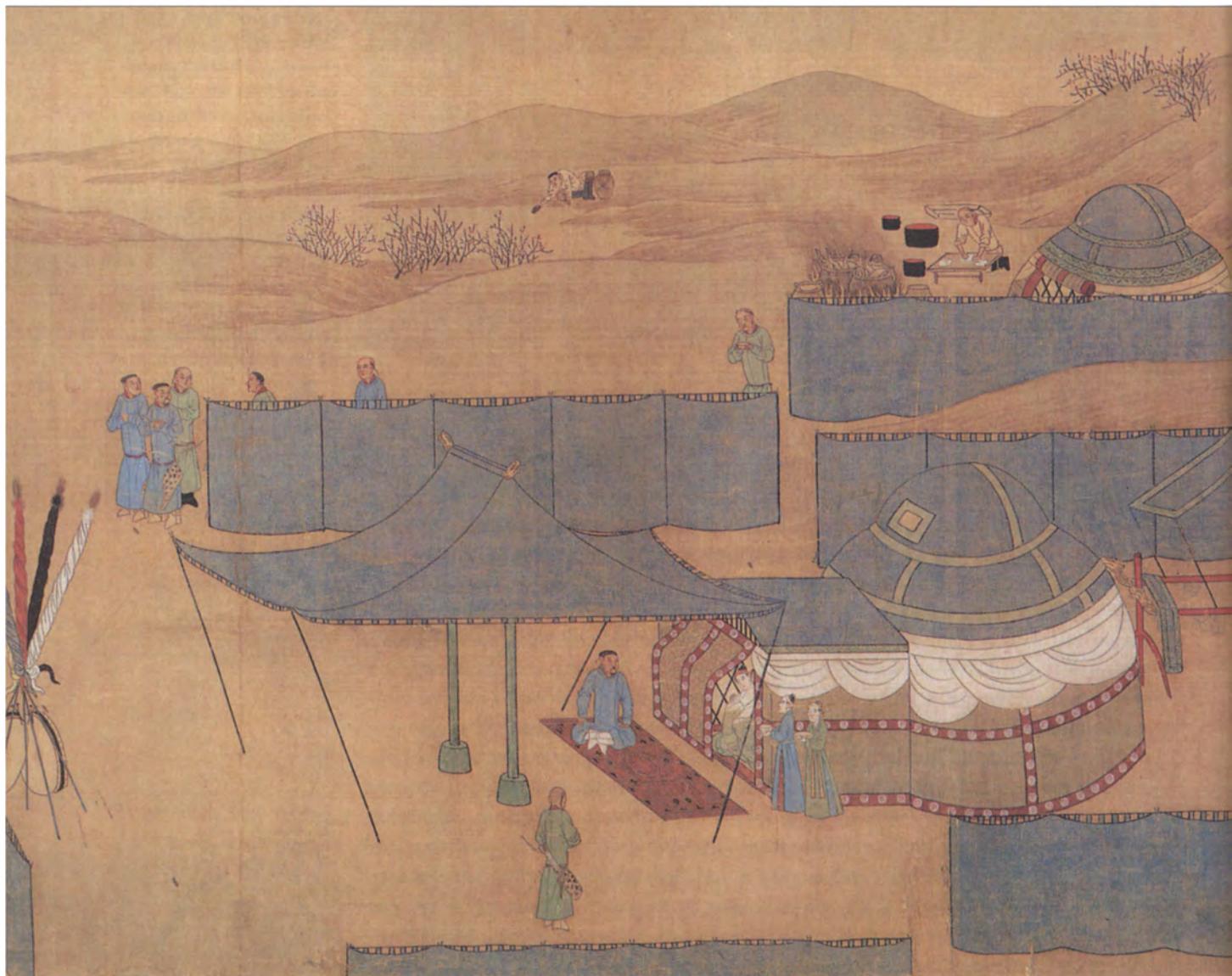
Неспособность во многом выдающегося правительства Сун достичь военного господства, подобного Хань и Тан, тревожила писателей, мыслителей и чиновников.

Император Хуэй-цзун (1100–1126) был ярким приверженцем даосизма и столь же страстно увлекался живописью и каллиграфией. На этом рисунке по шелку написано, что в 1112 г. на крышу одного из дворцовых зданий опустилась стая журавлей и, дабы увековечить это благое знамение, император сочинил поэму. Выполнение рисунка традиционно приписывается Хуэй-цзуну, но это вполне мог сделать и один из придворных художников

Остро ощущая угрозу со стороны северных соседей, они все меньше копировали чужеземные стили и все больше обращались к исконным китайским культурным традициям. Как и Хань Юй в конце периода Тан, они стали отвергать буддизм (который почти за тысячелетие уже прижился в Китае) только потому, что он был принесен из чужих земель. Сунь Фу объявил, что позволять «учению варваров» вносить беспорядок «в учение наших мудрецов» — значит унижать китайских ученых мужей. Ши Цзе писал о том, что неправильно «забывать своих предков и забывать о принесении им жертв, прислуживая вместо этого духам варваров». Во времена Тан весомым аргументом в пользу буддизма являлось его широкое распространение и популярность в странах Азии. Но в период Сун курс международной политики изменился, да и восприятие культурного единства не было прежним. Тот факт, что рьяными буддистами были тангуты, кидане и чжурчжэни, только усиливал отторжение буддизма и не позволял ему утвердиться как мировой религии.

Приверженность китайской культуре осмыслили художники и поэты эпохи Сун. Они рассказывали о китайцах, принужденных жить среди варваров. Это были новые и переосмысленные старые истории. В одной из них речь идет о Ван Чжаоцзюнь, женщине из дворца императора Хань, отданной замуж за вождя *сюнну*. В посвященном ей стихотворении Оуян Сю упоминает жестокие ветры и пески варварской земли и с иронией отмечает, что спустя века после того, как Ван Чжаоцзюнь под звуки варварских музыкальных инструментов пела о своей тоске по родине, придворные дамы стали с усердием учиться играть на них. Героиней другой истории была Цай Вэньци, дочь известного ученого эпохи Хань, похищенная *сюнну* и по принуждению ставшая женой одного из их вождей. Она родила ему детей, и поэтому ее решение вернуться в Китай много лет спустя, когда за нее отдали выкуп, было нелегким. Сын Хуэй-цзуна, первый император

На иллюстрациях к истории Цай Вэньци, заказанных двором Южной Сун, подчеркивается разница между материальной культурой варваров и китайцев: шатры в дикой местности контрастируют с элегантными зданиями родного города Вэньци. Деталь с копии свитка XV в. Оригинал выполнен в XII в.

Южной Сун, заказал иллюстрации саги о Цай Вэньци, когда велись переговоры о выкупе его собственной матери.

Возрождение конфуцианства рассматривалось многими мыслителями Сун как лучший способ укрепления ядра китайской культуры. Хотя ученики зачастую готовились всего лишь к поступлению на государственную службу, ведущие конфуцианские мыслители, готовившие их к экзаменам, регулярно стимулировали духовное и интеллектуальное развитие кандидатов. Наставники и ученики дискутировали о достоинствах экзаменационной системы и возможности использования конфуцианской идеологии при решении проблем современности. Некоторые мыслители сосредотачивались на развитии философских систем, которые смогли бы составить конкуренцию буддизму. Два брата, Чэн И и Чэн Хао,

разработали метафизическую теорию о Вселенной, основанную на терминах *ли* («принцип», «модель») и *ци* («жизненная энергия», «материальная сила», «психофизическая материя»). В различных ситуациях *ли* может быть как чем-то духовным, так и физическим. Когда, например, речь идет об отцовстве, *ли* духовно, а вот для гор и холмов оно имеет физическую природу. В основе всего на свете лежит *ци*, энергия и субстанция, из которой состоит все сущее. Теорию *ли* и *ци* философы связали с теорией Мэн-цзы о добродетельности человеческой природы и объяснили, почему человек проявляет своенравие: *ли* — это всегда добро, но не всегда чистое *ци* пробуждает в людях эгоистичные желания. *Ци* мудреца абсолютно чисто, а вот у простых людей оно замутнено, поэтому им нужно много работать над собой.

Южносунских конфуцианцев больше всего заботило, на что способен человек, если находится на своем месте. Их огорчило, что правительству не удастся вернуть северные территории, к тому же они видели все недостатки широкомасштабных реформ, предпринимавшихся Северной Сун. В итоге ученые сами предложили способ создания идеального общества, для чего сперва следовало реформировать институт семьи, структуру местных сообществ, а затем учредить академии и повысить образовательный уровень населения, распространив учебные издания. Величайшим из ученых Южной Сун был Чжу Си. Хорошо знакомый с классикой и ее комментариями, с историей и учениями своих предшественников, Чжу Си довольно долго совмещал государственную службу с научной деятельностью. Он написал, составил и отредактировал почти сотню книг, вел переписку с десятком ученых и обучал группы молодых

единомышленников, многие из которых оставались с ним долгие годы. Сам Чжу Си считал себя последователем братьев Чэн и продолжал разрабатывать их метафизическую теорию. Особое внимание он уделял «исследованию вещей», интенсивному изучению, которое позволило бы обнаруживать *ли* в простых предметах. В записанных разговорах Чжу Си с учениками затронуто множество тем: это и анализ и оценка прочитанного, и толкование рассказов о духах, и искусство быть усидчивым и избавляться от эгоистичных мыслей. Активная позиция ученого в деле возрождения идей конфуцианства подтверждается его содействием в учреждении академий, то есть мест, где по собственной инициативе собирались наставники и их ученики. Иногда эти академии располагались в городах, но чаще в тихой горной местности и напоминали монастыри. Когда Чжу Си

преподавал в «Академии грота белого оленя», он духовно наставлял своих учеников и делился навыками толкования текстов, то есть воспитывал в них человеческие качества и развивал их эрудицию.

Чжу Си настаивал на истинности своих интерпретаций, и многие были недовольны его самонадеянностью, поэтому за несколько лет до смерти ученого правительство объявило его учение «ложным». Чтобы получить доступ к экзаменам, кандидаты должны были отречься от всех теорий Чжу Си. Но уже через несколько десятилетий его учение получило беспрецедентную политическую поддержку. В 1241 г. император назвал Чжу Си «освещающим Путь», и с этих пор ученикам государственных учебных заведений надлежало изучать комментарии Чжу Си к Четверокнижью («Лунь юй», «Мэн-цзы», «Доктрина о середине» и «Великое учение»). Такая позиция правительства, скорее всего, была связана с политической необходимостью. К этому времени монголы завоевали север Китая и поставили под угрозу существование династии Сун. Чтобы хоть как-то упрочить свое положение, правительство Сун попыталось донести до масс, что пусть оно и не является хозяином Срединной равнины, зато соблюдает интересы китайской культуры и великодушно поддерживает конфуцианских ученых. Правители последующих династий объявляли себя сторонниками конфуцианского учения и называли его единственно правильным.

Из этого рисунка по шелку (Ли Сун, прибл. 1190–1225 гг.) видно, что бытовые товары можно было найти не только в больших городах. Торговец вразнос, изображенный здесь, бродит по сельской местности. Взглянуть на его товары остановилась женщина с малышом, ее окружили четверо ребятишек, один из которых настолько мал, что даже не носит штанов

МЕСТНОЕ ОБЩЕСТВО

Крестьянская жизнь из века в век не отличалась разнообразием. Пахота и посевная, уплата аренды и налогов, забота о старых и малых, свадебные гуляния, стычки с бандитами и хулиганами, посещение местных храмов, покупка и продажа товаров на местных ярмарках — на протяжении всего императорского периода все это задавало определенный ритм сельской жизни. Но экономический рост в эпоху Сун шел такими темпами, что изменил жизнь простых крестьян.

В первую очередь, на крестьян повлияло разделение форм землевладения и разнообразие взаимоотношений между владельцем и арендатором земли. В приграничных регионах (таких как Хунань и юг Сычуани, куда многие переселились) всюду шел процесс возделывания новых земель, и богачи нередко прибирали к рукам большие участки, обработанные теми, кто находился в практически рабском положении. Иначе обстояли дела в давно развитых земледельческих областях, здесь обеспеченные люди вкладывали деньги в землю, но не пытались создавать централизованные крупные имения. Поскольку для выращивания риса требуются особые условия, инвестору было все равно, засеяно ли много маленьких полей или же одно большое. Поэтому не было необходимости в централизованном управлении рисовым хозяйством, и землевладельцы передавали полномочия арендаторам, устанавливая фиксированную ренту, которая стимулировала повышение производительности. Помимо них сельским хозяйством занимались и мелкие землевладельцы, и собственники, которые арендовали дополнительные участки. Особняком стояли экономически периферийные области, такие как горные, удаленные от торговых путей районы, которые не годились для риса, где практически не было крупных землевладельцев, и мелкие собственники сами выполняли большую часть сельскохозяйственных работ.

Сельскую жизнь нельзя было назвать безмятежной даже в самых развитых областях. От местных чиновников регулярно поступали жалобы на произвол бандитов. Судебные книги свидетельствуют о том, что суды были завалены исками сельских жителей против своих соседей и родственников, с которыми они не могли поделить землю и прочую собственность. Юань Цай, написавший книгу советов главам семей, призывал состоятельных людей не позволять детям выходить на улицу без присмотра, чтобы тех не похитили и не потребовали выкуп. Он также настоятельно рекомендовал оставлять на ночь слуг охранять от воров собственность хозяев и постоянно предостерегал о привлечении к суду.

Рост экономики подчеркивал различия между центральными и периферийными областями, но были тенденции, которые объединяли отдаленные регионы Китая. С совершенствованием инфраструктуры идеи и обычаи стали распространяться по империи с большей скоростью, чем прежде. Так, например, к концу эпохи Сун храмы, посвященные богу городской стены, стояли во всех городах страны. Во многих местах воздвигали храмы, посвященные Вэньчану, божеству в виде страшной змеи, которому изначально поклонялись в Сычуани, но к временам Сун его стали чтить как покровителя экзаменуемых. По всем регионам страны распространился принцип группирования сообществ по местному

Рис

До династии Сун рис не был основной рациона китайцев. Дикий рис растет на болотах, стоячая вода подходит ему больше всего. Культивировать его начали в бассейне реки Янцзы еще со времен неолита, а в некоторых местах даже ранее чем за 5 тыс. лет до н. э. И по мере заселения и освоения южных территорий рис стал приобретать все большее значение для жизни китайцев.

Урожай риса росли, потому что он оказался практически идеальной продовольственной культурой. Он приятен на вкус, легко усваивается, а в сочетании с продуктами из сои очень питателен. Перемолотый рис прекрасно хранится, к тому же он дешев и его легко готовить, это единственный

злак, который при варке не превращается в кашу. Особая ценность этой культуры заключается в том, что урожай риса, снятый с определенного участка земли, будет калорийнее любой другой культуры. В подходящих климатических условиях на одном поле можно вырастить два, а то и три урожая в год, кроме того, рис можно чередовать с другими культурами.

В южном Китае температура и количество осадков подходили для выращивания риса в воде, но местность была либо слишком гористая, либо слишком болотистая, чтобы ее можно было сразу использовать. Во времена Сун разведение новых видов злака, в том числе скороспелого, устойчивого к засухе,

привезенного из юго-восточной Азии, позволило выращивать рис в местах, которые ранее считались непригодными для него. Техническое оснащение для возведения дамб и водяных насосов помогало изменять природные условия, проводить мелиорацию земель возле озер, болот и морей, а также устраивать террасы на горных склонах. Правительство Сун поощряло такие работы освобождением их от налогов. Например, прибрежные равнины на юге Фуцзяни долгое время не могли использоваться в земледелии из-за сильной болотистости, однако к концу периода правления Тан поселенцы начали преобразовывать эту местность: сооружали дренажные системы, дамбы

Для получения двойного и максимально качественного урожая на специальных грядках сначала выращивалась рассада, затем ее переносили на поля. Утомительная и грязная работа. Иллюстрации, подобные представленным здесь, в огромных количествах копировались в XIII–XIV столетиях

Водяные насосы, которые приводились в движение ногами, позволяли довольно быстро перекачать воду из канавы на рисовое поле. В XII в. в целях пропаганды современных сельскохозяйственных технологий по заказу правительства Сун был отпечатан набор из двенадцати картинок, иллюстрирующих этапы этих работ

и резервуары. К XIII в. на склонах холмов были разбиты террасы и проведены оросительные системы, в результате были созданы идеальные условия для выращивания риса.

Распространение риса повлияло не только на рацион китайцев, но и на темпы работы. Даже после того как земля была выровнена и установлен контроль над водой, выращивание риса требовало многих усилий. Запахивали и боронили поля спряженным водяным буйволом. Чтобы получить хороший урожай с земли, которой не давали «отдыхать», ее удобряли перепревшим, смешанным с компостом на-

возом. В течение месяца рисовая рассада подрастала на специальных грядках, и вся семья помогала пересаживать ее в поле. По колено в грязи, согнутые в спине крестьяне, пятась, шаг за шагом сажают молодые побеги. После этого их ожидает прополка, поддержание нужного уровня воды и, наконец, осушение полей и сбор урожая.

родовому признаку, а ведущие писатели помогли разработать некоторые ключевые элементы этой системы. Оуян Сю одним из первых показал, как правильно составлять родословную, Фань Чжунъяню приписывается идея общего кланового имущества, а имя Чжу Си связывают с возникновением залов для поклонения предкам. К концу династии Сун кланы стали основным средством влияния в социальной и политической жизни местного общества в провинциях Фуцзянь, Аньхуэй, Цзянси и других.

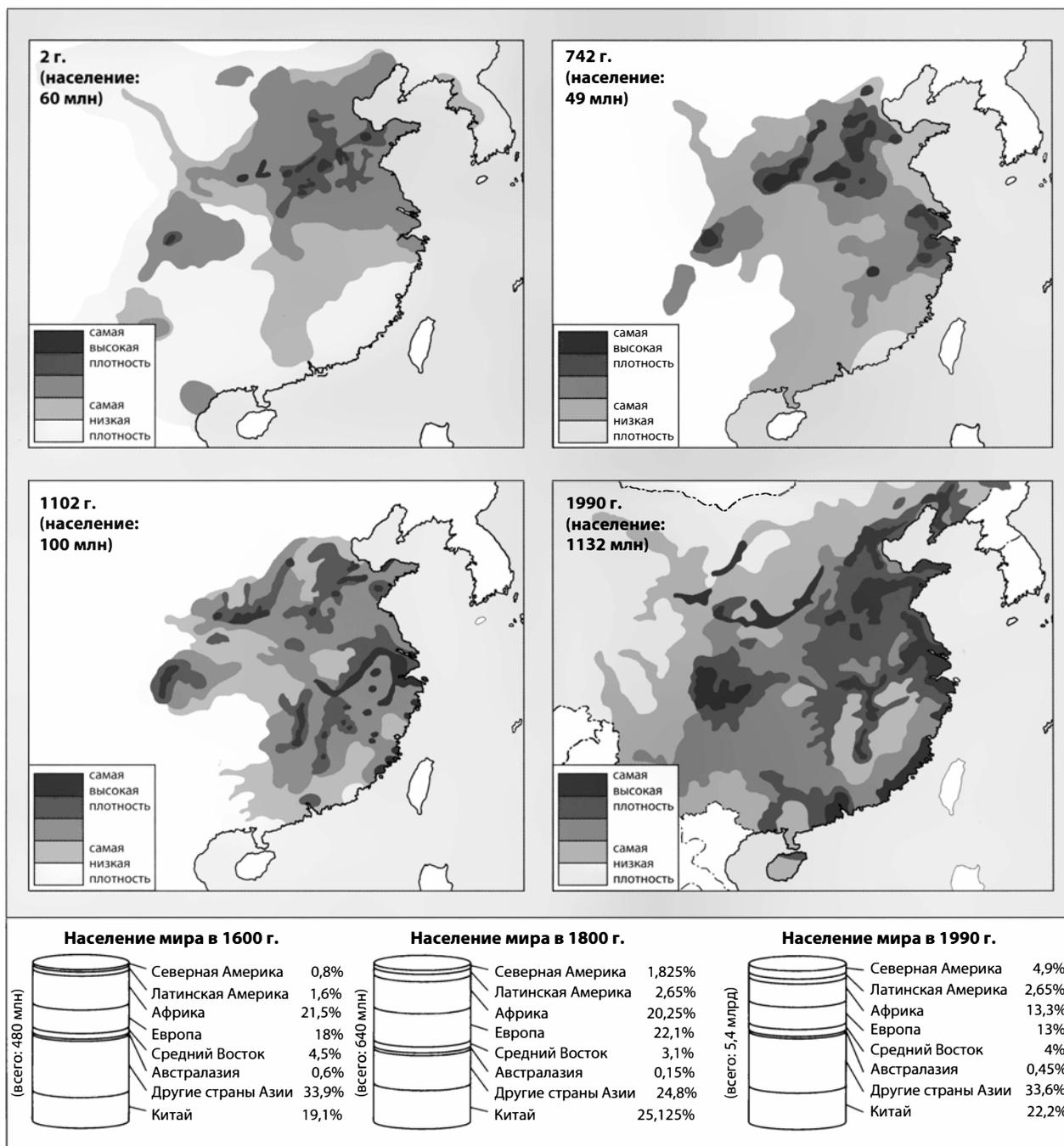
Распространение книгопечатания также сыграло свою роль в продвижении и стандартизации идей и обычаев, но его влияние на местный уклад было гораздо большим. К концу правления Сун издавались уже не только рассчитанные на класс ученых-чиновников сборники рассказов, классические тексты и беллетристика, но и справочники по сельскому хозяйству, деторождению, фармации, гаданию и даосским ритуалам. То есть знания, которые ранее передавались из уст в уста, теперь стали фиксировать в печатном виде. Эти перемены вызвали критические замечания у одних и бурное одобрение у других. Высокообразованные люди получили возможность указывать на противоречивость теорий или развенчивать недостоверные «суеверия» и сводить на нет такие традиции. А простые люди получали доступ к информации, которой ранее обладали только профессионалы. Теперь они могли самостоятельно организовать похороны по всем канонам, могли заниматься геомантией и подбирать лекарства членам своей семьи.

ЖИЗНЬ ЖЕНЩИН

Благодаря тому что в эпоху Сун книгопечатание достигло достаточно высокого уровня развития, количество дошедших до наших дней книг этого периода превосходит по объему книжные собрания предшествующих веков. Эти документы дают возможность внимательнее рассмотреть положение женщин в китайском обществе. В источниках времени Сун упоминаются и содержащие гостиницы вдовы, и сбежавшие от самодуров-хозяев служанки, и семидесятилетние повитухи; и монахини, призывающие высшее общество присматривать за своими женщинами, дабы они не сошли с пути истинного, и певички-куртизанки из городских веселых кварталов, и женщины-медиумы, общающиеся с духами, и крестьянские дочки, искусные плетельщицы циновок, и дочери литераторов, сочиняющие стихи, и пожилые вдовы, подозревающие своих племянников в воровстве, — и это далеко не все.

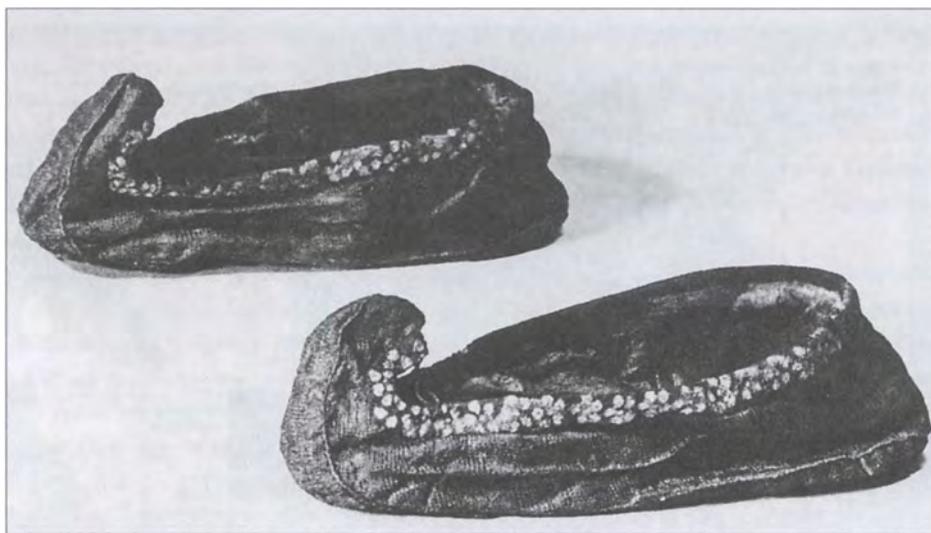
Конечно, не все женщины жили взаперти, но вне дома любая из женщин оказывалась в бесправном положении. В упоминаниях городского и сельского уклада, торговли и управления, социальной и культурной жизни элиты мужчины фигурируют чаще, чем женщины. Однако в семье женщины занимали важное положение. Они воспитывали детей, выбирали им супругов (обычно это был кто-то из их родственников) и непрерывно поддерживали тесные отношения со взрослыми сыновьями после того, как те приводили в дом жену.

Важные социальные и экономические перемены в эпоху Сун оказали значительное воздействие на жизнь женщин. С распространением книгопечатания

Примеры изменения плотности населения. Вследствие экстенсивной миграции и слияния культур карта заселенности Китая постепенно изменялась. В 742 г. регионы реки Хуанхэ были заселены так же плотно, как и во II в. н. э., но к началу династии Сун ситуация оказалась приближенной к современному распределению населения: большинство жителей в долине реки Янцзы и еще южнее. Даже с учетом больших перемещений внутри страны население Китая всегда составляло большой процент от населения планеты; если бы мы располагали данными о доле жителей Китая по отношению к мировому населению в 1100 г., она, скорее всего, была бы даже выше, чем сегодня

Туфли для бинтованных ног, найденные в могиле Хуан Шэн (1227–1243), принадлежали молодой жене члена императорского клана. В этом захоронении были закопаны несколько пар туфель для бинтованных ног, каждая длиной по 13–14 см. Обнаружены в Фучжоу (провинция Фуцзянь)

и расширением класса образованных людей все больше женщин стали учиться читать и писать. Многие из них вели переписку и обучали грамоте своих малолетних детей. Ли Цинчжао, например, даже прославилась как великая поэтесса. Возросшее благосостояние населения позволило увеличить приданое, но также стало причиной распространения торговли женщинами: купить можно было хоть наложницу, хоть куртизанку, проститутку или прислугу. Семьи из высшего общества давали богатое приданое, стремясь привлечь в зятья людей с хорошими карьерными перспективами. К тому же, передавая значительную собственность в качестве приданого, родители предполагали, что их дочери сумеют извлечь пользу из этой собственности. Как следствие, в период Сун были расширены права женщин на собственность. Осиротевшим девушкам в качестве приданого назначалась часть семейной собственности, в том числе земля, а женам и вдовам было позволено распоряжаться своим приданым.

Все эти изменения оказали благотворное влияние на жизнь женщин, они открыли им новые возможности, позволив утверждаться не только внутри семьи, но и за ее пределами. Одновременно в эпоху Сун в обиход вошли традиции, рассматривающиеся негативно, например бинтование ног и ужесточение норм женского поведения. Во времена династии Тан при дворе господствовали такие могущественные женщины, как императрица У и Ян Гуйфэй, была необыкновенно популярна физическая активность, и придворные дамы играли в поло. А в период Сун эталоном красоты стали считать утонченных и сдержанных женщин. Меры по соблюдению правил женского приличия стали более жесткими, женщины все чаще закрывали лицо и перемещались по улицам в занавешенных паланкинах. По свидетельствам XII в., лекари ничем не могли помочь заболевшим светским дамам, они не смели осматривать женщин, не смели задавать им вопросы; все, что могли сделать лекари — это пощупать пульс на протянутой сквозь полог руке.

Изменились критерии женской привлекательности и благоприличия, которые нашли свое отражение, в частности, в бинтовании ног во время Сун. Эта

практика возникла в X–XI вв. в среде танцовщиц, но постепенно распространилась и на дома высшего общества. В период Южной Сун матери туго перебинтовывали ноги своих пяти-шестилетних дочерей (очень болезненная процедура), чтобы воспрепятствовать их нормальному росту. Считалось, что крохотные узкие ножки украшают женщину и делают ее движения более изящными.

Развитие конфуцианской мысли также привело к наложению новых запретов для женщин. Неоконфуцианцы были моралистами, убежденными, что гармония в обществе зависит от высоконравственности каждого человека. В вопросах семейной этики они делали акцент на том, что и мужчинам и женщинам превыше всего следовало ставить интересы семьи. Женщина должна была посвящать себя семьям мужа и сыновей. Ей не полагалось права на собственность, запрещалось ревновать мужа к наложницам, законная жена не должна притеснять детей наложниц и в случае смерти мужа была обязана заботиться о его родителях и всех его детях. Обучение чтению и письму приветствовалось, а такое легкомысленное занятие, как стихосложение, строго возбранялось. Конфуцианские ученые поддерживали тенденцию к ужесточению изоляции женщин и выступали сторонниками четкого разделения домов на женскую и мужскую половины. Они неоднократно возвращались к вопросу о непреемлемости повторного замужества вдов, Чэн И утверждал, что этом случае женщина должна предпочесть голодную смерть.

В XI–XIII вв. Китай занимал лидирующую позицию в мире. К XI в. Европа стала только выходить из темноты, и ее экономика существенно отставала от китайской. В конце XIII в., когда Марко Поло пересек Азию, ни его родная Венеция, ни одна из увиденных им европейских и азиатских стран не могла сравниться с Китаем ни по производительности сельского хозяйства, ни по развитости технологий, ни по структуре рынка, ни по уровню жизни.

Стремительное развитие торговли и появление городов — коммерческих центров не повлияли на политику и интеллектуальную деятельность Китая, как это позднее произошло в Европе. Китайские города не обладали независимостью, поскольку города, как и деревни, находились под политическим контролем представителей центрального правительства.

Кое-где в Азии встречались города, похожие на китайские, но ни одно из государств не могло похвастаться учеными-чиновниками, составившими элиту во времена до и после династии Сун. Характерные черты этой элиты проявились еще в доханьские времена, они имели много общего с конфуцианской идеологией и с практикой государственной службы, но в период Сун обрели новую форму. В отличие от большинства предшествующих обществ, элита конца императорского периода Китая формировалась не из военных, не из наследственных аристократов или жреческой касты. Ее устойчивость обуславливалась приоритетом чувства долга по отношению к службе и, по всей видимости, справедливым и объективным назначением на высокие посты.

Пейзажная живопись

Китайскую живопись можно разделить на две большие категории: настенная живопись и живопись на легких материалах (бумага или шелк). Рисунки на стенах гробниц, обнаруженных при раскопках, и редких дошедших до нас храмов лишь позволяют представить, сколь великолепно было внутреннее убранство дворцов и храмов, а вот

▲
Работа «Путешествие между горами и реками» Фань Куаня
(2 × 1 м)

рисунки на бумаге и шелке сохранились в большем объеме. Среди этих работ — вертикальные свитки, которые нужно было вешать на стену, горизонтальные свитки, которые разворачивали на столе, и небольшие круглые или квадратные картинки, ими украшали веера или собирали в альбомы. Вне зависимости от формата, рисунок выполнялся кистями и тушью наподобие тех, что использовались для письма. Иногда его дополняли цветной акварелью, которую наносили такими же кистями.

На репродукциях, приведенных в этой книге, изображены самые разные люди, и такие иллюстрации помогают передать некоторые аспекты жизни китайского общества. Но согласно мнению искусствоведов, главное достоинство китайской живописи — пейзажи. Много столетий назад западные художники только начали видеть в пейзаже нечто большее, чем просто фон, а китайцы уже успели превратить его в высокое искусство. Развитие пейзажной живописи обогатил в том числе философский интерес к природе: для даосизма характерен сюжет осознания малости человека в безграничных просторах вселенной, а неоконфуцианцы искали модели или принципы, определяющие все природные и общественные явления.

Здесь представлены три шедевра пейзажной живописи периода Сун. Самый ранний из них принадлежит кисти Фань Куаня (годы творчества: 990 — прибл. 1020). О Фань Куане известно лишь, что он любил горы и был родом из северного Китая. На этом двухметровом свитке перед зрителем предстают величественные вершины. За свою близость к небесам горы всегда считались священным местом, где обитают бессмертные. Передний план расположен на уровне глаз и нанесен

четкими, строго очерченными мазками. На рисунке детализированы булыжники, невысокие деревца и бредущие по тропе мулы, а также храм в лесу на утесе. Между передним планом и пиком на заднем фоне едва различима небольшая затертость, призванная оттенить передний план. Легко представить, как ошеломлены величием и загадочностью окружающей природы люди, изображенные на пейзаже.

К концу периода Северной Сун выдающиеся литераторы, такие как Ми Фэй (1051–1107), прославились как каллиграфы и художники. Ми Фэй и его сын Ми Южэнь (1086–1165) успешно продвигались по служебной лестнице как чиновники и общались с выдающимися людьми, близкими к искусству. В живописи отец и сын Ми разработали характерный стиль, отличающийся от других по манере письма и композиции, они активно использовали акварель, нанося сверху горизонтальные штрихи, а глубину изображали, показывая туман между слоями гор.

Эти две работы времен Северной Сун можно противопоставить произведению автора Южной Сун, выполненному в меньшем, камерном, масштабе. Как ведущие ученые-чиновники Северной Сун пытались «упорядочить» мир, затрагивая в своих работах глобальные вопросы организации государства и общества, так и художники Северной Сун часто рисовали огромные пейзажи. В Южной Сун конфуцианские ученые предпочитали работать с тем, что было под рукой — самосовершенствование и улучшение небольших групп вроде семьи и деревни, где можно было надеяться на признание; и художники изображали небольшие сцены, побуждающие к размышлению над тем, что находится в непосредственной близости от зрителя. Это касалось даже художников императорской академии, где работали многие из самых влиятельных мастеров того периода. Альбомный лист придворного художника Ся Гуя вызы-

вает в памяти «угольный» формат, популярный в этот период. Взгляд зрителя переходит с яркого материального мира на переднем плане на пустое пространство сзади. Такие небольшие произведения часто сопровождались стихотворениями или поэтическими куплетами.

▲
Подпись Ся Гуя (годы творчества: прил. 1180–1224) скрыта в правом нижнем углу

На этом шелковом свитке работы Ми Южэня (1130) изображен пейзаж, характерный для юга: за реками видна цепь невысоких холмов

ПРАВЛЕНИЕ ЧУЖЕЗЕМНЫХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

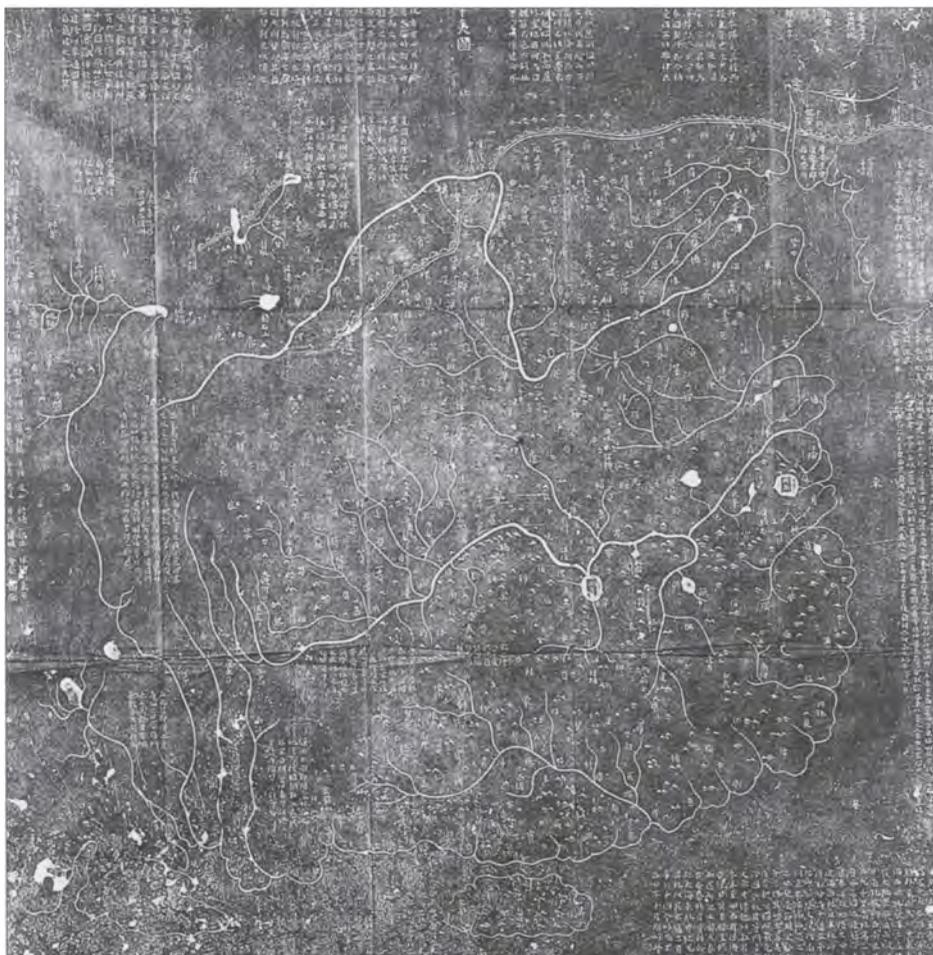
Династии Ляо, Цзинь и Юань (907–1368)

За четыре века кочевники из Внутренней Азии завоевали большую часть исконного Китая. Ключевой момент наступил в 1276 г., когда правительство Сун сдалось монголам, присоединившим к своей империи весь Китай. Власть каждой из династий — Ляо (907–1125), Цзинь (1125–1234) и Юань (1215/1276–1368) — опиралась на достижения предшественников в установлении все большего контроля над территорией Китая. Династия киданей Ляо не только грабила население (как уйгуры в конце эпохи Тан), но и завоевала полосу земли вдоль северного края исконного Китая, населенную преимущественно китайцами. Династия чжурчжэней Цзинь, после того как разбила Ляо, расширила захваченную зону, заняв весь китайский север. Победившая Цзинь монгольская династия Юань создала систему, которая позволила завоевать весь Китай. По мере того как чужеземные захватчики осваивали эффективные способы управления, права китайцев все больше и больше ограничивались. После поражения Сун у коренных китайцев практически не было шансов поступить на государственную службу, оказать сопротивление или бежать. И все же китайская цивилизация не только выжила, но и проявила выдающиеся способности к адаптации, разработав уникальные методы восстановления и возрождения, обогатившие китайское наследие.

СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ И ГОСУДАРСТВА ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Еще во времена Цинь и Хань, когда племена сюнну представляли серьезную угрозу китайской империи, географические условия определяли отношения между исконным Китаем и Внутренней Азией. Территория Внутренней Азии была сопоставима по размеру с территорией исконного Китая, но из-за неплодородности земли была заселена менее плотно. В начале периода династии Сун в исконном Китае проживало около 8 млн, а общая численность населения Внутренней Азии от Тибета до современных Монголии и Маньчжурии едва насчитывала 5 млн человек. Если бы у этих племен не было доступа к сельскохозяйственным продуктам, производимым китайцами, население было бы еще меньше. Пастухи выменивали животных и продукты животноводства на зерно, ткани, керамическую и металлическую посуду из Китая. Когда поголовье животных сокращалось из-за засухи, болезней или когда китайцы отказывались торговать, пастухи, обладая мобильностью и достаточными военными навыками, совершали набеги и забирали силой то, в чем они испытывали потребность. То есть о дружеских отношениях между пастухами и земледельцами не могло быть и речи. Земледельцы считали кочевников бандитами, предпочитающими честному труду грабеж, а кочевники смотрели на китайских крестьян как на трусливый народ.

Несмотря на племенные различия, основная форма общественной организации народов степи оставалась на удивление единообразной. Все члены племени были будущими воинами, поэтому их с детства учили ездить верхом и стрелять. Наследование осуществлялось по мужской линии, семьи объединялись в кланы, а кланы, в свою очередь, в племена. Вождем племени выбирали того, кто проявлял большую доблесть в бою. Грабежи считались обычным делом, а кланы и племена периодически воевали друг с другом, уводили женщин, скот и лошадей, провоцируя ответные нападения. Пленники становились рабами. Когда междоусобицы стихали, кланы заключали союзы, и случалось, что вождь племени, умело комбинируя свои военные победы и подбирая выгодных союзников, мог создать мощную коалицию или конфедерацию. Залогом надежности этих структур была личная преданность воина вождю, вождя — предводителю, предводителя — верховному правителю. Однако правители не были диктаторами — основные решения обычно принимались на собраниях военных вождей. Великие предводители громили другие племена, формировали целые армии, обеспечение которых осуществлялось за счет ресурсов, добытых в ходе новых сражений. Но расширение не могло продолжаться бесконечно, поэтому через одно-два поколения ссоры

Копия «Карты расселения китайцев и варваров», вырезанной в 1137 г. на камне размером 0,2 м². На карте изображены главные города и реки Китая, а также Великая стена. Историческая справка содержит информацию о проживавших вдоль границ различных народов некитайского происхождения, включая киданей, тангутов и многочисленные небольшие племена и города-государства

Материальная культура Внутренней Азии разительно отличалась от китайской. Приоритетным направлением в искусстве являлась обработка металлов, возможно потому, что изделия из золота и серебра было легко перевозить. Драконы на этой 20-сантиметровой короне киданей из позолоченного серебра — свидетельство китайского влияния, а вот сама форма короны с китайской традицией не связана

им случалось консультировать правительства. Часть китайцев ассимилировалась с группами кочевников.

В отличие от некитайских режимов периодов Шестнадцати царств и Северных династий, на этом этапе своего развития китайское государство оказалось обессилено гражданской войной, а кидане, чжурчжэни и монголы силой отняли власть у мощной династии, которая в общем-то желала и имела возможность выделять значительные ресурсы на оборону. Эти чуждые династии оставили след в китайской истории благодаря динамичности пограничной области. Первыми это сделали кидане, народность монгольской группы, пришедшая с окраин маньчжурских степей, они промышляли скотоводством, охотой и земледелием. Во времена Тан племя киданей было данником Китая и отправляло своих послов в Чаньань, но при удобном случае они оказывали сопротивление и устраивали набеги. После свержения династии Тан северный Китай оказался в уязвимом положении. Абаоцзи из клана Елюй объединил восемь-десять племен киданей, установил контроль над степью и провозгласил династию Ляо, заявив тем самым о своем намерении побороться за северный Китай. Абаоцзи положил конец киданьской традиции избирать вождей на ограниченный срок, он не только правил до самой смерти, то есть до 926 г., но и установил порядок наследования по китайской модели, назвав наследником своего сына. Его потомки сочетались браком с представителями клана Сяо, и эти два клана — Елюй и Сяо — определяли государственные дела во время правления династии Ляо.

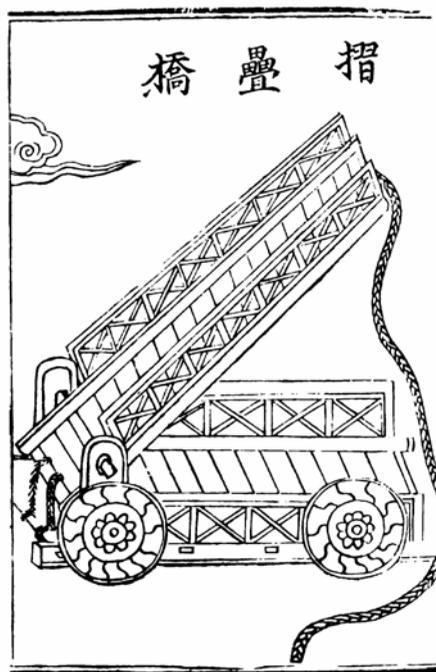
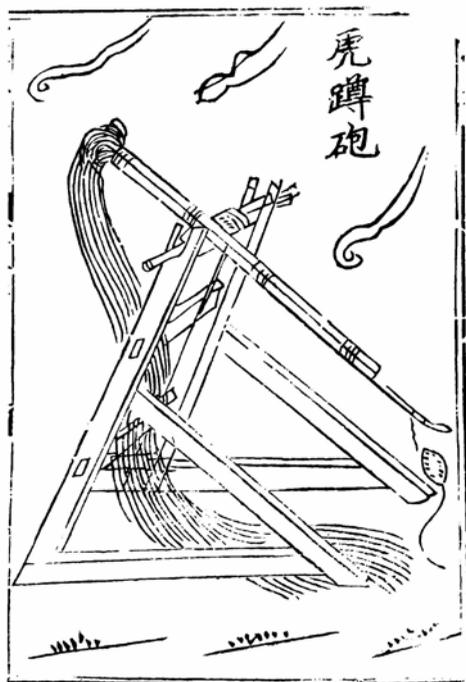
В период расцвета своей власти династия киданей, помимо 750 тыс. представителей своей нации, управляла 2 или 3 млн китайцев. В созданном государстве четко различались область киданей и область китайцев. Южная часть находилась под контролем династии Сун и состояла из 300 уездов, северный Китай включал в себя лишь 16 уездов. Номинально обе области управлялись гражданскими учреждениями, унаследованными от Тан, однако округа, а иногда

между наследниками или преемниками зачастую становились причиной распада конфедерации.

Между кочевниками степи и китайскими крестьянами — они сталкивались друг с другом, только когда кочевники разоряли крестьянские поселения, — располагалась пограничная зона, где различия этносов и образа жизни были не столь четкими. Со времен Поздней Хань всегда существовала большая область, где китайцы жили вместе с представителями других народностей. Одни иноземцы становились земледельцами, другие оставались скотоводами, кто-то из них предпочитал военную службу. Некоторые не теряли связи с родными племенами и исполняли приказания своих вождей, но были и такие, кто считали себя гражданами китайского государства или смешивались с китайским населением. Жители приграничных зон Китая часто добывали средства к существованию, работая на чужеземцев: здесь пригодился их опыт в области земледелия, торговли, ремесла, также

уезды, передавались в дар родственникам киданьского императора и высокопоставленным чиновникам, которые становились полновластными хозяевами в своих поместьях и даже не платили государству налогов. Столица этого региона располагалась на месте современного Пекина и до того времени немногим превосходила размеры гарнизонного городка. В огромной, но редконаселенной северной территории кидане ввели свои собственные учреждения. Северное правительство представляло собой мобильную организацию, где император и важные чиновники перемещались с места на место. Эта народность имела свою письменность, поэтому документы составлялись на языке киданей. Несмотря на то что династия Ляо управляла небольшим населением по стандартам Сун, ее войска были настолько сильны, что правители Сун предпочитали откупаться и не пытались победить их в бою. Государство Ляо держало в страхе соседей: корейское государство Корё, а также государство тангутов Ся, расположенное на территории современной провинции Ганьсу. Возможно, из-за того что киданям удалось сохранить в изоляции свои северные территории, они успешно боролись с китайским влиянием. Образ жизни правящей элиты отвечал как киданьским, так и китайским канонам, но большая часть киданей сохранила свои древние обычаи.

И все же государство Ляо было разрушено не китайцами, а другой северной конфедерацией, на этот раз возглавляемой чжурчжэнями, которые обитали восточнее киданей — в горах восточной Маньчжурии. В начале XII в. Агуда из клана Ваньянь объединил племена чжурчжэней, провозгласил династию Цзинь и атаковал Ляо, для чего сперва был заключен союз с правительством Сун. После смерти Агуды в 1123 г. его преемник разбил Ляо в 1125 г., а после переключился на Сун.

Осада городских стен требовала современных военных приспособлений, таких как сборные осадные лестницы и катапульты, приведенные на этих иллюстрациях. Иллюстрации взяты из руководства начала династии Сун «Полное описание военной классики» (У цзин цзун яо), написанного по заказу в 1040 г. Кидане и чжурчжэни быстро освоили новые технологии, и знаниями по ведению осады они дополнили навык сражаться верхом

Военным успехом в сражении против укрепленных китайских городов чжурчжэни были обязаны китайским экспертам в искусстве осады, их они включали в ряды своей армии. Например, во время осады Тайюаня, города средних размеров, для обстрела использовалось 30 катапульта, было построено более пятидесяти повозок, обитых сыромятной кожей и железными листами, откуда был открыт огонь для прикрытия прорывавшихся в город войск. Кайфын обороняли 48 тыс. воинов, многие из которых были вооружены мощными арбалетами и огнеметами, и город казался неприступным. Чжурчжэни подвели к стенам осадные машины, в том числе и башни на колесах для метания зажигательных бомб, превосходящие по высоте городские стены. Затея удалась — Кайфын пал, семейство императора Сун было схвачено и удерживалось в плену до тех пор, пока не был выплачен выкуп, а уцелевшая горстка чиновников и остатки армии Сун бежали на юг через Янцзы.

Так, чжурчжэни из группы племен, контролировавших лишь дальневосточные границы Внутренней Азии, стали хозяевами северного Китая с населением более 40 млн человек и захватили богатства столиц Ляо и Сун. Сначала чжурчжэни организовали дуалистическое управление по образцу киданей, они пригласили бывших чиновников Ляо, как китайцев, так и киданей. В 1153 г. династия Цзинь перенесла свою столицу из центральной Маньчжурии в Пекин, а в 1161 — в Кайфын, постепенно перенимая китайскую политическую систему и нанимая все больше и больше китайских чиновников. Как до того правители Ляо (а еще раньше — правители Северных династий), правители Цзинь обнаружили, что китайские политические институты являются мощным оружием в борьбе со знатью. Наследственная монархия и бюрократическая система способствовали усилению верховной власти. Однако императоры чжурчжэней копировали не все аспекты государственной системы Тан и Сун, в частности, не относились к гражданским чиновникам с тем уважением, которое было характерно для китайских правителей. Императоры Цзинь ввели практику прилюдных телесных наказаний высокопоставленных чиновников — вопиющее нарушение конфуцианского принципа, защищающего права образованной элиты. Такое унижительное наказание никогда не применялось в эпоху Сун и крайне редко — в предшествующие периоды.

Правительство Цзинь позволило группам чжурчжэней селиться в Северном Китае, чтобы помогать центральной власти контролировать китайское население. Став частью китайского общества, чжурчжэни, в отличие от киданей, быстро переняли китайские обычаи, язык, одежду, ритуалы. Чжурчжэньские военачальники, выступавшие против ассимиляции, в 1161 г. убили императора Цзинь, а следующий император постарался воскресить наследие чжурчжэней. Он стимулировал употребление письменного языка чжурчжэней, по его заказу на этот язык переводили конфуцианскую классику, обучались чжурчжэни в специально открытых для них школах, на экзаменах при поступлении на государственную службу у кандидатов-чжурчжэней проверялось владение родным языком, также император расправлялся с теми, кто следовал китайским обычаям. Тем не менее процесс китаизации шел довольно быстро, и последующие императоры сменили политический курс. В 1191 г. император запретил называть чжурчжэней «приграничным» народом, не желая, чтобы их считали чужими. К концу династии большинство чжурчжэней говорили по-китайски, носили китайскую одежду,

переименовывали фамилии на китайский манер и сочетались брачными узами с местным населением. Спустя столетие в исконном Китае вряд ли можно было найти кого-либо, называвшего себя чжурчжэнем, хотя в Маньчжурии по-прежнему проживали чистокровные чжурчжэни.

ЧИНГИС-ХАН И МОНГОЛЫ

Ни империя киданей, ни империя чжурчжэней никогда полностью не контролировали всю монгольскую степь. Иногда им удавалось, правда, заставить кланы и племена говорящих на тюркском и монгольском языках признавать их господство. В конце XII в. разразился кризис, связанный с тем, что среднегодовая температура в этом регионе упала, и пастбища оскудели. Человека, который спас положение, открыв доступ к изобилию сельскохозяйственного мира, звали Чингис-хан (прибл. 1162–1227).

Чингис-хан, выдающийся и безжалостный военный гений, с гордостью заявлял, что нет большего удовольствия, чем порубить врага, захватить его лошадей и скот, увести его женщин. Его становление как предводителя началось с того, что еще ребенком он поставил себе цель отомстить за смерть своего отца, вождя племени. Покорив татар, кераитов, найманов, меркитов и другие тюркские и монгольские племена, Чингис-хан собрал армию преданных сторонников. На совете 1206 г. самые знатные монголы избрали его правителем, или великим ханом. Он полностью милитаризовал монгольское общество, проигнорировав традиции племени, сформировал армию на базе десятичной иерархии, где единицу составляла тысяча всадников. Преданные Чингис-хану военачальники явили собой новую военную знать. Их посты передавались по наследству, но великий хан по своему желанию мог сместить любого командира. Из 10 тыс. сыновей и братьев военачальников Чингис-хан собрал элитную гвардию, которая находилась под его непосредственным началом. Чтобы избежать внутренних беспорядков, он издал простые, но жестокие законы: грабеж и супружеская измена карались смертью. Чингис-хан приказал адаптировать письменность уйгуров к монгольскому языку, хоть он и был безграмотным, но прекрасно понимал преимущество использования письменности.

Чингис-хан реализовал одну из самых поразительных завоевательных кампаний в истории человечества. Сначала он подчинил себе соседние государства. Первым делом он, как правило, отправлял послов с требованием повиновения и угрозами разрушения. Те, кто покорялись ему без борьбы, считались союзниками и сохраняли власть, а те, кто пытался оказать сопротивление, сталкивались с перспективой полного уничтожения. Жителей особенно прогневивших великого хана городов ожидали массовые казни, или же они становились живым щитом в последующих сражениях. Первый рейд монгольских армий по равнине северного Китая в 1212–1213 гг. превратил в руины около 90 городов. Более месяца пылал захваченный в 1215 г. Пекин, северная столица чжурчжэней.

Закаленные в боях воины Чингис-хана обладали способностью несмотря на лишения преодолевать огромные расстояния с удивительной скоростью.

Завоевания Чингис-хана повлияли на Западную Азию не меньше чем на Китай. На этой персидской иллюстрации из копии манускрипта об истории монголов, написанной персидским управляющим Рашидом аль-Дином (1247–1318), который служил монгольским ильханом в Иране, изображен преследующий врагов Чингис-хан

В 1219 г. Чингис-хан привел 200 тыс. человек в Среднюю Азию, на следующий год они захватили Бухару и Самарканд. До своей смерти в 1227 г. он подчинил себе Монголию и Маньчжурию, завоевал Корею, оттеснил чжурчженей на юг от реки Хуанхэ, разрушил государство тангутов на северо-западе Китая, опустошил Среднюю Азию и разграбил Великое Княжество Киевское. В его власти оказались территории от Тихого океана на востоке до Каспийского моря на западе.

После смерти Чингис-хана обозначился конфликт монгольской традиции передачи власти на основании выборов и китайского принципа наследования. В результате империя разделилась на четыре части, каждой из которых должны были управлять наследники по одной из линий. Угэдэй, третий сын Чингис-хана, получил контроль над Монголией. В 1234 г. он сверг империю Цзинь и стал правителем северного Китая. К 1236 г. из 58 районов провинции Сычуань, ранее управляемых династией Сун, он захватил 54, по его приказу был казнен миллион жителей города Чэнду, монголы взяли его легко, без кровопролития.

Те, кто избежал казни, нередко попадали в плен, наравне с захваченными запасами зерна и скотом эти люди считались военным трофеем. С 1237 г. войска Угэдэя участвовали и в западных кампаниях. Около 150 тыс. монгольских, тюркских и персидских воинов, возглавляемых представителями всех четырех наследных линий, пришли в Европу, в 1238 г. они захватили Москву и Киев, а в 1241 и 1242 гг. вторглись в Польшу и Венгрию. Во время этих кампаний монголы разграбили города центральной Европы, но вскоре отступили на территории России, где господствовали более столетия.

Численность монголов не превышала 1,5 млн. Их успех объясняется готовностью пополнять армии и правительство за счет других этнических групп.

Монгольские завоевания расширили контакты в Евразии. Это привело к эпидемиям чумы, но в то же время способствовало передаче научных знаний. Путешественники распространили в Европе сведения о богатстве городов и изобретениях пороха и книгопечатания

Для кампаний против чжурчжэней они нанимали киданей и китайцев из числа тех, кто не был предан правителям-чжурчжэням.

Китайские эксперты по катапультам научили монголов штурмовать защищенные стенами города, а опыт китайских кораблестроителей позволил им победить империю Сун в морских сражениях. Преданно служащие монголам люди получали награды и важные посты вне зависимости от своей национальной принадлежности. Высокое положение в монгольском правительстве заняли уйгуры, тибетцы, персы и русские.

Монголы вели завоевания с целью обогащения, но их понимание того, как это лучше сделать, со временем менялось. Для первых завоеваний были характерны грабежи и мародерство. Земли и живущие на них люди передавались военачальникам, знати и целым военным подразделениям в безраздельное пользование. Искусных работников отправляли на поселение в новую монгольскую столицу Каракорум. После захвата Бухары и Самарканда приблизительно 30 тыс. ремесленников были обращены в рабство и отправлены в Монголию, та же участь постигла и многих китайских мастеров. На то, чтобы научиться более изощренным способам получения доходов, понадобилось время. После завоевания империи Цзинь Угэдэем некоторые монголы выдвигали предложение превратить весь северный Китай в пастбищные угодья. Альтернативное решение было высказано китаизированным киданем Елюем Чуцаем, который оказался на службе у монголов после захвата Пекина в 1215 г. Елюй убедил Угэдэя, что большего богатства можно добиться путем налогообложения крестьян, по предварительным подсчетам доход должен был составить 14 тонн серебра, 80 тыс. рулонов шелка и свыше 20 тыс. тонн зерна. Но проекту Елюя не суждено было сбыться. Вскоре его противники заверили Угэдэя в том, что метод прямого налогообложения земледельцев не так выгоден, как их план, заключавшийся в том, чтобы вынудить мусульманских купцов из Средней Азии конкурировать друг с другом за право собирать налоги. Среднеазиатские сборщики налогов быстро заработали славу самых алчных людей в мире, их ненавидели и покоренные китайцы, и монгольские воины.

МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ СУН

Масштабные завоевания Сун начались только при Хубилае, внуке Чингис-хана (1260–1294). До того как он унаследовал титул великого хана, Хубилай управлял уездом в Хубэе и был знаком с китайскими порядками. Среди его советников были китайцы, уйгуры и выходцы из Центральной Азии, а сам он даже немного говорил по-китайски. В 1264 г. он перенес столицу из расположенного в Монголии Каракорума в Пекин, известный тогда под названием Даду, а в 1271 г. дал китайское название своей династии — Юань и утвердил при дворе китайские ритуалы.

Область Китая, расположенная к югу от Янцзы, ни разу не была завоевана степными народами, большей частью потому, что реки и каналы этого региона представляли собой препятствие для всадников. Однако по совету сдавшегося в плен военачальника Сун монголы начали строительство речного флота.

В 1268 г. они осадили Сяньян, что на реке Хань в провинции Хубэй, этот город оба противника считали ключом к долине Янцзы. И монголы и китайцы были нацелены на победу, поэтому блокада длилась пять лет. В противостояние с обеих сторон были вовлечены тысячи кораблей и десятки тысяч людей. Монголы нанимали флотских специалистов и экспертов по ведению осады из числа китайцев, корейцев, чжурчжэней, уйгуров и персов. Инженеры-мусульмане разрабатывали артиллерийские орудия, вызывавшие огневой вал из камней весом до 45 кг каждый. Вначале китайцы располагали значительными запасами продовольствия, но вскоре они были вынуждены прорывать блокаду, чтобы получить соль и другие продукты первой необходимости, что приводило к множеству сражений на реке.

Империя Сун не испытывала недостатка в чиновниках и генералах, вынашивавших идею дать отпор монгольским агрессорам. Император в то время был еще ребенком, а чиновники высшего ранга занимались тем, что строили козни друг против друга. В 1275 г., после того как монгольские армии перешли Янцзы, императрица-мать Се обнародовала воззвание, в котором настраивала население на борьбу с варварами, и уже через пару месяцев было собрано ополчение в 200 тыс. воинов. Но даже такая сила не могла противостоять стратегии монголов: наступая на Ханчжоу, они истребили население целого крупного города. Императрица-мать Се добровольно сдалась в плен, надеясь избавить столицу от подобной участи. Три года спустя, в 1279 г., монголы разбили оставшихся защитников империи в ходе морского сражения у берегов Гуандуна, тогда утонул последний из принцев Сун.

К тому моменту, когда монголы завоевали Сун, монгольской империи, охватывающей всю Азию, уже не существовало. Большая часть Азии контролировалась наследниками Чингис-хана, но эти государства, как правило, враждовали друг с другом. Хубилай часто воевал с ханством Средней Азии, которое возглавлял его двоюродный брат Хайду, а также контактировал с Золотой Ордой на юге России. В этих областях наметилась тенденция слияния монголов с живущими там тюркскими кочевниками и обращения их в ислам, исповедуемый местным населением. Таким образом, начиная с Хубилая, исконный Китай был объединен с Монголией, Маньчжурией и Тибетом. Персия, Ирак и Россия остались за пределами империи.

Монголы, подобно киданям, противились ассимиляции. Несмотря на то что монгольские правители ценили материальные блага китайской цивилизации, они сознательно избегали многих социальных и политических обычаев китайцев. Официальным языком оставался монгольский, и правители проводили лето в Монголии. Хубилай препятствовал смешанным бракам между монголами и китайцами и брал во дворец только монгольских женщин. Некоторые монгольские князья большим дворцам Пекина предпочитали юрты. По старому монгольскому обычаю, правителем становился победивший в кровавом поединке. С точки зрения китайских летописцев периода династии Юань, история наследования власти после Хубилая представляет собой отвратительную череду убийств, государственных переворотов, возведения на трон молодых несведущих правителей, братоубийства и господства знати.

ЖИЗНЬ В КИТАЕ ПОД ВЛАСТЬЮ ЧУЖЕЗЕМНЫХ ЗАХВАТЧИКОВ

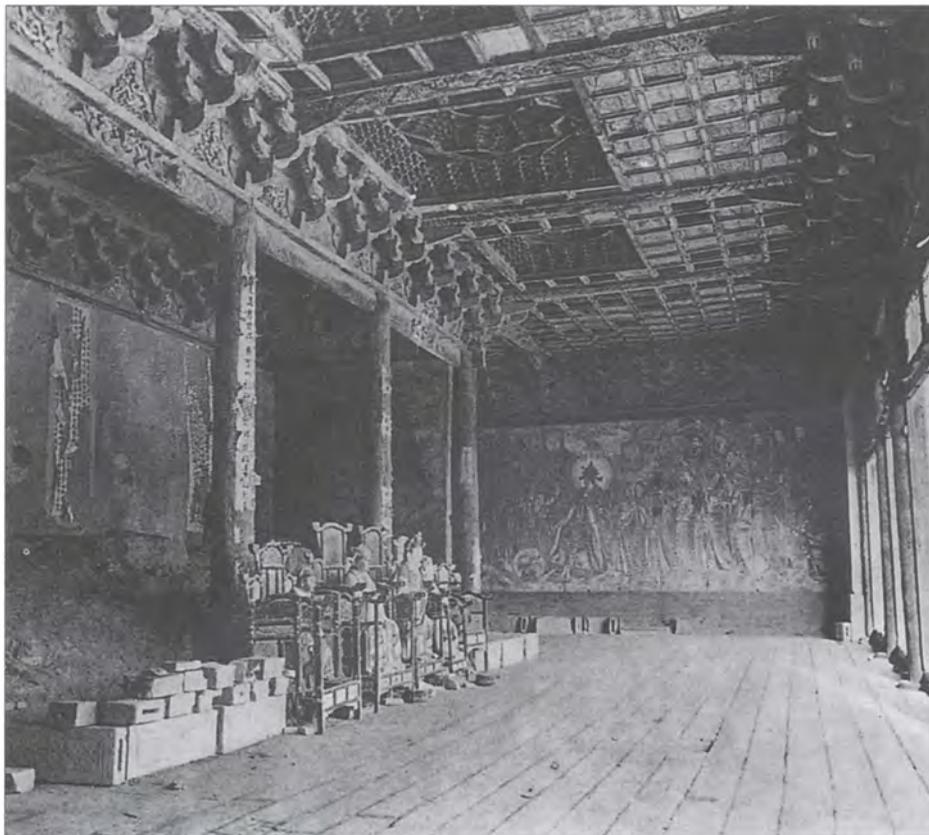
Иноземные завоеватели не принуждали китайцев перенимать свои обычаи. Китайская культурная жизнь шла своим чередом, как и во времена Северных династий, китайская элита продолжала читать и писать книги, а простые китайцы — поклоняться своим богам и следовать сложившимся традициям. Образованные китайцы империи Сун считали культуру династий Ляо, Цзинь и начала Юань довольно провинциальной, но от этого она не переставала быть китайской.

Однако нельзя утверждать, что при власти чужеземцев простые китайцы чувствовали себя так же вольготно, как и во времена предшествующих китайских династий. Многие крестьяне лишились земли или же сами попали в рабство, иногда их увозили далеко от дома. Налоги при монголах возросли и зачастую были просто непомерными. Экономика северного Китая постепенно пришла в упадок, на ее восстановление ушли целые столетия. Ситуацию усугубляло то, что правительство поддерживало угнетение китайцев как представителей низшей расы. Венецианский купец Марко Поло, который провел двадцать лет в управляемом монголами Китае (1275–1295), отмечал силу межнациональной вражды: «Все китайцы ненавидели правление Великого хана, так как он ставил во главу татар [то есть монголов], а еще чаще сарацинов [то есть мусульман], которых они не выносили, поскольку те обращались с ними как с рабами».

Все три волны завоевателей были заинтересованы в увеличении доходов, поэтому они сознательно не разрушали экономику. Они поощряли торговлю за пределами своих империй: Цзинь удалось расширить торговлю с Южной Сун, а монголы торговали по всей Евразии. Чжурчжэни не стали изымать из обращения

В 1280 г. Хубилай заказал свой портрет придворному китайскому живописцу Лю Гуаньдао. На этом фрагменте шелкового свитка он изображен сидящим на коне во время охоты. Император одет в яркую китайскую парчу, которая проглядывает из-под монгольских мехов

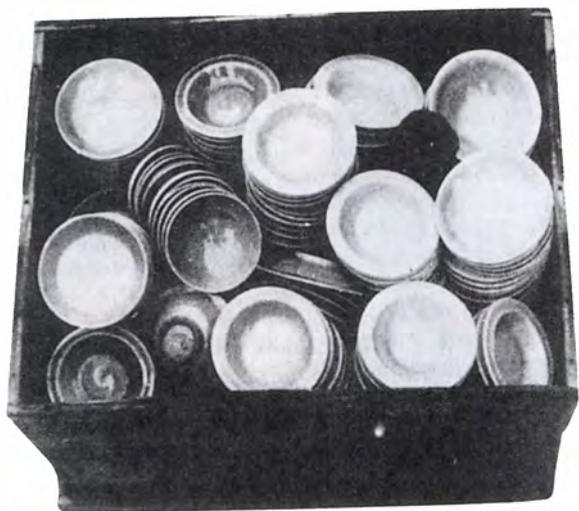

Храм Юнлэ («храм вечной радости») был возведен в 1212 г. в начале династии Юань в провинции Шаньси. Это один из самых древних даосских храмов Китая. Стены его главного зала украшены изображениями богов даосского пантеона

деньги киданей и государства Сун, а после ввели собственную валюту, в том числе и бумажные деньги, которые после 1190 г. подверглись серьезной инфляции. Монголы тоже поддерживали существующую систему бумажных денег и даже разрешали конвертацию бумажных денег Сун в валюту Юань. Однако в этой области они были не большими экспертами, чем чжурчжэни, и к XIV в. инфляция достигла высочайшего уровня. Объединив страну, монголы способствовали укреплению торговых отношений между севером и югом Китая. Они перестроили северный участок Великого канала, который не использовали со времен Северной Сун, и продлили его до своей столицы в Пекине.

Ни одна из трех династий завоевателей не стремилась к такому открытому или динамичному обществу, каким оно было в империи Сун, и все они предпочитали делить людей на категории по наследственному, профессиональному или этническому признаку. Целью этнического разделения было сохранение привилегий завоевателей. Временами правителей больше всего заботило предотвращение влияния китайской культуры на их народ (это возвышало их над побежденным народом), а временами они старались не позволить китайцам выучить свой язык и перенять свои обычаи (так как это могло ослабить их привилегии). Смешанные браки не приветствовались, но все же имели место. В период Юань этническая иерархия особенно усложнилась: самыми привилегированными были монголы, затем шли иноземные союзники монголов (уйгуры, тюрки, тибетцы,

Этот ящик с керамической посудой свидетельствует о состоянии морской торговли при монголах. Он был найден в 1976 г. на корабле, во время рейса из Нинбо в Японию затонувшем в 1323 г. у побережья Синан (Южная Корея). 17 тыс. изделий из керамики были изготовлены предположительно в провинциях Чжэцзян, Цзянси и Фуцзянь

тангуты, персы и *сэму*¹), после них — бывшие подданные государства Цзинь (китайцы, китаизированные кидане и чжурчжэни, называемые «ханьжэнь»), в самом низу этнической лестницы находились бывшие жители империи Сун (их называли «южане»). Эта классификация влияла на систему налогообложения, судопроизводство и назначение на должности чиновников. Например, жители северного Китая облагались налогом на хозяйство так же, как и во времена Цзинь, а с подданных, проживавших в южной части, налог взимался в зависимости от земли, которой они владели, как происходило до того в империи Сун. Представителей всех этнических групп судили в соответствии с их традициями судопроизводства, поэтому если вором признавали китайца — на него наносили татуировку, если же это был представитель иной этнической группы, его наказывали по-другому.

Прочие запреты были связаны с опасениями, что китайцы скорее, чем остальные подданные монголов, поднимут восстание. Например, китайцам не позволялось собираться группами и носить оружие. Хубилай даже запретил китайцам обрабатывать бамбук, чтобы они не использовали его для изготовления луков и стрел. Китайцев строго наказывали, если они оказывали сопротивление при нападении монголов; а монгол, убивший китайца, отделялся штрафом. Вероятно, из-за того что по численности китайцы во много раз превосходили монголов, те старались не допустить проникновения китайцев в свою этническую группу и запрещали им брать монгольские имена.

Передача по наследству должностей и общественного положения для кочевых народов были нормальным явлением, по их мнению, это было залогом стабильности государства, однако для Китая это был шаг назад. Монголы пошли еще дальше: они наделили всех граждан наследуемым статусом в соответствии с родом их деятельности (крестьяне, ученые, врачи, астрологи, военные, ремесленники, добытчики соли, горнорабочие). Некоторые профессиональные группы обязывали бесплатно работать на государство согласно утвержденным квотам, а обеспечивать себя им было позволено в оставшееся от государственных работ время. Строгость этой системы привела к массовым побегам семейств, не готовых предоставить требуемые услуги.

Китайцы не приветствовали своих новых правителей, но на любых социальных уровнях они находили пути адаптации к новой ситуации. Правители из киданей, чжурчжэней и монголов нуждались в людях, которые взяли бы на себя бумажную работу и обеспечили существование централизованного бюрократического государства; для этих целей служащие, которых высокообразованные китайцы презирали, были столь же необходимы, как и люди, изучавшие классику. Ученые тоже находили работу, хотя в то время поиск работы стал занимать больше времени, да и должности оказывались менее значительными, чем хотелось бы. В период

¹ *Сэму* — собирательное название жителей Центральной Азии.

Юань китайские ученые на севере с большей готовностью поступали в услужение к монголам, чем на юге. Они уже привыкли к правлению неханьских завоевателей и видели, что правление монголов будет более приемлемым, если в администрации будут служить китайские ученые. Они предчувствовали, что монголы постепенно станут более китаизированными, как это случилось с чжурчжэнями, и считали себя щитом, защищающим китайское общество от самых жестоких проявлений монгольского диктата. Такие ученые, как Сюй Хэн, посвятили свою жизнь обучению монгольских правителей китайским принципам политической этики. На юге, где высокообразованные люди отождествлялись с сопротивлением монголам, интеграция шла медленнее. Но по мере того как южные интеллектуалы стали осознавать, что монгольское господство не вечно, они все чаще соглашались занимать посты, на которых могли бы употребить свои знания, в особенности на должности наставников в государственных академиях.

По мнению интеллектуалов, для чужеземных правителей лучшим способом продемонстрировать заботу о благе государства было проведение экзаменов для поступления на гражданскую службу и назначение лучших на должности в правительстве. Кидане поддерживали усеченную схему экзаменов, построенную по образцу империи Тан, которую чжурчжэни сохранили и доработали. В этом вопросе монголы были более-менее решительны. Они не обращались к экзаменационной системе до 1315 г., а затем установили квоты, которые позволили получить половину степеней монгольским кандидатам и выходцам из Центральной Азии, четверть — бывшим подданным Цзинь, и еще четверть — жителям Сун (более половины всего населения страны). Помимо прочего ограничивалось количество кандидатов из каждой провинции, что помогало сократить поступление высокообразованных представителей из низовий Янцзы. Через систему экзаменов набирали всего 2 % чиновников, а большинство должностей получали, поднимаясь по карьерной лестнице из числа служащих.

Ученый, не сумевший получить место на государственной службе при монголах, был в праве надеяться на комфортабельную жизнь в окружении изящных служанок и изысканных предметов. Здесь художник Лю Гуаньдао (годы творчества: 1279–1300) использовал прием изображения внутри изображения, чтобы привлечь внимание зрителя к роли искусства при таком стиле жизни. На картине ученый полужележит перед ширмой, на которой нарисован он сам, сидящий за книгами среди старинных вещей на фоне ширмы, которая украшена пейзажем

Демоны и борцы с ними

В религиозном представлении китайцев было место для всех типов мистических существ, как добрых, так и злых. Среди опасных существ были мстительные привидения, неумолимые боги, не знающие жалости к тем, кто служил им не так, как они того желали, и демоны, исполняющие приказы богов. Благоклонные сверхъестественные существа, такие как предки и буддийские и даосские боги, могли защитить людей от злобных созданий. Также существовали заклинатели, способные их подчинять или изгонять.

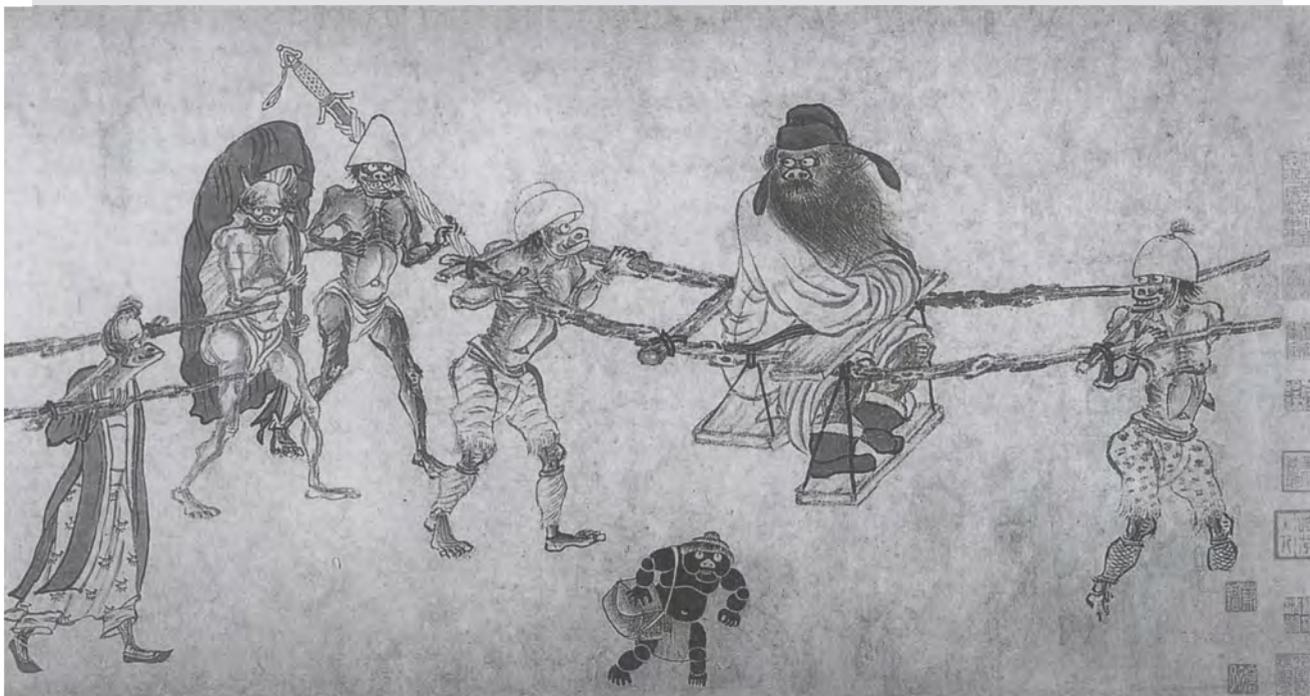
Хотя в китайской вере в демонов была настоящая, заставляющая трепетать сторона, в ней есть место и некому шутивому оттенку, который, в частности, присутствует в популярной легенде о победителе демонов Чжун Куе. То, как был любим народом этот персонаж, видно, например, из того, что в Ханчжоу на Новый год купцы дарили своим покупателям картинки с изображением Чжун Куя. Вероятно, их картины вешивали у дверей — обычай получил распространение в более поздние периоды.

Легенда о Чжун Куе восходит ко временам Тан и гласит: однажды император Сюань-цзун встретил

маленького демона, который стащил вышитый парфюмерный мешочек у его любимой наложницы и его собственную нефритовую флейту. Затем он встретил большого демона, который пришел на помощь императору, не просто поймал маленького демона, а выбил ему оба глаза и съел их. Когда Сюань-цзун спросил имя этого демона-помощника, тот представился как Чжун Куй.

Так звали человека, который несколько десятилетий назад покончил с собой, разбив голову о ступеньки дворцовой лестницы, как только узнал, что не выдержал экзамен для службы во дворце. В благодарность за почести, с которыми император Тан похоронил его, Чжун Куй поклялся избавить мир от вредных демонов.

Время шло, и культ Чжун Куя обрстал все новыми и новыми историями. Иногда борца с демонами изображали одного, в устрашающем виде, иногда в окружении покоренных демонов, временами с его сестрой, на картинах почти всегда он предстает бородатым и мрачным, с уродливым лицом, в одеянии ученого, в шапке и сапогах.

На этом фрагменте картины Гун Кая (прибл. 1222–1304) уже покоренные Чжун Куем демоны несут его и сестру на новую охоту за демонами

Те ученые с юга, которые не могли или не хотели служить монголам, нередко становились врачевателями, предсказателями судьбы, даосскими священнослужителями, учителями, драматургами и этим зарабатывали на жизнь. Большой приток талантливых и образованных людей в драматическую литературу стал причиной интенсивного развития этой сферы искусства. Тот факт, что иностранная элита контролировала правительство, не уменьшал престиж китайских интеллектуалов, и простые китайцы продолжали считать их национальными лидерами, поскольку те активно отстаивали и укрепляли родственные связи в общине. Интеллектуалы могли сосредоточиться на заботе о культуре, они видели себя продолжателями конфуцианской традиции. Во времена Юань процветали академии, альтернативные центры культурной жизни, неподвластные государству. Там ученые пытались утвердить гражданские ценности, противопоставить их военным ценностям и заявить о своей духовной и интеллектуальной независимости.

ЭТНИЧЕСКИЙ ВОПРОС, ЛОЯЛЬНОСТЬ И КОНФУЦИАНСКАЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ

Конфуцианство всегда стремилось к мировому распространению своих идеалов: повелитель страны являлся Сыном Неба и правил всей Поднебесной. На окраинах цивилизованного мира жили варвары, неподвластные Сыну Неба. Их положение объяснялось тем, что они еще не были облагорожены китайской культурой, но никак не особыми присущими им качествами. Другими словами, Китай превосходил всех своих соседей не потому, что китайцы как этнос были лучше с точки зрения физиологии. Варвары могли со временем стать китайцами, стоило им только перенять китайские обычаи: одежды, манеры, институт семьи, этику и т. п. В то же время в китайской культуре присутствовали общие для многих народов обычаи. Культ предков требовал уважения к предшественникам, и фальсификация генеалогии и ложное причисление себя к древнему китайскому роду считалось нарушением сыновней почтительности и для китаизированных сюнну, и для тюрков, и для киданей. Лояльное отношение к правителю постепенно становилось важной чертой этнической идентификации. Когда государству угрожал неприятель, что постоянно происходило во времена Сун, было сложно разграничить враждебное отношение к противнику и к правителю как к носителю другой культуры.

Конфуцианская теория о преобразующей силе китайской культуры хорошо работала в ситуациях, где Китай оказывался в положении доминирующей силы. По всему югу местное население, когда-то считавшееся некитайским, смешалось с китайцами. Даже на севере можно было найти множество некитайских по происхождению групп, которые, в конце концов, ассимилировались китайцами. Яркий тому пример — племя *сяньби* периода Северных династий. Но в X–XIV вв. династии завоевателей испытали на прочность конфуцианские идеи о трансформации. Соприкосновение с китайской культурой и конфуцианскими ценностями не привело к полномасштабной китаизации киданей или монголов, хотя многие

из них и слились с китайцами. Однако это позволило чжурчжэням и монголам использовать универсалистскую идеологию китайцев в своих интересах. В XIII в. императоры Цзинь утверждали, что поддерживают порядок, при котором завоеватели и китайские граждане будут мирно сосуществовать в составе глобальной империи. Один из последних императоров Цзинь вошел в историю как образцовый правитель, покровитель культурного возрождения, осуществляемого китайскими последователями Конфуция. Хубилай тоже думал о вселенских масштабах своего господства: объявив об основании династии Юань, он процитировал фрагмент из «Книги перемен» и подчеркнул, что его отец Чингис-хан расширил государство до ранее невиданных размеров.

Чужеземные императоры не могли сохранять свою этническую индивидуальность и одновременно исполнять все китайские, предписанные Сыну Неба ритуалы. Иноземные правители возводили храмы в честь предков, то есть соблюдали династический принцип и обычаи империи, но символического отождествления с ханьцами все равно не происходило, поскольку обожествляемыми предками в этом случае оказывались их собственные некитайские предшественники. Советники-китайцы убеждали иноземных правителей адаптировать их собственные погребальные и матримониальные ритуалы к традиционному китайским, к наиболее важным с этической точки зрения актам. Но стремясь сохранить аутентичность, никто из чужеземных правителей так на это и не пошел.

Хотя иноземные властители и становились исполнителями основных ритуалов, характерных для китайской культуры, многие китайские интеллектуалы не воспринимали их как законных правителей Китая и развивали национальную концепцию, в соответствии с которой на первое место ставился не правитель, а именно этнос и культура. В начале периода Южной Сун китайская элита считала возвращение севера равносильным сохранению Китая. В XIII в. многие из участников сопротивления монгольскому нашествию осознавали ответственность за выживание китайской цивилизации. Вэнь Тяньсян, самый известный из образованных генералов, посвятил себя этому делу полностью. Даже когда не осталось реальных шансов изгнать монголов, он продолжал сражаться, углубляясь на юг; как и другие, сохранившие верность династии люди, он надеялся помешать монголам захватить двух принцев Сун. Даже когда он сам оказался в плену Вэнь Тянь, в течение трех лет оставался глух к уговорам и обещаниям враждебного ему правительства Юань, пытавшегося переманить его на службу, в результате он был казнен Хубилаем.

Политика монголов, в соответствии с которой китайцы занимали низшее положение по сравнению с другими этническими группами, серьезно повлияла на национальное самосознание китайцев. Например, их просто разъярили действия тибетского священнослужителя Ян Ляньцзяньцзя, который использовал полученную им власть, чтобы превращать бывшие дворцы династии Сун в буддийские храмы, а также вскрывал и извлекал из могил императоров Сун погребенные драгоценности, которые шли на возведение новых буддийских храмов. Побежденные приверженцы Сун считали своим долгом разыскать кости императоров Сун и предать их земле.

Чжао Мэнфу

Подданным династии Сун решение поступить на службу к монголам давалось непросто. Противоречивые чувства, которые они при этом испытывали, демонстрирует пример Чжао Мэнфу (1254–1322), члена императорского клана Сун, потомка императора-основателя в одиннадцатом поколении. Совсем юношей он поступил в императорскую Академию в Ханчжоу. В течение десяти лет после падения этого города Чжао был членом кружка талантливых поэтов, художников и каллиграфов, известного под названием «Восемь талантов» Усына. Некоторые из его соратников лишились своей собственности во время войны и надеялись на покровителей, пожертвования или зарабатывали себе на жизнь преподаванием. Живопись в старомодном стиле они считали способом выразить тоску по прошлому и недоверие к настоящему.

В 1286 г., желая взять верх над интеллектуалами, Хубилай отправил южанина из своего окружения набрать на службу выдающихся ученых юга. Среди двух десятков согласившихся поехать на север оказался и Чжао. После того как о его решении стало известно, некоторые из друзей отказались разговаривать с ним, а кое-кто из членов императорского клана Сун перестал считать его родственником.

Чжао быстро снискал благосклонность Хубилая, чтобы отстаивать и защищать конфуцианские ценности при дворе. Он смело предлагал денежную реформу, всеми силами старался сместить имевшего репутацию взяточника главного министра-тибетца по имени Сангха и выступал за отмену телесных наказаний интел-

лектуалов. К 1316 г. он занял высокий пост президента Академии Ханьлинь.

Унизительную службу на благо завоевателей отчасти компенсировала возможность увидеть северный Китай, который для людей типа Чжао означал «центральные равнины», то есть сердце китайской культуры. За первое десятилетие своей службы Чжао объездил север страны по служебным делам и собрал большую коллекцию живописи мастеров эпохи Тан и Северной Сун, найти их на юге не было ни малейшей возможности. Влияние этих работ заставило его отойти от художественных стилей Южной Сун и черпать вдохновение в шедеврах мастеров прошлого. Когда он вернулся в Ханчжоу навестить своих старых друзей, он описал им то, что увидел на севере, и даже написал на заказ картину, на которой был изображен дом предков заказчика, находящийся в Шаньдуне.

Стоит заметить, что вторая жена Чжао, Гуань Даошэн, была первой женщиной в Китае, снискавшей славу художницы. Она была известна своими изображениями бамбука, орхидей, слив в цвету и буддийских символов. В эпитафии Чжао Мэнфу написал, что монгольский император однажды попросил у нее образец ее каллиграфии.

Как и на многих других работах Чжао Мэнфу (1254–1322), здесь заметно влияние образцов династии Тан. Монголы могли восхищаться лошадей и повернувшимся навстречу ветру конюхом, ничего не зная о художественно-исторических предпосылках возникновения картины

В периоды каждой из династий у победителей и побежденных уходило около двух поколений на то, чтобы прийти к компромиссу, поскольку за это время военное правление сменялось гражданским. Напряжение, тем не менее, сохранялось. Хотя чжурчжэни были самыми китаизированными из завоевателей, жители Цзинь (китайцы и кидане) с готовностью перешли в лагерь монголов в пик чжурчжэням, а после падения Цзинь простые китайцы, как это следует из дошедших до нас источников, и вовсе ополчились на них. Недоверие между монголами и китайцами сохранялось до XIV в. Байан, монгольский министр, определявший политику двора с 1328 по 1340 г., приложил немало усилий, чтобы ни один китаец не получил ведущих позиций в центральном, провинциальном или местном правительстве. Опасаясь расправы со стороны китайцев, он проводил все новые законы, запрещавшие китайцам иметь оружие и обороняться в случае нападения монголов или выходцев из Центральной Азии. Китайцы, со своей стороны, точно так же трепетали перед ним, особенно когда распространились слухи о том, что правительство собирается захватить всю неженатую молодежь страны, а Байан решил казнить всех, кто носит распространенные фамилии Чжан, Ван, Лю и Чжао. То есть страх Байана перед заговорами китайцев был так же силен, как и страх китайцев перед жестокостью монголов. Когда охватившее весь юг Китая восстание привело династию Юань к краху (см. гл. 8), осевшие здесь ранее монголы не только не слились с китайским населением, подобно сяньби и чжурчжэням, напротив, они направились на север, обратно в степь. После падения династии Юань монголы вернулись к кочевой жизни, но при случае с гордостью вспоминали период господства над Китаем.

Национальное самосознание китайцев за годы монгольской оккупации, конечно же, усилилось, но эти взгляды нельзя приравнять к современному национализму. Верность правителю оставалась для многих самой большой добродетелью. Некоторые конфуцианские ученые сознательно обеспечивали стабильность правительства Юань как на центральном, так и на местном уровнях. И даже после того как Юань уступила дорогу китайской династии, многие из таких ученых остались преданными династии завоевателей и отказались служить правительству Мин.

За четыре с половиной столетия, отделяющих падение Тан от начала Мин, север и юг Китая развивались отдельно друг от друга. Север поддерживал мир с объединенным Китаем и являлся его частью, хотя находился под властью китайских правителей всего полтора столетия во время Северной Сун (и даже тогда полоска земли на границе контролировалась киданями). После этого он попал под влияние иноземных государств. Получалось, что социальная и экономическая дезорганизация на севере была сильнее: ему едва хватило времени опомниться от разрушительного нашествия чжурчжэней и последовавших за ним войн между Цзинь и Сун, как пришло время монгольских завоевателей. Конфискация земли, господство военачальников и частая смена политического курса привели к разрушению устоявшейся структуры власти, так что относительно немногие семьи, занимавшие высокое положение в правительстве Северной Сун, сохранили его к наступлению эпохи Мин.

На юге, наоборот, правление чужеземцев длилось чуть меньше столетия, и даже тогда старые социальный и экономический порядки радикально не изменились. Иностранное господство было не настолько долгим, с ним не успели смириться, как это произошло на севере. Монгольским правителям северные и южные китайцы казались настолько разными, что они отнесли их к разным этническим категориям и по-разному управляли ими.

История династий завоевателей обычно рассматривается с точки зрения завоевателей, при этом отмечается, насколько успешно они укрепили и расширили свое господство. Западные историки восхищаются уникальной военной машиной монголов и сосредотачивают свое внимание на Чингис-хане и Хубилае, на завоевателях всемирного исторического масштаба. Традиционные китайские историки акцентируют внимание на политической истории и с доверием относятся к жизнеописаниям династий, они по-своему интерпретируют деятельность правителей. Кроме того, современная политическая ситуация требует от нынешних китайских историков, чтобы те рассматривали присутствовавших в Китае чжурчжэней и монголов как представителей национального меньшинства, а не как чужеземных завоевателей. Современным китайцам такое видение дает повод гордиться масштабами монгольской империи, но при этом искажает историческую картину.

Если озадачиться вопросом истории китайской цивилизации и китайского народа, династии предстанут в совершенно ином свете. Подобно тому как в XIX и XX вв. китайской культуре пришлось дать отпор угрозе с запада, в рассматриваемый период она была вынуждена противостоять кочевникам. В обоих случаях эта реакция имела серьезные последствия для всей китайской цивилизации.

Несмотря на то что все три чужеземные династии покровительствовали буддизму, при них в Китае буддийское общество не утвердилось. Как мировая религия, которая не ограничивалась одним только Китаем, для завоевателей буддизм имел особую значимость. Тем не менее покровительство чужеземных правителей не стимулировало интеллектуальную активность среди китайских буддистов и не укрепляло связей с буддистами из других стран. Например, китайские монахи были не в восторге от возросшего при дворе влияния тибетских лам. Конечно, поддержка буддизма иностранными правителями не ослабляла его привлекательность в глазах китайцев, однако и не усиливала ее.

Во времена монгольского завоевания Китай оказался связан с евразийской империей, и иностранцы из западной Азии и Европы стали прибывать сюда в невиданном доселе количестве. Эти межкультурные контакты подогревали интерес европейцев к далеким странам, на китайцев же они действовали иначе. На западе распространились китайские изобретения (книгопечатание и порох), а потребность в товарах из Азии привела к интересу и последовавшей за ним экспансии европейцев. Следует отметить, что в это время защита всего исконно китайского стала важнее заимствований. Это похоже на тенденцию, если вспомнить, как иностранная музыка, стиль одежды, а также мебель вливались в китайскую цивилизацию в период Тан — гораздо заметнее, чем во времена Сун или Юань. В этом отношении Китай был больше похож на исламский мир, где монгольские

Для китайцев бамбук является символом стойкости: он сильный, но гибкий. Он может гнуться и поэтому выдерживает бури и ураганы, не ломаясь. Возможно, по этой причине изображение бамбука было популярно среди китайских художников монгольского периода. На этом бумажном листе высотой 43 см — рисунок тушью, выполненный в 1350 г. У Чжэнем (1280–1354), ученым, которому пришлось зарабатывать на жизнь предсказанием судьбы

завоевания и военные угрозы вызывали сдержанную реакцию и ограниченный интерес к удаленным регионам.

Завоевания чжурчжэней и монголов негативно сказались на экономике страны. Индустрия производства железа, занимавшая центральное место в экономике Северной Сун, так никогда и не вернулась на прежний уровень. К 1100 г. в государстве проживало лишь 100 млн человек. Нашествие чжурчжэней привело к сокращению численности населения на севере, но к 1207 г. оно увеличилось до 53 млн человек, если сложить их с проживавшими на территориях Южной Сун 65 млн, получится приблизительно 120 млн человек. В 1290 г. зарегистрированное население Китая составило 60 млн человек и оставалось на этом же уровне и век спустя. Причиной такого сокращения населения безусловно являются беспорядочные убийства коренных жителей монгольскими воинами. Некоторым опустошенным монголами крупным областям, таким как Сычуань или Хэбэй, потребовалось не одно столетие для того, чтобы привести в прежнее состояние свои экономику и демографию. Расширившиеся по всей Азии связи спровоцировали распространение смертельных

заболеваний. За три месяца после снятия первой осады Кайфына (1232) эпидемия чумы унесла жизни около миллиона людей. Гражданская война, которая пришлась на последние годы династии Юань, также стала причиной массовых смертей.

Чжурчжэням и монголам приписывают утверждение более авторитарных форм правления, которые были затем усовершенствованы последующими китайскими императорами. Иноземные правители и чиновники часто оказывались слишком нетерпеливыми, чтобы следовать письменным указаниям, и своих целей они достигали упрощенным способом — жестокостью и террором. Государства завоевателей по силе и степени централизации ничуть не превосходили государство Сун, более того, их скорее можно назвать децентрализованными (пережиток феодально-патронимического способа управления). Тем не менее в этот период императорская власть меньше зависела от случая и могла свободнее применять силу.

Несмотря на все отрицательные стороны, а возможно, и благодаря им, за годы иностранного господства китайский народ закалился настолько, что оказался способным выдержать любой удар и постепенно, накопив силы, дать отпор агрессорам. Китайская цивилизация выстояла вовсе не благодаря монголам, а благодаря сохранению культурного своеобразия, которое не зависело от правителя. Гораздо важнее жестов Хубилая, воображавшего себя покровителем, было происходящее вдали от дворца: в академиях, где передавалось конфуцианское учение, в кругах художников и ученых, которые строго соблюдали культурные традиции, внутри кланов, где сохранялось учение о самообороне и исконно китайские ритуалы. А зависимость чужеземцев от военной силы только укрепила тягу Китая к противоположному — к миру и порядку.

Театральные представления были настолько популярны во времена Цзинь, что изображениями актеров и музыкантов украшали стены гробниц. На этом блоке из гробницы XII в., обретенной в Цишане (провинция Шаньси), в первом ряду изображены актеры, исполняющие типовые роли, во втором — аккомпанирующие выступлению музыканты. Высота фигур — 30–38 см

Драма и театральное искусство

Китайское драматическое искусство имеет давнюю историю. Во дворцах периода Сражающихся царств выступали акробаты и танцоры. Города времен династии Сун оживляли комедианты, кукловоды, певцы и рассказчики, имевшие в запасе богатый репертуар фарсов, назидательных историй, рассказов о любви и исторических легенд.

Как вид литературного искусства драма восходит к эпохе династий Цзинь и Юань. Сохранились названия более 600 драматических произведений времен Цзинь, но только одно из них дошло до нас в полном объеме. Большинство пьес состояло из четырех актов, где вокальные фрагменты чередовались с диалогами. Монгольские правители покровительствовали театру, которым могли наслаждаться и те, кто не умел читать по-китайски. Своим развитием драматическая литература также обязана изменению карьерных перспектив интеллектуально развитых слоев населения. Не желавшие или неспособные служить завоевателям талантливые писатели зарабатывали себе на жизнь тем, что создавали сценарии для импресарио. Раньше это считалось занятием, недостойным воспитанного в хороших литературных традициях человека.

Одним из самых известных драматургов был Гуань Ханьцин, автор приблизительно 60 пьес. В произведении «Обида Доу Э» молодая вдова, Доу Э, признается в убийстве, которого она не совершала, чтобы спасти от пыток свекровь. Перед казнью, назначенной на летний день, она воскликнула, что небеса докажут ее невиновность, послав снегопад и трехлетнюю засуху. И тут выяснилось, что судебный исполнитель, пересматривающий дело, не кто иной, как ее отец, который много лет назад продал Доу Э, чтобы получить деньги на поездку к месту сдачи экзаменов. К жизни дочь уже не вернут, но он добивается суда над настоящими злодеями.

Такие драмы любили как за лиричность монологов, так и за сюжеты. На пути к месту казни Доу Э поет о своем состоянии:

*Ведь это великий грех — возвеличивать тех,
чья власть сильна,
и принижать живущих кротко.
Попустительством вашим правосудная лодка
по течению унесена.
О Земля! Разве ты мудра, если не отличаешь
зла от добра, разве ты Земля?!
О Небо! Велика твоя слепота, тобою попрана
чистота,
разве ты Небо?!
Горька судьбина моя, по щекам струятся два
слезных ручья — я остаюсь одна!¹*

Некоторые видят в драмах типа «Обиды Доу Э» протест против монгольского правления, но сказки о несправедливости были широко распространены и во времена китайских династий.

Несмотря на то что китайцы любили драму и оперу, сами артисты обладали невысоким социальным статусом. Певцы и актеры находились на одном уровне с проститутками, попадая в низшую категорию людей, которым было запрещено сочетаться браком с нормальными гражданами, а их детей и внуков не допускали к экзаменам для поступления на гражданскую службу. Играющих на публике женщин считали немногим лучше проституток, и такое отношение привело к распространению практики исполнения женских ролей мужчинами. Но исполнявших женские роли мужчин считали гомосексуалистами, что усиливало ассоциацию между театром и беспорядочными половыми связями. Некоторые люди оказывались в театральной среде с рождения, появившись на свет в семьях актеров. Других с детства обучали импресарио, которые для этого покупали их у родителей.

Эта иллюстрация к пьесе «Обида Доу Э» из издания времен Мин показывает эротические моменты истории о страданиях Доу Э

¹ Гуань Хань-цин. Обида Доу Э / Пер. Е. Витковского // Классическая драма Востока. – М., 1970. – С. 263–307.

▲ Герои театральных представлений были одеты в тщательно продуманные костюмы, на их лица наносился грим в соответствии с ролями, которые они играли. Эти актеры изображены на большой фреске в зале храма Гуаншэн в Хунтуне (провинция Шаньси). Фреска относится к периоду династии Юань

Рассказчики и кукловоды развлекали горожан теми же историями, которые драматурги перерабатывали в отшлифованные тексты пьес. ► Фрагмент из свитка XIV в., иллюстрация выполнена на бумаге тушью и красками

ПРЕДЕЛ АБСОЛЮТИЗМА

Династия Мин (1368–1644)

После распада империи монголов и краха династии Юань Китай получил передышку от власти чужеземных правителей. Династия Мин (1368–1644), основанной вчерашним бедным крестьянином (впоследствии мятежным генералом), удалось захватить власть над всем Китаем и даже расширить границы страны на юго-западе. Первые императоры династии Мин прибегали к террору, чтобы сохранить контроль над огромной империей и держать чиновников в повиновении. Несмотря на деспотизм правителей, степень конкуренции за право быть чиновником превышала уровень, достигнутый в эпоху империи Сун. Культурная жизнь бурлила в районе дельты Янцзы, где шел процесс урбанизации, там развивалось книгопечатание и расширялась международная морская торговля. Нелюбовь правителей Мин к коммерции и стремление ограничить торговлю с другими странами рамками дани не остановили вход Китая в стремительно растущую международную торговую систему. Высокий спрос на китайский шелк и фарфор определил приток серебра в казну и ускорил развитие денежных отношений в Китае. Это породило масштабные последствия в общественной и культурной жизни страны, вызвавшие нарушение социального порядка в XVII в.

ОСНОВАНИЕ ДИНАСТИИ Мин Тай-цзу и ДЕСПОТИЗМ

В китайской истории встречались редкие моменты, когда ход дальнейших событий зависел от одного человека. Такой личностью стал основатель династии Мин Чжу Юаньчжан (1328–1398) (в литературе распространено его храмовое имя Тай-цзу и название периода правления — Хуньфу). Это был первый в истории Китая император, вышедший из простого народа. Он оказался прозорливым, трудолюбивым и безжалостным, о бедности знал не понаслышке. Его нуждающиеся родители переезжали с места на место в поисках работы, скрываясь от сборщиков налогов; они были вынуждены продать нескольких детей, не имея возможности их прокормить. Чжу осиротел в шестнадцать лет, когда внезапно изменилось русло Хуанхэ, что вызвало наводнения, голод и эпидемии. В это время у Тай-цзу не было средств даже на погребение родителей. После долгих скитаний он попал в буддийский монастырь, но монахи сами находились в затруднении и вскоре отправили новообращенных собирать милостыню. Спустя несколько лет бродяжничества по восточной и центральной Азии Тай-цзу вернулся в монастырь, где пробыл три или четыре года, пока юаньские войска не сожгли обитель в результате подавления местного мятежа. Вновь лишившись крова, в 1352 г. Тай-цзу вступил в группу мятежников, связанных с движением «Красных повязок». Его возглавляли адепты Учения Белого лотоса, заимствовавшего идеи манихейства и народного культа Будды Майтрейи, а также конфуцианские

и даосские символы. В отряде Тай-цзу быстро занял видное положение, особенно после женитьбы на приемной дочери командира. В 1335 г., после смерти военачальника, Тай-цзу принял на себя командование отрядом и на следующий год захватил Нанкин. Тогда же он принял на службу небольшую группу способных солдат крестьянского происхождения и несколько образованных человек, ставших его советниками.

Используя Нанкин в качестве военной базы, Тай-цзу постепенно разгромил других местных лидеров и оказался самым влиятельным человеком на юго-востоке Китая, где номинально признавались династические притязания предводителя «Красных повязок». После смерти лидера движения в 1367 г. (несколько подозрительной, произошедшей, когда тот был в гостях у Тай-цзу) будущий император откровенно дал понять, что имеет намерение занять трон, отправив армию в монгольскую столицу Даду, расположенную на месте современного Пекина. Правитель Юань сбежал вместе с двором обратно в Монголию. Дальнейшие попытки императора Мин разбить монголов были бесплодны, и власть династии не распространилась на Внутреннюю Азию. В 1368 г., после получения контроля над Пекином, Тай-цзу разрушил дворцы и провозгласил новую династию Мин. Столицей он сделал Нанкин, и Мин стала первой династией, правившей объединенным Китаем с южного берега Янцзы. Население Нанкина возросло от 100 тыс. до 1 млн жителей. Тай-цзу возвел вокруг города огромные стены, протяженностью около 50 км, внутри построил дворцы и другие правительственные здания.

Под влиянием, как может показаться, даосских учений о небесных правителях Тай-цзу старался возвысить положение императора. Своей задачей он считал создание общества, где народ подчиняется руководителю, а творящих зло сразу наказывают. Другими словами, это отличалось от того аморального, полного насилия мира, который он знал. Император требовал от чиновников опускаться на колени при обращении к нему и без колебаний отдавал приказы о телесных наказаниях. Чтобы ослабить давление государства на бедные слои населения, он приказал провести полномасштабную перепись жителей и освоенных земель. Это был первый шаг на пути к справедливому распределению налогов и повинностей. Тай-цзу искал любую возможность сократить государственные расходы. Армия численностью более двух миллионов солдат состояла на самообеспечении: семьям воинов выделялись участки под земледелие. Держать под контролем расходы бюрократической системы помогала структура наследственных хозяйств, удовлетворявших потребности дворца и правительства,

Враги императора рисовали его уродливым и рябым, с выступающей нижней челюстью. Несмотря на то что сохранившиеся парадные портреты свидетельствуют о величавости Тай-цзу, такой же, как и у других императоров, прочие изображения соответствуют самым негативным описаниям

которую ввела династия Юань. Сходные принципы применялись на местном уровне: обеспеченные деревенские семейства обязывались без вознаграждения осуществлять судебные и полицейские функции, а также собирать налоги. Тай-цзу одобрял такую схему службы в деревнях, она позволяла местным сообществам защититься от алчных сборщиков налогов. Жители сами отвечали за раскладку налогов, их сбор и доставку. Тай-цзу считал, что ограничение государственного вмешательства в общественную жизнь было бы возможно, если бы люди придерживались традиционных этических норм, социальной иерархии и жили вместе в гармонии. С этой целью он опубликовал наставления, которые старейшины деревенских общин должны были зачитывать жителям, призывая их почитать родителей, жить в гармонии с соседями, заниматься своим делом и воздерживаться от плохих поступков.

На торговую и ученую элиту симпатии Тай-цзу не распространялись. Богатая и цивилизованная юго-восточная область вокруг города Сучжоу (провинция Цзянсу) облагалась непомерными налогами, и тысячи обеспеченных семей были вынуждены переселяться в другие места, преимущественно в новую столицу Нанкин. В 1371 г. Тай-цзу сетовал по поводу 120 цзиньши, отобранных в процессе вступительных экзаменов на гражданскую службу: «Мы честно старались найти достойных, но империя ответила тем, что прислала пустословов». Он приостановил экзамены более чем на десять лет и приказал переиздать трактат «Мэн-цзы», исключив восемьдесят пять разделов, намекающих на ограничение власти правителя. Однажды, после восстановления системы экзаменов, Тай-цзу приказал казнить главного экзаменатора, когда выяснилось, что степень *цзиньши* получили только кандидаты с юга.

Когда обилие проблем завело Тай-цзу в тупик, он начал подозревать заговоры или тайные насмешки в свой адрес. Дворцовую гвардию он превратил в тайную полицейскую службу, призванную шпионить за чиновниками и раскрывать политические преступления. В 1380 г. император казнил главу министерства и всех, даже отдаленно связанных с ним как возможных сообщников. За четырнадцать лет, пока шло расследование, более 30 тыс. человек лишилось жизни. Еще две чистки унесли около 70 тыс. жизней. Возобновление китайского правления обернулось кошмаром для чиновников.

Репрессии были направлены не только на власть имущих: Тай-цзу проводил чистки среди мелких служащих, курьеров, охранников и тех, кто исполнял приказания чиновников, а также контролировал простых людей, имевших доступ к этим чиновникам. В одном из своих обращений император объявляет себя призванным очистить мир от злых людей:

«Утром я наказываю нескольких человек, к вечеру другие совершают то же преступление. Я наказываю их утром, а к следующему утру опять появляются нарушения. Трупы первых еще не убраны, но другие уже идут их дорогой. Чем жестче наказание, тем сильнее нарушение. Я не могу отдохнуть ни ночью, ни днем. Из этой ситуации нет выхода. Если я введу мягкие наказания, они совершат еще более тяжкие преступления. Тогда как же люди, не состоящие в правительстве, смогут вести мирную жизнь? Насколько сложна

эта ситуация! Если я накажу этих людей, меня будут считать тираном. Если я проявлю мягкость по отношению к ним, закон станет неэффективным, порядок нарушится, а народ будет считать меня бездарным правителем».

Тай-цзу не доверял главе министерства и взял на себя контроль над исполнительной властью, обсуждая малые и большие дела непосредственно с чиновниками. Как и первый император Цинь, Тай-цзу занимался огромными объемами бумажной работы и истощил свой организм, единолично управляя всеми делами.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Тай-цзу завещал наследникам сохранить нетронутыми созданные им учреждения, но они не исполнили его наказа. Нанкин оставался столицей менее столетия. После Тай-цзу на трон взошел его законный наследник (15-летний сын его покойного первенца), но через три года дядя нового императора, четвертый сын Тай-цзу по имени Чэн-цзу, развязал гражданскую войну с целью захватить трон. Чэн-цзу перенес столицу в Пекин, где имел политическую поддержку,

Планировка и композиция дворцового комплекса Мин в Пекине сохранились в первоначальном виде со времен правителей следующей династии Цинь. Сегодня гости Пекина могут прогуляться по упорядоченным внутренним дворам и залам, где жили и вершили государственные дела двадцать четыре императора

и перевел Нанкин в разряд второго по значимости города. Пекин стал императорской резиденцией и средоточием военной силы, а в Нанкине решались финансовые вопросы и велся надзор за тем, как более бедный север снабжается налоговыми поступлениями с зажиточного юга. Для возведения стен и дворцов Пекина привлекались сотни тысяч рабочих. Город состоял из нескольких частей, заключенных одна в другую: главный зал дворца был серединой дворцового комплекса (Запретного города), этот комплекс являлся центром правительственного района (Императорского города), который в свою очередь был центром Пекина. Движение внутрь и за пределы этих замкнутых частей ограничивалось воротами в стенах. В 1553 г. к южной части комплекса был добавлен Внешний город с собственными стенами и воротами, и занятая Пекином территория достигла 46 км². Для снабжения столицы зерном через западный Шаньдун был подведен Великий канал, на котором соорудили пятнадцать шлюзов — настоящий триумф инженерной мысли того времени. 15 тыс. кораблей и 160 тыс. бурлаков, которые тянули за канаты нагруженные баржи там, где в этом была необходимость, стали жизненно важным звеном для обеспечения столицы.

Организация Тай-цзу, основанная на бесплатном труде, довольно долго вызывала головную боль у последующих руководителей администрации Мин. Чиновники местного уровня обнаружили, что чрезмерно сократились легальные источники доходов, и, чтобы обеспечить работу основных служб, они были вынуждены ввести новые налоги, не предусмотренные законом. Это привело к злоупотреблениям, которые Тай-цзу хотел предотвратить. Простые хозяйства нередко разорялись под непосильным бременем оброков, крестьяне страдали от огромных налогов и трудились на постоянных дворах, где во время своих путешествий останавливались чиновники. В результате были проведены реформы, и многие повинности были заменены денежным налогом. Армия наследственных воинов-земледельцев лишилась способности поддерживать самодовольствие и оставаться при этом эффективной военной силой. Воины, не получавшие жалованья, дезертировали или продавали свою землю, поэтому пришлось сформировать наемную армию. Управление финансами оказалось неэффективным, правительству, в частности, не удалось компенсировать бумажной валютой недостаток денежных средств и обеспечить защиту от фальшивомонетчиков. В конце концов, бумажные деньги отменили, и правительство вернуло в обращение серебряные слитки.

План Тай-цзу по решению проблемы политического влияния дворцовых евнухов также не был воплощен в жизнь. Он считал, что евнухам нельзя позволять учиться читать или вмешиваться в политику, однако те не только десятилетиями управляли огромными дворцовыми мастерскими, но и играли главную роль в военных делах, принимая участие даже в назначении и продвижении чиновников. За последний век правления Мин на государственной службе состояло 70 тыс. евнухов, из них 10 тыс. — в столице. У них была собственная иерархия, близкая к бюрократической, однако она не контролировалась государством. Для них была учреждена школа, и многие из евнухов стали экспертами в бюрократических процедурах и формах документов. Они занимали должности в Церемониальном ведомстве, в обязанности его главы входило управление дворцовыми покоем

и распорядком дня императора. С позволения императора глава Ведомства иногда получал контроль над служащими, и в этом случае его приказы распространялись даже на чиновников. Самые негативные последствия вмешательство евнухов в важные государственные дела имело во времена правления Гуан-цзуна, известного под именем Ваньли (годы правления: 1573–1620). Устав конфликтовать с вечно недовольными высокопоставленными чиновниками, он прекратил заниматься государственными делами. Ваньли не читал тех бумаг, что ему подносили, и пустил на самотек назначения на ключевые позиции в правительстве. Он позволил евнухам собирать налоги в провинциях, и его не беспокоила травля обеспеченных семейств.

В то время как мыслящие чиновники династии Мин пытались наладить неправильно построенную систему, общество и экономика страны продолжали развиваться. За время правления династии Мин население Китая увеличилось более чем вдвое: в начале периода численность составляла 60–80 млн, в конце — 150–200 млн человек. По всей стране стали появляться небольшие торговые города. Общины начали использовать дешевый водный транспорт и производить продукты на продажу, усилилась специализация регионов. К XVII в. область дельты Янцзы превратилась в центр производства хлопка и шелка, прибрежная провинция Фуцзянь стала основным поставщиком табака и сахарного тростника, а фарфоровое производство в Цзиндэчжэне достигло невиданных ранее объемов. Все это происходило несмотря на давление властей в отношении прибыльных и динамично развивающихся предприятий.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА

С приходом к власти династии Мин юго-западные провинции Юньнань и Гуйчжоу стали частью китайского государства. В 1253 г. монголы разбили царство Дали и включили его в свою империю, поселив в нем более 50 тыс. солдат с семьями, в том числе мусульман с северо-запада. Этот опыт увольнения солдат по завершении кампаний позднее повторила династия Мин, после завоевания региона в 1381 г. К концу XIV в. 200 тыс. военным колонистам для заселения предоставили не менее двух миллионов *му* (около 140 тыс. га) в Юньнани и Гуйчжоу. В XV и XVI вв. здесь обосновались еще полмиллиона спонсируемых государством военных колонистов с семьями из провинций Шаньси, Шаньдун, Цзянсу и Фуцзянь. Переселение изменило этнический состав области: в начале правления Мин в провинциях Юньнань и Гуйчжоу из 3 млн жителей более 500 тыс. не являлись ханьцами. Колонисты осваивали земли вокруг поселений, что вызывало определенные трения, но способствовало ассимиляции.

В приграничных зонах, особенно на юго-западе, правительство Мин продолжало вести политику двойного управления. Провинции, где преобладало китайское население, находились под контролем уездных и окружных администраций, отслеживающих соблюдение буквы закона и системы налогообложения. В управление областями, напрямую подчинявшимися центральному правительству, династия Мин не вмешивалась, поскольку здесь власть принадлежала

Во времена династии Мин возросло значение морских связей Китая с другими государствами. Сначала Китай снаряжал длительные морские походы, к концу правления династии в страну по морю издалека приплывали

торговцы и искатели приключений. Кроме защиты северных границ от кочевников, в эпоху Мин государству пришлось беспокоиться об охране южного побережья от пиратов и контрабандистов

потомственным вождям. Вожди обеспечивали порядок и помогали династии Мин бороться с племенами, нарушавшими мир, и выплачивать дань, в обмен на которую они получали много товаров. Центральное правительство Мин играло роль удаленного повелителя, которому не было надобности контролировать каждый шаг подчиненных и затрачивать большие материальные средства.

Для местных лидеров и правительства Мин в этой квазифеодальной системе были заключены очевидные плюсы, но поселенцев и местных жителей она провоцировала на жесткие столкновения наподобие тех, что происходили на американском Западе. Некоторые китайцы эксплуатировали местное население, а те, в свою очередь, грабили и запугивали китайских поселенцев и торговцев, осмелившихся попасть в их анклав. Самые масштабные восстания произошли между 1464 и 1466 г., когда племена мяо и яо, заселявшие провинции Гуанси, Гуандун, Сычуань, Хунань и Гуйчжоу, покинули удаленные приграничные области и напали на густонаселенные города. Придя к выводу, что прежняя примиренческая политика усугубила проблему, военный министр решил применить силовой метод: 30 тыс. солдат, в том числе тысяча монгольских всадников, были собраны в Нанкине и отправлены в Гуанси, где к ним присоединилась армия в 160 тыс. человек. Атаковав опорный пункт яо, расположенный в ущелье среди покрытых лесами гор, они захватили вождя и 800 его соратников. Повстанцев отправили в Пекин и казнили, затем армия отправилась усмирять соседние провинции.

Не все китайские чиновники поддерживали политику подавления племен с помощью оружия. В 1479 г. один из них заявил, что конфликт на юге Сычуани произошел в результате решения правительства Мин назначить туда чиновников, не знакомых с местным населением и не знавших его языка. Он сообщил, что военные столкновения привели к смерти 270 местных лидеров. Это привело к лютой ненависти по отношению к китайцам, к разбою и грабежам: «Схватив китайца, они привязывают его к дереву и расстреливают из луков со словами: „Ты слишком долго причинял нам зло!“». Другие политики искали золотую середину между сохранением автономии местных племен и их полным подчинением. Чиновник-философ Ван Янмин, один из участников подавления мятежей мяо в Гуанси, выступал за то, чтобы местные лидеры и китайские чиновники управляли землями сообща, это позволило бы постепенно сплотить народ. По поводу обособленных племен он говорил следующее: «Ввести прямое гражданское управление ханьцев — это все равно, что согнать оленей в один дом и попытаться их приручить. В результате они просто разрушат ваши алтари, перевернут столы и в страхе умчатся прочь». С другой стороны, нельзя было пустить дело на самотек, поскольку это могло быть равносильно тому, как если бы оленей освободили, но не установили оград, которые защитили бы от вытаптывания обработанные поля.

В основе самоидентификации китайцев было их представление о себе как о единой цивилизации, а не как о жителях той или иной местности, это касалось образованных и простых слоев населения. Мигранты прибывали из удаленных областей Китая и замечали не только различия в диалектах и обычаях, но и в прочих, присущих ханьцам чертах. На юго-западе китайские иммигранты

и местное население находились в более тесном контакте, а значит, здесь процесс культурного обмена шел более интенсивно. Это привело к возникновению новых диалектов и национальных особенностей, где преобладали черты культуры ханьцев, но существовали и традиции местных народов.

Жизнь образованной элиты

Несмотря на то что бюрократическая система Мин насквозь прогнила и сделать в ней карьеру без риска было практически невозможно, поток образованных людей, желавших поступить на службу, не иссякал. Поэтому экзамены на ученую степень продолжали играть важную роль в жизни элиты.

Экзамены эпохи Мин примечательны своей стабильностью. Прежде всего проверялись знания «Четверокнижия» («Лунь юй», «Мэн-цзы», «Учение о середине» и «Великое учение») в интерпретации Чжу Си, ученого династии Сун. Тот факт, что учитывалось мнение только одного ученого, снижал уровень интеллектуальной подготовки и оценки знаний, создавая большее несоответствие между подготовкой к экзаменам и достоинствами интеллекта, чем в эпоху Сун. Экзамены перестали выявлять литературные способности, особенно после 1487 г., когда вышло постановление, в соответствии с которым эссе следовало писать, придерживаясь определенного стиля, а поскольку оно должно было состоять из восьми частей, этот стиль окрестили «восьмипалым». Экзамены отличались географическим и социальным размахом. Чтобы избежать чрезмерного присутствия высокообразованных выходцев из обеспеченных регионов страны и гарантировать

Шансы на успешную сдачу экзаменов увеличивали уловки, например нижнее белье, на которое мелким шрифтом нанесены тексты классических произведений. Эта «рубашка-шпаргалка», вероятно, относится к XIX в., но сама практика возникла намного раньше

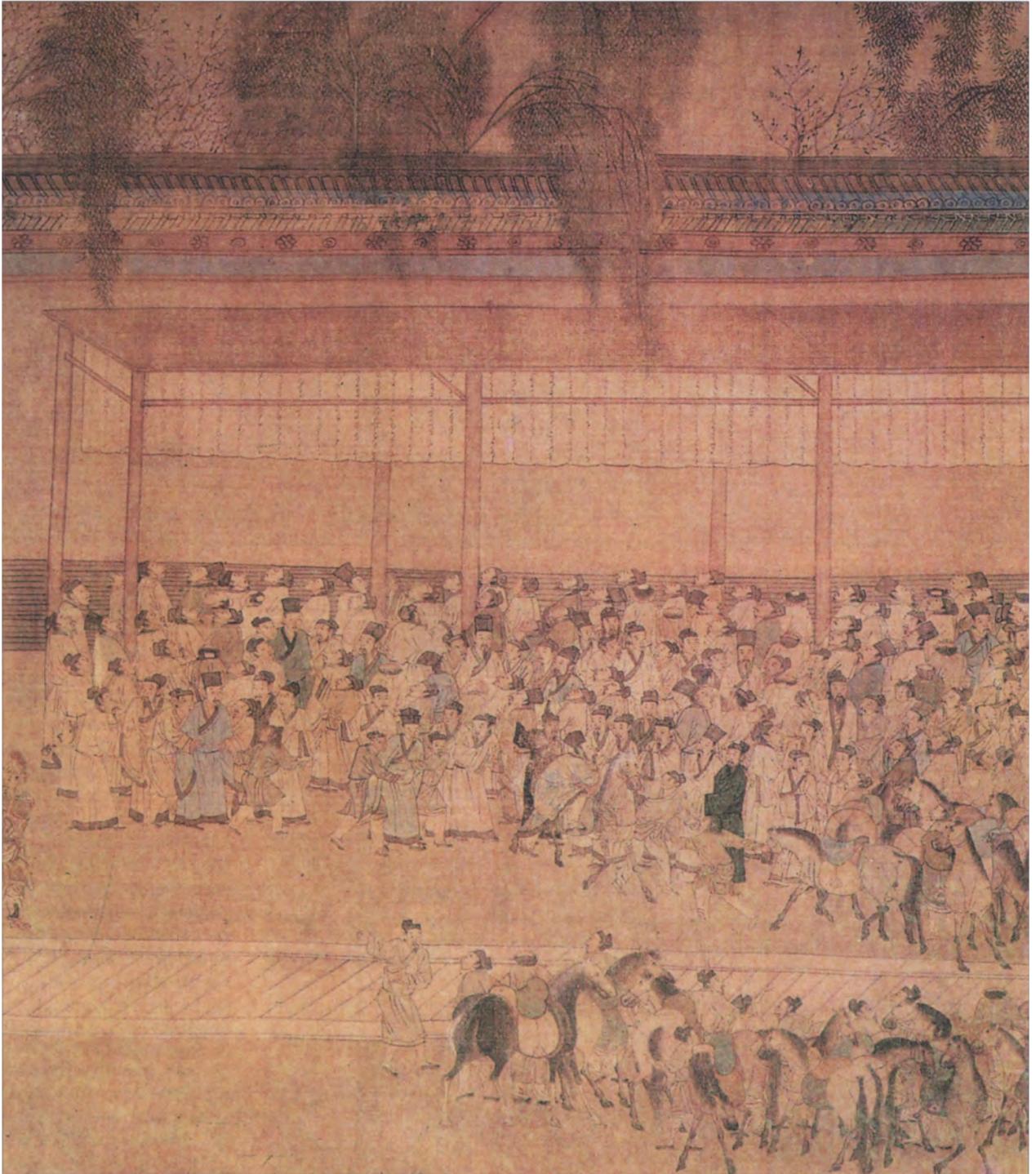

участие даже самых отсталых регионов, были введены квоты. Важно, что в эпоху Мин к системе ученых званий добавилась новая нижняя ступень — так называемые правительственные студенты, *шэньюань*. Получение этой степени после успешного прохождения экзаменов на местах значительно увеличило количество обладателей более высоких степеней. К XVI в. правительственных студентов было более 100 тыс. (один на 300–400 взрослых мужчин). Их отличали по головным уборам и поясам, они освобождались от трудовой повинности и иногда получали стипендии. Звание давало им положение в общинах и в образованных кругах. В случае материального затруднения студент, в соответствии со званием, мог получить работу учителя в обеспеченной семье. Примерно 10 % студентов, выдержавших экзамен на местном уровне (*цзюйжэнь*), наделялись немалыми привилегиями, в том числе правом баллотироваться на государственный пост нижнего уровня, не сдавая экзамена на звание *цзиньши*, который принимали в столице. Общее количество *цзиньши* обычно составляло от двух до четырех тысяч, то есть по одному человеку на десять тысяч мужчин.

Благодаря тому что при получении чиновничьих должностей ключевую роль играли экзамены, для элиты богатство значения не имело. Государственный пост позволял увеличить доход семьи, а поскольку имущество передавалось по наследству, семьи чиновников жили лучше остальных. Как и во времена Сун, когда иерархия строилась из уездов, несколько ключевых семейств, владеющих землей, постепенно заняли большую долю высоких государственных постов. Например, в одном из округов провинции Аньхуэй в период правления Мин девятнадцать из восьмидесяти пяти *цзиньши* были выходцами из трех семейств.

У богатых была возможность сочетать искусство и литературу с обучением и государственной службой. В 1570 г. «Четыре великих семейства» Сучжоу

В возрасте восьмидесяти лет ученый-чиновник Вэнь Чжэнмин (1470–1559) изобразил тушью на бумаге старый кряжистый кипарис и крепкую скалу, по-новому интерпретировав эти давно известные символы выносливости. В левом верхнем углу рисунка эта идея передана в поэтическом фрагменте: «Прогнувшиеся под тяжестью снега, покореженные морозом, с течением времени его ветки искривились, его крона склонилась, но его сила непоколебима»

Преисполненные надежды кандидаты толпятся у стены, где вывешены результаты экзаменов на ученую степень. Фрагмент шелкового свитка, расписанного тушью и красками, вероятно, принадлежит кисти Цю Ина (годы творчества: 1530–1552)

пригласили местных интеллектуалов ознакомиться с коллекцией старинных бронзовых изделий и других антикварных вещей. Такие состоятельные семейства жили в великолепных домах, окруженных садом и обнесенных стенами. В отличие от сельских и городских особняков Европы, эти городские убежища были не особенно привлекательными снаружи. Только гости, приглашенные внутрь, за высокие стены, могли увидеть фантастические миры, созданные внутри маленьких внутренних двори-ков. Туда можно было попасть, двигаясь зигзагообразно по крытым галереям, кое-где прерванным декоративными окнами, открывающими взгляду следующие миры. В крошечных садах, заключенных в этих комплексах, можно было найти бамбук или сливовое дерево, а также валуны, которые здесь символизировали горы.

В этой среде утвердился идеал любителя, уже присутствовавший ранее в художественных кругах династий Тан и Сун. Великие художники-интеллектуалы, такие как Шэнь Чжоу, Вэнь Чжэнмин и Дун Цичан, были хорошо знакомы с классикой, работами и стилями великих поэтов и каллиграфов прошлых лет. Они пытались наполнить смыслом пейзажи, сады, деревья, скалы и другие изображаемые ими сцены. Они привлекали множество учеников и последователей, как любителей, рисовавших для самовыражения и делавших карьеру в других областях, так и людей, решивших посвятить свою жизнь живописи. Стало возможным заработать на жизнь рисованием, цена на произведения известных художников была высока. Один состоятельный человек, планируя празднование восьмидесятилетия своей матери, заплатил знаменитому художнику Цю Ину около 3 кг серебра, чтобы по случаю юбилея тот нарисовал картину на длинном свитке. Высоко ценились и старые произведения живописи: один человек, продав четыре свитка Шэнь Чжоу, известного художника предшествовавшего поколения, приобрел земельный участок.

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

Тяготение интеллектуалов к перфекционизму объяснялось их попыткой усилить различие между образованной элитой и народом, которое потихоньку размывал городской стиль жизни, всплеск книгопечатания и развитие народной литературы. В начале XVII в. итальянский миссионер Маттео Риччи рассуждал по поводу «неимоверного количества книг, находящихся здесь в обращении, и удивительно низких цен на них». На печатника Мао Цзиня работали почти 20 мастеров, он выпустил не менее 600 наименований книг, используя при этом свыше 100 тыс. деревянных блоков для печатания. Все больше книг издавалось

Мастерство, с которым во времена Мин из твердых пород дерева изготавливали мебель, было непревзойденным. Этот «чиновничий» стул собран из тончайших пластин твердой древесины хуанхуали, которая имеет естественный прекрасный узор. Это дерево растет на острове Хайнань, что южнее провинции Гуандун. Сиденье и спинка украшены барельефом с изображением драконов и облаков. При создании такой мебели обходились без металлических гвоздей, а детали соединялись между собой с помощью искусно подогнанных гребней и пазов

с расчетом на нижний сегмент рынка. В богато иллюстрированных домашних справочниках можно было найти всё: от таблиц умножения и правил проведения похорон до текста контракта на покупку водяного буйвола. Популярными религиозными трактатами содержали схемы расчета нравственной ценности, где люди определяли свою судьбу, сравнивая хорошие и плохие дела. Для школьников издавались словари начального уровня. Кандидатам на получение ученой степени предназначались недорогие тома конфуцианской классики, а также сборники правильных экзаменационных ответов.

В XVI и XVII вв. многие книги выходили на народном китайском языке. До этих пор книги, написанные кратким и иносказательным классическим литературным языком (использовался и для официальных документов), свободно читать мог лишь тот, кто посвятил учебе годы. Но существовала и более обширная аудитория, желавшая читать художественную литературу, написанную в соответствии с грамматическими правилами и бытовым словарным запасом. Сюда входили женщины из образованных семейств, торговцы, мелкие банковские служащие и все, кто имел хотя бы начальное образование. Большой популярностью стали пользоваться сборники коротких историй, часто юмористических, написанных предпринимателем Фэн Мэнлуном и им самим изданных, их героями выступали служащие и бандиты, правители и монахи, придворные и привидения.

Драматические произведения также находили свою аудиторию. Особенно популярны были истории о любви и социальные сатиры Тан Сянь-цзу. «Сон Хань Тяня» повествует о юноше, который засыпает, пока варится каша из проса. Он видит во сне всю свою жизнь: лучше всех сдает экзамен, совершает великие поступки на посту чиновника, на него клеветают и приговаривают к смерти, затем оправдывают и повышают по службе. Оказавшись на пороге смерти, юноша просыпается и видит, что его просо почти готово. Тут он осознает, что жизнь так же быстротечна, как сон. В своей самой популярной пьесе «Пионовая беседа» Тан рассказывает историю Ду Линяна, дочери высокопоставленного чиновника, мечтавшей о молодом ученом, с которым она познакомилась. Она чахнет от любви и, в конце концов, умирает, но перед смертью успевает закопать в саду свой портрет. Позднее молодой ученый вновь приходит в дом ее семьи, находит портрет и влюбляется в него. Девушка начинает являться ему во снах. Однажды она велит ему открыть гроб, где он обнаруживает ее живой и прекрасной как никогда. Страсть молодого ученого вернула девушку к жизни. После ряда злоключений пьеса заканчивается счастливо: юноша оказывается первым на экзаменах, и семья девушки принимает его.

В эпоху Мин стали появляться романы. Сюжеты первых из них в основном были заимствованы из уже известных устных рассказов. Среди величайших романов эпохи Мин (авторы не установлены) можно назвать «Речные заводы» (Шуйху чжуань) — о банде разбойников времен Сун; «Троецарствие» (Саньго чжи яньи) — о борьбе за власть в конце династии Хань, «Путешествие на Запад» (Сиюйцзи) — о фантастическом путешествии в Индию, которое во времена Тан совершили буддийский паломник и его обладающая магической силой обезьяна, «Цзинь, Пин, Мэй» — эротическая сказка о похотливом торговце, его жене и наложницах.

В конце династии Мин популярность народной литературы повлияла на формирование культурных стереотипов. Образованные мужчины и женщины нередко имитировали действия вымышленных героев и судили себя и других по образцам безупречного поведения, которого ожидают от литературных героев. Некоторые мужчины и женщины упорно идеализировали романтические привязанности к людям, вещам или делам. Чжан Дай зашел так далеко, что утверждал следующее: «Невозможно сойтись близко с человеком, который не подвержен одержимости, так как у такого человека нет эмоций». В такой атмосфере процветало творчество куртизанок, сохранилось множество стихотворений конца династии Мин, написанных ими. Писатели идеализировали связи между известными куртизанками и знаменитыми интеллектуалами, такими как Чэнь Цзылун, У Вэйе, Хоу Фанью и Цянь Цяньи. Куртизанки ассоциировались у них с высокими стремлениями и несбывшимися надеждами, они проводили параллель между собственным затруднительным состоянием и унижительным положением этих талантливых, но беспомощных женщин, ожидающих любовника, способного оценить их и освободить.

ФИЛОСОФСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

Одобрительное отношение к страсти, продемонстрированное в «Пионовой беседе», и идеализация куртизанок связаны с важнейшими течениями конфуцианской мысли эпохи Мин. В первой половине этого периода синтез конфуцианства, предложенный Чжу Си, многие ученые и государство считали единственно правильным, «ортодоксальным» конфуцианством. Несколько позже взгляды Чжу Си на метафизику и процесс самосовершенствования были пересмотрены. Это сделал Ван Ян-мин (Ван Шоу-жэнь, 1472–1529), с которого начался период масштабных интеллектуальных дебатов.

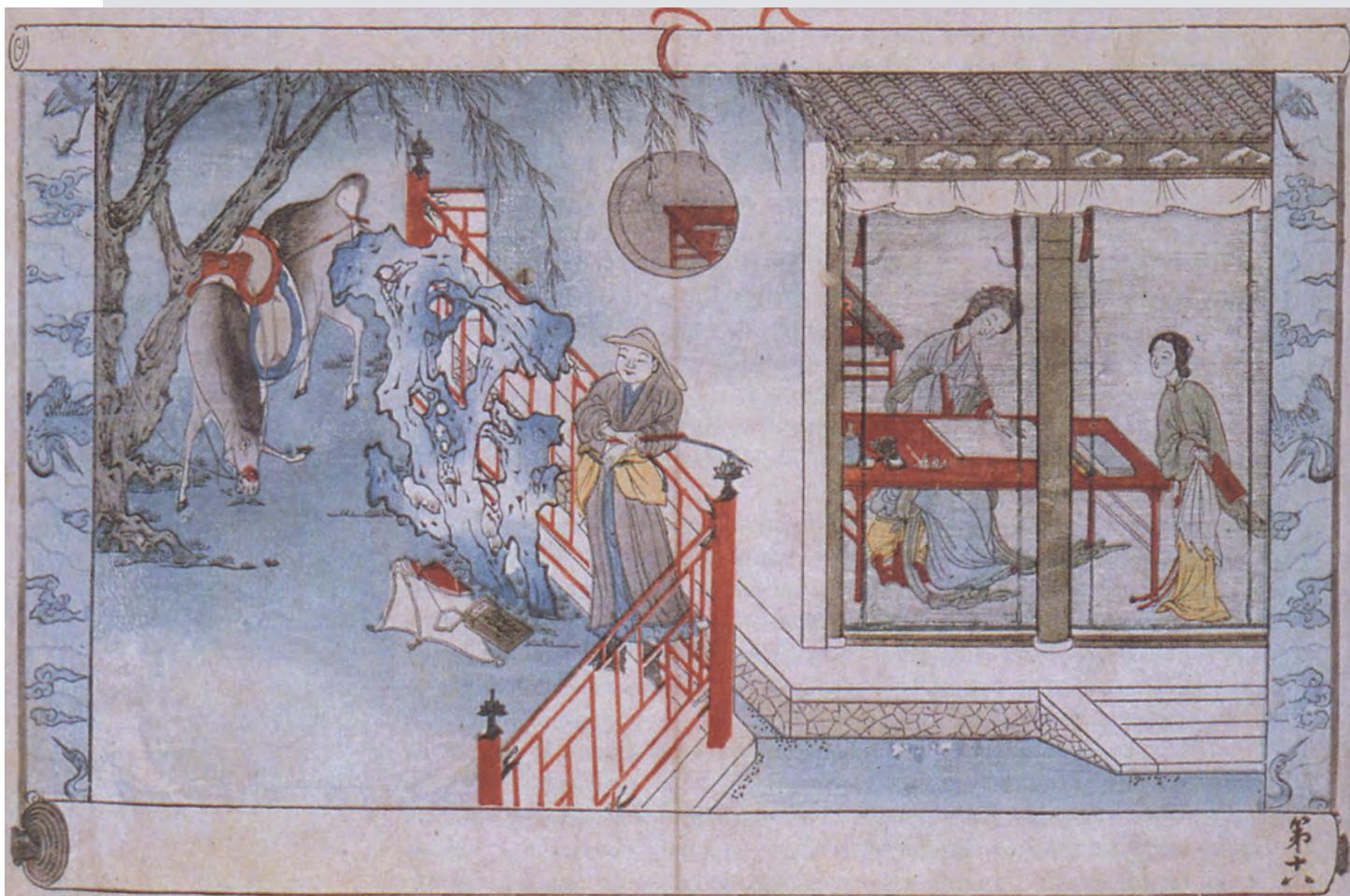
Ван был необычным чиновником. В 18 лет, то есть удивительно рано, он получил степень *цзиньши* и стал стремительно подниматься по карьерной лестнице. Однажды он отважно преподнес трону свой письменный протест против коррумпированного евнуха, обладавшего большой властью. За это Ван был публично высечен и сослан в отдаленную провинцию Гуйчжоу. В ссылке его внезапно посетила идея о врожденных моральных знаниях, которая оказалась вызовом принципам конфуцианства.

Чжу Си считал моральные принципы чем-то постижимым и возможным к реализации только после тщательного рационального исследования событий и вещей, после многолетнего изучения канона и других книг. По мнению Ван Ян-мина, способ мышления и универсальные принципы присутствуют внутри каждого человека. Обнаружить их можно, очистив разум от помех, например от стремления к материальному благополучию, и позволив своему врожденному знанию добра выйти на поверхность. Ван Ян-мин также говорил, что моральное действие происходит независимо от расширения или реализации знания. Истинное знание, утверждал он, — не просто абстрактное умозаключение, оно неотделимо от опыта, человек не постигнет сыновнюю почтительность, если не следует

Книжная иллюстрация

Зарождение искусства иллюстрации обязано быстрому развитию книгопечатания в эпоху Мин. В те времена не существовало закона об авторском праве, поэтому издатель не мог быть уверен в том, что другие не будут продавать такую же книгу. Чтобы в условиях конкуренции привлечь клиента к своим произведениям, издатели нанимали художников для иллюстрирования книг. Рисунки вырезались на деревянных

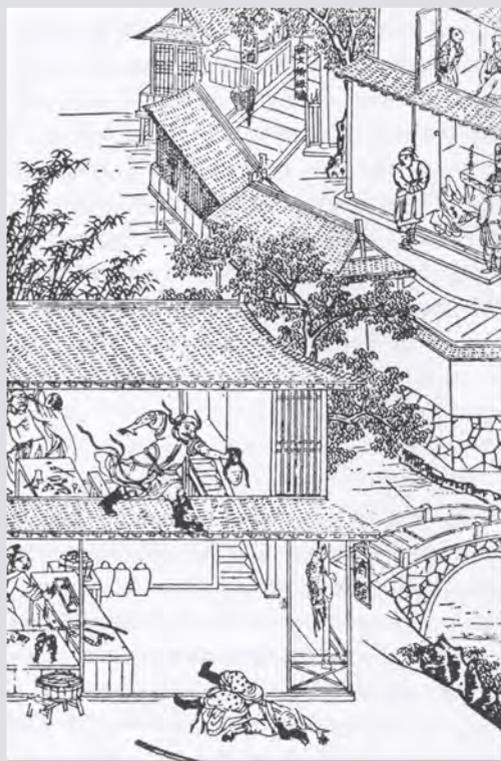
блоках и печатались вместе с текстом книги. Мастерство быстро совершенствовалось, поскольку издатели отводили иллюстрациям все больше места. К XVII в. стали появляться книги с многоцветными иллюстрациями. Цветная печать обходилась дорого, так как для каждого цвета требовалось вырезать отдельный блок и во время печати аккуратно совместить оттиски на листе бумаги.

На иллюстрации к изданию пьесы «Западный флигель» (Сисян цзи) 1640 г. (внизу) изображена Цуй Инъин, поручающая служанке передать письмо молодому ученому Чжан Гуну как награду за усилия завоевать ее внимание

Иллюстрации служили для того, чтобы привлечь читателей к книгам разного типа. Изображение крестьян, празднующих сбор урожая, оживляло «Иллюстрированный краткий справочник» 1593 г., полный информации о сельском хозяйстве, медицине, кулинарии и других практических навыках (слева). Технология добычи угля была проиллюстрирована в книге «О естественном происхождении вещей», где были обобщены знания по технике ремесленного производства (Тяньгун кайу) 1637 г. (справа). Сцена вооруженного налета взята из издания популярного романа конца эпохи Мин о шайке разбойников-повстанцев «Речные заводы» (Шуйху чжуань) (внизу слева). Иллюстрация к уроку лексики взята из шестнадцатистраничного учебника «Переиздание словаря четырех символов» 1436 г. (внизу справа)

нужным предписаниям, это как непонимание, что такое боль, пока не испытаешь ее. Разделение доброго и злого наставляет на совершение правильных поступков, поскольку человек будет действовать, опираясь на собственный опыт.

Ван Ян-мин считал, что моральные ценности имеются у человека с рождения; из этой предпосылки вытекает, что мудрость существует внутри каждого, и образованные люди не имеют в этом отношении никакого преимущества. Более того, самосовершенствование осуществимо даже на бытовом уровне. Когда один ученый пожаловался Ван Ян-мину, что многочисленные обязанности не дают ему возможности учиться, тот ответил, что нет никакой необходимости оставлять работу, поскольку «настоящее знание можно найти в любом аспекте делопроизводства и юриспруденции. Учеба с отрывом от жизни по-настоящему пуста». Ван хотел, чтобы люди сосредоточились на фундаментальных истинах, понятных даже необразованному человеку, следовало только единожды осознать, что настоящим заблуждением являются вовсе не буддизм или даосизм, а идеи, непонятные простому человеку.

Концепция Ван Ян-мина вызвала большой интерес, а после его смерти последователи по-новому связали ее с конфуцианством. Некоторые внесли дополнения из идей буддизма или даосизма. Другие поставили под вопрос традиционную общественную иерархию, в частности возвышение ученых-чиновников над всеми остальными людьми. Один из самых горячих последователей, Ван Гэнь, энергично доказывал, что социальное положение не ограничивает возможности человека на пути к самосовершенствованию. Он проводил открытые встречи с простыми людьми и учил их песням о том, что стоит только отказаться от эгоистичных желаний и счастье придет. Другой борец с предрассудками, Хэ Синьинь, предлагал ставить торговцев выше крестьян на социальной лестнице и критиковал семью как ограничивающий, эгоистичный и подавляющий институт. Семейные отношения он предлагал заменить дружескими, в них он не видел почвы для иерархии или эгоизма. Ли Чжи решил заново пересмотреть философские основы чувств, страстей и «эго», что было очень близко современным ему литературным течениям. Будучи яростным критиком лицемерия, Ли Чжи считал маловажными общепринятые нормы поведения. Хэ и Ли нажили себе много врагов, оба умерли в тюрьме, обвиненные в распространении опасных идей.

МЕСТНОЕ ОБЩЕСТВО

Со времен Сун постепенно стирались границы между различными слоями населения на местах. И не было ничего удивительного в том, что люди типа Ван Гэня выступают с проповедями перед простым людом. Расстояние между городами-ярмарками сокращалось, а деревни со временем образовали общенациональную рыночную систему. Население самостоятельно формировало школы, религиозные общины, «общественные союзы», где встречались интеллигенция и малограмотные жители деревни.

Родовые общины известны еще со времен Сун. Принципы наследования по мужской линии, конфуцианская оценка родственной солидарности, вопросы

управления земельными владениями и политическая неблагонадежность союзников среди местных жителей — все это заставляло родственников объединять усилия. В смутные времена эта деятельность активизировалась, тогда сильные родовые кланы оказывались единственными, кто мог обеспечить безопасность поселения. Положительно сказывалось участие образованных людей в этих группах, им поручали составление генеалогии, строительство ритуальных залов. Но родственные группы легко распадались, так как для поддержки сплоченности и объединения средств им требовался постоянный лидер. Гораздо большую роль родственные связи играли на юге Китая, где несколько веков назад мигранты селились в таких местах, где нетронутой земли было достаточно для большого количества потомков. Это позволяло им оставаться поблизости друг от друга и поддерживать сплоченность. В провинции Фуцзянь крупные родовые общины существовали в XII в., в некоторых местах провинции Чжэцзян — в XIII в. В Хуэйчжоу провинции Аньхуэй родовые общины процветали в середине правления династии Мин, получая пожертвования от богатых семей торговцев. В Тунчэне, также расположенном в провинции Аньхуэй, но к северу от Янцзы, родственные общины распространились лишь в конце династии Мин. Торговцы играли здесь менее заметную роль, чем успешные чиновники, все усилия которых были направлены на выживание семьи.

К середине эпохи Мин в некоторых регионах страны родственные группы ввели детально разработанные системы контроля над дисциплиной своих членов. Например, в одной области провинции Цзянси такие общины составляли правила, которые закрепляли за лидерами значительные полномочия в разрешении споров, а также властные полномочия. Возродился интерес к «общественным союзам», форме местной ассоциации, пропагандируемой учеными эпохи Сун как наиболее приемлемой с точки зрения морали. Члены группы договаривались помогать друг другу избавляться от недостатков и оказывать помощь в трудную минуту; к тому, кто отказывался сотрудничать, применялись штрафные санкции. В середине эпохи Ван Ян-мин восстановил это понятие в рамках программы умирения мятежей. Последователи Вана широко использовали его как основу своих проповедей в деревнях, убеждая население взять на себя обязательство делать добро.

Для конфуцианцев этическое воспитание имело важное философское значение, следовало приложить усилия и донести до людей мысль, что мудрость есть в каждом, необходимо только достичь более ясного понимания добра и зла. Велика была роль и личной заинтересованности. Многие думали, что моральный уровень общества снижается, враждебность вытесняет уважение, особенно между богатыми и бедными. В середине XVI в. главный секретарь Сюй Цзе сообщал, что землевладельцы и арендаторы смотрят друг на друга как враги, крестьяне отказываются платить ренту, землевладельцы не желают помогать им в неурожай. Несколько десятилетий спустя Люй Кунь замечал, что «в то время как арендаторы просят помощи, землевладельцы повышают арендную ставку». Осознав, что одних только проповедей недостаточно, интеллектуалы принялись за благотворительность, чтобы снять напряжение в обществе. Например, в конце XVI в. один человек организовал «Общество распределения средств», ежемесячные

Великая стена

Ни одна реликвия прошлого в Китае не производит более сильного впечатления, чем Великая Китайская стена. Облицованная кирпичом и камнем, 7,6 м в высоту и ширину, эта стена простирается приблизительно на 24 тыс. км от самой западной точки в Цзяюйгуане (современная провинция Ганьсу) до самой восточной точки в Шаньхайгуане, неподалеку от Пекина. Она строилась для обороны от вражеских набегов, поэтому повсюду на стене расположены большие смотровые башни. Европейцы, увидевшие стену впервые, отмечали ее неимоверную величину. Иезуит-картограф Фердинанд Вербист писал, что «вместе взятые семь чудес света несоизмеримы с этим произведением, и вся молва о Великой стене среди европейцев не идет ни в какое сравнение с тем, что предстало перед моим взором». В XX в. китайцы подхватили эту идею и сделали Великую стену символом железной воли китайцев.

При более внимательном изучении истории можно заметить, что та стена, которую мы видим сегодня, появилась в результате оборонительной концепции времен династии Мин. Еще до династии Хань правители занимались возведением защитных стен. Самым известным был первый император Цинь (Цинь Шихуанди), при котором строительство стен велось крайне неразумно, и позднее его действия были расценены как преступление против китайского народа. Однако последующие династии не поддерживали стену в надлежащем состоянии, поскольку стены, даже массивные, не сдерживали натиска врагов, и другие стратегии обороны были эффективнее с экономической точки зрения. Но во время династии Мин стена оказалась единственным средством защиты от монголов, поэтому ее пришлось перестроить. В основе политики первого столетия династии Мин лежала борьба с монголами, которая заключалась в регулярных нападениях и контроле над торговлей (сбором дани). Эта программа работала с переменным успехом, например, в 1449 г. монголы выиграли решающее сражение в Туму и захватили императора Мин Ин-цзуна. Правительство Мин предпочло избрать нового и не торговаться о выкупе старого императора, но это не избавило государство от монгольской угрозы. Отсутствие взаимопонимания между теми, кто отвергал любой контакт с монголами, и теми, кто настаивал на укреплении торговых отношений как на лучшем способе устранить проблему, в течение нескольких десятилетий не позволяло принять экономически выгодное решение. За эти годы монголы стали еще сильнее. Не имея больше средств атаковать врага, правительство прибегло к реконструкции Великой стены.

Башни между укрепленными секциями Великой стены выполняли функцию сигнальных станций, с их помощью можно было моментально передать сигнал о нападении таких стремительных врагов, как монголы

взносы его членов шли на реализацию социальных проектов, таких как ремонт дорог и мостов, помощь семьям, которым не хватало денег на организацию свадеб или похорон.

Сплотив образованных и простых людей, общественные организации и родственные группы способствовали распространению единых идей, ценностей, моделей поведения среди разных классов. Простые люди познакомились с теорией, но это не означает, что их эксплуатировали или увлекали вопреки их воле. Родственные группы были выгодны ее членам, поэтому они изо всех сил старались сохранить целостность своих общин. Простому земледельцу многое давало его членство во влиятельной группе: зная, что родственники встанут на защиту, сосед не слишком зло ругался, если водный буйвол этого земледельца забредал на его поле. Бытовым нуждам местных жителей могли служить даже общественные организации, поскольку они расширяли контакты с членами элиты.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Вторая половина правления династии Мин совпала с эпохой Великих географических открытий и началом экспансии европейцев. В начале династии Европа еще не представляла угрозы для Азии, и Китай был открыт внешнему миру. Первые императоры Мин не желали раскола на мелкие государства, как это было во времена Сун, и старались укрепить центральное положение Китая в Восточной Азии по модели династий Хань и Тан. Они восстановили вассальную систему, утвердили моральное главенство императора, принимающего дань и жалующего награду. Тай-цзу запретил частную торговлю с иностранцами, и обмен должен был происходить только в рамках даннических отношений. Третий император Мин, Чэн-цзу, отправлял эмиссаров в потенциальные вассальные государства. С 1405 по 1433 г. совершались длительные морские путешествия, возглавляемые преданным евнухом-мусульманином Чжэн Хэ. Огромная флотилия, собранная для первой экспедиции, включала в себя 287 кораблей и 27 тыс. человек, длина самого большого из кораблей составила 134 м. Первые три экспедиции достигли индийских широт. Четвертая ушла до Ормуза в Персидском заливе, а последние три — до восточного побережья Африки. В отличие от европейских морских экспедиций XV в., торговля и исследование не являлись первостепенными мотивами путешествий. Целью служило включение далеких государств в число вассалов и данников Китая. Позднее, когда придворные убедили императоров в неэффективности такого подхода, было принято решение отказаться от флотилии.

Данническая система функционировала лучше всего в отношениях с небольшими и удаленными государствами. Северная граница была нестабильной: китайцы селились на монгольской территории, монголы (служившие в армии Мин) — на китайской, китайские гарнизонные войска занимались контрабандой. Саму пограничную зону китайская армия не контролировала. В 1449 г. император опрометчиво повел своих солдат на монгольскую территорию и в результате оказался в плену, а многие его приближенные были казнены. Столетие спустя Мин

Жители прибрежных областей нередко самостоятельно сражались с пиратами, нападавшими на поселения

оказалась неспособной защитить себя от набегов Алтан-хана. В 1542 г. за месяц Алтан-хан пленил и убил 200 тыс. человек, увел миллион голов скота и лошадей, сжег дотла тысячи домов. По этой причине в XV и XVI вв. правительство Мин вложило огромные средства в реконструкцию Великой стены.

Данническая система предусматривала обязанности и для Китая, который приходил на помощь преданным ему вассальным государствам. Правительство Мин исполняло эти обязательства, но при этом несло большие затраты. В 1407 г. Мин отправила войска во Вьетнам для поддержки терпящей бедствие династии Тран. Ситуация стремительно ухудшалась, и руководство попыталось аннексировать территории, оно отступило только перед лицом вооруженного сопротивления. К концу династии Мин Китай предпринял масштабную кампанию в Корею (1592–1598) для защиты от японцев под предводительством Хидеёси. Это были первые сражения китайцев, в которых применялось ручное огнестрельное оружие, тогда как японцы использовали мушкеты с фитильным замком, скопированные с португальских.

Несмотря на мощь морского флота, проявленную во время экспедиций Чжэн Хэ, во времена Мин с моря Китай охранялся так же плохо, как и северная граница. К XVI в. официальный запрет на международную торговлю столкнулся с международным восточноазиатским морским сообществом, в которое вошли японские, португальские, испанские, голландские и китайские торговцы и искатели приключений. Официально отношения с Японией осуществлялись только через порт Нинбо на побережье Чжэцзяна, с Филиппинами — только через Фучжоу,

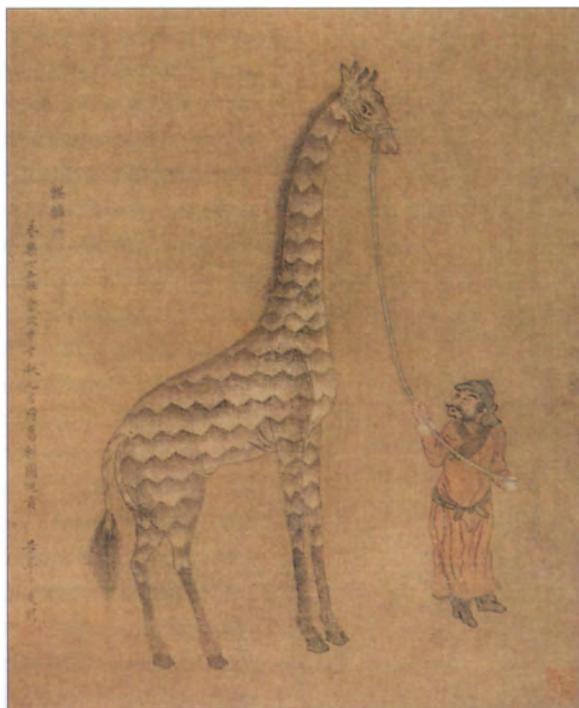

а с Индонезией — исключительно через Гуанчжоу. Помимо этого существовали ограничения на частоту и состав миссий с данью: японские послы принимались не чаще одного раза в десять лет, их количество не должно было превышать 300 человек и размещаться на двух кораблях. На самом же деле вдоль всего китайского побережья шла и открытая, и тайная торговля. Торговцы нередко становились контрабандистами, особенно когда официальные преграды мешали им получить прибыль. Нагруженные товарами корабли привлекали пиратов — японские и китайские пираты в середине XVI в. стали бичом прибрежных зон от севера Шаньдуна до западной части Гуандуна. Усилия по борьбе с ними во времена династии Мин не имели большого успеха, пока не были предприняты серьезные меры, не привлечена армия, а затем упрощены правила международной морской торговли. В соответствии с новой политикой в 1577 г. португальскому представительству было разрешено основать в Макао торговую базу, что ознаменовало собой начало эпохи (см. главу 9).

В условиях роста морской торговли Китай экспортировал фарфор и шелк различных видов: газ, креп, бархат, тафту, дамасскую ткань и парчу — ткани и готовую одежду. Галеон, идущий к испанским территориям в Новом Свете, мог перевезти свыше 50 тыс. пар шелковых чулок. Китай же большей частью импортировал серебро из перуанских и мексиканских рудников, перевозя его через Манилу. Китайские торговцы активно участвовали в таких предприятиях, многие из них эмигрировали на Филиппины и Борнео, чтобы получить новые преимущества в коммерции.

Помимо благотворного влияния на китайскую экономику, развивающаяся морская торговля способствовала распространению новых предметов, растений и идей. Из Нового Света в Китай завезли батат, кукурузу, арахис. Новые сельскохозяйственные культуры оказали положительное воздействие на прирост населения, поскольку некоторые из них можно было выращивать на скудной, неудобной для обработки почве. Европейские идеи, в том числе и научные, стали проникать в страну усилиями христианских миссионеров. Первым миссионером, серьезно повлиявшим на китайскую науку, был итальянский иезуит Маттео Риччи, приехавший в Макао в 1583 г. Полагая, что он быстрее

Жираф, приобретенный в Африке во время путешествия Чжэн Хэ 1405–1430 гг., вызвал живой интерес и несколько лет прожил на территории дворца. Придворный художник Шэнь Ду изобразил его на этой картине, датированной 1414 г. Судя по надписи, животное ассоциировали с единорогом (*цзилин*), чье появление с давних пор считалось символом благосклонности небес

достигнет своей цели, если его будут ассоциировать с ученым, а не с монахом, Риччи принялся за изучение письменного и устного китайского языка. Эти навыки помогли ему приобрести много влиятельных друзей в Пекине, где с 1601 г. он жил до самой смерти, то есть до 1610 г. Риччи и другие иезуиты были приняты при дворе конца династии Мин как иностранные интеллектуалы и поразили китайцев своими знаниями в области астрономии, составления календарей, математики, гидравлики и географии.

К концу эпохи Мин в большинстве прибрежных провинций и некоторых внутренних областях расположились миссии иезуитов, доминиканцев и францисканцев. Хотя некоторые интеллектуалы периода Мин и проявляли интерес к западным идеям и знаниям, препятствия на пути к пониманию западной философии, науки и религии были так же велики, как тысячелетнее промедление в восприятии индийского буддизма. Христианство было абсолютно чуждым взглядам образованных китайцев, особенно их раздражали усилия миссионеров по обращению в веру простого народа и попытки внушить, на их взгляд, дикие, невозможные идеи. Даже люди относительно широких взглядов с трудом воспринимали некоторые идеи, например догму о сотворении Вселенной. Христианская мораль также вызывала отторжение: многие ученые не могли отказаться от наложниц, считая такой поступок бессердечным по отношению к женщинам и их детям.

ФРАКЦИОННОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ

Конфуцианство периода Мин обычно упоминается в контексте суждений философов, подобных Ван Ян-мину и его последователям. Этот отрезок времени подтверждает открытость философии неконфуцианским идеям, неграмотным людям и даже личностям с эксцентричными предпочтениями.

Во времена династии Мин существовало дополнительное исторически важное течение конфуцианства, более политизированное и критичное. Многие чиновники, в соответствии с конфуцианскими представлениями о верности трону и соблюдении закона, смело выступали против взяточников и деструктивных направлений в политике. В 1376 г., когда Тай-цзу попросил критики его правления, Е Боцзюй представил документ, осуждающий жестокое наказание чиновников за малейшие упущения, указывая, что многие интеллектуалы почитают за счастье уклониться от службы. Разъяренный Тай-цзу приказал привести Е в цепях в столицу, где он умер в тюрьме от голода. Через несколько десятилетий чиновники попытались бороться с узурпировавшим власть императором Чэн-цзу. Тогда был казнен выдающийся ученый Фан Сяожу, одновременно с ним лишлись жизни сотня его родственников, учеников, соседей и друзей. В 1519 г., когда император У-цзун изъявил желание осмотреть южные провинции, в знак протеста чиновники встали на колени перед дворцом. В гневе император приказал им выстоять на коленях пять дней, после чего их высекли. Одиннадцать человек были забиты насмерть. Несколько лет спустя, в 1524 г., сотни чиновников вновь собрались у ворот дворца в знак недовольства отказом нового императора считать

своего приемного отца (предыдущего императора) отцом-основателем и его намерением наградить этим титулом своего покойного настоящего отца. Император не сумел их переубедить и приказал заключить в тюрьму 134 человека, 16 из них умерли от побоев.

Последним масштабным протестом эпохи Мин стала борьба фракций, настолько же разнообразная, как и убеждения человека. Центром были Академия Дунлинь, неподалеку от города Уси (провинция Цзянсу), и Цензорат, правительственный орган, где чиновники боролись против злоупотреблений власти. Перестроенная в 1604 г., Академия стала приютом разочаровавшихся чиновников, сетующих на окутавшее империю зло. Они призывали к возрождению ортодоксальной конфуцианской этики, отвергали более либеральные взгляды Ван Ян-мина и Ли Чжи. Гу Сяньчэн утверждал, что идею естественного поведения человека, внимающего голосу совести, беспринципные чиновники используют как оправдание стремлений к личной наживе. Рвение ученых вдохновляло молодых активных чиновников Цензората, называвших себя честными людьми, людьми «хорошего сорта», «течением чистых», а оппонентов — «маленькими людьми», «порочными чиновниками» и «кликой». Чиновники обеих сторон выдвигали обвинения друг другу, прямых и встречных исков было так много, что императоры уставали от внутренних раздоров.

Борьба обострилась, когда цензор Ян Лянь представил трону документ, обличавший Вэй Чжунсяня в двадцати четырех «тяжких преступлениях». Главным аргументом Яна был тот факт, что восемнадцатилетний император передал свои законные привилегии жестокому, рвущемуся к власти евнуху. Император категорически отверг обвинение, но другие цензоры забросали его письмами в поддержку Ян Ляня, несмотря на предупреждения двора о наказании за подобные действия. В результате Ян и пятеро других цензоров были публично арестованы и высланы в Пекин, где пытками их замучили до смерти. Вскоре последовали волны арестов, пыток, казней и новых протестов.

В протестах чиновники-конфуцианцы обозначали этические проблемы династии. Конфуцианская традиция призывала считать эти акты политического протеста героическими: преданный своим убеждениям человек восстает против злоупотребления властью. Однако в них была и негативная сторона. Граница между героизмом и фракционностью была нечеткой, большая часть возражений состояла из осуждения противников. Судя по результатам действий, склонность чиновников Мин пожертвовать своей жизнью во имя благой цели и доказательств порочности оппонентов не решала проблем верховной власти.

КРАХ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

В начале и середине XVII в. произошли самые разрушительные войны в истории Китая. Правительство Мин не смогло ни помочь нуждающимся, ни организовать эффективные кампании против мятежников или завоевателей. Несмотря на рост китайской экономики в XVI в., кредитоспособность правительства уменьшалась, и к началу XVII в. оно оказалось на грани банкротства. Расходы

на обеспечение имперского клана вышли из-под контроля. Во времена правления Ваньли (1573–1619) 23 тыс. членов клана были назначены пособия, составившие более половины доходов провинций Шаньси и Хэнань. Военные кампании также требовали огромных затрат, например на защиту Кореи от Японии ушло 720 тонн серебра.

Ухудшение финансового положения Мин можно объяснить династической цикличностью. Расходы государства постоянно увеличивались по мере роста населения и снижения эффективности бюрократической системы. Уровень доходов был нестабильным, причина заключалась в затянувшейся тенденции, когда крестьяне лишались земли, а богатые землевладельцы находили способы минимизировать налоговые выплаты. В условиях нехватки денежных средств правительство не могло успешно справляться с последствиями стихийных бедствий, которые были вызваны наступлением Малого ледникового периода в XVII в. Тогда средняя температура опустилась настолько, что замерзли озера, никогда не покрывавшиеся льдом, а сокращение летнего сезона привело к дефициту продуктов питания. В 1627–1628 гг. на севере Шэньси голод приобрел серьезные масштабы, и вскоре дезертиры и уволенные со службы воины сколотили банды и занялись грабежом деревень. В 1632 г. они двинулись на восток — в Шаньси и Хэбэй, и на юг — в Хэнань и Аньхуэй. Правительственные армии не справлялись с этими бандами, к которым постоянно примыкали новые сторонники. К 1636 г. среди них появились два основных лидера: бывший пастух и работник почтовой станции Ли Цзычэн — на севере, и отставной военный Чжан Сяньчжун — на территориях между Хуанхэ и Янцзы. Ни Ли, ни Чжану не удалось установить контроль над регионами низовий Янцзы, однако и там условия были немногим лучше. Возросшие в 1639 г. налоги и последовавшие затем наводнения, засуха, нашествия саранчи и эпидемии имели столь негативные последствия, что толпы нищих стали привычным зрелищем. Арендаторы взбунтовались против землевладельцев, восстали городские рабочие. В народной песне этого времени Владыку Небес обвиняют в том, что он не справился со своими обязанностями:

*Старый Владыка Небес,
Ты стареешь, твои уши не слышат, твои глаза закрыты.
Ты не видишь людей, не слышишь их слов.
Слава тем, кто убивает и сжигает,
Тем, кто терпит лишения и читает молитвы —
голодная смерть.
Спускайся с неба, старый Владыка Небес, как же ты можешь быть так высоко?
Как же ты можешь быть так высоко? Спускайся на землю.*

Финансовые проблемы конца династии Мин являлись отчасти непредвиденными и были вызваны внезапным сокращением доходов. В 1639 г. японские власти отказались пропустить торговцев из Макао в Нагасаки, положив тем самым конец торговле, приносившей Китаю много серебра. Несколькими месяцами позже наступил период застоя в китайско-испанской торговле на Филиппинах,

когда в результате конфликта между китайцами и испанцами в Маниле, вылившегося в кровавую бойню, погибло 20 тыс. китайцев. Это лишило Китай еще одного важного источника серебра. Результатом внутренней политики Китая стала стремительная дефляция, тайное запасание серебра, а затем и зерна, что искусственно вызвало голод. Неуплата налогов и возмущение арендаторов стали обычным делом. Правительству не удавалось собирать даже стандартные налоги, которых в любом случае не хватило бы на финансирование военных кампаний.

В условиях, когда по всей стране вспыхивали мятежи, а правительство Мин оказалось на грани банкротства, неуклонно росла смертность населения. В 1642 г. группа повстанцев разрушила дамбу на Хуанхэ, в результате наводнения и последовавшего за ним голода погибли сотни тысяч человек. За несколько десятилетий эпидемии, особенно оспа, унесли жизни десятков миллионов человек. Народные волнения набирали обороты, и постепенно Ли Цзычэн занял Хубэй, Хэнань и Шэньси. В 1644 г. он прошел через Шаньси и Хэбэй в Пекин, где покончил с собой доведенный до отчаяния последний император Мин. Между тем Чжан Сяньчжун переместился в Сычуань, где во время атак на Чунцин и Чэнду погибло много людей. И Ли, и Чжан провозгласили собственные династии и организовали правительства с системой экзаменов и особыми денежными знаками, но надеяться на скорое восстановление мира не приходилось. Повсеместное мародерство и жестокость не прекращались. В конце концов, порядок навела армия, пришедшая из-за Великой стены.

Период Мин оценивается историками однозначно. Поскольку это единственный длительный период национального управления территориями исконного Китая, с момента падения Северной Сун в 1126 г. до краха маньчжуров в 1911 г., исследователи стараются записать на его счет как можно больше достижений и успехов. Или, по крайней мере, обозначить несколько героев.

Что касается традиционного искусства ведения государственных дел, правительство Мин не сумело выполнить функцию настоящей, с точки зрения конфуцианства, власти, то есть управлять Поднебесной с минимальным применением силы. Монголы, японцы, евнухи, доходы были вне правительственного контроля. Конфликт между деспотизмом и установленными правилами, абсолютными монархами и их советниками и заместителями периодически сковывали работу правительства. Из всей истории Китая лишь несколько исключительных императоров виртуозно управляли империей, заставляя чиновников действовать по стандартам, установленным тронном, и при этом не вызывали у тех недовольства, не деморализовывали и не позволяли перехватывать власть и преследовать личные интересы. В династии Мин не было таких, достойных подражания императоров. Тай-цзу, осознав свою неспособность организовать слаженную работу системы, склонился к тирании. Другие императоры Мин отдали бразды правления чиновникам или евнухам и достигли весьма разнообразных результатов. Несколько императоров просто устранились от руководства, запретив чиновникам контролировать себя, но сами не следили за происходящим в стране.

С современной точки зрения, выработанной по европейским стандартам, правление Мин нельзя назвать успешным. Оно мертвой хваткой сдерживало инновации и предпринимательство там, где вот-вот должна была появиться

конкуренция. Когда западные морские державы снаряжали корабли в Азию, Китай уходил с моря. Когда европейцы учились использовать китайские технические достижения, такие как книгопечатание, порох и компас, Китай упустил лидерство в науке и технологии и отказывался от участия в прогрессивных европейских научных разработках.

Вероятно, единственный способ оценить династию Мин более позитивно — взглянуть на нее глазами низов общества. Деспотизм императоров принижал положение высокопоставленных чиновников и ставил под угрозу их благосостояние, но гораздо меньше влиял на крестьян и горожан, получивших большую свободу действий. Население Китая росло. Развивающаяся коммерция, книгопечатание, укрепление лидирующего положения местной элиты и все большее ее участие в общественной жизни усилили взаимодействие населения, стимулируя чувство единения. Юго-западный регион современных провинций Юньнань и Гуйчжоу был вовлечен в сферу китайских интересов как никогда ранее. Неспособность правительства контролировать все процессы нельзя однозначно назвать отрицательным фактором. В сравнении с предыдущим опытом, успех правительства Мин в решении широкомасштабных проблем был впечатляющим. Более двух столетий оно поддерживало относительный мир среди проживавшего на субконтиненте огромного населения, используя доступные формы мотивации (экзаменационная система и наставления императора) для сокращения государственных расходов. Эти достижения становятся весьма значительными в сравнении с беззаконием, наступившим после краха династии.

Производство фарфора в Цзиндэчжэне

Из материальных артефактов династии Мин, дошедших до нас, ничто не сравнится с прекрасным фарфором из города Цзиндэчжэнь, что в северной части провинции Цзянси. В эпоху Мин в печах города обжигалось столько фарфора, что им можно было обеспечить не только страну, но и весь остальной мир.

Фарфор отличается от других видов керамики своей белизной, гладкостью и прозрачностью. Для его производства требуется глина особых сортов и высокая температура обжига (1280–1400 °С). Нужная глина была найдена в относительно чистом виде рядом с городом Цзиндэчжэнь. Эта местность как будто создана для производства фарфора: лес, покрывающий горы, служил топливом для печей, а речной транспорт обеспечивал дешевую доставку готовых изделий.

Патронаж со стороны императора привел к быстрому увеличению объемов производства высококачественного фарфора в Цзиндэчжэне. По специальным заказам для императорского двора было изготовлено: в 1551 г. 8,4 тыс. малых и 2,3 тыс. больших предметов, в 1577 г., самом успешном, заказ составил 96, 5 тыс. малых и 56,6 тыс. больших предметов, а также 21, 6 тыс. церемониальных сосудов. Многие из них оказывались во дворце, другие предназначались для дарения, в том числе вассальным государствам в обмен на дань. Императорский контроль качества был суров: археологи обнаружили огромные горы осколков нарочно разбитого фарфора, который не отвечал стандартам формы или цвета и не мог быть представлен на открытом рынке с императорской маркой.

В начале периода Мин наследственные ремесленные хозяйства выполняли большинство императорских заказов бесплатно, взамен они освобождались от уплаты налогов. Позднее труд в императорских мастерских стал оплачиваемым. В случае крупного заказа большая часть работы передавалась по субподряду многочисленным частным мастерским. И в частных, и в императорских мастерских использовались технологии массового производства. Мастера не изготавливали изделие целиком от смешивания глины до обжига и упаковки: разными процессами занимались разные мастерские, рабочие быстро совершали однотипные операции над большим количеством предметов. Художни-

ки, выполнявшие подглазурную роспись, работали в очень чистых помещениях, вдали от мастерских, в которых замешивалась влажная или обрабатывалась сухая глина. Французский миссионер, посетивший мастерские в начале XVIII в., сообщал о своих наблюдениях за тем, как одна чашка проходит через десятки рук. Один рабочий в течение нескольких секунд придавал ей первоначальную форму на круге, второй ставил ее на основу, третий подгонял ее под нужный размер, еще один полировал резцом и т. д. Всего, сообщал он, в производстве одного предмета могло быть занято до семидесяти человек. Кроме высококвалифицированных мастеров в напряженный летний сезон трудились тысячи неквалифицированных рабочих, приходивших в город из близлежащих

В 1743 г. Тан Ин, управляющий императорских мастерских, прокомментировал серию рисунков, иллюстрирующих этапы производства фарфора. Рисунки до нас не дошли, но его описания соответствуют более поздним иллюстрациям, обнаруженным на деревянных блоках. Вот его свидетельство о разделении труда при изготовлении больших сервизов: «Если рисунок на всех предметах не совсем одинаков, сервиз испорчен. Поэтому мастера, намечающие контуры, учатся именно намечать контуры, не рисовать; художники, учатся именно рисовать, не намечать контуры; тогда их руки приобретают навык в определенной области, а внимание не рассредоточивается. Чтобы обеспечить единообразие в работах, мастеров, намечающих контур, и художников разделяют, но трудятся они в одном здании».

деревень. В 1601 г. 10 тыс. рабочих восстали против требования увеличить производство фарфора (в тот период императорскими мастерскими управлял евнух). В 1604 г. восставшие требовали у торговцев, контролировавших большую часть производства и сбыта, повышения заработной платы.

Фарфор, произведенный в Цзиндэчжэне, отличается разнообразием форм и росписи, но особенную известность получили изделия с нанесенным под глазурь синим цветом и полихромными эмалями. Эти превосходные вазы и сервизы пользовались большим спросом за пределами Китая: в Японии, Юго-Восточной Азии, Западной Азии и, наконец, в Европе. Когда в начале XVII в. снизился объем императорских заказов, поскольку двор направлял все средства на оборону, фарфоровая промышленность выжила, переориентировавшись на западные рынки. Культ чая в Япо-

нии вызвал большой спрос на всевозможные блюда, пиалы и чашки. Европейцам в основном требовались столовые сервизы, особенно после 1604 г., когда два португальских корабля с фарфором на борту были захвачены голландцами. Они выставили на продажу около 200 тыс. предметов китайского фарфора и привлекли покупателей со всей Европы, в том числе агентов Генриха IV Французского, Джеймса I Английского и Великого герцога Тосканского. В течение последующих 200 лет в Европу экспортировалось огромное количество фарфора. С 1602 по 1682 г. Голландская Ост-Индская компания импортировала около 12 млн изделий разноцветного китайского фарфора (не считая более привычного сине-белого). В XVIII в. европейские торговцы часто заказывали китайским мастерам изделия по специальным шаблонам.

◀ В Европе китайский фарфор служил и посудой и украшением. Здесь показан потолок «фарфоровой комнаты» дворца Сантос в Лиссабоне, покрытый 260 тарелками из Китая, которые составляли королевскую коллекцию китайского фарфора, начатую в 1500 г.

Орнамент изящных фарфоровых изделий, изготовленных в Цзиндэчжэне, свидетельствует о необычайной изобретательности мастеров. На посуде, созданной с XIV по XVII в., изображены драконы, птицы, рыбы и резвящиеся дети ▶

На фарфоре из Цзиндэчжэня нередко встречались эпические сцены. Здесь изображена некая Ли. Она вошла в историю как безупречная вдова: женщина отрубила себе руку после того, как к ней прикоснулся хозяин гостиницы, не принявший ее с сыном в период глубокого траура

МАНЬЧЖУРЫ И ИМПЕРИАЛИЗМ

Династия Цин (1644–1900)

После падения Мин новую династию в Китае основал предводитель племени маньчжуров, обитавшего среди покрытых лесами холмов и долин к северо-востоку от исконного Китая. Хотя китайская элита и простолюдины решительно сопротивлялись маньчжурам, спустя поколение население уже взаимодействовало с новыми властями. Трое маньчжуров, правивших в XVIII в., — Канси, Юнчжэн и Цяньлун — оказались талантливыми руководителями, и по многим критериям это столетие можно считать расцветом традиционной китайской цивилизации. Однако в конце XIX в. позиции Китая на мировой арене пошатнулись: иностранцы осмеивали его, положение страны выглядело жалким. Размеры государства оказались тяжким бременем, а форма правления, к сожалению, не отвечала требованиям эпохи. Китай не подвергнулся прямой колонизации, но после победы Великобритании в «опиумной» войне 1840–1842 гг. страны Запада стали представлять реальную угрозу государственности и цивилизации Китая. Западные предприниматели производили промышленные товары, конкурировавшие с изделиями китайских ремесленников, западные миссионеры соперничали с китайской образованной элитой за моральное и религиозное лидерство в деревне, а европейские армии и флот постоянно демонстрировали свое превосходство над китайскими. Возник сакраментальный вопрос: что может перенять Китай у иностранных агрессоров?

ПРАВЛЕНИЕ МАНЬЧЖУРОВ

Маньчжуры не были, подобно монголам, всадниками-кочевниками, они не жили в открытой степи и не воевали без конца, и основным родом их деятельности не были охрана и увеличение поголовья скота. Этот народ занимался охотой, рыболовством и земледелием в центральной Маньчжурии (провинции Хэйлуцзян и Цзилинь) на востоке Монголии и к северо-востоку от Великой стены. Маньчжуры считали себя потомками чжурчжэней, правивших северным Китаем в период династии Цзинь одновременно с Южной Сун. В эпоху Мин несколько маньчжурских племен были включены в вассальную систему династии. Многие из них переселились к югу, на полуостров Ляодун, где жили в деревнях и городах среди китайцев; одни служили в армии династии Мин, другие занимались земледелием или торговали мехами, лошадьми и другими товарами.

Государство маньчжуров в течение тридцати лет создавал человек по имени Нурхацзи (1559–1616). Все подчинявшиеся ему племена он разделил на четыре военных формирования, у каждого было собственное цветное знамя. Со временем маньчжурских «знамен» стало восемь, кроме того, к ним присоединились восемь монгольских и китайских «знамен». Переход организации от племенной

формы к бюрократической стал возможен во многом благодаря созданию маньчжурской письменности (на основе монгольского алфавита), а затем и переводу законов династии Мин и других ключевых китайских книг на язык маньчжуров. Администрация строилась по китайской модели. В 1616 г. положение династии Мин в Китае ухудшилось, и Нурхацзи отказался в дальнейшем признавать себя вассалом династии, а два года спустя атаковал китайскую территорию в области Ляодун. Он предлагал чиновникам Мин должности в своем правительстве в случае капитуляции, но не оставлял выбора ремесленникам, востребованным в армии, особенно разбирающимся в артиллерии, и крестьянам, поставляющим продовольствие для его войск. Всем жителям покоренных земель надлежало носить маньчжурскую прическу: выбритый лоб и длинная коса. Когда в 1622 и 1625 гг. китайцы восстали в Ляодуне, маньчжуры ответили казнью многих образованных людей, признанных организаторами восстания, и еще более строгим отделением китайцев от маньчжуров. С этого времени маньчжуры должны были оставаться в своей части города и постоянно иметь при себе оружие, в то время как китайцам ношение оружия запрещалось.

Преемник Нурхацзи, его восьмой сын Хун Тайцзи (годы правления: 1626–1643), активнее привлекал китайских подданных и использовал китайские институты. Генералы Мин дезертировали к противнику вместе с армиями, монголы также присоединялись к маньчжурам. Спустя десять лет успешной экспансии Хун Тайцзи провозгласил династию Цин (что означает «чистая»), претендуя на верховную власть в Китае.

Преимуществом маньчжурской власти перед китайскими мятежниками (такими как Ли Цзычэн) была возможность создать иерархию за пределами Великой стены, независимо от правительства и армии Мин. Когда маньчжуры преодолели стену и стали претендовать на китайский трон, у них была сильнейшая среди претендентов военная и административная система. В 1644 г. после самоубийства императора Мин в Пекине и захвата города мятежниками Ли Цзычэна, восстановление порядка властью маньчжуров казалось наиболее вероятным. При поддержке генерала У Саньгуя, отвечавшего за охрану восточных проходов в Великой стене, маньчжуры взяли город и избавили от повстанцев север Китая.

Генералы династии Мин предложили маньчжурам традиционную роль армии наемников, но победители быстро дали понять, что сами намереваются править страной. Они заставили всех жителей Пекина перебраться в южную часть города и избавились от большинства евнухов, переложив их обязанности на китайцев, которых незадолго до этого они захватили в рабство в Ляодуне. Маньчжуры конфисковали сотни тысяч гектаров обработанной земли на севере Китая для обеспечения своей огромной армии. Некоторые из участков принадлежали империи Мин, но основная земля была в частном владении. Часть земель перешла маньчжурской знати и императорскому клану, остальное поделили военные формирования. Все мужчины, независимо от ранга и положения, должны были демонстрировать подчинение, нося маньчжурскую прическу. В 1645 г. был издан указ, грозящий смертью всем, кто не острижет волосы согласно правилам и не начнет отращивать косу в течение десяти дней. Этот указ позволил завоевателям с первого взгляда распознать покорных и сопротивлявшихся новому

Для поддержки плотин на Хуанхэ в исправном состоянии периодически требовалось огромное количество рабочей силы. Проверка плотин служила императору Канси поводом для поездок по провинциям

режиму. Китайцы считали новые порядки оскорбительными, но не видели выхода из положения.

Вскоре оппозиция сосредоточилась на ограничении вторжений маньчжуров к югу от Янцзы, но правительство Пекина оказалось хитроумнее приверженцев династии Мин. Маньчжуры предложили южному мелкопоместному дворянству мир и стабильность, угрожая в случае сопротивления ужасными бедствиями, как в Янчжоу, где они убили тысячи жителей. Для завоевания юга им понадобилось пятнадцать лет. Наконец в 1662 г. У Саньгуй наступил в Бирме последнего представителя династии Мин. Китайцы сделали одну серьезную попытку избавиться от правления Цин, ее осуществил в 1673 г. сам У Саньгуй. Но прошлое У, как пособника завоевателей, лишило его поддержки верноподданных династии Мин. Через несколько лет кровопролитных сражений восстание было подавлено, маньчжуры овладели всем исконным Китаем.

Династия Цин максимально расширила границы китайского государства. Области, где китайское население было в меньшинстве, получили значительную автономию. Подавление восстаний в обширной империи оказалось затратным делом для правительства Цин, особенно в XIX в., когда мятежи стали нарастать

КАНСИ, ЮНЧЖЭН И ЦЯНЬЛУН

С 1669 г., когда власть перешла к 15-летнему императору Канси (годы правления: 1662–1722), до 1799 г., когда умер правитель Цяньлун (годы правления: 1736–1795), Китаем руководили всего три императора. Стабильность этого периода в Китае, отмеченная европейцами, связана с удивительным долголетием Канси и его внука Цяньлуна, правивших по шестьдесят лет. В нелегком деле управления государством они показали себя выдающимися руководителями. Императоры Цин старались смягчить деспотизм и занимались разработкой методов сбора налогов, повиновения чиновников и поддержания мира. Маньчжуры завоевали симпатии китайской элиты, восстановив ее место в китайском обществе и утвердив социальный порядок. Глядя на достижения этих правителей, можно утверждать, что китайская политическая система пережила кризис династии Мин лишь благодаря появлению новых лидеров, сохранивших китайскую форму правления, обеспечивших жесткую дисциплину и избавивших государственный строй от неэффективных элементов. Иностранное происхождение позволяло им легче расставаться с давними, но плохо действующими политическими схемами, мешавшими нормальной работе правительства.

Маньчжурские правители считали себя защитниками китайского культурного наследия и одновременно военными лидерами маньчжуров. Канси был активным человеком, любил охоту и путешествия по провинциям (под предлогом осмотра рек и исследования проектов, связанных с водными ресурсами). Ему было по душе укрепление военных позиций маньчжуров вдоль границ с Россией, Монголией и Тибетом. Он поддерживал китайских интеллектуалов и привлекал их к работе в правительстве, но следил, чтобы в руководстве доминировали военные. Каждое из шести ведомств одновременно возглавляли и китайский, и маньчжурский министры, половина государственных секретарей были маньчжурами. Простые должности в провинции занимали китайцы, но высшие управленческие доверяли исключительно маньчжурам.

Император Канси не только обстоятельно изучал культуру китайской элиты, но и увлекался западной математикой, наукой и механическими устройствами. Он радушно принимал иезуитских миссионеров, а когда их астрономические прогнозы оказались точнее, чем расчеты китайских ученых, он поручил европейцам управление Императорским советом по астрономии. В 1692 г. император издал указ, разрешая христианство при условии, что будут сохранены национальные ритуалы. Эта позиция совпала с мнением главы миссии Маттео Риччи, в соответствии с которым ритуалы предков скорее следует считать поминовением, чем поклонением. Но император изменил свою точку зрения, когда Ватикан прислал своего легата Майяра де Турнона, выступившего против иезуитов и проведения ритуалов в содружестве с другими католическими орденами. Де Турнон настаивал на подчинении миссионеров и неофитов Китая Ватикану в лице папского нунция в Пекине. Канси ответил на это приказом изгнать всех миссионеров, не согласных с его позицией.

Наследник Канси Юнчжэн (годы правления: 1722–1736) занял трон, когда ему исполнилось сорок пять лет. Он показал себя императором-трудоголиком, сохранив военную власть в руках маньчжурской аристократии и укрепив бюрократический строй. Особое внимание он уделял стабильности в области государственных финансов. Юнчжэн утвердил новые налоги вместо неоднородных поборов, «наследства» династии Мин. Следующим шагом к централизации и обновлению общественного строя стал запрет всех видов наследственного рабства, все члены местных каст, находившихся в униженном положении, получали статус свободных людей.

Цяньлун, четвертый сын Юнчжэна, пожинал плоды финансовых реформ отца, обеспечивавших рост доходов государства на протяжении всего периода правления. Сам Цяньлун стремился быть идеалом как для китайцев, так и для маньчжуров и остаться в истории мудрым императором. От зари до полудня он занимался государственными делами, затем приступал к чтению, рисованию или сочинению. Он являл собой пример сыновней добродетели, ежедневно навещая мать и заботясь о ее благополучии. Цяньлун не был великим поэтом, но опубликовал под своим именем более 42 тыс. стихотворений и с легкостью сочинял рифмованные подписи к сотням произведений живописи и каллиграфии, собранным в дворцовой коллекции. Стремясь сохранить самобытность маньчжуров, он поддерживал проекты, прославлявшие народную историю и культуру: составление словарей, исторических описаний, генеалогических древ.

Имелась у императора Цяньлуна и отрицательная черта. Любой намек на антиманьчжурскую деятельность вызывал у него мгновенный отклик. Когда в 1768 г. Цяньлуну сообщили, что колдуны «крадут души», обрезая концы косичек, он заподозрил заговор и тут же принял решение надавить на чиновников. Под пытками те сознавались в несовершенных преступлениях. Несколько лет спустя Цяньлун осуществил масштабный библиографический проект «Полное собрание книг четырех хранилищ». Тысячи книг были тщательно проверены на предмет упоминания в них маньчжуров или предыдущих завоевателей в негативном ключе, все не прошедшие проверку экземпляры были уничтожены. Этот указ выполнили беспрекословно, из двух тысяч названий не уцелело ни одной книги.

Когда Цяньлуну исполнилось шестьдесят пять, его политический авторитет пошатнулся. Он увлекся красивым и умным телохранителем Хэшэнем двадцати пяти лет и стал назначать его на престижные должности, которые обычно поручались самым опытным, поскольку были связаны с распределением доходов и назначениями на гражданскую службу. Чиновники отмечали бессилие Цяньлуна перед коррумпированностью кабинета Хэшэня. Подозрение в злоупотреблении властью подтвердилось после смерти императора, когда по приказу наследника Хэшэнь был казнен. Его конфискованная собственность соответствовала 22 680 тоннам серебра.

Маньчжуры культивировали образ непобедимых воинов. Стены дворцовых зал украшали сто портретов телохранителей императора Цяньлуна, в их числе и этот, выполненный на шелковом свитке в 1760 г.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ

За сто пятьдесят лет правления трех великих императоров династии Цин сформировался Великий Китай — многонациональная территория, которая по сей день является единым государством. К исконному Китаю примкнули Тайвань, китайская Центральная Азия, Монголия и Тибет.

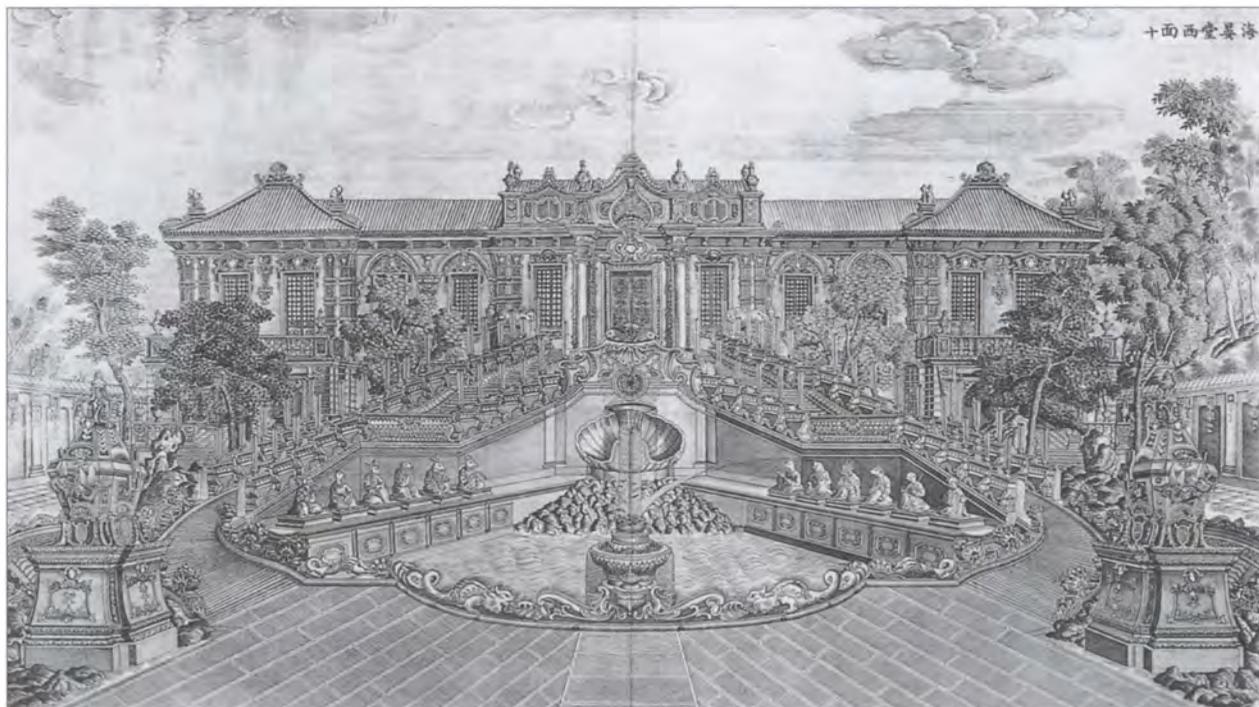
Большой остров Тайвань был завоеван в 1683 г. Населенный народами, говорившими на языках Индонезии, Тайвань привлекал португальских и голландских торговцев, а в 1640–1650-х гг. — приверженцев династии Мин. В 1662 г. пират и торговец Чжэн Чэнгун (известный на западе под именем Косинга), бывший подданный династии Мин, напал на Тайвань и изгнал оттуда голландцев. За два десятилетия, пока Тайванем управляли его сыновья и внуки, на остров эмигрировало более 100 тыс. китайцев, которые создали свое процветающее общество. В конце концов династия Цин отправила на Тайвань морскую экспедицию, которая захватила власть на острове, в результате чего остров был объявлен уездом провинции Фуцзянь.

Другие территории отошли к Китаю в период покорения монголов маньчжурами. В арсенале войск династии Цин были пушки и самое современное оружие, что давало им преимущество над кочевниками, имевшими лишь луки и стрелы. Монголы господствовали в степи, не прилагая особых усилий, и две тысячи лет успешно решали вопросы обороны. Восточных монголов маньчжуры завоевали в 1630-х гг., западных (джунгаров) — в 1696 г. Джунгарские монголы удерживали мусульманские города на месте современной провинции Синьцзян и попытались расширить свою территорию, вторгшись в Тибет в 1717 г. В ответ армия Цин в 1720 г. захватила Лхасу. Тибет получил статус протектората династии Цин, разместившей на его землях постоянный гарнизон маньчжуров. До сих пор Тибет (как Корея и другие соседние государства) соглашался с вассальным положением, однако ранее не допускал на свою территорию войска и управляющих из исконного Китая. Династия Цин практически не вмешивалась в дела Тибета, позволяя местным лидерам самостоятельно решать вопросы власти.

В китайскую Центральную Азию (современная провинция Синьцзян) войска продвигались во времена династий Хань и Тан, но отступали в эпоху Сун и Мин. Власти империи Цин захватили этот регион в 50-х гг. XVIII в., разбив джунгарских монголов и уйгуров. Как и Тибет, эти мусульманские области управлялись опосредованно. Местному населению разрешалось иметь своих религиозных предводителей, придерживаться личных предпочтений в еде и не носить косу. Продвижение армии Цин в Центральную Азию привело к контакту Китая с русскими, также ступавшими на эту территорию. Для китайцев они были иной центрально-азиатской конфедерацией, с которой следовало держаться осмотрительно. К северо-западу от Китая было основано много сильных государств. В 1689 и 1728 гг. с Россией были подписаны договоры, в которых не учитывались традиционные для даннической системы требования (см. главу 8).

В XIX в. Россия присоединила новые территории в Центральной Азии, в период с 1865 по 1868 г. были захвачены Самарканд, Ташкент и Бухара. Британцы

(Слева) Рожденный для великих свершений, император Цяньлун за шесть южных путешествий (1751–1784) потратил более 567 тонн серебра. Эти выезды позволили подданным увидеть все великолепие императорского двора. Фрагмент комплекта из двадцати шести бумажных свитков длиной 152 м, написанных придворным художником Сюй Яном, которому было поручено запечатлеть четырехмесячное путешествие Цяньлуна по провинциям Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу и Чжэцзян в 1751 г.

Император Цяньлун, поклонник европейских художников и часовщиков, решил возвести архитектурные сооружения европейского типа и заказал итальянскому миссионеру и художнику Кастильоне (1688–1768) эскиз нового Летнего дворца. В новом дворце он разместил обширную коллекцию предметов из Европы и в 1783 г. заказал серию медных гравюр с изображением зданий и парка. В 1860 г. дворец сожгли британские и французские войска, его руины уцелели, и по сей день их демонстрируют туристам

опасались притязаний на Индию. Казалось, что Китай потеряет свое влияние в Азии. Когда в 1870 г. местный предводитель Якуб-бек объявил о создании независимого государства в Кашгаре, британцы поддержали его. В 1871 г. русские захватили долину реки Или. Но правителям династии удалось восстановить военное лидерство в регионе, используя взаимные опасения России и Британии. В 1884 г. регион превратился в одну из китайских провинций Синьцзян («новая территория»).

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

В период Цин китайская культура определенно сделала шаг назад. Это явление имело философские, политические, социальные и экономические причины. Нарушение социального порядка и падение династии Мин по мнению многих представляло собой серьезную угрозу для открытости и динамичности общества. Рост населения опережал развитие ресурсов, и соперничество в обществе набирало обороты. Это касалось не только земледельцев, но и членов образованной элиты, поскольку количество ученых званий, распределявшихся посредством системы экзаменов, было ограничено. Тот, кто чувствовал угрозу своему положению, тут же взывал к традиционным социальным правилам и нормам. Китайское общество законсело, что было на руку маньчжурам, поскольку консервативное общество гораздо дисциплинированное, и новые правители с готовностью вынесли приговор пришедшей в упадок династии Мин.

Консервативность проявлялась различными способами. Законы против отклонений от нормы, например против гомосексуализма, стали более суровыми. Многие интеллектуалы отвернулись от театрального искусства и литературы, считая их безнравственными и подрывающими устои общества. Регулярно издавались указы о запрете романов, пьес и закрытии театров. Ученый Цянь Дасинь зашел так далеко, что объявил народные романы главной угрозой ортодоксального конфуцианства. Опеканство женской добродетели достигло небывалого уровня. Участились случаи, когда преданная вдова отказывалась вновь выйти замуж или молодая девушка называла себя женой давно умершего мужчины, даже не знавшего о ее существовании. В летописи уезда Цзяннань в эпоху Сун упомянуты 4 верных вдовы, в период Мин — 95, а к середине правления Цин — уже 203. Возведение памятных арок в честь преданных вдов достигло невероятных масштабов, и правительству пришлось ограничивать строительство арок. В 1827 г. было разрешено возводить только коллективные арки, в 1843 г. вышел указ, в соответствии с которым памятных арок удостоивались лишь вдовы, совершившие самоубийство. Члены знати хвалились друг перед другом добродетелью женщин из своих семейств или общин и поощряли безупречное поведение вдов. Они организовали дома совместного проживания для обедневших вдов, куда мужчинам вход был воспрещен. Строгие взгляды на общественные нормы поведения определялись

Мемориальные арки, прославляющие благочестивых вдов, возводились в период Цин по всей стране. Здесь изображено несколько сохранившихся сводов в уезде Шэ (провинция Аньхуэй)

Художник Чжу Да (известный также под именем Бада Шаньжэнь, 1616–1705), член императорского клана Мин, тяготел к экспрессивному стилю, работая редкими мазками с большим количеством воды. Адресованная другу надпись на странице из альбома 1694 г. гласит: «После целого дня, проведенного за беседой, мы чувствуем себя как две птицы — Желтое Золото и Белое Солнце, посаженные в клетку для императорской охоты»

и философскими убеждениями. Конфуцианцы считали, что династия Мин пала из-за моральной распущенности, и обвиняли Ван Ян-мина и его последователей, которые восхваляли непосредственность и эмоции и подрывали тем самым понятия преданности и долга. По их мнению, образованные люди больше не служили нравственным примером, и простые китайцы обоснованно потеряли уважение к власти. Последователи Конфуция видели решение проблемы в возврате к учению Чжу Си, для которого было характерно надличностное видение.

Время шло, и поиск идеала заставил некоторых ученых обратиться к ранним текстам. Многие конфуцианцы изучали комментарии периода Хань в надежде обнаружить канон, не загрязненный буддийскими и даосскими идеями. Некоторые увлеклись подробным анализом оригиналов, пытаясь отделить древний текст от поздних наслоений. Например, Янь Жоцзюй составил справочник географических названий, упомянутых в «Четверокнижье», и доказал, что исходный текст

«Книги документов» (Шу Цзин) не является подлинным. Такие исследования требовали доступа к большим библиотекам и стали специализацией ученых благополучного региона низовий Янцзы, где были расположены бесчисленные академии и частные библиотеки. В мире искусства обращение к лучшим образцам прошлого и подражание им стали основным занятием художников и каллиграфов. Ученые династии Цин усердно копировали каллиграфию с камней периода династии Хань, вскоре коллекционирование копий увлекло многих.

Всеобщий консерватизм в культуре периода Цин не мешал раскрываться незаурядным личностям. В переходный период пытливые умы искали корни общественного кризиса в Китае. Хуан Цзунси, верный подданный династии Мин, рассмотрел основные доктрины китайского политического порядка и пришел к выводу, что проблемы заключались не в засилье евнухов, а в избытке власти у императора. Гу Яньу провел тщательный историко-политический анализ, объехав весь Китай и исследуя банковское и горное дело, сельское хозяйство. Члены консервативных кружков также осваивали нетрадиционные идеи. Поэт XVIII в. Юань Мэй был хорошо знаком с великими исследователями классики и филологами того времени, но рискнул прогневить их, обучая поэзии женщин. Свидетельством творческого подъема китайской цивилизации в конце XVIII в. стало появление шедевра мировой литературы — романа «Сон в красном тереме» (*Хунлоу Мэн*).

Живопись была свободна от условностей, более того, для нее был характерен культ эксцентричности. Два члена императорского клана Мин, Чжу Да и Ши Тао, приняли облик буддийских монахов, чтобы скрыться от нового правительства. После захвата трона маньчжурами Чжу Да принял обет молчания. Его изображения птиц, рыб, скал и гор излучают неистовую творческую энергию, несомненно воспринятую людьми, встречавшими его во время странствий по Китаю. Ши Тао был более общителен, но не менее экспрессивен в своих живописных работах. В XVIII в. стиль Ши Тао вдохновил так называемых «Восемь чудачков из Янчжоу».

МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ОТНОШЕНИЯ С ЕВРОПЕЙСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

В XVIII в. силовой баланс в мире стал постепенно смещаться, однако в Китае этого никто не замечал. До сих пор материальная культура Китая считалась непревзойденной, уровень жизни населения — высочайшим, к тому же обычно запад перенимал у востока его изобретения, а не наоборот. Но к XIX в. стало очевидно, что по материальным и технологическим возможностям западные страны уже опередили Китай.

Европейские торговцы прибывали в порты южного Китая с конца правления династии Мин. В XVI в. основными державами, торговавшими с Китаем, были Испания и Португалия, в XVII в. их место заняли голландцы, в XVIII — англичане. Торговлю между Китаем и Англией вели признанные государством монополии: английскую сторону представляла Британская Ост-Индская компания,

«Сон в красном тереме»

«Сон в красном тереме» — величайшее произведение традиционной художественной литературы Китая, роман из 120 глав, задуманный и большей частью написанный Цао Сюэцинем (1715–1764). Роман можно исследовать на разных уровнях: как мифическую историю по буддийским мотивам преданности и просвещения, как психологический роман с элементами автобиографии и как сочинение о нравах, описывающее манеры высших слоев китайского и маньчжурского общества XVIII в.

Цао Сюэцинь родился в китайской семье, получившей за службу маньчжурам большую власть и богатство, но, лишившись благосклонности своих покровителей, обанкротившейся в XVIII в. «Сон в красном тереме» подробно рассказывает о делах состоятельной,

цзиньши, выполнив волю отца, а затем оставляет свою жену и разрушившуюся семью ради религии.

С первого издания в 1791 г. роман «Сон в красном тереме» очаровал читателей множеством дополнительных сюжетных линий и второстепенных героев из всех сфер жизни. Слабые стороны политической системы изображены с помощью ярких примеров несправедливости. Махинации в семейной жизни обрисованы в многочисленных ситуациях, где члены семьи соревнуются за превосходство. «Сон в красном тереме» знаменит тонким описанием женских характеров, причем не только двух главных героинь, но и бабушки, матери, сестры Баоюя, других его родственниц и дюжины служанок.

В приведенной ниже сцене образованная и впечатлительная Лин Дайюй сидит в одиночестве в саду.

любимой императором семьи Цзя. Главными героями являются трое молодых людей: Цзя Баоюй и его двоюродные сестры — болезненная и эмоциональная Линь Дайюй, а также талантливая и веселая Сюэ Баочай. Обе они живут в его семье. Счастливые периоды, когда все трое обитают в прекрасном саду и наслаждаются литературой, заканчиваются, когда Баоюй обманом вынуждают жениться на Баочай; узнав о предательстве, умирает Дайюй. Баоюй успешно сдает экзамены на степень

Когда Баоюй ушел, Дайюй загрустила, но, зная, что сестер нет сейчас дома, направилась к себе в павильон Реки Сясян. Проходя мимо сада Грушевого аромата, она вдруг услышала доносившиеся из-за стены мелодичные звуки флейты, чередующиеся с пением, и сразу догадалась, что это девочки-актрисы разучивают новые пьесы. Ей не хотелось прислушиваться, но совершенно случайно две строки фразы из какой-то арии долетели до ее слуха, она даже разобрала слова:

*Сначала было все: красавица росла
в сияющих цветах;
Затем расцвету вдруг, в один недобрый час,
пришел на смену крах:
Колодец захирел,
и дом повергнут в прах!*

Растроганная, Дайюй в задумчивости остановилась. Пение продолжалось:

*Но все-таки как от небес зависят
мир ярких звезд и мир красы земной?
Теперь зависят от чьего семейства
покой сердечный, радостный настрой?*

Слушая, Дайюй кивала в такт головой и думала:
«Какие, оказывается, бывают прекрасные пьесы!
Жаль, что обычно смотрят только игру актеров, не вни-
кая в содержание самого спектакля!»

В романе «Сон в красном тереме» представлен идеал молодой женщины — чувствительной, изящной, утонченной. Иллюстрации выполнены художницей Сюй Бао (р. 1810 г.)

Тут она пожалела, что отвлекается всякими глупыми мыслями, и решила послушать дальше. А девочки пели:

*И хотя любовались тобой,
называя цветком бесподобным,
Годы юные быстро текли, —
как теченьем гонимые воды...*

Сердце у Дайюй дрогнуло, она затаила дыхание.

*Участь твоя — одиноко скорбеть
за вратами покоев безлюдных...*

Слова пьянили, и Дайюй опустила на камень. Вдруг девочке пришли на память строки из древнего стихотворения, которое она недавно прочла:

*Воду теченьем уносит, цветы опадают,
участь одна — отрешиться от чувств и любви...*

И дальше:

*Текучие воды, цветы опадают,
весна безвозвратно ушла...
И в небе, и здесь, на земле,
нет весны!*

Эти строки напомнили другие, из пьесы «Западный флигель»:

*Красными опавшими цветами
зацвела река, неся их вдаль.
Десять тысяч форм и измерений
знает одинокая печаль.*

Дайюй задумалась, сердце сжалось от боли, из глаз покатались слезы. Мысли ее витали где-то далеко-далеко. И вот, когда она так сидела в глубокой задумчивости, кто-то подошел сзади и хлопнул ее по плечу¹.

¹ Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме / Пер. В. Панасюка. М.: Художественная литература, 1958.

В XVIII в. в Гуанчжоу появились здания в европейском стиле. Их решили возводить в определенном районе, где иностранные торговцы останавливались в ожидании погрузки и разгрузки своих судов

акционерное общество, китайскую — Гунхан, официальная гильдия торговцев в Гуанчжоу (Кантон). После 1759 г. Гуанчжоу был единственным городом, где разрешалось торговать европейцам. Чтобы обезопасить от дурного влияния общественные устои города, иностранцев селили в особом квартале и на короткий срок, необходимый для заключения сделок. После нескольких недель проживания в *факториях*, где располагались контора и склад, европейцы обычно перемещались в португальскую колонию Макао. Одни оставались там навсегда, другие ожидали перемены ветра, чтобы вернуться в Индию или Европу.

Спрос на китайский шелк и фарфор оставался высоким, кроме того, возростала популярность чая. В XVII в. британцы стали употреблять его в огромных количествах. В 1684 г. в Великобританию увезли 5 ящиков, в 1720 г. уже 180 тонн. В 1800 г. экспорт чая вырос более чем в 50 раз и достиг 10,4 тыс. тонн. К этому моменту британцы покупали примерно седьмую часть всего привезенного из Китая чая и обеспечивали государству десятую долю доходов от импорта. Объемы серебра, поступающего в Китай, увеличились с 85 тонн в год в 1760 г. до 453 тонн в 1780 г.

Наряду с этим китайская государственность и культура у европейцев уже не вызывала прежнего восторга. В XVII в. миссионеры-иезуиты в своих письмах домой восхищались законами и обычаями Китая, отмечая позитивные тенденции, чтобы получить финансовую поддержку для реализации своих замыслов.

Позднее на основе этих записей Вольтер составил образ Китая как необыкновенной цивилизации, где этика главенствует над религией и где не господствует церковь. Чуть позже другие европейцы, среди которых были Монтескье, Руссо и Гегель, увидели Китай в другом свете, поскольку в нем не ценились ни свобода, ни прогресс. Они противопоставляли архаичный Китай шагающей в ногу со временем Европе.

Переоценка ценностей и становление Британии как великой военной державы позволили английским коммерсантам потребовать у Китая улучшения торговых условий. Чтобы увеличить прибыль и изменить торговый баланс в свою пользу, они попытались сформировать в стране рынок своих товаров и закупать чай по более низким ценам вблизи от производства, то есть в провинциях бассейна Янцзы. Кроме того, британцы призывали отменить вассальную систему и создать дипломатические миссии других государств, назначить послов, заключить торговые договоры и утвердить фиксированные тарифы (все это было бы заимствованием из опыта европейских держав). В 1793 г. знаменитый лорд Джордж Макартни, двоюродный брат короля, губернатор Мадраса и бывший посол в России, отправился с миссией к Цяньлуну. Его сопровождала свита из 84 человек, в их числе были ученые, музыканты, художники и учителя китайского языка. Он вез 600 ящиков с научными приборами, коврами, шерстяными тканями, ножами, зеркальным стеклом и другими подарками, которые должны были пробудить интерес китайцев к промышленным товарам Британии. Макартни встретили не слишком радушно, поскольку во время приема он отказался совершить *koutou* (ритуальный поклон, во время которого следует встать на колени и коснуться лбом пола), но в конце концов ему было позволено встретиться с Цяньлуном в его летней резиденции в Жэхэ. Макартни знал китайцев лучше, чем Цяньлун — британцев. Макартни сказал, что китайцы не готовы к войне с европейцами, повсюду царит бедность, интеллектуалы равнодушны к прогрессу, а солдаты до сих пор вооружены луками и стрелами. Цяньлун, со своей стороны, негативно отзывался о намерении британцев учредить свое посольство в Пекине, заметив, что в Европе слишком много стран и что он не может принять всех их послов. Хотя государство и получало немалый доход, облагая налогами морскую торговлю, Цяньлун не видел в ней реальной пользы. «У нас есть все, — писал он в письме королю Англии. — Я не придаю значения необыкновенным или хитроумным вещам, и промышленные товары из Вашей страны мне не нужны».

ОПИУМ И «ОПИУМНАЯ» ВОЙНА

Трудно перечислить все военные столкновения между Китаем и западными державами в XIX в. Но первое из них, «опиумная» война 1840–1842 гг., заслуживает подробного изложения, поскольку именно она определила ход последующих событий и имела символическое значение в истории. Китайцы расценили ее как случай международного устрашения, насилия безнравственных людей над вершащими правое дело. Такая оценка помешала китайцам увидеть в западной цивилизации что-либо заслуживавшее внимание.

Положение Великобритании как морской и торговой державы укрепилось, и ее конфликт с Китаем стал неизбежен. Китай не желал выстраивать торговлю по европейской модели, а британцы знали способ заставить его принять свои условия. В основу этого конфликта легла торговля наркотиком опиумом. Получаемый из мака опиум издавна использовался в Китае в медицинских целях, например при диарее. В XVII в. с юго-запада Азии пришла практика курения опиума, смешанного с табаком. В XVIII в. в трубки набивали уже чистый опиум. Некоторые курили его исключительно из-за наркотического эффекта: он облегчал физическую и душевную боль, а утомительная работа после курения не казалась такой тяжелой. Но опиум вызывал привыкание: перерывы в приеме сопровождались судорогами, подергиванием мышц, ознобом и тошнотой.

Покорив Индию, британцы активно инвестировали финансы в производство и распространение опиума, таким образом они надеялись решить проблемы торговых отношений с Китаем. Ост-Индская компания контролировала продажу опиума в Индии и лицензировала его поставки частными предпринимателями в Китай. Начавшись с 200 ящиков в 1729 г., импорт опиума достиг 1000 ящиков в 1767 г. и 4500 ящиков к началу XIX в. В 1838 г. в Китай было ввезено 40 тыс. ящиков опиума.

Китайские власти были хорошо знакомы с последствиями курения опиума. В XIX в. среди чиновников, членов императорского клана и придворных

Англичане с гордостью увековечили свою победу в «опиумной» войне. На этой литографии китайские деревянные суда громит «Немезида», железный корабль с гребными колесами, приводимый в движение с помощью паруса и парового двигателя

евнухов нередко встречались наркоманы. Импорт и производство опиума внутри страны запретили, и в 1813 г. курение наркотика объявили противозаконным. Наказанием за это были 100 ударов и ношение *канги* (тяжелой деревянной колодки на шее) в течение месяца. Открытая торговля прекратилась, наркоторговцы обходили указ китайских властей, вставая на якорь неподалеку от Гуандуна и продавая опиум китайским контрабандистам. Распространение через посредников мешало правительству Цин отследить главных дилеров. Наркоторговля приносила огромную прибыль, и к делу подключились преступные группировки, подкупавшие полицию и чиновников, — ситуация, хорошо знакомая современному миру.

Опиумная торговля вызвала существенную утечку серебра, и проблема требовала безотлагательного решения. За 1820 г. Китай потерял 2 млн таэлей (75 тонн) серебра, в 1830-е гг. эта цифра возросла до 9 млн. В 1839 г. после отказа легализовать опиум были приняты жесткие меры против контрабандистов. В Гуанчжоу отправился опытный и благородный чиновник Линь Цзэсюй. Перед ним стояла задача прекратить ввоз опиума в страну иностранными торговцами и воспрепятствовать его курению. Он конфисковывал трубки, захватывал опиумные склады и арестовал более полутора тысяч китайцев. С иностранцами оказалось сложнее. Линь Цзэсюй угрожал и давал взятки, лишь бы убедить торговцев ликвидировать склады. Он предлагал обменивать опиум на чай в соотношении один к пяти и угрожал снести головы членам корпорации Гунхан. Линь Цзэсюй отправил королеве Виктории письмо со следующим призывом: «Представьте, что иностранцы торгуют опиумом в Англии и соблазняют ваш народ покупать и курить его. Несомненно это вызвало бы у Вашего Величества ненависть и горькую досаду». Ему даже приходилось осажать фактории, требуя у иностранцев сдать запасы.

К этому моменту Англия распустила Ост-Индскую компанию, и британские интересы в Гуанчжоу поручили представлять торговому суперинтенданту. Суперинтендант Чарльз Эллиот нашел выход из тупика: он собрал опиум у торговцев и отдал Линь Цзэсюю, который мгновенно уничтожил его в присутствии британцев. Линь постановил, что разрешение на торговлю в Гуанчжоу получают лишь те торговцы, которые не связаны с опиумом. Он надавил на португальцев, и те вытеснили британцев из Макао на бесплодный остров Гонконг. Между тем английские коммерческие интересы спровоцировали начало войны с Китаем. Уильям Жардин из крупнейшей опиумной компании «Жардин, Матиссон и Ко» отправился в Лондон, чтобы лоббировать войну. Как только война была объявлена, он предоставил британскому флоту в аренду суда, лоцманов и переводчиков. В 1840 г. 16 британских военных кораблей и 31 вспомогательное судно отчалили от берегов Индии.

Готовясь к войне, Линь оснастил форты новыми пушками и приказал протянуть большие цепи поперек устья, ведущего в Гуанчжоу. Это не помешало продвижению британских кораблей, они просто обогнули Гуанчжоу, направились в важные порты Нинбо и Тяньцзинь и вскоре заблокировали их. Китайцы были вынуждены вступить в переговоры. Соглашение, достигнутое в Гуанчжоу, предусматривало передачу Гонконга Британии, оплату стоимости экспедиции

Преступление и наказание

Среди основных функций китайского государства были обеспечение порядка, предотвращение преступлений и назначение наказаний. Мирных трудолюбивых людей требовалось защищать от бандитов и воров; насильников и убийц — ловить и карать. Несмотря на дурную репутацию законотворчества, связанную с легизмом и реформами эпохи Цинь, каждая продолжительная династия издавала свой свод правил, опираясь на опыт предшественников.

В своде законов династии Цин насчитывалось 436 основных положений и приблизительно 1900 подзаконных актов. Наказание определялось исходя из обстоятельств преступления: приговор за убийство или нанесение телесных повреждений зависел от умышленности действий. В соответствии с конфуцианскими принципами, нарушения группировались в зависимости от рождственных отношений сторон. Даже непреднамеренное убийство родителя считалось самым тяжким злодеянием, в то время как избиение до смерти сына расценивалось как небольшой проступок, если сын совершил нечто предосудительное, например обругал родителя.

Свод законов трактовался и применялся чиновниками регулярной службы, главами уездов. В их обязанности входило расследование преступлений, арест преступников, судебные разбирательства и наказание виновных. За неисполнение перечисленного наказывали самих чиновников. В случае серьезного преступления местные служащие еще до испол-

нения приговора составляли досье и направляли его на одобрение в центральную администрацию. Признание осужденным своей вины существенно влияло на рассмотрение многих дел, поэтому судебные заседания обычно проводились после получения таких признаний. Чтобы скрасить образ излишне сурового государства, императоры периодически проводили амнистии, освобождая арестантов и демонстрируя тем самым высшую милость.

Западные наблюдатели XVII в. одобрительно отзывались о китай-

ском законодательстве. Но к концу XVIII в. стандарты Западной Европы изменились, и европейцы в Китае стали испытывать на себе действие закона в стране, где никто не заботился о правах обвиняемых. В китайском законодательстве отсутствовали независимое судопроизводство, адвокаты и понятие презумпции невиновности. Разница между китайскими и западными представлениями о судебном процессе была особенно заметна в конце XVIII в. в Гуанчжоу. В 1773 г. в Макао португальские власти арестовали англичанина по подозрению

в убийстве китайца, но затем признали его невиновным и отпустили. Китайские чиновники настояли на своем участии в деле, поскольку жертвой является подданный Китая, арестовали англичанина повторно, признали его виновным и казнили. Через одиннадцать лет после этого инцидента британский корабль неподалеку от Гуанчжоу приветствовал всех залпом салюта, который случайно убил двоих зевак. Когда капитан заявил, что не знает, кто несет ответственность за ошибку, был арестован управляющий компании-судовладельца, а местные власти угрожали запретить всю торговлю с иностранными судами. В конце концов, капитан выдал властям артиллерию, которого вскоре казнили. В XIX в., когда Бри-

танция и другие западные государства усилили свое влияние в Китае, они потребовали судить своих граждан в соответствии с европейскими законами и юридическими процедурами.

Чтобы добиться признания, на допросах применялись разрешенные орудия пыток, например прессы для пальцев, ног, лодыжек. На этой иллюстрации к рассказу времен Мин признания женщины добиваются с помощью прессы для пальцев

(6 млн мексиканских серебряных долларов) и разрешение прямых контактов между чиновниками обеих стран.

Узнав об условиях договора, общественность обеих стран была возмущена. Линь Цзэсюя был изгнан за развязывание войны, и в столицу в цепях доставили чиновника, который вел переговоры с британцами. В Англии собрали новые войска, вдвое превышавшие численность предыдущей армии, и в 1841 г. британцы оккупировали стратегически важные прибрежные города, в том числе Шанхай. Когда поражение стало очевидным, десятки чиновников правительства Цин покончили жизнь самоубийством. Британцы заняли позиции у стен Нанкина, и китайцам оставалось лишь просить мира. Нанкинский договор, подписанный «под дулом пистолета», предусматривал выплату противнику 595 тонн серебра, ликвидацию корпорации Гунхан, открытие пяти портов (Гуанчжоу, Сямьнь, Фучжоу, Нинбо и Шанхай) и пятипроцентное снижение пошлин на ввоз английских товаров. По экстерриториальному праву в Китае британских подданных наказывали в соответствии с британским законодательством, это касалось и случаев с участием китайцев. Пункт о «наиболее благоприятствуемой державе» гласил, что если другая нация получает новую привилегию у китайского правительства, она автоматически распространяется и на Британию.

В XIX в. Китаю пришлось подписать не один «неравный» договор с империалистическими державами, но основные условия взаимодействия были оговорены именно тогда. Китайцы не имели права устанавливать собственные таможенные пошлины, и для их сбора они были вынуждены назначать европейских чиновников. Стоило китайцам не скупить установленное количество европейских шерстяных тканей, ножей и пианино, торговцы обвиняли местные власти в противодействии, они постоянно требовали увеличить число доступных портов и ослабить ограничения на торговлю. В 1860 г. англо-французские войска на месяц заняли Пекин, требуя заключить новые договоры об увеличении числа открытых портов до четырнадцати. К концу века таких портов стало больше, а их обширные площади на неограниченный срок сдавали в аренду иностранным властям. На этих территориях европейцы не были обязаны соблюдать китайские законы, и они напоминали интернациональные города, примыкавшие к континентальному Китаю. Иностранные державы получили право учреждать в Китае дипломатические миссии и консульства в соответствии с европейскими правилами международного протокола. В результате силовой дипломатии христианские миссионеры получили право проповедовать на всей территории страны. К концу XIX в. иностранные дельцы открыли множество фабрик на китайской земле.

Результатом «опиумной» войны стал непрекращающийся рост наркомании. Соглашение 1860 г. легализовало торговлю опиумом, и до конца XIX в. он оставался основным товаром, хотя с 1880 г. экспортная доля наркотика уменьшилась, уступив место местному производству. По оценкам западных наблюдателей, к XX в. к курению опиума пристрастилось около 10 % населения страны, 30–50 % из них были наркозависимыми. В большей степени опиум был распространен среди членов императорского клана и знаменосцев, живших на скудные пособия и не имевших особых занятий.

ВНУТРЕННИЕ ВРАГИ

До 1860 г. никто из высокопоставленных чиновников не рассматривал противников, прибывающих к берегам страны, как главную угрозу существованию династии Цин. Неприятности, которые они доставляли, были несоизмеримы с внутренними проблемами Китая.

Властям с трудом удавалось подавлять восстания. Понадобилось восемь лет (1796–1804), чтобы усмирить мятежников из тайного общества «Белого лотоса», занявших холмистые приграничные зоны провинций Хубэй, Сычуань и Шэньси. Власти соорудили тысячи бастионов, снарядили милицию из местных жителей, потратив пятилетний бюджет государства. В 1813 г. 100 тыс. последователей секты «Восемь триграмм» захватили несколько городов на севере Китайской равнины и даже проникли в Запретный город в Пекине. Прежде чем восстание было подавлено, погибло 70 тыс. человек. Тяжелее всего далась победа над тайпинами (1850–1864), когда волнения распространились на 16 провинций и 600 городов и повлекли за собой гибель 20 млн человек.

Восстание тайпинов отражено в исторических хрониках Китая более детально, чем других крестьянских бунтов. Оно началось на юге Китая, где были распространены тайные общества и поэтому неизбежно происходили столкновения местных жителей с *хакка* («гостями»), то есть поздними мигрантами, имевшими своеобразные диалект и обычаи (их женщины, например, не бинтовали ноги и много работали в полях). Этот регион больше всех остальных пострадал в период «опиумной» войны. Пристрастие к опиуму распространилось на юге особенно широко, здесь активно сопротивлялись проживанию иностранцев в Гуанчжоу. После того как открыли новые порты, отпала необходимость в перевозке чая через горы южного Китая и многие носильщики лишились заработка.

Харизматичного религиозного лидера, объединившего повстанцев южного Китая, звали Хун Сю-цюань. Это был проваливший экзамены на ученое звание *хакка*. Его путь как идейного вдохновителя восстания начался с видений, в которых старик с золотой бородой и женщина средних лет, обращаясь к нему как к младшему брату, приказывали уничтожить демонов. Ознакомившись с христианским писанием, Хун стал называть себя младшим братом Иисуса Христа. Он обратился к христианским миссионерам, чтобы те научили его креститься, молиться и петь псалмы. Привлеченный монотеизмом Ветхого Завета, настоящий пуританин, он призывал учеников разрушать идолов и храмы предков, отказаться от опиума и алкоголя, а также покончить с бинтованием ног и проституцией. В его проповедях были и опасные антимагическое воззвания: он считал гнусных завоевателей воплощением дьявола, которых Бог велел ему уничтожить.

К 1850 г. в ставке Хуна в Гуанси собралось 20 тыс. идейных сторонников, вооруженных для обороны от бандитов, но иногда устраивавших стычки с императорскими войсками. Он приказал им продать свою собственность и внести деньги в общую казну. На следующий год Хун поднял антидинастический мятеж и объявил себя царем «Небесного государства великого благоденствия» (Тайпин тянь го). Полные решимости изгнать угнетателей, тайпины показали себя

К концу XIX в. экспансия империалистических держав в Азии наводила на мысль о скором разделе Китая. По иронии судьбы земли Юго-Восточной Азии,

контролируемые европейцами, — особенно Сингапур, Малайзия и Голландская Ост-Индия — сильнее всего привлекали эмигрантов из Китая

отважными воинами. По мере продвижения на восток и север в ряды мятежников вступали новые недовольные, в том числе члены тайных обществ. При захвате городов в их руки попали большие правительственные запасы оружия и денег. К началу 1853 г. тайпины достигли Учана на реке Янцзы. У Нанкина восставшие встретили основные силы маньчжуров, состоявшие из 5 тыс. профессиональных солдат и 35 тыс. ополченцев. Мятежники сожгли и уничтожили всех маньчжуров, не пощадив даже детей.

В Нанкине тайпины учредили правительство и обнародовали утопические призывы к обществу нового типа, в их основе лежали принципы равного распределения земельных владений и равноправия мужчин и женщин. Государственные экзамены, доступные также для женщин, должны были базироваться на изучении идей Хун Сю-цюаня и китайских переводах Библии.

Тайпины держались в Нанкине десять лет, но так и не получили значимой поддержки в кругах китайской элиты. Не одобрили их действия и христианские миссионеры, посчитавшие ересью христианские элементы доктрины тайпинов. Пытаясь захватить Шанхай в 1860 и 1862 гг., мятежники наткнулись на яростную контратаку представителей западных государств. Не добавляли стабильности в стане тайпинов и проблемы управления: Хун оставался религиозным лидером, но им манипулировали и правительство, и военачальники. В результате раскола было убито несколько вождей. Но несмотря на политическую слабость тайпинов, правительству Цин было непросто взять над ними верх. Ситуация изменилась, когда в Хунани была собрана армия под предводительством китайского чиновника Цзэн Гофаня, которого больше всего беспокоила угроза конфуцианским порядкам. Цзэну и его армии численностью 120 тыс. человек понадобилось десять лет, чтобы разбить тайпинов. Когда Нанкин был окончательно взят, количество погибших оказалось просто невероятным. Цзэн утверждал, что тайпинские фанатики покончили с собой, однако отсутствие выживших легко объяснить ожесточенностью битвы.

После разгрома тайпинов новая армия переключилась на подавление восстаний. Мятежи вспыхивали один за другим по всей стране, поскольку слабость центрального правительства подстегивала недовольных бороться за власть. На севере Китая, особенно на побережье Великого канала, настоящим бедствием стали крестьяне, вступившие на бандитскую стезю. Шайки, объединенные обществом «Няньдан», отбирали урожай в селах, грабили торговцев, похищали богатых землевладельцев и требовали выкуп. На западе вспыхнули восстания мусульман и народности мяо, демонстрируя этнический сепаратизм автономных провинций. Цзэн Гофаню и его соратнику Ли Хун-чжану потребовалось еще четыре года, чтобы расправиться с отрядами «няньдан». В 1873 г. восстания мусульман в Юньнани и Ганьсу были подавлены военными лидерами других провинций. В 1879 г. Цзо Цзунтан возглавил войска в Ганьсу и разбил мусульман, вторгшихся в Синьцзян.

Успешным подавлением восстаний династия Цин была обязана поддержке китайской местной элиты. Волнения, масштабом подобные тайпинам, опрокинули множество династий: восстание «Желтых повязок» привело к краху династии Хань, секта «Белого лотоса» разрушила династию Юань, а Ли Цзычэн

стал причиной падения Мин. Зачастую генералы, способные подавить восстания, вскоре вступали в борьбу друг с другом за право основать новую династию. Правление Цин после восстания тайпинов напоминало конец династии Тан, пережившей мятеж Ань Лушаня только благодаря региональным армиям, которые затем выходили из-под контроля центральной власти. Но армии Цзэн Гофаня и Ли Хун-чжана за пределами родных провинций представляли власть императора. Центральное правительство было в опасности, так как после восстаний провинции обрели финансовую независимость и удерживали максимум налогов для своих нужд. Кроме того, в вооруженных силах эпоха господства маньчжуров закончилась. Китайский чиновник Ли Хун-чжан, почти на тридцать лет переживший Цзэн Гофаня, сконцентрировал в своих руках не меньшую власть, чем любой из придворных маньчжуров.

ПОЛИТИКА САМОУСИЛЕНИЯ

Пока в 1860 г. тайпины удерживали Нанкин, русские вторгались в Центральную Азию, а британские и французские войска стояли в Пекине и грабили Летний дворец (расплата за отказ китайцев следовать условиям нового соглашения). Следовало немедленно принять меры, в противном случае династию Цин ожидал крах.

Чиновники пытались вдохнуть в династию жизнь и искали спасения в реформах. Их целью было восстановление местного самоуправления и обновление экономики посредством сокращения государственных расходов, налаживания инфраструктуры и возвращения крестьян на брошенные земли. Они изучили множество работ по налогообложению, управлению водными ресурсами, транспортировке зерна, обороне, подавлению бандитских группировок и государственному устройству. Правительство признало необходимость реформы военных частей на западных границах и важность дипломатических контактов с западными странами, поскольку проблемы с иностранцами отвлекали от первоочередных задач.

В 1860–1870-е гг. по совету Цзэн Гофаня и Ли Хун-чжана правительство приняло решение возводить оружейные заводы и верфи для строительства военных кораблей западного типа. Эта инициатива вызвала сопротивление некоторых чиновников и стала предметом фракционной борьбы. Уважаемый неоконфуцианский ученый, главный секретарь Вожэнь возражал против открытия образовательных учреждений для подготовки аналитиков, что «с древних времен и до наших дней» не было «человека, которому с помощью математики удалось бы поднять страну из нищеты или укрепить ее в годы ослабления». Все социальные слои населения — от крестьян до китайских и маньчжурских чиновников — были уверены, что представители западной цивилизации однажды просто уйдут. Подражание социальным или политическим западным обычаям они расценивали как деградацию. Эффект от обновления проявился нескоро. В 1884–1885 гг., когда Китай вмешался в конфликт между Францией и Вьетнамом, французам понадобился всего час, чтобы разгромить флотилию, построенную на верфи

Чтобы разбить тайпинов, войска, защищающие династию Цин, осаждали опорные пункты мятежников

в Фучжоу. Китайцы постепенно осознали стремительность развития западной науки и неэффективность европейского оружия при отсутствии грамотного руководства.

Представление о Западе постепенно изменялось. Переводились книги, организовывалось обучение иностранным языкам. В Шанхае и Гонконге появились газеты, в которых освещались актуальные события в мире. Новые представления складывались из поездок за границу. В 1868 г. американский министр в отставке Энсон Берлингейм совершил ряд официальных визитов в важнейшие столицы Европы вместе с китайским и маньчжурским посланниками. К 1880 г. Китай имел посольства в Лондоне, Париже, Берлине, Мадриде, Вашингтоне, Токио и Санкт-Петербурге. Го Сундао, посол в Англии, еще в 1877 г. писал домой о важной роли железных дорог для экономического развития страны. По возвращении Го был вынужден отказаться от светской жизни — с такой свирепостью напали на него реакционеры. Но власть имущие уже перенесли свое внимание с дипломатических и военных вопросов на проблемы экономического развития.

Ли Хун-чжан убедился, что оружие и корабли — это лишь поверхностная демонстрация экономической мощи Запада, и для повышения конкурентоспособности Китаю необходимо обновить экономику. Он принял активное участие в организации китайской Торговой пароходной компании (1872), угольных шахт в Кайпине (1877), телеграфной сети (1879), хлопкопрядильной (1882)

и ткацкой фабрик (1890). При содействии Ли была заложена первая железная дорога (1880), соединившая угольные шахты Кайпина с верфями Тяньцзиня, благодаря которой Тяньцзинь стал настоящим промышленным городом. Некоторые провинциальные чиновники предпринимали схожие усилия: например, в 1890 г. в Ухане Чжан Чжидун открыл Ханьянский металлургический завод. Это были в полной мере совместные предприятия, поскольку коммерсанты инвестировали капитал, а чиновники проявляли инициативу и использовали политические связи. Так начинались первые шаги по освоению технологий, но до промышленного подъема было еще далеко, вложения прибыли в производство тормозила бюрократия.

Были и другие причины, почему Китай не стал, подобно Японии, новой промышленной державой, совершившей в те годы мощный скачок. Неравноправные договоры, низкие пошлины на ввоз товаров не позволяли неокрепшей китайской промышленности выдерживать конкуренцию с современно оснащенным иностранным производством. Народ противился внедрению современных технологий, считая, что железные дороги и линии телеграфа вызовут безработицу или потревожат могилы предков. К 1894 г. было проложено только 300 км железнодорожного полотна. Бедняки боялись, что налоги, которые они платят, будут затрачены на проекты, за счет которых обогатится только малая группа чиновников, инициировавших реформы.

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ И ПОИСК СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ

Со времен распада Римской империи Китай остается самой заселенной страной мира. По своей численности китайцы превосходят жителей всех стран Европы вместе взятых. До XVIII в. население планеты прирастало медленно — не более 0,5 % в год. Затем в большей части Евразии за 100 лет прирост жителей составил более 50 %. На человечество повлияло глобальное потепление, продление сезона роста сельскохозяйственных культур, выведение новых урожайных сортов, снижение заболеваемости после распространения эпидемий в эпоху глобальных миграций, модернизация функций государства, своевременно снабжающего продовольствием своих граждан в неурожайные годы. В Западной Европе тенденция роста населения стала другой в связи с изменением мировоззрения — поздним вступлением в брак и возросшим количеством одиноких людей. В Англии и Нидерландах демографический взрыв совпал с промышленной революцией, которая повысила уровень жизни в этих странах. Но не везде прирост населения положительно сказался на развитии общества. В начале XIX в. в Китае проживало приблизительно 300 млн человек, в России — 40 млн, в Японии — 30 млн, в Англии — 11 млн. С 1800 по 1850 г. население Китая увеличилось еще на 100 млн.

В Китае демографический взрыв имел разнообразные последствия. За 200 лет численность китайцев выросла в 3 раза. Постепенно стирались границы между деревней и городом, уменьшались крестьянские хозяйства, вырубались леса, сокращалось количество неводеланной земли. Становилось все больше рабочих

Западные государства всё настойчивее вмешивались в дела Китая, и китайцы стали проявлять любопытство к западным обычаям. Подпись к иллюстрации из популярного журнала 1890 г. гласит: «В разных местах существуют разные обычаи». Далее следовало замечание, что западные условности, например рукопожатие или целование в щеку, сравнимы с коленопреклонением и поклоном, принятыми у китайцев. Во Франции, как показано на рисунке, невестка на прощание целует свекра и деверя. Таково проявление хороших манер в высшем обществе на Западе. У китайцев же такое поведение считалось крайне неприличным

рук, а это вызывало снижение заработной платы и способствовало росту конкуренции. До конца XVIII в. эти процессы имели и положительные, и отрицательные последствия, стимулируя развитие и коммерциализацию в регионах. К началу XIX в. возобладали негативные последствия. Масштабные восстания середины XIX в. и сложности, с которыми столкнулись реформаторы и предприниматели, модернизировавшие промышленность, во многом связаны с экономической стороной демографической ситуации.

Под влиянием роста населения земледельцам пришлось прилагать больше усилий: они все чаще использовали ирригацию и удобрения, обрабатывали землю, ранее считавшуюся непригодной, осваивая новые культуры — батат и кукурузу. Когда вся пригодная земля оказалась возделанной, объемы продовольствия увеличивали с помощью дополнительной обработки неплодородных наделов. Результатом стали не только снижение продуктивности сельского хозяйства, но и экологические катастрофы местного масштаба. Вырубка горных лесов под дополнительные засевы спровоцировала эрозию почвы, а заиленность рек вызвала наводнения. Когда площадь пахотной земли расширяли за счет строительства на озерах польдеров и дамб, водоемы пересыхали или обмелевали настолько, что не могли сдержать паводок.

Перенаселение усложнило процесс становления промышленности. Крестьянские хозяйства уменьшались, и появлялся избыток рабочей силы. Чтобы свести концы с концами, крестьяне отправлялись на поиски работы или занимались ремеслом, женщины и девушки в основном пряли и ткали. Мелкие

производства мешали созданию текстильных фабрик. Жены и дочери крестьян продавали свои изделия по настолько низкой цене, что работник ткацкого производства не мог прожить на сумму, которую ему выплачивали не выдерживавшие такой конкуренции городские фабрики.

Когда на слишком большое количество людей приходится ограниченный объем ресурсов, неизбежно нарастает напряжение в обществе. Как только область оказывается густо заселена и выясняется, что лучшие земли уже заняты, начинается борьба за выживание. Столкновения между этническими, родственными общинами и деревнями стали привычным явлением. Тяжелые времена привели к убийствам новорожденных девочек в семьях, которые оказывались не в состоянии растить более двоих или троих детей, рождение сыновей при этом воспринимали как данность. Такие меры сократили число женщин брачного возраста и вынудили молодых мужчин отказаться от проживания в отчем доме и подчинения воле родителей. Те, кто не стали разбойниками и не успели эмигрировать, уезжали в города, где можно было наняться лодочником, грузчиком, носильщиком паланкинов, а к концу века — рикшей.

Новый международный порядок, к которому Китай вынужденно присоединился в XIX в., не облегчил экономического положения страны. Некоторые

Увеличение населения вдвое в первой половине правления династии Цин превратило деревни в густонаселенные города. Это изображение деревни в Шэяне (юг провинции Аньхуэй) было включено в книгу «Виды старого Шэ» 1757 г. издания

торговцы и предприниматели, имевшие дела в открытых портах, очень хорошо зарабатывали, но ни один регион не процветал. Возрос импорт опиума, отчего пострадал торговый баланс Китая, что привело к длительному периоду дефляции и экономического спада. С 1815 по 1850 г. цены упали вдвое. Из-за изменения курса серебра и медной разменной монеты налог, на выплату которого в 1800 г. требовалось 100 медных монет, в 1850 г. равнялся уже 200 монетам.

Постепенно внедрялось машинное производство. В 1875 г. почти вся хлопковая нить Китая производилась вручную. К 1905 г. вручную в Китае пряли лишь 50 %. Использование прядильных станков, более производительных, чем ручной труд, помогло китайской экономике в долгосрочной перспективе. Но до повсеместного внедрения машин (до 1925 г.) десятки тысяч деревенских семей, ранее зарабатывавших прядением, оказались на грани банкротства и были вынуждены искать новые источники дохода.

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА

В XIX в., когда миллионы европейцев эмигрировали в Америку и Австралию, миллионы китайцев переселялись главным образом в Юго-Восточную Азию, а некоторые отправлялись еще дальше. Как и европейцев, китайцев вынуждали уезжать два фактора: притягательность новой жизни и невозможность оставаться в старой. Плотность населения увеличивалась, возможности миграции в менее заселенные регионы страны практически не оставалось. После 1842 г. экономический спад в районе Гуанчжоу, вызванный прекращением торговли чаем, спровоцировал отток молодежи, которой приходилось искать новый заработок.

За границей людей привлекали новые возможности. Со времен династии Мин китайцы южных прибрежных провинций Фуцзянь и Гуандун создавали торговые сообщества по всей Юго-Восточной Азии. В буддийских странах, таких как Таиланд и Вьетнам, китайцы часто смешивались с местным населением, вступали в брак и осваивали новый язык и новые обычаи. Они редко сливались с мусульманами (например, на Яве), католиками (Филиппины) или примитивными племенами (север Борнео). В подобных регионах китайские диаспоры жили отдельно, многие из них говорили на одном диалекте. Управляющей силой китайских общин были добровольные ассоциации, например «триады», местные власти предпочитали не трогать китайцев, разрешая им самоуправление.

С распространением европейского империализма в Юго-Восточной Азии предприимчивым китайцам открылись новые возможности. После того как на практически безлюдном острове был основан Сингапур, китайцы хлынули туда потоком. Вскоре регион Гуанчжоу отправлял тысячи людей работать на оловянных рудниках Малайзии. К 1850 г. в городе Малакка проживали около 10 тыс. китайцев, в соседних городах Куала-Лумпур и Сингапур китайцы стали доминирующей этнической группой. В Саравак и Сабах, расположенных в северной части острова Борнео, прибывало множество *хакка* из Гуандуна, что поощряли испытывающие недостаток в рабочей силе британские власти.

Где-то китайцы приживались лучше, где-то — хуже. Огромные состояния были нажиты на добыче олова в находящейся под контролем Британии Малайзии, где в китайские сообщества входили как семьи, долгое время проживавшие в Малакке и говорящие на малайском языке, так и изысканные на кантонском диалекте недавние иммигранты. На испанских Филиппинах и в голландской Индонезии китайцам пришлось смириться с постоянными гонениями. В начале XIX в. голландцы захватили на Борнео рудники, разработанные несколькими поколениями китайцев, вследствие чего до 1854 г. между китайскими поселенцами и голландцами периодически происходили вооруженные столкновения. В результате китайская эмиграция на Борнео иссякла. В то же время завоевание Голландией юга Суматры вызвало с 1864 г. активный приток китайцев, работавших на сахарных и табачных плантациях. На Яве, где китайцы образовали коммерческие сообщества, голландцы использовали китайских торговцев в качестве сборщиков налогов, и некоторые нажили там крупное состояние. К XX в. в голландской Ост-Индии (ныне Индонезия) проживало более 500 тыс. китайцев.

Всемирное движение против рабства привело к прекращению торговли рабами из Африки, поэтому с 1840 г. агенты по найму потянулись за дешевой рабочей

В XIX в. родовые общины оставались стабильной формой организации, особенно на юге Китая. В некоторых областях люди заказывали изображения предков для новогодних церемоний жертвоприношений. На этом фрагменте живописного полотна предок восьмидесятого поколения изображен сидящим между двумя женами, под ним — трое его сыновей. Несмотря на то что это простые люди, на картине они облачены в одежды чиновников — в этом отражена надежда на то, что на небесах им удалось достичь высокого положения

Китайцы, осевшие в Сингапуре и близлежащих регионах Малаккского пролива, не придерживались какого-либо единого стиля в одежде, что демонстрирует семейная фотография 1918 г.

силой в Китай. Беспринципные иностранные агенты и столь же аморальные посредники-китайцы нанимали сотни тысяч китайцев для работы на плантациях и рудниках Кубы, Перу, Гавайев, Суматры и других стран. При перевозке и далее на месте с этими *кули* (в переводе с китайского «чернорабочий») нередко обращались, как с рабами. Вопиющие нарушения были отмечены в Перу, куда к 1875 г. прибыло почти 100 тыс. китайцев, которые поверили агентам, пообещавшим им несметные богатства. На деле же попытавшегося сбежать китайца заковывали в цепи и принуждали трудиться в кандалах. В 1852 г. сахарные плантаторы привезли первых китайцев на Гавайи, они заключили с ними договоры на 3–5 лет и за 12-часовой день при шестидневной рабочей неделе платили им по 3 доллара в месяц, сверх жилья и питания. Многие из тех, чьи контракты завершились, предпочли остаться на Гавайях и основали там небольшие предприятия, ставшие важной частью местного бизнеса. В 1900 г. на Гавайях проживало приблизительно 25 тыс. китайцев.

Золото, найденное в Калифорнии (1848), в Австралии (1851) и в британской Колумбии (1858), вызвало приток населения в эти малолюдные районы. В Калифорнии повезло немногим, и остальным пришлось переключиться на другие виды деятельности. Тысячи людей нашли работу на строительстве железной дороги, другие переместились на рудники Вайоминга и Айдахо. В 1880 г. на западе Соединенных Штатов проживало более 100 тыс. китайцев, среди них было всего 3 тыс. женщин. Периодически возникали расовые столкновения между китайцами и белым населением, связанные с представлениями о китайцах как о развращенных, попирающих законы курителях опиума. В 1882 г. китайским рабочим отказали в получении американского гражданства, и иммиграция была приостановлена. В 1888 г. президент Кливленд объявил,

что китайцы «не могут ассимилироваться с нашим народом и представляют опасность для нашего спокойствия и благополучия». Китайцу стало практически невозможно перевезти через американскую границу жену и ребенка, он был вынужден пойти на обман и в некоторых случаях мог просить торговца выдать его ребенка за своего сына.

Разбросанные по всему миру и группирующиеся в сообщества, китайцы не теряли интереса к происходящему на родине. Несмотря на неграмотность большей части эмигрантов, они беспокоились о передаче детям национального языка, как только вставали на ноги. Газеты на китайском языке распространялись во всех областях проживания китайцев. Хотя немногие из иммигрантов говорили на пекинском диалекте, что разъединяло их с остальными, письменность и общая связь с Китаем способствовали сплочению рассеянных за океаном сообществ. К концу XIX в. они играли значительную роль в формировании политики Китая (см. главу 10).

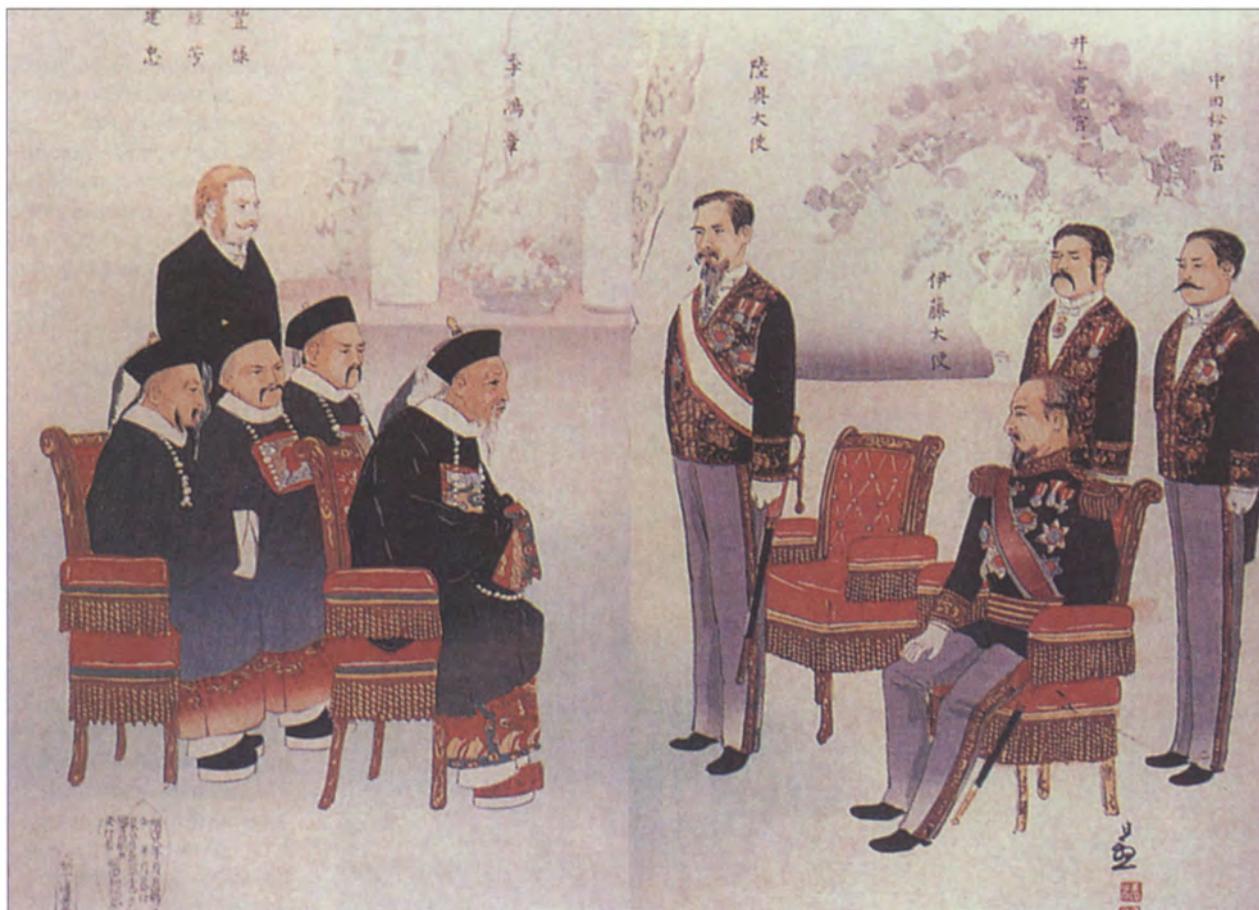
Поскольку правительство США запретило въезд в страну китайским женщинам, в первые годы XX в. китайский квартал в Сан-Франциско населяли исключительно мужчины

Окончательное падение, 1894–1900

Усилиям японцев по укреплению страны в конце XIX в. не противоречило введение западных обычаев. Это видно из различий в одежде китайских и японских чиновников, ведущих переговоры после злополучного разгрома китайцев в 1894–1895 гг. Пожилой Ли Хун-чжан изображен сидящим на первом плане. После того как японский фанатик выстрелил и ранил его в лицо, японцам пришлось сократить список своих требований

В конце XIX в. казалось, что в Китае все идет наперекосяк. Прежде всего удивительное открытие, что Япония во многом обогнала Китай и теперь представляет для него угрозу. С момента Тайпинского восстания Япония уверенно встала на путь современного государства, способного защитить себя от любой западной державы. К концу 1890-х гг. Япония уже достигла многого: в стране сформировалась конституционная монархия, почти все привилегии старого правящего класса были отменены, повсюду формировались новые отрасли промышленности, система всеобщего среднего образования выявляла молодых людей, готовых служить в современной армии и военном флоте. Таким образом, Япония была готова превратиться в империалистическую державу.

В 1870-х гг. японцы заявили претензии на архипелаг Рюкю, издавна считавшийся данником Китая. Затем они переключились на Корею, наиболее верного вассала династии Цин, выплачивавшую Китаю дань четыре раза в год. В 1876 г. Япония заставила Корею «открыться» так же, как двадцать лет назад Соединенные Штаты «открыли» Японию. Когда в 1894 г. в Корее поднялось восстание,

При всем желании вдовствующую императрицу Цыси (управлявшую государством в молодые годы двоих императоров, 1861–1908) не назовешь положительным образцом руководителя среди женщин прошлого. Когда в 1875 г. умер ее 18-летний сын Тунчжи, она назначила наследником 3-летнего племянника, обеспечив себе регентство при нем. Эгоистичная и невежественная, в то время когда Китаю требовался энергичный и смелый правитель, она поддерживала реакционеров, подавляла реформаторов, симулировала поддержку модернизации, одновременно поощряя нападки критиков

Китай и Япония поспешили ввести свои войска. Японцы искали предлог для войны с Китаем и первым делом потопили пароход с китайскими военными. В развязавшейся войне китайский флот выглядел жалко, а самый страшный удар враг нанес, зайдя с тыла. Тогда орудия порта Вэйхайвэя обратились против китайского флота, оказавшегося в безвыходной ситуации. Это было поражение не китайского оружия (большая часть его была приобретена за рубежом), но китайских командования и стратегии.

Китай запросил мира и отправил на переговоры выдающегося дипломата Ли Хун-чжана. Тот согласился на аннексию Ляодуна и Тайваня, выплату 5670 тонн серебра и право на открытие японских фабрик в Китае, что означало обретение влияния и в других сферах жизни страны. К негодованию японцев, европейские страны были недовольны таким результатом и вынудили Японию вернуть Ляодун за дополнительные 1417,5 тонн серебра.

Это была эпоха раздела Африки и Юго-Восточной Азии, и государства опасались, что другие отхватят себе самые лакомые кусочки. Увидев, как легко Япония победила Китай, западные страны присоединились к его расчленению. Германия захватила Цзяочжоу в Шаньдуне, Россия получила Ляодун, Британия взяла в аренду Вэйхайвэй в Шаньдуне и «новую территорию» рядом с Гонконгом, Франция арендовала бухту Гуанчжоу возле острова Хайнань. Отвергнуть удалось только территориальные притязания Италии.

В 1896 г. 74-летний Ли Хун-чжан отправился в путешествие по свету, в ходе которого представлял Китай на коронации русского царя и встречался с главами Германии, Голландии, Бельгии, Франции, Великобритании и Америки. Здесь он изображен сидящим рядом с отставным премьер-министром Великобритании Уильямом Глэдстоуном

В условиях, когда казалось, что Китай вот-вот разделят на части, группа молодых ученых из Пекина, готовящихся к экзамену на степень цзиньши, представила трону длинный свиток со списком неотложных реформ. По их словам, Китаю необходимо было повысить налоги, учредить государственный банк, построить сеть железных дорог, торговый флот и организовать современную почтовую связь. Правительство должно было вернуть эмигрировавших китайцев для технической поддержки программ модернизации. Лидерами этой группы были 37-летний Кан Ювэй и 22-летний Лян Цичао, оба родом из Гуандуна. Кан был выдающимся конфуцианским ученым, стремящимся реабилитировать модернизацию с точки зрения китайских традиций. Он представил Конфуция в новом свете, то есть как реформатора общественной системы и сторонника изменений. В 1898 г., когда вдовствующая императрица передала бразды правления 23-летнему племяннику Гуансюю, тот призвал к себе Кан Ювэя и попросил у него содействия в реформах. Кан представил несколько отчетов, в одном из них он упоминал о судьбе Польши (разделенной в XVIII в. европейскими государствами) и триумфе реформ Мэйдзи в Японии. Вскоре император начал издавать указы, изменившие систему образования, коммерцию, государственное и военное управление. Через три месяца терпение вдовствующей императрицы Цыси лопнуло. Опасаясь, что реформы подорвут позиции маньчжуров, она заперла Гуансюя, схватила и казнила всех реформаторов, которых сумела найти. К счастью, Кан Ювэй и Лян Цичао среди них не оказались — они успели скрыться в Японии.

Окончательное падение династии Цин произошло два года спустя во время восстания ихэтуаней. Тайное общество, развернувшее это восстание, называло себя «Кулак во имя справедливости и согласия». Как и предыдущие тайные общества, ихэтуани сочетали традиционные боевые искусства¹ с шаманскими верованиями. К этому добавлялась ксенофобия: во всех несчастьях Китая повстанцы винили иностранцев, в особенности миссионеров, которые через открытые порты проникли в китайскую глубинку и внушали крестьянам, что их вера и обычаи отстали и неправильны. В 1898 г. ихэтуани появились в разоренной области на северо-западе Шаньдун. Захватывая и уничтожая собственность иностранных миссионеров и новообращенных христиан, мятежники привлекли на свою сторону много молодежи из числа деревенской бедноты. Это были крестьяне, оставшиеся солдаты, бурлаки и контрабандисты, перевозящие соль. Когда правительство Шаньдуна приняло меры против повстанцев, ихэтуани стали перемещаться. В июне 1900 г. мятежные отряды появились в Пекине и Тяньцзине, наводя ужас на иностранцев и новообращенных христиан, которых они нередко убивали. Западные власти протестовали и готовились к войне. Вдовствующая императрица Цыси колебалась, но в итоге приняла решение поддержать ихэтуаней, поскольку надеялась, что те эффективнее решат проблему иностранцев. Когда ихэтуани осадили квартал иностранных дипломатических миссий, вдовствующая императрица подписала указ о начале войны: «Иностранцы вели себя агрессивно по отношению к нам, они посягнули на нашу территориальную целостность, растоптали ногами наш народ... Простые люди жестоко страдают от их рук, и все они жаждут мести». Ихэтуани объявились и в других провинциях, где напали на миссионерские поселения. В августе двадцатитысячные войска десяти иностранных государств двинулись из Тяньцзиня в Пекин, прорвали оборону города и разграбили его. Императрица и император Гуансюй были вынуждены бежать. Ли Хун-чжана снова призвали на переговоры, и ему пришлось реализовать целый ряд наказаний: на пять лет отменить экзамены в областях, где притесняли иностранцев (кара местной элите за пособничество), и собрать контрибуцию — около 13 тыс. тонн серебра. Двухгодичный бюджет страны следовало выплатить за 40 лет с учетом процентов. Восстание простолюдинов, желавших избавить Китай от врагов, привело к тому, что государство оказалось в еще более затруднительном положении.

В эпоху Цин китайское государство расширилось, но на саму цивилизацию обрушивались удар за ударом. Сначала — маньчжуры. Сам факт, что китайцы уступили северному соседу и сменили прически в знак подчинения, ставил под сомнение величие государства. Приверженцы конфуцианства успокаивали себя мыслями о высоком и были уверены, что Китай все равно будет первым. Они заостряли внимание на китайском стиле маньчжурского правления, например адаптации общественных институтов и исполнения по всем правилам роли Сына Неба маньчжурскими правителями. Все-таки Канси, Юнчжэн и Цяньлун

¹ Особую роль в деятельности ихэтуаней играло военное искусство рукопашного боя — ушу. У европейцев эта техника ассоциировалась с приемами бокса, поэтому они стали называть ихэтуаней «боксерскими», а само восстание — «боксерским». — *Примеч. ред.*

Члены отрядов ихэтуаней, главным образом, бедные крестьяне из провинций Шаньдун и Хэбэй, винили в трудных временах иностранную интервенцию и христианских миссионеров. Когда повстанцы появились в Тяньцзине (см. фото), то сильно встревожили жителей-иностранцев, наслышанных о жестоких нападениях

14 августа 1900 г. иностранные войска, насчитывавшие 20 тыс. человек — в основном из Японии, России, Британии и ее колоний, США, Франции и Германии — вошли в Пекин через городские ворота. Прорвав блокаду дипломатического квартала, они разгромили отряды ихэтуаней, а столицу разграбили

доказали, что могут управлять китайским государством не хуже императоров династии Мин. Порой возникали этнические конфликты, и даже после двухсот лет правления маньчжуров простые люди сохранили убежденность, что их правители — чужеземные завоеватели. Это подтвердила ярость антиманьчжурских лозунгов во время восстаний тайпинов.

Неудачи Китая в XIX в. в конфликтах с западными империями пошатнули веру китайцев в свое государство. Западная Европа прошла огромный путь развития в период с середины династии Мин до эпохи Цин — от Возрождения и века Колумба к Реформации, взлету и падению Испанской империи, к Просвещению, французской буржуазной и промышленной революции. Как в технологическом, так и в политическом отношении Китай уступал Европе. Его втянули в международный экономический порядок, который был не в пользу тех, кто присоединился к нему слишком поздно, — диктовать правила Китай не мог.

Потеря позиций Китая на мировой арене была обусловлена не только упадком самого государства, но и возвышением Европы, поэтому практически невозможно позитивно оценить историю Китая XIX в. Проще выделить личности, заслуживающие порицания, чем тех, кого можно было бы прославить. Китайские и маньчжурские чиновники, которые сопротивлялись влиянию Запада, кажутся безответственными ретроgrадами, не осознававшими размеров наносимого их действиями ущерба. Государственных деятелей, предлагавших паллиативные меры по решению проблем, например изучение западной науки и военных технологий отдельно от других аспектов европейской культуры, можно назвать недальновидными. Бюрократов, пытавшихся реализовать множество неэффективных проектов, направленных на промышленный рост, можно упрекнуть в том, что они не почувствовали ключевых моментов капиталистической экспансии и потеряли без того скудные ресурсы. Столь же сложно найти героев за пределами сословия ученых-чиновников. Ни один из мятежных лидеров середины XIX в. не стал пророком, который объединил бы Китай и повел бы его вперед. Решение ихэтуаней бороться с иностранной угрозой не назовешь удачным. Конечно, китайские торговцы в портах, открытых международным соглашением, имели возможность заработать состояние, но эти выгоды крайне редко распространялись на широкие слои населения.

Могли бы события развиваться по другому сценарию? Мог ли Китай оказаться в лучшем положении, если бы не был так консервативен в начале эпохи Цин? Консерватизм ли удерживал ученых на дистанции от научных знаний, которыми иезуиты сперва так их заинтересовали? Смог бы Китай модернизироваться столь же быстро, как и Япония, если бы Цяньлуну понравился Маккартни и он прислушался бы к его советам? Что было бы, если бы лидеры страны не погрязли во внутренних раздорах в 1850–1860-е гг.? А если бы тайпины свергли династию Цин и кто-то вроде Цзэн Гофаня или Ли Хун-чжана основал новую династию и энергично повел страну вперед, было бы это лучше для Китая? А если бы правящая династия не была чужеземной? Решило бы это проблему модернизации? Вопросы можно задавать бесконечно. Но ничто не было предрешено, и результаты конфронтации Китая и империалистических держав определило случайное стечение обстоятельств.

Окончательная оценка упадка Китая в XIX в. произошла в XX в. Кто выступал за отрыв Китая от прошлого, за модернизацию общества и его устремление вперед, рассматривал кризис XIX в. как замаскированное благо. Централизованная бюрократическая монархия, патриархальная семья и элита ученых-чиновников так глубоко вросли в культуру и общество Китая, что понадобилось сто тяжелых лет, чтобы заставить людей задуматься и признать: перемены неизбежны. Кто из XX в. видит в событиях XIX в. трагедию, полагает, что если бы государство иначе урегулировало конфликт с западным миром, китайский народ понес бы меньшие потери. Тогда революционные изменения не казались бы просвещенным китайцам неизбежными.

Работать, чтобы выжить

В XIX в. индустриализация не изменила способы зарабатывания денег. Новая для той поры фототехнология позволяет увидеть жизнь простых китайцев. Снимки трудящихся мужчин, женщин и детей делали гости с Запада, начиная с 1860 г., а особенно с 1880 г., когда фотоаппараты ста-

ли более легкими по весу и в эксплуатации. Информации о жизни Китая в более ранние периоды мы обязаны рисункам художников, сознательно или неосознанно приукрашивавших увиденное. Но ни один фильтр не скроет суровую реальность ежедневного тяжелого труда.

Люди, обученные канону, но не прошедшие экзамены, нередко становились учителями в деревенских школах. В конце XIX в. многих детей учили традиционным способом: сначала зазубривать текст, а затем воспроизводить его вслух по памяти, стоя спиной к учителю

Крестьяне, которые не могли себе позволить держать тягловый скот, сами впрягались в плуг

Транспортировка грузов внутри страны часто ложилась на плечи людей, даже в XX в. Эти сфотографированные в 1908 г. носильщики переносят через горы около 136 кг брикетов чая. Их путь лежит из провинции Сычуань в Тибет

◀ Работу в Шанхае с его многочисленными мастерскими могли найти даже женщины с бинтованными ногами. Здесь работницы (собранные в группу для удобства фотографа) сортируют чайные листья

Во времена, когда в ходу были только ручные инструменты, распиливание бревен на стройке требовало умения и силы

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЙ

Начало XX в. (1900–1949)

В период с 1900 по 1949 г. элита, все более терявшая единообразие, энергично стремилась превратить Китай в мощное современное государство. Главную роль играли люди, чувствовавшие необходимость в действии: распространении новых идей, внедрении новых предприятий, учреждении новых институтов, борьбе с коррупцией, объединении угнетенных и разгроме врагов. Патриоты хотели возродить Китай как нацию, накопить силы и дать отпор иностранным агрессорам. Интеллектуалы и деятели искусства ставили своей целью сформировать современную китайскую культуру.

В 1911 г. революционеры свергли династию Цин, но осуществить свою мечту, провозгласить республику, им не удалось. С 1916 по 1927 г. Китай был политически раздроблен, местные милитаристские клики боролись за лидерство, а империалистические державы расширяли свое господство. После того как националисты справились с политической раздробленностью, жестокая борьба между ними и коммунистами, а также с нараставшей агрессией японцев отвлекла их от задач модернизации. Во время войны с Японией коммунистическая партия мобилизовала бедных крестьян, превратив их в дисциплинированную армию, которая в гражданской войне в результате одержала верх над лучше оснащенными войсками националистов.

СВЕРЖЕНИЕ ДИНАСТИИ ЦИН

В первом десятилетии XX в. власть династии Цин окончательно ослабела. После событий XIX в. — нападения Японии, отстранения императора усилиями вдовствующей императрицы и вмешательства империалистов в восстание ихэтуаней — ее авторитет сошел на нет. По всей стране активизировались группы местной элиты, пытавшиеся изменить политический порядок как из идейных, так и из корыстных побуждений.

Свержение двухтысячелетней китайской монархии преподносится обычно как операция революционеров, вдохновленных идеями из-за рубежа. За последние десятилетия империи Цин образованные граждане постепенно узнавали, как властвуют и добиваются экономического благосостояния европейские державы и Япония. Янь Фу, один из первых китайцев, получивших образование в Англии, опубликовал переводы «Эволюции и этики» Т. Хаксли (1898), «Богатства народов» А. Смита (1900), «О свободе» (1903) и «Логики» (1905) Дж. С. Милля, «Социологических исследований» Г. Спенсера (1903) и «О духе законов» Ш. Монтескье (1909). Янь Фу утверждал, что западная форма правления освобождает энергию индивидуума, которую можно направить на достижение коллективных целей. То есть отстаивал идею, отличную от китайского «Пути

Гоминьдан был озабочен военным вопросом. После Северного похода 1926–1927 гг. обширные области Китая находились под властью японцев, милитаристских клик и ком-

мунистов. В 1934 г. армии националистов удалось выгнать Коммунистическую партию из центрального Китая, но она не сумела предотвратить вторжение японцев в 1937 г.

совершенномудрых», препятствовавшего развитию способностей отдельной личности. Янь Фу заметил, что только 30 % несчастий Китая связаны с иностранцами, остальные же произошли по вине самих китайцев, и только они смогут их исправить.

Самыми известными реформаторами 1910–1920-х гг. были Кан Ювэй и Лян Цичао. Избегав гнева вдовствующей императрицы, Кан много путешествовал, посещал заокеанские диаспоры китайцев, а Лян поселился в Японии, где к 1906 г. обучалось более 10 тыс. китайских студентов. Опыт проживания в чужой стране, где студенты чувствовали себя в униженном положении из-за слабости и отсталости Китая, спровоцировал у них проявление пылких националистических чувств. Лян начал издавать журнал, в котором анализировал ухудшающееся положение Китая и внедрял западные идеи. Он продвигал концепцию сильного «демократического» государства, правительство которого руководствуется интересами народа, но не обязательно представляет или защищает права отдельного гражданина. После пяти месяцев пребывания в Соединенных Штатах в 1903 г. Лян не испытывал восторга от американской формы республики, но восхищался многими идеями государственных деятелей и конституционных монархий Японии и Германии.

В это время в Китае правительство Цин двигалось в направлении конституционализма и парламентского правления. В 1905 г. отменили экзамены на ученую степень, учредили современную систему среднего образования и бюрократический правительственный аппарат. Прислушавшись к мнениям зарубежных советчиков, в 1908 г. вдовствующая императрица Цыси обнародовала план постепенного утверждения конституционных принципов, рассчитанный на 9 лет.

После загадочной смерти 33-летнего императора Гуансюя, случившейся за день до смерти вдовствующей императрицы, на троне Китая вновь оказался ребенок, и надежда на конституционную монархию в японском стиле угасла. И все же в 1909 г. в каждой провинции были созданы комитеты по подготовке конституции, представители которых вскоре отправились в Пекин. Несмотря на то что право голоса было лишь у крошечной части населения, сам факт существования собраний усиливал энтузиазм и реализовывал идею правления с непосредственным участием народа.

Проводимые «сверху» преобразования не удовлетворяли разрастающуюся элиту, жаждущую перемен, не говоря уже о революционерах. В 1903 г. 19-летний Цзоу Жун опубликовал пламенный призыв создать «революционную армию», чтобы «стереть с лица земли 5 млн варваров-маньчжуров, смыть позор 260 лет жестокости и гнета и вновь сделать Китай чистым». Он сетовал, что представители «священной ханьской расы, наследники Желтого императора» стали рабами маньчжуров и оказались на грани вымирания. Европейские риторика того периода довольно часто применяли термины дарвинизма к социальной ситуации, и борьба за выживание на международной арене среди государств-хищников многим китайцам показалась наиболее точным сравнением в условиях кризисного положения.

Против маньчжуров выступал Сунь Чжуншань (Сунь Ятсен, 1866–1925 гг.) — легендарный зачинатель первого революционного движения. Как и Хун

Сюцюань, Кан Ювэй и Лян Цичао, Сунь был родом из Гуандуна, однако в отличие от них, происходил не из семьи интеллектуалов, изучавших конфуцианскую классику. Двое его дядей эмигрировали в Соединенные Штаты в годы золотой лихорадки, еще один дядя и брат уехали на Гавайи, а в 1879 г. туда был отправлен сам Сунь. Как только у Суня начал проявляться интерес к христианству, брат вернул его в Китай. Он уже не мог оставаться в своей деревне и переселился в Гонконг, где принял крещение и занялся изучением западной медицины. Здесь вместе с друзьями Сунь стал задумываться о преимуществах республиканского типа правления, о котором узнал в своих школах, ориентированных на Запад. Чтобы свергнуть маньчжуров, по их мнению, следовало сговориться с тайными сообществами, широко распространенными на юге. Мало того, что «триады» недолюбливали маньчжуров, они также представляли собой единую, хорошо организованную сеть, объединяющую одну провинцию с другой.

В 1894 г. Сунь поехал в Пекин в надежде встретиться с ведущим чиновником-реформатором Ли Хунчжаном, но встреча не состоялась. Он вернулся на Гавайи и основал отделение «Союза возрождения Китая», насчитывающее около ста человек. Через год подобная группа была собрана им в Гонконге. Однако усилия Суня, его единомышленников и членов тайных обществ не шли дальше подстрекания к мятежам. Параллельно Сунь не переставал искать поддержку за пределами Китая. В 1896 г. он остриг косу и стал носить западную одежду. Некоторое время он провел в Англии и обнаружил, что многие европейцы усмотрели недостатки в своих общественных институтах и пропагандируют социалистический путь решения проблем. Сунь начал искать путь, следуя которому Китай пришел бы к более прогрессивной форме управления государством, опередив Запад. В Японии он встретил желающих участвовать в восстановлении и модернизации Китая. В 1905 г. эти люди помогли Суню объединиться с радикально настроенными студентами и сформировать «Революционный объединенный союз». Несмотря на разницу в социальном происхождении, студенты из семей землевладельцев и чиновники сплотились, вдохновленные обещанием Суня быстро решить проблемы Китая. Союз содействовал подготовке не менее семи восстаний. Сам Сунь большую часть времени затрачивал на поездки в поисках средств и иностранной поддержки.

Сунь находился в Денвере, когда заговорщики вынесли приговор китайской монархии. Когда в революционном штабе в Учане случайно взорвалась бомба, офицеры, опасаясь, что откроется их связь с революционерами, организовали переворот. Учан был взят меньше чем за день, во всей провинции военные передали по телеграфу призыв отделиться от империи Цин. За шесть недель о своей независимости заявили пятнадцать провинций. Отчаявшиеся придворные обратились к сановнику и генералу Юань Шикаю (1859–1916), и тот вступил в переговоры с революционерами, они опасались интервенции и с готовностью шли на компромисс. В результате было достигнуто соглашение об учреждении республики с президентом Юанем во главе, для чего сперва император должен был отказаться от престола. Двору гарантировали хорошее обращение и сохранение большей части собственности. В феврале 1912 г. последний император

Юань Шикай, наиболее влиятельный генерал династии Цин, стал в 1912 г. президентом новой республики и вскоре проявил себя как диктатор

Сунь Ятсен много времени провел за границей, пытаясь получить финансовую поддержку своего дела. Эта фотография сделана в Японии в 1916 г., Сунь сидит на переднем плане в центре

династии Цин подписал отречение, а в марте вернувшийся в Китай Сунь Ятсен издал временную конституцию.

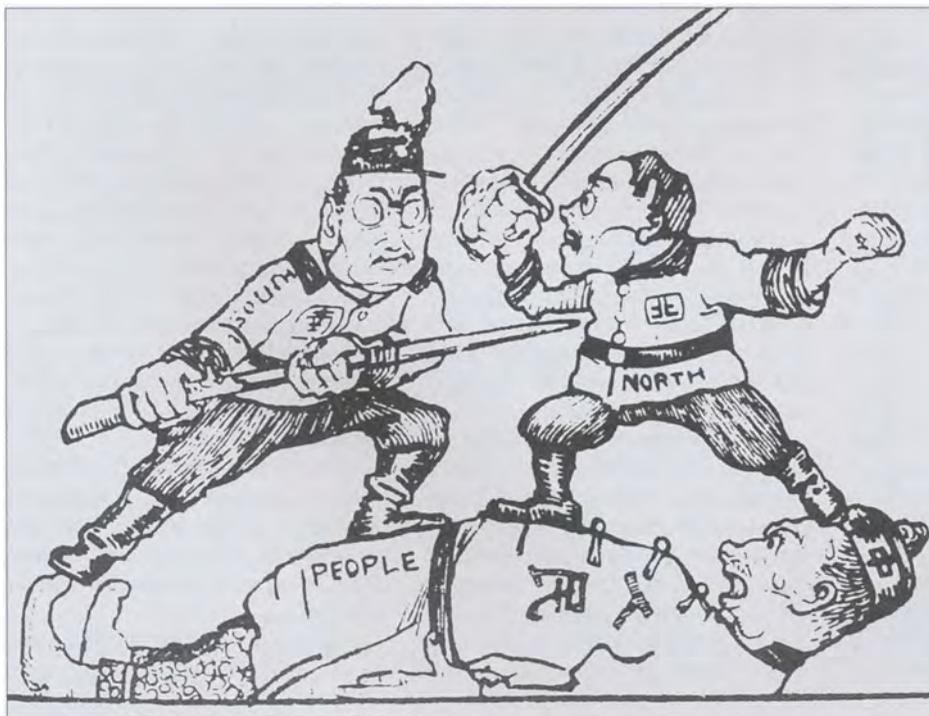
Стремительность, с которой свергли династию Цин, говорит о серьезных переменах, произошедших в китайском обществе со времен восстания тайпинов; наконец-то удалось достичь сплоченности образованных людей. Преследуя свои интересы, постепенно перешла в оппозицию к государству местная элита. Активно участвовали в управлении своих городов торговцы, организованные в торговые палаты. К началу XX в. симпатии сельской и городской элит находились на стороне революционеров, они тоже стремились к модернизации и реформам по разным причинам.

Новое республиканское правление так никогда по-настоящему и не осуществилось. Попытка объединить усилия с армией Юаня Шикая провалилась. Парламентские выборы состоялись, однако в 1913 г. Национальная партия Гоминьдан (наследник «Революционного объединенного союза») получила больше половины мест, Юань продемонстрировал, что не собирается придерживаться конституции и заказал убийство лидера националистов Сун Цзяожэня. Местная элита оказалась против концентрации власти в центре, и вскоре шесть провинций объявили о своей независимости. Юань вновь воспользовался силовыми методами и превратился в военного диктатора. В конце 1915 г. он даже заявил о своем намерении стать императором 1 января 1916 г. Это вызвало взрыв негодования, который стих после его неожиданной смерти в июне 1916 г.

СМЕЩЕНИЕ ЦЕНТРА ВЛАСТИ

Двенадцатилетний промежуток времени с момента смерти Юань Шикая до учреждения Национального правительства в 1928 г. обычно называют периодом правления милитаристских клик. В отсутствие центральной власти началась борьба за первенство между командирами старой армии Юань Шикая, местными лидерами и бандитами. Территории, завоеванные империей Цин, но не входившие в состав исконного Китая, такие как Тибет и Монголия, провозгласили свою независимость. Пока Сунь Ятсен и его союзники собирались с силами далеко на юге, в Гуанчжоу, в Пекине сменилось 6 президентов и 25 кабинетов министров. Однажды борьба, дислоцировавшаяся до сих пор на севере, вышла из-под контроля, и разрушительные войны распространились по всему северу Китая. Неуправляемые бандитские группировки наносили простым людям больше ущерба, чем регулярные армии, и сельские жители были вынуждены формировать отряды самообороны.

В это время интеллектуальная молодежь вела войну с устаревшими идеологиями. Считая это своим долгом перед предшественниками, студенты старались выполнить функцию советников для власть имущих. Получив современное образование, молодые люди считали себя единственными, кто может «спасти» Китай. Особенно активной была позиция Пекинского университета, где Чэнь Дусю, основатель журнала «Новая молодежь», был назначен деканом факультета гуманитарных наук. Чэнь, обучавшийся в Японии и Франции, был яростным

В начале XX в. в газетах и журналах стали появляться политические карикатуры. На этом рисунке 1918 г. милитаристы севера и юга борются друг с другом, попирая при этом народ

Лу Синь и его характеристики китайцев

Одним из известных людей начала XX в. является писатель и критик Лу Синь (1881–1936). В предисловии к сборнику рассказов он писал: «Тот, кто приходит в этот мир, постепенно понимает, что на самом деле представляет собой общество». Критичность его взгляда на закоснелых китайских интеллектуалов, на простых китайских крестьян и горожан объясняется происхождением из неблагополучной семьи: дед Лу Синя, чиновник, попал в тюрьму за взяточничество, отец пристрастился к опиуму, а самом ему нередко приходилось закладывать ценности в ломбарде, чтобы удержаться на плаву.

На протяжении литературной карьеры Лу Синь с беспощадным сарказмом отвечал на призывы сохранить «национальную сущность» Китая. Он не только подмечал множество черт, от которых китайцам, по его мнению, следовало избавиться, но и объявлял глупостью разделение китайского и некайтайского: «Неужели его усы, которые некоторым казались японскими, делали его в меньшей степени китайцем? Что если японский стиль усов в свою очередь был скопирован

с немцев? А если китайцы времен Тан и Сун носили такие же усы, с поднятыми вверх кончиками? Если конспектировать лекции удобнее чернильными ручками, чем устаревшими китайскими кисточками и тушью, не лучше ли производить их, как это делают японцы, а не объявлять их использование противоречащим китайским обычаям? Выиграет ли кто-нибудь от превращения Китая в огромную антикварную лавку, кроме иностранных туристов, разыскивающих редкости, или интеллектуалов, единственным предметом гордости которых является знание старых книг?»

В 1926 г. комментарии Лу Синя приобрели политическую остроту, после того как некоторые из его учеников погибли во время мирной демонстрации в Пекине. События следующего года — жестокое избивание коммунистов, организованное Гоминьданом, — еще сильнее потрясли его. В статье, опубликованной в апреле 1928 г., он осуждает китайский менталитет, что типично для его ранних произведений, и высказывает радикальные мысли, характерные для более поздних работ.

Уничтожение красных — Великое представление

В [шанхайской газете] «Шэнь Бао» от 6 апреля опубликовано «Письмо из Чанша», описывающее захват властями Хунани провинциального комитета Коммунистической партии, приговорившими более тридцати человек к смерти и 29 мая казнившими восемь из них. Эта статья так хорошо написана, что я цитирую ее:

«В тот же день на месте казни собрался весь город, среди заключенных были три женщины: Ма Шучунь шестнадцати лет, Ма Чжичунь четырнадцати лет, и Фу Фэнцзюнь двадцати четырех лет. Толпа собралась такая, что невозможно было и шагу ступить. Тот факт, что голова коммунистического главаря Го Ляна была выставлена у ворот суда, привлек еще больше зрителей. Между воротами суда и Восьмиугольным павильоном возникла транспорт-

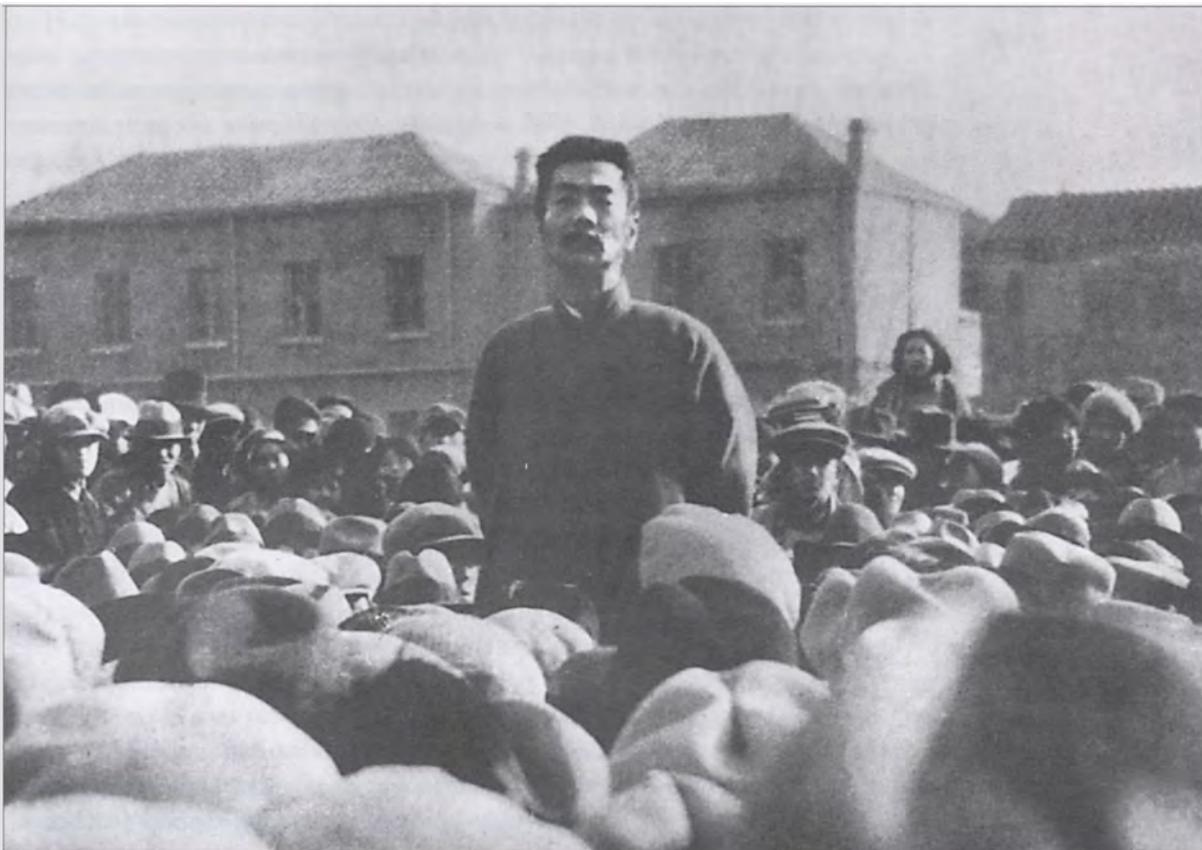
ная пробка. После осмотра головы Го Ляна около Южных ворот зрители проходили дальше — к зданию Учительской ассоциации, чтобы увидеть трупы женщин. Те, кто вошел через Северные ворота и начал с осмотра трупов перед зданием Учительской ассоциации, направлялись к воротам суда взглянуть на голову Го Ляна. Весь город был объят возбуждением, стремление стереть с лица земли коммунистов получило новый импульс. Народ не расходился до темноты».

Скопировав этот фрагмент, я понял, что жестоко ошибся. Я просто собирался сделать несколько замечаний, но теперь вижу, что меня могут обвинить в насмешке (некоторые говорят, что я только и делаю, что насмехаюсь). Другие обвиняют меня в распространении негатива и приговорят к смерти, чтобы я за-

брал весь мрак с собой в могилу. Но я не могу молчать и ограничу свои рассуждения «знанием во имя знания». Сколько силы в этом коротком докладе! Когда я его читал, то видел перед собой насаженную на кол голову и три женских трупа перед зданием Учительской ассоциации. Их, должно быть, раздели наполовину, а может быть, я ошибаюсь и это лишь мое извращенное воображение. И потом — все эти жители: одна толпа идет на юг, другая — на север, все толкаются и кричат.

...Я видел в деталях предвкушение на одних лицах, удовлетворение на других. Я никогда до сих пор не встречал столь сильного произведения во всей «реалистической» литературе...

Позвольте мне закончить, выпустив на волю еще немного мра-

Лу Синь был одним из известнейших культурных деятелей своего поколения, его нередко просили высказать мнение по наболевшим вопросам. Этот снимок сделан в ноябре 1932 г. во время выступления писателя в Пекинском университете

Обложка сборника рассказов Лу Синя «Скитания», 1926 г. Острота идей и возвышенный стиль Лу Синя отражены в необычном оформлении его книг. Лу Синь восхищался европейской графикой и использовал приемы западного графического искусства

ка: наших современных китайцев (современных, а не китайцев вообще) не слишком волнуют политические партии — все, что они хотят увидеть, это «головы» и «женские трупы». Если это есть, неважно, чьи они — наши граждане пойдут взгля-

нуть на них. Я видел и слышал много похожих случаев за последние двадцать лет: восстание ихэтуаней, подавление мятежей в конце династии Цин, события 1913 г. [когда Юань Шикай подавил республиканцев], в прошлом году, в этом году.

сторонником свободы личности. В первом выпуске «Новой молодежи» в 1915 г. он бросил вызов существовавшему издавна конфуцианскому почтению к старшим, прославляя молодежь: «Молодежь — как ранняя весна, как восходящее солнце, как пробивающаяся трава и деревья в почках, как впервые заточенное лезвие». Он убеждал читателей не терять «ускользающее время в спорах со старшим поколением по тому или иному поводу, надеясь, что их можно переделать». Нужно думать самим и не позволять старшим отравлять себя. В других статьях он писал, что от конфуцианства следует отказаться, чтобы в Китай пришли свобода и права человека: «Мы должны учитывать несовместимость между конфуцианством и новыми взглядами, новым обществом и новым государством».

Одним из первых преподавателей факультета Пекинского университета Чэнь Дусю назначил Ху Ши, только что вернувшегося из США после семи лет изучения философии в Корнуэльском и Колумбийском университетах. Ху Ши был не столь категоричен, как Чэнь. Смыслом современных взглядов, писал он в «Новой молодежи», является не замена старых убеждений на новые, заимствованные у Запада, а развитие критического мышления. Требуется пересмотр принципов древней мудрости в отношении сегодняшнего дня.

Еще в Соединенных Штатах Ху Ши развернул кампанию по отмене классического литературного языка, много столетий служившего отличительным признаком образованного человека. «Мертвый язык, — заявлял Ху, — не может родить живую литературу». Поскольку китайская цивилизация была тесно связана с классическим языком, его утверждения подошли близко к опасной черте, за которой могла быть объявлена мертвой и китайская цивилизация. Ху Ши признавал, что старый письменный язык позволяет общаться носителям различных диалектов и является средством единения, но считал, что после перехода национальной литературы на разговорный китайский сформируется стандартный диалект, как это случилось в Европе. Чэнь Дусю поддержал литературную реформу Ху Ши, и вскоре все статьи в «Новой молодежи» стали публиковаться на разговорном китайском. Языковая реформа Чэня раскрепостила обиходный язык, открыла литературу «для народа» и ставила своей целью освободить мышление от устаревших стереотипов.

Первым, кто хорошо писал на разговорном китайском языке, был Лу Синь (1881–1936), получивший образование в Японии и хорошо знакомый с европейской литературой, в особенности с русской. В майском номере «Новой молодежи» за 1918 г. был опубликован его первый рассказ «Дневник сумасшедшего», в котором негативно оценивалась традиционная китайская цивилизация. Главный герой произведения сходит с ума (или его принимают за сумасшедшего), обнаружив, что возвышенные ценности старейшин его семье есть ни что иное, как каннибализм. Самый длинный рассказ Лу Синя, «Подлинная история А-Кью», также полон черного юмора. В центре повествования — человек из низших слоев общества. Постоянно ищущий возможность преуспеть в жизни, он слишком труслив и склонен к самообману, тем не менее претендует на моральное превосходство. Он навостряет уши в 1911 г., когда до него доходят слухи о революции. Вскоре герой понимает, что старая, классическая, элита и новая,

получившая образование за границей, стали союзниками и вот-вот подчинят революцию себе, и они отнюдь не желают его вмешательства. А-Кью казнит за ограбление, которое он планировал, но так и не совершил. В рассказах Лу Синя отражалась позиция людей, переживающих за будущее Китая, уставших от старого порядка, но с неохотой встречающих перемены.

В 1919 г., через четыре года после организации «Движения за новую культуру», созданного при содействии «Новой молодежи», молодые люди вышли на улицы, возмущенные новостями о передаче японцам германских прав на Шаньдун на Версальской мирной конференции. В 1914 г. Япония, будучи союзником Британии и Франции, захватила германские территории в Китае. В 1917 г. китайцы также присоединились к Антанте и отправили во Францию примерно 140 тыс. рабочих на разгрузку грузовых кораблей, рытье траншей и выполнение других работ в военных целях. Китай рассчитывал выгадать от победы союзников, особенно его привлекала позиция Вудро Вильсона, связанная с национальным самоопределением. К несчастью, Япония заключила секретное соглашение с Британией, Францией и Италией о поддержке своих претензий на права Германии в Шаньдуне. Японские дипломаты сумели добиться согласия пекинского военного правительства.

4 мая 1919 г., когда распространилось известие о решении в пользу Японии, 3 тыс. пекинских студентов собрались перед старым дворцом на площади Тяньаньмэнь, выкрикивая патриотические лозунги, которые должны были побудить соотечественников к действиям. После того как нескольким митингующим удалось прорваться сквозь строй полицейских, избить прояпонски настроенного чиновника и поджечь дом кабинет-министра, правительство разогнало демонстрацию и арестовало ее лидеров. Эти действия вызвали волну протестов по всей стране и выступлений в поддержку студенческой акции. Казалось, все были на стороне студентов: учителя и рабочие, пресса и торговцы, Сунь Ятсен и генералы. Забастовки остановили работу школ в более чем 200 городах. Пекинское военное правительство арестовало 1150 протестовавших студентов, превратив часть университета в тюрьму, но патриотические забастовки в защиту заключенных, особенно в Шанхае, вынудили освободить их. Кабинет пал, и Китай отказался подписывать Версальский договор.

Идеологическая победа протестующих задала тон культурной политике 1920–1930-х гг. Субъективные и нравственные задачи «Движения за новую культуру» рассматривались совместно, а иногда как альтернатива целям «Движения 4 мая» — утвердить национальную власть. Его миссией был национализм, патриотизм, прогресс, наука, демократия и свобода, врагами объявлялись империализм, феодализм, милитаризм, диктат, патриархат и слепое следование традициям. Интеллигенция боролась за право быть сильной и современной, но при этом сохранить Китай как политический организм в мире конкурирующих государств. Одни сосредотачивались на создании новой народной литературы, другие — на изучении западной науки, философии, социальных и политических взглядов. В Китае для чтения лекций приглашались выдающиеся умы Запада. Реформатор американской системы образования Джон Дьюи находился в Китае с 1919 по 1921 г. и был поражен открытостью китайских молодых людей: «Наверное,

Весь мир узнал о бедственном положении китайских крестьян, когда была организована международная помощь 20 млн человек, страдавших от голода во время засухи в северном Китае в 1920–1921 гг.

и сохранении иерархии, хотя лозунг «каждому — по потребностям» перекликался с идеологией китайских мятежников-утопистов.

Для майского выпуска «Новой молодежи» 1919 г. Ли Дачжао, библиотекарь Пекинского университета, написал введение в марксистскую теорию, объясняя понятия классовой борьбы и капиталистической эксплуатации. Вскоре интеллигенция познакомилась с идеями Маркса и Троцкого, по прогнозам которых международное революционное движение должно было неминуемо покончить с империализмом. Несмотря на то что китайский пролетариат, который мог бы стать авангардом революции, был малочислен, Ли Дачжао называл китайскую нацию жертвой эксплуатации государств империалистического капитализма. Ли организовал в Пекинском университете марксистский кружок, который привлек прогрессивных молодых интеллектуалов, в том числе и Мао Цзэдуна, недавно прибывшего из Хунани. Чэнь Дусю также увлекся марксизмом. После участия в демонстрациях «Движения 4 мая» он оказался в тюрьме, и у него не осталось иллюзий относительно Запада и демократии. Чэнь оставил свою должность в университете, уехал в Шанхай, где создал группы по изучению марксизма.

нет ни одной другой страны в мире, где студенты так единодушно и активно интересовались бы современными течениями, особенно в социальной и экономической областях, где аргументы, приводимые в защиту существующего порядка и status quo, имели бы так мало веса — это действительно не поддается описанию». Среди приглашенных были Бертран Рассел (1920–1921), Альберт Эйнштейн (1922), Маргарет Зангер (1922) и Джордж Бернард Шоу (1933).

Привлекательность либеральной западной культуры была сильной, но ее принимали не без возражений. Некоторые вскоре ощутили в ней давление материализма, особенно после Первой мировой войны. Опасаясь, что Китай утратит «национальную сущность», ученые обратились к древней истории и фольклору, чтобы определить ее природу.

После успеха большевистской революции 1917 г. в России просветители заинтересовались марксизмом-ленинизмом. Это направление социализма содержало детальный план достижения мира и изобилия без эксплуатации и особенно привлекало своим антизападным и антиимпериалистическим характером, поскольку доказывало осуществимость революции в отсталой стране. Основные догмы марксизма-ленинизма противоречили традиционным китайским взглядам еще в большей степени, чем западные либеральные идеологии демократии и авторитетного руководства. Акцент на классовую борьбу и уничтожение власть имущих был диаметрально противоположен конфуцианской заботе о гармонии

Первые марксистские объединения не достигли бы многого без помощи Коминтерна, советской организации, распространявшей идеи коммунистической революции по всему миру. Когда в Коминтерне стало известно о существовании в Китае марксистских групп, туда были направлены агенты для содействия в организации коммунистических партийных ячеек. Эти агенты научили китайцев обеспечивать партийную дисциплину путем «демократического централизма». Каждая ячейка нижнего уровня выбирала делегатов в звенья верхнего уровня, и далее до партийного конгресса страны с центральным исполнительным комитетом. Делегаты поднимались вверх, решения спускались вниз. Решения обсуждались в ячейке, и как только их принимали, они становились обязательными для исполнения. Постановления верхнего уровня исполнялись ячейками нижнего. Эта форма организации, созданная Лениным, обеспечила высокую дисциплину и централизацию управления в коммунистических организациях Китая. В июле 1921 г. по рекомендации Коминтерна на совещании тринадцати делегатов, представлявших 57 соратников, была учреждена Коммунистическая партия Китая. Целью этой секретной, элитарной, централизованной организации стало получение власти. Она отделилась от анархистов и членов профсоюзов и утвердила первостепенную важность классовой борьбы.

ПОСТРОЕНИЕ ПАРТИИ-ГОСУДАРСТВА

Основной задачей в политике Китая с 1920 до 1949 г. стало создание власти нового типа. Легкость, с которой Юань Шикай дал отпор революционерам, подтвердила необходимость собственной армии. С начала 1920-х гг. Гоминьдан и Коммунистическая партия одновременно пытались создать партии-государства ленинского типа и партийные армии. Они объединяли усилия дважды, но оставались соперниками, поскольку преследовали одну цель — тотальный контроль над всем Китаем.

Совпадение целей объясняется влиянием Коминтерна. До того как получить помощь Интернационала в 1921 г., Сунь Ятсен безуспешно пытался заручиться поддержкой других стран, признававших законным любое находившееся в Пекине правительство Китая. Молодое государство Советский Союз преследовало свои интересы: оно не только хотело распространить идею мировой революции, но опасалось, что слабость Китая спровоцирует экспансию Японии — главного соперника СССР на востоке. В марксистско-ленинской теории социалистическая революция происходила поэтапно, а поскольку Китай пропустил капиталистическую ступень развития, победа революционеров-националистов над империалистами считалась следующим этапом. В дальнейшем, когда будут подготовлены все необходимые условия, могла свершиться социалистическая революция и победа коммунизма.

Для участия в построении секретной партийной организации Коминтерн прислал националистам советников, внедрявших демократический централизм. По совету Михаила Бородина, Сунь Ятсен положил свою теорию «Трех народных принципов» в основу партийной идеологии. Принципы были следующие:

национализм (антиимпериализм), народовластие (антимонархизм) и «народное благоденствие» (приравненное к социализму). Среди приоритетов Коминтерна также было создание армии: в 1925 г. националистам помогала тысяча советских военных экспертов. Китайских офицеров отправляли в Советский Союз, в их числе и Цзян Цзешу (Чан Кайши, 1888–1975), который после четырех месяцев обучения стал главой новой военной академии в Хуанпу (Вампу) близ Гуанчжоу. Коммунист Чжоу Эньлай (1898–1976), вернувшийся из Франции, стал заместителем начальника академии по политическому воспитанию.

Поддерживая националистов, Коминтерн продолжал руководить развитием Коммунистической партии Китая. Эта партия росла медленно и имела меньше сторонников, чем Гоминьдан. В 1922 г. по настоянию Коминтерна коммунисты приняли решение вступить в союз с националистами и таким образом получить право на индивидуальное вступление в Гоминьдан с сохранением членства в Коммунистической партии.

Развитие промышленности Китая в 1920-е гг. предоставило коммунистам широкое поле деятельности среди заводских и фабричных рабочих. Во время Первой мировой войны резкое сокращение поступления товаров из Европы определило быстрое развитие китайской индустрии: с 1914 по 1922 г. количество станков на ткацких фабриках выросло почти в четыре раза — с 4,8 до 19 тысяч. Условия работы на фабриках Китая 1920-х гг. были столь же тяжелы, как столетием раньше в Британии: 12-часовой рабочий день, 7 рабочих дней в неделю и широкое распространение детского труда, особенно в текстильной промышленности. Агенты по найму набирали работников в сельской местности и содержали их в условиях долгового рабства, предоставляя убогое жилье и скудную пищу. Наличие иностранных собственников фабрик (среди

которых становилось все больше японцев) добавляло напряженности между владельцами и рабочими. При организаторской поддержке трудящиеся готовы были участвовать в стачках: в 1921 г. прошло 50 забастовок, а в 1922 — 91. Применение силы в переговорах с профсоюзами стало привычным делом. В 1923 г. в Хэнани солдаты генерала У Пэйфу убили 65 бастовавших железнодорожных рабочих.

Агитация против владельцев фабрик звучала в унисон с агитацией против неравных договоров и привилегий иностранцев в открытых портах. Бурю возмущения вызвал обстрел демонстрантов британской полицией 30 мая 1925 г. в международном поселке Шанхая. Было убито 11 человек. По всей стране прокатилась волна забастовок, бойкотов и демонстраций. В июне в Гуанчжоу британские войска застрелили 52 пикетчика. Это привело к широкомасштабной забастовке и бойкотированию торговли с Гонконгом. Эти события

На текстильных фабриках нередко применялся труд несовершеннолетних, не только из-за низкой оплаты, но и потому, что маленькие детские пальчики ловко управлялись со станком

обусловили массовый приток членов в Коммунистическую партию и Гоминьдан, а также в профсоюзы. Пришло время мобилизовать патриотов со всех концов страны для борьбы с «двойным злом» — милитаристами и империалистами, для объединения страны под властью правительства, достаточно сильного и решительного, чтобы покончить с неравноправными договорами и полуколониальным статусом открытых портов.

В 1925 г., не успев осуществить запланированный Северный поход в целях объединения страны, Сунь Ятсен умер от рака. Реорганизованный Гоминьдан после его смерти сплотился, несмотря на активность левых и правых лидеров. В июле 1926 г. с помощью коммунистов, предварительно подготовивших крестьян и рабочих, наконец состоялся Северный поход под командованием Чан Кайши. К концу 1926 г. Национальное правительство переместилось из Гуанчжоу в Ухань, где перевес был на стороне левого крыла партии.

Единый фронт националистов и коммунистов был выгоден обеим партиям, но приглушал существенные различия между ними. Приверженцы националистов были напуганы разговорами о классовой борьбе, среди них было немало убежденных противников коммунизма. В апреле 1927 г., когда националисты подходили к Шанхаю, Чан Кайши договорился с «Зеленым братством»¹, преступной шанхайской группировкой, об уничтожении всех членов профсоюзов и коммунистов в городе. В течение нескольких дней были убиты сотни людей, а Чан Кайши обеспечил себе контроль над Гоминьданом.

Во время кризиса представители Коминтерна и лидеры Коммунистической партии, находившиеся в Ухане, следовали инструкциям Москвы — пытались спасти ситуацию, работая с левым крылом Гоминьдана. В августе 1927 г. коммунисты начали отыгрывать свои позиции. «Восстания осеннего урожая» Мао Цзэдуна, как и все заметные восстания в других частях страны, быстро подавлялись. С 1927 по 1930 г. по всей стране началась охота на коммунистических лидеров. В некоторых случаях поводом для причисления женщины к коммунистам служили всего лишь остриженные волосы. Выжившие коммунисты ушли в подполье и рассеялись по сельской местности.

Продолжался антикоммунистический террор, шло силовое объединение страны, и в 1928 г. Гоминьдан добился согласия на объединение Китая у глав

В 1927 г. Чан Кайши женился на Сун Мэйлин, дочери богатого христианского промышленника и сестре вдовы Сунь Ятсена. Сун Мэйлин получила образование в Соединенных Штатах, великолепно говорила по-английски и активно добивалась помощи из Америки, особенно после начала войны

¹ В отечественной литературе может переводиться как «Синий клан». — *Примеч. науч. ред.*

трех наиболее влиятельных милитаристских клик. Последовало международное признание, и перспективы государства выглядели отчетливее, чем в предыдущие десятилетия. Многие вернувшиеся из-за рубежа студенты были назначены на ключевые посты в правительстве, руководство националистов казалось иностранным державам исключительно прогрессивным, и через несколько лет они согласились на сокращение своих привилегий. Были восстановлены суверенитет в тарифной сфере, контроль над морской таможней и добычей соли, почтовая связь. Уменьшилось число иностранных концессий, с 33 до 13, был упразднен правовой иммунитет в отношении граждан некоторых не самых сильных государств.

С 1928 г. Чан Кайши стал главным лидером националистов. Убежденный патриот, он прежде всего был военным. Родившись недалеко от Нинбо в семье помещиков и торговцев, он планировал поступление на гражданскую службу, но экзамены были отменены, и Чан Кайши отправился в Японию изучать военное дело. Там он вступил в организацию, которая предшествовала Гоминьдану. Назначение на пост главы Академии Хуанпу стало решающим в его карьере, позволив укрепить отношения с молодыми офицерами партийной армии. Чан Кайши был ловким политиком: полностью погрузившись в дела партии и правительства, балансируя между различными кликами, он сумел установить личные отношения с ключевыми особами, облеченными властью.

В 1927 г. националисты оказались в Шанхае и развернули «белый террор». Они разыскивали и убивали членов профсоюзов и Коммунистической партии

Деятельность Чан Кайши по построению государства концентрировалась вокруг армии: новому правительству приходилось обуздывать оставшихся милитаристов, подавлять коммунистов и оказывать сопротивление японской агрессии. Необходимо было модернизировать армию, и Чан Кайши обратил свой взгляд на Германию, которую нацисты с успехом мобилизовали и милитаризовали. Немецкие советники помогали Чан Кайши обучать элитные войска и планировать кампании против коммунистов, укрепившихся в Цзянси. Были налажены поставки немецкого оружия. Кроме модернизации армии, националистическое правительство занималось восстановлением экономики, разоренной алчными милитаристскими кликами. Они захватывали железнодорожные линии, используя их в личных целях. За поддержкой в области экономики националисты обратились к либеральному капиталистическому Западу. Получившие европейское образование экономисты и инженеры реформировали банковскую, денежную и налоговую системы, а также наладили транспортную сеть и средства связи.

В первые годы власти Чан Кайши успешно устранял своих оппонентов, но в построении государства его преследовали неудачи из-за недоверия общественным институтам и желания задавить коммунистов. Чтобы уменьшить моральную привлекательность коммунизма и поддержать свое правительство, в 1934 г. Цзян внедрил программу идеологической обработки — «Движение за новую жизнь», вдохновленную современными фашистскими движениями Европы. Его целью была «милитаризация всей страны» и воспитание в людях «способности переносить трудности, а особенно навыка единого поведения», внушение им «желания в любое время пожертвовать собой во имя страны». По фашистской модели была построена организация выпускников военной академии Хуанпу — «общество синерубашечников», которые были сторонниками аскетического образа жизни и преданы Чан Кайши. «Синерубашечники» составляли основу секретной полиции националистов.

В начале 1930-х гг. Китай быстро менялся. Несмотря на «великую депрессию», жизнь в больших городах все больше походила на западную. Многие представители городского среднего класса надевали на работу и в школу европейскую одежду. Банки, торговые компании и клубы построили на главных улицах огромные здания в европейском стиле, отличавшиеся от традиционных тем, что их не обносили дополнительными стенами. В открытых по договору портах иностранные товары были столь же многочисленны, как в настоящих европейских колониях того времени на юге и юго-востоке Азии. Другие города оставались внешне более китайскими — например, окруженный высокими стенами Пекин.

В 1923 г. Коминтерн отправил в Китай опытного организатора Михаила Бородина, чтобы помочь националистам в формировании партии ленинского типа со строгой дисциплиной и централизованным управлением. Здесь он изображен на митинге в Ухане, состоявшемся в 1927 г. во время Северного похода

Но достижения цивилизации, например электричество, понемногу меняли образ жизни населения. Даже интеллектуальная жизнь европеизировалась: главными общественными институтами стали высшие учебные заведения и публичная пресса. Росло влияние профессионалов: не только интеллектуалов (наследников старой образованной элиты), но и ученых, инженеров, архитекторов, экономистов, врачей и других технических специалистов, зачастую получивших образование за границей. Даже те, кто учился в Китае, перенимали западный образ мышления и действий, не только изучая книги европейских авторов, но и работая под руководством иностранных наставников, особенно в христианских колледжах. Конечно, не следует думать, что все жители города принадлежали к среднему классу или к процветающей прослойке населения. Из-за неограниченности трудовых ресурсов общий уровень благосостояния горожан не повышался. В 1937 г. Лао Шэ опубликовал знаменитый роман о жизни пекинского дна — «Рикша». Но на Западе тоже был свой пролетариат, и желающие увидеть признаки прогресса на пути к благополучному будущему могли найти их в Китае 1930-х гг.

Можно сказать много хорошего об усилиях националистов, превращающих Китай в сильное и современное государство, но они были сосредоточены на городах, не достигая деревни. Когда в начале 1930-х гг. британский экономист Р. Х. Тони изучал Китай, он увидел, что китайские крестьяне оказались перед лицом экологического кризиса: истощение почвы, исчезновение лесов, эрозия почвы и наводнения. Положение ухудшали примитивные технологии, неадекватные кредитная и транспортная системы, эксплуататорские договоры аренды. «В некоторых районах, — сообщал он, — состояние сельского населения похоже на положение человека, стоящего по горло в воде: малейшей ряби достаточно, чтобы утопить его». Жизнь большинства крестьян не улучшилась со времен династии Цин. Поскольку рост населения прогрессировал (к 1930 г. число жителей Китая превышало 500 млн), не ослабевал и спрос на доступную землю. Привнесенные модернизацией преимущества — дешевая транспортировка по железной дороге и доступность товаров народного потребления — не оказали большого влияния на сельскую экономику. Объемы экспорта шелка и чая из Китая снизились из-за того, что китайские производители уступали японским и индийским конкурентам, резко уменьшился зарубежный спрос вследствие «великой депрессии». Деревенским жителям приходилось несладко из-за местных бандитов, милитаристов и членов местной элиты, ставивших свои интересы превыше всего. Центральное правительство националистов не создавало политических институтов в деревне, предоставив провинциальным правительствам существенную автономию. Северный поход объединил всех желавших примкнуть к националистам, и к партии присоединились представители власти местного уровня. Правительство и частные благотворительные организации спонсировали некоторые преобразования в деревне: повышение уровня образования, создание механизмов кредитования, поддержка современных предприятий и организация крестьянских ассоциаций; но их усилия обычно ограничивались небольшими областями и краткими периодами. К тому же, после разрыва с коммунистами на реформы, связанные с перераспределением земли, смотрели с подозрением.

РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНЩИН

Из множества социальных изменений начала XX в. самой фундаментальной была трансформация роли женщин. Взгляд на значение женщины в обществе не менялся столетиями, и в первые десятилетия XX в. подвергся критике. Женщины стали активно участвовать в общественной жизни, чего раньше никто не мог себе представить.

Все политические и духовные революционеры начала XX в. — от Кан Ювэя и Лян Цичао до Сунь Ятсена, Чэнь Дусю, Лу Синя и Мао Цзэдуна — говорили о необходимости изменить положение женщины в обществе. Главными проблемами было бинтование ног и женское образование. За короткий период изолированность женщин и их крошечные ноги из предмета гордости, основы превосходства китайской культуры, стали чем-то постыдным. Иностранцы считали бинтование ног доказательством варварства китайской цивилизации, что усиливало решительность реформаторов в борьбе с этим обычаем. Его считали отвратительным пережитком, преграждающим путь модернизации и калечащим большую часть китайского населения. Первые общества, борющиеся с бинтованием ног, появились в 1890-х гг. и состояли из мужчин, не только сохранявших естественными ноги своих дочерей, но и запрещающих своим сыновьям жениться на тех, кто следовал обычаю. В начале XX в. неуклонно росло число женщин с нетравмированными ногами, а после 1930 г. ноги бинтовали девочкам лишь в отдаленных областях и, естественно, взрослым женщинам, поскольку процесс восстановления после 10–12 лет бинтования был крайне сложным и болезненным.

Появлялись политические активистки, такие как Цю Цзинь — женщина, пережившая восстание ихэтуаней и империалистическую оккупацию Пекина и ставшая после этого яростной националисткой. Она была несчастлива в браке, в 1904 г. оставила мужа и уехала в Японию, где устроилась работать в профессионально-техническое училище для девушек. Посвящая большую часть времени революции, она даже научилась изготавливать бомбы. Цю Цзинь придерживалась феминистских взглядов. В речах и очерках она осуждала убийство новорожденных девочек, бинтование ног, браки по договору родителей, избиение жен и культ добродетельных вдов. Она призывала женщин не подчиняться мужчинам и отказаться от стремления ублажать их. В 1906 г. она вернулась в Шанхай, где основала «Китайский журнал для женщин» и преподавала в школе для девочек. Однако основной целью для нее оставалась антиманьчжурская политическая революция. В 1907 г. Цю была казнена за участие в неудавшемся восстании националистов, что сделало ее героиней среди молодежи.

В это время повсеместно открывались женские школы, подобно той, где преподавала Цю Цзинь. В 1907 г. правительство Цин одобрило национальную систему женского образования. К 1910 г. в стране работало свыше 40 тыс. школ для девочек, в которых числилось 1,6 млн учениц; в 1919 г. это были уже 134 тыс. школ с 4,5 млн учениц. Число школьников-мальчиков было больше в семь раз,

но возможности девочек существенно расширились. После 1920 г. значительно возросли шансы женщин на получение высшего образования, к 1935 г. более 6 тыс. колледжей, университетов и педагогических институтов принимали женщин. В результате в больших городах появилось много учительниц, медсестер и государственных служащих из числа женщин. В деревне изменения происходили медленнее. Широкомасштабное изучение деревенских хозяйств в 1930-х гг. выявило, что грамотными были менее 2 % женщин по сравнению с 30 % мужчин.

В 1930–1940-е гг. городские жители уже не удивлялись студенткам, устраивавшим уличные акции протеста. На фотографии запечатлено шествие против черного рынка в 1949 г.

В средних и высших учебных заведениях женщины попадали под влияние новых идей и проявляли энтузиазм не меньше мужчин. После выхода специального выпуска «Новой молодежи», в котором был опубликован перевод пьесы Ибсена «Кукольный дом», где главная героиня оставляет мужа и ищет свою собственную судьбу, девушки и юноши вдохновились образом новой женщины. Пьесу ставили в театрах по всему Китаю, люди цитировали фразы: «не становись игрушкой в руках мужчины», «признавай индивидуальность», «требуй свободы».

Стремление к самореализации через любовь стало считаться законным, послушание требованиям старших — малодушием. Нельзя сказать, что достижение новых целей было легким делом. Популярный роман Ба Цзиня «Семья», опубликованный в 1931 г., рассказывает о борьбе молодых членов древнего обеспеченного рода ученых с давлением традиционной морали и власти. Сыновья и дочери, хозяева и слуги — все оказались в ловушке, но обстоятельства, не позволяющие женщинам стать свободными, были трагичнее, чем ситуация, в которой оказались мужчины.

Кроме смены образа мыслей относительно власти родителей и места женщины в обществе, активисты пытались повысить юридический статус слабого пола. Стремление добиться права женщин на голосование не привело к успеху. Однако в 1920-х гг. Гоминьдан и Коммунистическая партия организовали отделения для женщин и приняли резолюции, призывающие к равноправию мужчин и женщин, а также к свободе бракосочетания и расторжения брака. Развод оказался самым сложным делом. Как сообщала Сун Цинлин, вдова Сунь Ятсена, «Если мы не привлечем симпатии женщин, они потеряют веру в союз и свободу китайцев, которой мы учим. Но если мы разрешим разводы, у нас будут проблемы с союзом крестьян, так как крестьянину очень сложно найти жену. Зачастую он много платит за жену, выходящую замуж без желания». Придя к власти, националисты разработали новый гражданский кодекс, утвержденный в 1930 г. Дочери получили право не только выбирать мужей и расторгать помолвки, совершенные родителями, но и наследовать семейную собственность наравне с сыновьями. Женам позволили инициировать развод фактически на равных условиях с мужьями. Новый трудовой закон, изданный через год, предусматривал равную оплату труда для женщин и мужчин при выполнении одинаковой работы.

На малограмотных женщин эти юридические изменения оказали весьма слабое воздействие. В 1930-е и 1940-е гг. исследователи сельской жизни выяснили, что в деревнях не знали о новых законах, заключали браки по договору родителей и наследство доставалось исключительно сыновьям. Настоящие перемены в жизни трудящейся женщины были обусловлены скорее развитием промышленного капитализма, чем либеральными идеями равенства. Растущие промышленные города предоставляли женщинам широкие возможности трудоустройства, но привлекательных предложений было мало. В 1930 г. в Шанхае более 170 тыс. женщин работало на производстве, половина из них — на хлопкопрядильных фабриках. 50 тыс. зарабатывали на жизнь проституцией, еще столько же — работой в качестве прислуги. Типичной проституткой или работницей фабрики была молодая незамужняя неграмотная женщина, нанятая в сельской местности. Агент обычно вручал небольшой аванс, часто даже не девушке, а ее родителям, и находил в городе место работы, жилье и еду. Женщин часто содержали в условиях долгового рабства, и мало кому такая ситуация казалась свободой. Одни труженицы объединялись в профсоюзы и устраивали забастовки, другие мечтали о замужестве и возвращении к патриархальным устоям, которые образованные женщины считали угнетением.

(Справа) Шанхай конца 1940-х гг. представлял собой восхитительный город, где тесно переплелось новое и старое, богатое и бедное. Женщины на фото ремонтируют одежду, расположившись перед магазином европейских шляп

ЗАЩИТА ОТ ЯПОНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ

Начиная с протестов «Движения 4 мая» 1919 г., китайские патриоты считали Японию величайшей угрозой независимости Китая. В 1895 г. японцы захватили Тайвань. В 1905 г., после впечатляющей победы над Россией, они установили господство в южной Маньчжурии. В 1915 г., надавив на Юань Шикая, Япония обеспечила себе множество экономических привилегий. Японскую армию в Маньчжурии, присутствовавшую там якобы для защиты японских железных дорог и других экономических интересов, переполняли милитаристы, побуждавшие гражданские власти Японии захватить территории. В 1928 г. японские офицеры убили маньчжурского военного диктатора Чжан Цзолиня, надеясь вызвать кризис, который позволил бы расширить власть. В 1931 г. японцы взорвали бомбу на Южно-Маньчжурской железной дороге, получив повод для оккупации Шэньяна под видом самообороны. Китай не оказал Японии военного сопротивления, но обратился в Лигу Наций, которая признала его правым, но не назначила реальных санкций. В январе 1932 г. Япония, в ответ на выступления протеста, атаковала Шанхай. К тому моменту он стал «открытым» городом, и нападение получило широкую огласку и осуждение, особенно бомбардировки жилых районов. Через четыре месяца японцы ушли из Шанхая, но в Маньчжурии установили марионеточный режим, назначив последнего императора династии Цин номинальным главой государства Маньчжоу-Го.

Гнев, вызванный агрессией японцев, укрепил китайский национализм, воплотившийся в формирование Национальной лиги спасения и бойкот японских товаров. Но Чан Кайши, как большинство военных того времени, не видел смысла в войне при явном преимуществе огневой мощи Японии. Опираясь традиционными терминами, приравнивавшими единство к силе, он полагал, что китайцы должны объединиться под управлением одного лидера и дать отпор Японии — стране с населением в пять раз меньше китайского. Поэтому его первоочередной задачей было избавление страны от внутренних врагов. Только мятеж заставил его изменить политику. В 1936 г. выводимые из Маньчжурии войска похитили Чан Кайши во время визита в Сиань и не освобождали до тех пор, пока он не согласился сформировать единый с коммунистами фронт для борьбы с Японией.

В 1937 г. Чан Кайши решился на войну после еще одной японской провокации, направленной на захват территорий. Он надеялся быстро разгромить противника и доказать, что с правительством Нанкина необходимо считаться. Тогда Япония пошла бы на переговоры и прекратила продвижение внутрь Китая. Вместо этого японцы перешли в широкомасштабное наступление на юге. Чан Кайши был вынужден уступить Пекин и Тяньцзинь, но с поддержкой лучших войск три месяца удерживал Шанхай. Он просил выстоять во что бы то ни стало, и армия отважно сражалась, несмотря на ураганный артиллерийский обстрел и бомбежку. Было потеряно 250 тыс. человек убитыми и ранеными. После падения Шанхая войска националистов отступили к столице. Когда в декабре 1937 г. японцы захватили Нанкин, началась настоящая бойня: были убиты десятки тысяч мирных жителей и сбежавших солдат, изнасилованы 20 тыс. женщин, город

Деревенские ярмарки

Несмотря на распространение новых идей и технологий, культурные перемены медленно проникали в китайскую деревню, на которую приходилось 90 % населения страны. К концу 1920-х гг. большинство сельских жителей покончили с бинтованием ног и отправили детей в современные школы. Но даже к 1940-м гг. культурную жизнь деревни в большей степени характеризовали ярмарки, праздники и ритуалы, чем распространение газет и журналов, использование радио или фонографа.

Традиции разных деревень отличались, но некоторые обычаи были едиными по всей стране. Новый год, затем через две недели — Праздник света, Цин-Мин — праздник уборки могил весной, и другие сезонные торжества отмечались по всей стране, в это время можно было развлечься, пообщаться, вкусно поесть. Центром культурной жизни деревни была храмовая ярмарка, проходящая в разное время, в зависимости от дня рождения бога, которому поклонялись в местном храме. Учреждались специальные комитеты, собирающие средства и организующие данное мероприятие. В дни ярмарки появлялись сотни временных магазинчиков и палаток, превращавших захолустье в оживленный коммерческий центр. Крестьяне совершали обряды, оказывая уважение богам и, одновременно с этим, развлекаясь. Процесс оживляли различные зрелища: «танцы львов», бег на ходулях, боевые искусства и звучание барабанов, цимбал и труб.

В одном из округов провинции Хэбэй в конце 1920-х гг. проводилось 50 ежегодных ярмарок, 35 из них — в деревнях, остальные — в городах. В одной деревне, состоявшей из 326 семей, ярмарка проходила в храме урожая гречихи. В первый день люди приходили в храм, чтобы жечь благовония и кланяться до земли, многие проводили там целую ночь. Бога облачали в новые одежды, обмахивали веером и прославляли. Три следующих дня были посвящены торговле и развлечениям. Магазинчики и лотки занимали более 10 гектаров и привлекали около 10 тыс. человек в день. На скотном рынке продавалось до 2,5 тыс. голов скота. На лотках работали 80 продавцов одежды и 30 — драгоценностей, двадцать парикмахеров, 10 предсказателей судьбы. Театр теней, рас-

сказчики и мастера боевых искусств — все это можно было увидеть там.

Ни одна ярмарка не обходилась без азартных игр, хотя на других празднествах они не одобрялись. Были популярны бесплатные театральные представления, например пожертвования богам. Полуграмотные крестьяне были большими ценителями оперы, исполняемой местными любительскими или бродячими труппами. В том же округе провинции Хэбэй любительские труппы состояли из 15 мужчин, исполнявших также и женские роли. Лучшие певцы брали в обучение мальчиков и преподавали роли, которые нужно было запомнить наизусть. Темы пьес были традиционными: истории, прославляющие сыновнюю почтительность, верность жен и военные подвиги. В ход действия регулярно вмешивались боги, а сюжеты оживляли россыпи неприличных шуток.

Деревенские жительницы с нетерпением ждали ярмарок и ходили на них в соседние деревни. Женщины и девушки радовались возможности выйти из дома, развлечься, увидеться с подругами и родственниками. Некоторые продавали на ярмарках ручные изделия, большинство просто пользовалось возможностью что-нибудь купить и послушать оперу.

Деревенские жители слушали оперу стоя или сидя на земле. Это видно на снимке, сделанном в провинции Шаньдун до 1919 г.

был полностью разорен. Семь недель зверств широко освящались в иностранной прессе, получив название «изнасилование Нанкина».

На следующий год японцы захватили контроль над восточным Китаем и установили марионеточные режимы, возглавляемые китайскими коллаборационистами. Когда националистам пришлось уйти из Кайфына, Чан Кайши приказал инженерам взорвать дамбы на Хуанхэ, что привело к катастрофическому наводнению, смывшему более 4 тыс. деревень и остановившему японцев на три месяца. Националисты сначала перенесли столицу в Ухань, затем в Чунцин, что в глубине провинции Сычуань. После отступления к Чунцину война зашла в тупик до наступления японцев в 1944 г. На свободной территории Китая оставалось 60 % населения страны и лишь 5 % промышленности. Китайские инженеры героически создавали новую промышленную базу, но постоянные бомбардировки японцев, прекращение помощи Советского Союза в 1939 г. и закрытие Бирманской дороги в 1942 г. лишили правительство шансов построить современную армию, способную изгнать японцев. В 1941 г. американские советники и помощь, доставляемая через горы из Бирмы, позволили Чан Кайши создать несколько современных дивизий, но основную часть пятимиллионной китайской армии составляли плохо обученные деморализованные новобранцы.

В первые годы японской войны между Коммунистической партией и Гоминьданом существовало искреннее взаимопонимание. Ему пришел конец, когда националисты неожиданно атаковали Новую 4-ю коммунистическую армию в январе 1941 г. Причиной послужило недостаточно быстрое выполнение приказа к отступлению на север от Янцзы. В этой битве погибло 3 тыс. человек, многих пленных расстреляли или отправили в лагеря. С этого момента националисты установили экономическую блокаду региональной базы коммунистов в провинции Яньань, что привело к серьезной нехватке продовольствия и оружия.

В этот период расстановка сил на международной арене стремительно менялась. Британия оказалась неспособной защитить в 1942 г. Гонконг, Сингапур и Бирму от японского вторжения, а в Тихоокеанском регионе появилась новая сила — Соединенные Штаты. Получившая образование в Америке жена Чан Кайши, Сун Мэйлин, была популярна в американской прессе и успешно лоббировала интересы Китая. Рузвельт желал видеть Китай доминирующей силой в Восточной Азии после разгрома Японии и убедил союзников пригласить Чан Кайши на важнейшие встречи в Каире и Ялте (хотя Черчилль назвал идею принять Китай в Большую Четверку «абсолютным фарсом»). Так, давно презираемый за слабость и отсталость Китай после войны стал постоянным членом Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

ПОБЕДА КОММУНИСТОВ

Взлет Коммунистической партии — одна из наиболее тщательно изучаемых тем в истории Китая. Чем больше исследователи узнавали о жизни Китая 1930–1940-х гг., тем больше промахов Гоминьдана они находили: невероятная коррумпированность правительства, набирающая обороты инфляция, непобедимая

бедность, отчуждение образованной элиты, существование милитаристов и т. д. Эти факты позволяют считать приход коммунистов к власти естественным итогом: они просто оказались в нужный момент в нужном месте, когда националисты потеряли поддержку населения. С другой стороны, ученые, изучавшие программы китайских коммунистов, поражались ловкости, с которой те оборачивали в свою пользу гнетущую бедность деревни и иностранное вторжение, убеждая сельских жителей в необходимости радикальных изменений, осуществляемых Коммунистической партией. В этом свете победу коммунистов предопределила великолепная стратегия и организационные методы. Изучение внутренней политики Коммунистической партии доказало важную роль Мао Цзэдуна (1893–1976) как умелого тактика, практически единолично превратившего партию в мощное, но послушное оружие. Вероятно, в каждой из трех точек зрения есть своя правда: если бы удача сопутствовала националистам, Коммунистическая партия, независимо от организации и стратегии, не сумела бы совершить переворот в Китае. Грядущая революция развивалась под влиянием идей, опыта и личности Мао Цзэдуна, а также благодаря системе обучения кадров и мобилизации крестьян, которую ему удалось внедрить.

Мао родился в крестьянской семье в Хунани, его мать была неграмотной, а отец тяжелым трудом со временем добился положения зажиточного крестьянина. Получить образование Мао смог благодаря новой школьной системе. Он отправился в Чанша, столицу провинции, для обучения в средней школе и педагогическом колледже. Окончив его, он поехал в Пекин и устроился на работу в библиотеку Пекинского университета. Вскоре Мао принимал участие в дискуссиях марксистских групп Ли Дачжао. Откликнувшись на призыв Ли к образованной молодежи ехать в деревню и организовывать там крестьян, он вернулся в Хунань. Мао был делегатом от провинции на I съезде Коммунистической партии, состоявшемся в Шанхае в 1921 г. В 1920-х гг. он сосредотачивал свои усилия на работе в сельских областях.

После репрессий националистов в 1927–1928 гг. выжившие коммунисты рассеялись по стране: одни ушли в подполье в больших городах, другие искали укрытия в деревнях. Партии пришлось признать свои ошибки и решать, что делать дальше. Чэнь Дусю стал «козлом отпущения» — его изгнали с руководящего поста за оппортунизм, хотя он просто следовал указаниям Коминтерна. Мао привел несколько тысяч человек в горы, расположенные вдоль границы провинций Хунань и Цзянси, где, объединившись с другими коммунистами, сформировал Советский район. Коммунисты учредили правительство, получившее поддержку крестьян благодаря перераспределению земли и внедрению социальных программ, например семейной реформы. Осенью 1932 г. к Советскому району в Цзянси присоединился Центральный комитет Коммунистической партии, члены которой были вынуждены бежать из Шанхая. Реальной опасностью, с которой сталкивались коммунисты в те годы, были шпионы и тайные заговоры. Ситуацию усложняли советские агенты, применявшие полученный на родине опыт фракционной борьбы и организации заговоров. В период с 1928 по 1935 г. Коммунистическая партия Китая потеряла тысячи своих приверженцев, выданных националистам или в результате чисток.

Спустя годы сражений с националистами, после пятого карательного похода Коммунистическая партия была вынуждена оставить Советский район в Цзянси. В октябре 1934 г. 80 тыс. коммунистов — солдат, кадровых партийных работников, их провожатых и носильщиков — прорвали окружение националистов. Это стало началом легендарного Великого похода в поисках новой базы. Большинство женщин, детей, а также 20 тыс. раненых осталось позади. В течение года Красная армия Китая отступала, сражаясь несмотря на тяжелые потери. Когда нашлось подходящее для базы место, было пройдено почти 10 тыс. км. Коммунисты пересекли юго-западный Китай и повернули на север к Шэньси. Весь путь выдержали только 8 тыс. из первоначального состава Красной армии, хотя по пути к ним присоединялись новобранцы и коммунисты из других областей, увеличивая численность до 20 тыс. В следующем десятилетии Коммунистическая партия основала базу в городе Яньань, в центре провинции Шэньси, где жилищем служили вырубленные в лёссовых скалах пещеры. Выжившие считали себя избранными судьбой для выполнения священной миссии — преобразования Китая.

Когда американский журналист Эдгар Сноу в 1936 г. посетил Яньань, уцелевшие участники Великого похода показались ему ярыми патриотами и борцами за социальное равноправие, целеустремленными и полными оптимизма. Они жили в пещерах, ели простую пищу, не проявляли презрения к крестьянам, которых мобилизовали на борьбу с японцами. Во время войны внешних наблюдателей впечатлила бескорыстная преданность этих людей общественным целям. Образ лидеров Яньаньского совета как сплоченной группы закаленных в боях, но добросердечных революционеров-идеалистов культивировался в Китае и во времена Мао, развивая преданность идеям среди молодежи.

Большинство самых известных работ Мао датируются Яньаньским периодом, что добавляет ему величия. В первые годы в Яньане у него было время перечитать работы по марксизму-ленинизму и начать лекции в партийных школах, где Мао разъяснял свое видение истории Китая, партии и марксизма. Ни Маркс, ни Ленин не видели в крестьянах революционного потенциала, считая их мелкими капиталистами по образу мышления, и в России партия захватывала власть в городах. В китайских городах коммунисты потерпели поражение, и Мао пришлось интерпретировать марксистскую теорию таким образом, чтобы крестьяне выглядели авангардом революции. Мао прославил крестьян как истинно народные массы и разработал теорию «линии масс»: прежде чем учить крестьян, партийные кадры должны были сначала сами поучиться у них. Все население Яньани было обязано объединяться в небольшие группы и изучать работы Мао,

На советской базе в Цзянси Мао Цзэдун активно продвигал земельную реформу. Снимок сделан на крестьянском митинге в 1933 г.

8 тыс. уцелевших после Великого похода составили ядро Коммунистической партии в последующие десятилетия. Здесь запечатлены находившиеся в 1938 г. в Шэньси (слева направо) Пэн Дэхуай, Чжу Дэ, Фэн Сюэфэнь, Сяо Кэ и Дэн Сяопин

обогащая словарный запас и постигая основы концепций. Это сплочало и усиливало целеустремленность.

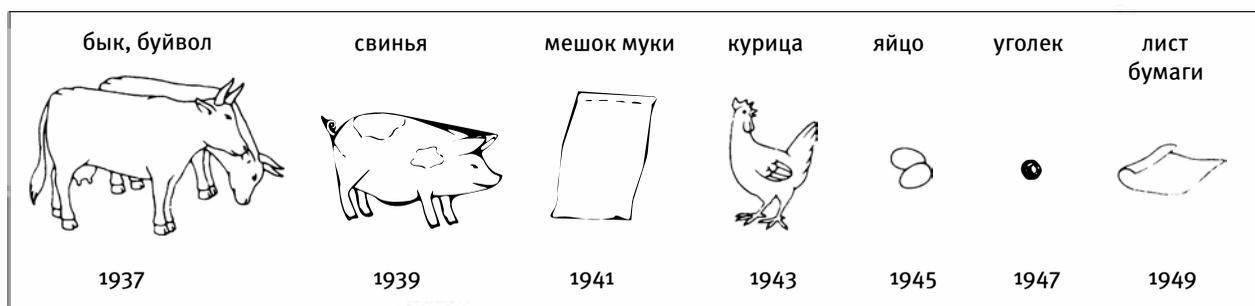
После смерти Мао в 1976 г. открылась другая сторона этого периода истории. «Идеи Мао Цзэдуна» победили не в открытом соперничестве концепций участников Великого похода, а в жестокой борьбе за власть, где автор показал себя великим тактиком, способным устранять конкурентов одного за другим, с помощью Центрального комитета объявляя их оппортунистами или авантюристами. Более того, неуклонно растущее число студентов и активистов в Яньань привлекало не столько изучение работ Мао, сколько действенный метод интеллектуального и морального формирования личности, усовершенствованный во время «движения за упорядочение стиля в партии» 1942–1943 гг. Все умевшие читать вовлекались в напряженное драматическое представление, начав с обсуждения избранных текстов и переходя к персональным признаниям и борьбе с недостатками. Все наблюдали публичное унижение главных вожаков, включая теоретика партии Ван Мина и писателя Ван Шивэя. Люди учились интерпретировать любое отклонение от линии Мао как дефект мышления вследствие субъективизма или либерализма — характерных черт мелкобуржуазного происхождения. Так, когда один человек признался, что его раздражают особые привилегии партийной элиты (например, когда те ездили верхом, в то время как остальные передвигались пешком), ему объяснили, что он не понимает либеральных идей,

поднимающих индивидуума над коллективом. Многие участники товарищеского суда действительно развивали новое коллективное сознание, что увеличивало их полезность партии. Другие — учились быть осторожнее в высказываниях.

Решающим в победе Коммунистической партии было обеспечение народной поддержки. Японская агрессия дала для этого великолепные возможности. В районах севера Китая, куда проникла армия японцев, крестьяне вступали с ними в борьбу. Они ненавидели японцев за принуждение женщин к проституции, заключение мужчин в трудовые лагеря, а особенно — за политику «трех принципов»: «убить всех, сжечь всё, разграбить всё», применяемую при сопротивлении местного населения.

Японские войска вытянулись в тонкую линию, занимали большие города, контролировали железные дороги, но тем не менее оставили возможность силам сопротивления укрыться и готовить партизанские операции. Силы сопротивления состояли не только из коммунистов. В сельские области приходили патриотически настроенные студенты, помогавшие как националистическим, так и коммунистическим борцам. Коммунисты добились большего успеха в управлении социальной, политической и экономической жизнью деревни, помогая крестьянам в уборке урожая и проводя постепенные экономические реформы. Не прибегая к существенной конфискации земли, удалось организовать ее значительное перераспределение. Градация налогов заставляла богатых землевладельцев добровольно продавать землю, в больших объемах перестающую быть прибыльной. На классовую борьбу упор в то время не делался, крупных землевладельцев принимали с распростертыми объятиями для обеспечения и формирования ополчения, а образованных молодых людей из состоятельных семей зачисляли в члены партии. Партийные пропагандисты обучали деревенских жителей песням, пробуждавшим патриотические чувства и прославлявшим Советский Союз. Они проводили митинги в провинции Хэбэй, что вызывало среди сельских жителей ехидные замечания: «При националистах слишком много налогов, при коммунистах слишком много митингов». Народу внушали уверенность в том, что, работая вместе под руководством партии, можно построить лучшее, более справедливое будущее.

Окончание войны с Японией усилило конфронтацию с националистами. Когда в августе 1945 г. Япония капитулировала после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, в исконном Китае размещалось более миллиона японских солдат и приблизительно миллион в Маньчжурии, не говоря о почти двух миллионах гражданских лиц. Их разоружение и репатриация растянулись на месяцы, в это время националисты, коммунисты, американцы, русские и даже некоторые милитаристы не стеснясь захватывали территории. Соединенные Штаты перебросили по воздуху 110-тысячное войско националистов в ключевые прибрежные города, в том числе в Шанхай и Гуанчжоу, американские войска были отправлены на защиту Пекина и Тяньцзиня. В начале августа русские вошли в Маньчжурию, выполняя данное США и Британии обещание присоединиться к восточному фронту через три месяца после победы в Европе. Они демонтировали все вывозимое оборудование японских промышленных предприятий, чтобы отправить в Советский Союз, и передали в руки Красной армии Китая

Городское население быстро разочаровалось в правительстве националистов из-за его неспособности сдержать инфляцию в 1940-х гг. На этой политической карикатуре изображено падение покупательной способности ста китайских долларов

большие склады с японским оружием. Более года, до января 1947-го, Соединенные Штаты пытались предотвратить гражданскую войну, убеждая Чан Кайши организовать правительство с участием оппозиционных партий. Эти усилия не увенчались успехом, разразилась широкомасштабная гражданская война националистов с коммунистами. Неприязнь к Гоминьдану вскоре стала очевидной. Неуправляемая инфляция превратила городских жителей во врагов правительства, мечтавших о его смещении. Офицеры и солдаты националистов занимались мародерством и не заботились об общем благе. К удивлению многих, гражданская война окончилась менее чем через два года после начала боевых действий. Националисты проиграли в военном отношении, хотя имели более современное оружие и армию, превосходящую силы противника в несколько раз. Чан Кайши и большая часть войск отступила на Тайвань, где было учреждено новое правительство.

Испытания, выпавшие на долю Китая, вообще были характерны для первой половины XX в. В большинстве других азиатских стран, включая Японию, образованные люди тоже боролись с противоречиями национализма и современности, пытались создать новую культуру, сочетающую элементы современной науки и западной идеологии с приумножением гордости за свой народ. Выявляются аналогии между китайским опытом и событиями в других странах, колонизированных западными державами (Индии, Вьетнаме, Индонезии), где привилегии западных наций вызвали возмущение и оскорбляли чувства местного населения. В начале XX в. социальные революции раздирали и некоторые старые государства, наиболее интересно сравнение с событиями в России. Опыт Китая разделили несколько развитых стран, в том числе Германия и Австрия, где были свергнуты некогда сильные монархии, а также державы, прошедшие через разрушительные Первую и Вторую мировые войны.

Эти совпадения являлись свидетельством начала новой фазы в истории Китая, максимально интегрированной в глобальный процесс развития. Ход событий в Китае XIX в. можно проанализировать с точки зрения исконных, традиционно китайских явлений, а также иностранных заимствований. К началу XX в. различия между ними становились все менее очевидными. Китайцы сами творили свою историю и стремились выстроить жизнь в условиях прозрачности государственных границ, принимая товары, людей и идеи, сложным образом взаимодействующие с традиционным укладом. Ни один регион Китая не избежал политической борьбы националистов с коммунистами и войны с Японией — событий,

зародившихся за пределами Китая. Конечно, были люди, пытавшиеся отвергать иностранное влияние на свою жизнь. Некоторые художники и интеллектуалы стремились сохранить исключительно китайские формы искусства, такие как пекинская опера или рисование тушью. Парадоксально, но страсть, с которой культурные патриоты возводили преграды для иностранного влияния, является свидетельством глобальности воздействия на общество Китая.

Современная китайская живопись

В то время, когда большинство интеллектуалов меняло свои взгляды под воздействием расширяющихся контактов с Западом, китайские художники создавали признанный жанр современного искусства, операвшийся в большей степени на китайские корни, чем на влияние извне.

Во второй половине XIX в. Шанхай превратился в самый большой, богатый и оживленный город Китая. Обосновавшиеся в нем художники развили яркий, красочный стиль живописи, популярный среди ученых с традиционным образованием и зарождавшейся коммер-

Причудливые, непосредственные работы Ци Байши были необыкновенно популярны в Японии и Китае. Надпись на этом рисунке, выполненном в 1935 г., гласит, что он был создан при свете свечи за одну ночь, когда художник вернулся домой и обнаружил, что все в доме спят, кроме мышей, внимательно рассматривающих книгу

ческой элиты. Искусство шанхайской школы отвечало вкусам времени, но и не противоречило опыту прошлого. Оно соединило в себе старые и новые возможности: классические пейзажи были так же популярны, как опровергавшие традиции изображения птиц и цветов; архаичный каллиграфический стиль присутствовал в рисунках, где художники экспериментировали с западными техниками нанесения теней для достижения большего сходства с фотографией.

В начале XX в. возможности искусства стремительно расширялись. Благодаря новым технологиям печати появились репродукции лучшего качества, чем не замедлил воспользоваться быстро развивавшийся издательский бизнес. Книги и журналы по искусству стали выпускаться в огромных количествах. Учреждение художественных школ изменило традицию передачи мастерства от художника к художнику — теперь появилась возможность обучаться одновременно у нескольких преподавателей и осваивать западные техники живописи. Открытие Дворцового музея в Пекине в 1925 г. явило широкой публике шедевры, много лет назад скрытые императорами династии Цин. Привычным делом стала продажа картин на выставках коммерческих галерей, дававшая зрителям доступ к произведениям искусства, а художникам — новый источник доходов.

Стиль китайской живописи продолжал развиваться в направлении, заложенном в XIX в. Выдающимся художником первой четверти XX в. был У Чанши (1844–1927), образованный интеллигент, с репутацией поэта, каллиграфа и резчика печатей до обращения к живописи. В изображении слив, цветов, бамбука он следовал стилю шанхайской школы, китайские специалисты указывают на силу и уверенность в его мазках, выработавшиеся годами упражнений в каллиграфии.

Следующее поколение художников, достигших совершеннолетия в XX в., не могло игнорировать альтернативные способы живописи.

На этом рисунке, изображающем переплетенные сливовые ветви, очевидно влияние каллиграфии. У Чанши создал его в Шанхае в 1915 г. в возрасте семидесяти лет

В 1940-х гг. Фу Баоши часто изображал сюжеты китайских стихотворений. Здесь показана иллюстрация к произведению поэта эпохи Тан Бо Цзюйи — персонаж просит вина

В 1940 г., когда Сюй Бэйхун создал этого петуха, он уже четыре года жил в Китае после возвращения из Европы

Изучавшие искусство за границей не отказывались также от китайской техники и эстетики. Сюй Бэйхун (1893–1953) отправился в Европу изучать реалистическую академическую живопись, видя в ней противоядие от досадных для него китайских традиций копирования и имитации. После восьми лет изучения искусства в Париже и Берлине он вернулся, выработав стиль, который вобрал в себя китайскую манеру живописи и материалы.

Движимый национальной гордостью, Фу Баоши (1904–1965) пытался создать характерную китайскую современную живопись. Фу был родом из бедной семьи — его отец чинил зонтики. Он еще учился, когда Сюй Бэйхун заметил его и помог отправиться в Императорский колледж искусств в Токио. Там преподаватель сказал ему, что странно ехать в Японию изучать китайское искусство. «Китайская живопись тушью — величайшая и высочайшая форма искусства в мире. Это завидное национальное богатство, доставшееся тебе от предков». Тогда Фу обратился

к изучению истории китайского искусства и, вернувшись на родину в 1936 г., получил назначение на факультет искусств Национального Центрального университета в Нанкине, возглавляемый Сюй Бэйхуном. В высоко оцениваемых знатоками пейзажах и фигурах, написанных в 1940–1950-е гг., Фу прославляет историю и географию Китая, его научные и художественные традиции.

Редкие знаменитые художники начала XX в. настолько приближались к старым идеалам, как У Чанши, Сюй Бэйхун и Фу Баоши. С успехом писал в стиле шанхайской школы и был близок к У Чанши Пу Хуа (1834–1911), художник незначительного происхождения, живший в шанхайском районе борделей; Ци Байши (1863–1957), работавший плотником, но нашедший поклонников своих изобретательных шуточных рисунков на бытовые сюжеты: мышей, креветок, крабов, фруктов; Ван Итин (1866–1938), преуспевающий шанхайский торговец и поклонник буддизма, для которого живопись была хобби.

КИТАЙ ПОСЛЕ 1949 г.

После победы коммунистов в гражданской войне Китай возглавило мощное централизованное правительство. Исповедуя социальное и экономическое равноправие, Мао Цзэдун и другие лидеры Коммунистической партии создавали новое государство, в котором ограничивалось влияние землевладельцев, капиталистов, интеллигенции и иностранцев, а крестьяне и рабочие получали большую власть. Были провозглашены новые ценности: людей учили, что борьба, революция и изменения — это хорошо, а компромисс, почтение и традиции — плохо. Произошло глобальное перераспределение материальных ценностей и полномочий. Воплощались в жизнь грандиозные проекты: появились новые фабрики, железные дороги, школы, больницы и водохранилища. Быт был политизирован как никогда: что производить крестьянам, где и как давать образование детям, что можно читать в книгах и газетах, где жить и путешествовать — все это подпадало под постоянно усиливающийся политический контроль.

Культурная революция 1966 г. обернулась радикальной борьбой за лидерство в Коммунистической партии, ставшей умереннее после смерти Мао в 1976 г. В 1980-х гг. вмешательство партии и государства в личную жизнь граждан ослабело, людям предоставили большую свободу действий. Государство не препятствовало рыночной активности и частному предпринимательству, стало привлекать иностранных инвесторов и отправлять студентов учиться за границу. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. экономика росла с поразительной скоростью, и государству становилось все труднее сдерживать влияние глобальных культурных тенденций на Китай.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ

Коммунистическая партия пришла к власти через гражданскую войну, то есть она как будто победила на всенародных выборах. Благодаря поддержке населения на севере Китая, где партия действовала до того десять лет, коммунистам потребовалось менее двух лет для победы над лучше оснащенными войсками националистов. Первого октября 1949 г. лидер коммунистов Мао Цзэдун провозгласил основание Китайской Народной Республики.

К 1949 г. Коммунистическая партия уже имела опыт управления сельскохозяйственными районами страны, но города представляли для нее проблему. Красная армия¹ входила в город, и солдаты-крестьяне незамедлительно начинали борьбу с пороком: устраивали облавы на попрошайек, проституток, опиум-

¹ У Эбри армия названа Красной, однако тогда, как и сейчас, она была известна как НОАК (Народно-освободительная армия Китая). — *Примеч. науч. ред.*

ных наркоманов и мелких воришек, изолировали их с целью перевоспитания и загружали производственными работами. Они учреждали уличные комитеты, избавлявшие города от разложения, признаками которого крестьянам казалась яркая одежда и вызывающие прически. Но городские учреждения: фабрики, железные дороги, университеты, газеты, суды и центры по сбору налогов нельзя было закрыть или отдать в управление солдатам-крестьянам. Партия хотела реорганизовать Китай по модели Советского Союза, поэтому ей необходимо было сохранить современные общественные структуры, чтобы осуществить переход надлежащим образом.

В формальных терминах политической организации страна ориентировалась на модель Советского Союза, но, в противоположность диктатуре пролетариата, в Китае установилась «диктатура демократии», в единый национальный фронт вместе с бедняками входили богатые крестьяне и национальная буржуазия.

Китайская Народная Республика состоит из 22 провинций, 5 автономных округов (тибетский, уйгурский, монгольский, мусульманский и народности чжуан) и 3 независимых городов (Пекин, Тяньцзинь и Шанхай). Границы страны в некоторых местах остаются спорными

Вскоре после основания Китайской Народной Республики Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай побывали в Москве. На фотографии они изображены вместе со Сталиным подписывающими договор о дружбе и экономическом сотрудничестве. Несмотря на подписанный договор, Мао считал, что Сталин не оказал ему должного уважения

Некоторые высокие посты в правительстве получили люди, не являвшиеся членами Коммунистической партии. Это было сделано с целью завоевать поддержку широких слоев населения. Мнение народа выражалось на собиравшихся нерегулярно съездах народных представителей всех уровней — от деревни до Всекитайского съезда народных представителей, но реальной властью обладала Коммунистическая партия. К концу 1950-х гг. в деревнях, на фабриках, в школах и армейских гарнизонах существовало более миллиона партийных комитетов. Каждый комитет направлял делегатов в верхние структуры, в том числе в советы уездов и провинций, и над всем главенствовали три высших органа: Центральный комитет, состоящий из ста членов, Политбюро из десяти руководителей и Постоянный комитет, в который в 1949 г. входили Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ и Чэнь Юнь, затем к ним присоединился Дэн Сяопин. Мао Цзэдун признавался верховным лидером Постоянного комитета; его портретами украшали здания, а заявления воспринимали как волю нового императора.

Экономической задачей Коммунистической партии было оживление и реструктуризация народного хозяйства. Новое правительство взяло под контроль банки, получив в свое распоряжение кредитные средства. Через год оно справилось с инфляцией — впечатляющее достижение. Взяв за основу разработанную националистами индустриальную политику военного времени, новая власть завладела важнейшими узлами управления, включая железные дороги и внешнюю торговлю. В 1951–1952 гг. развернулась кампания против «пяти зол» с целью предупредить объединенную контратаку капиталистов, контролировавших частные предприятия. Под звуки фанфар народ обвинил торговцев и промышленников во взяточничестве и мошенничестве, уклонении от налогов, краже государственных средств и экономических секретов. В апреле 1952 г. под следствием и критикой оказались 70 тыс. шанхайских предпринимателей. Членов их семей и друзей убеждали присоединиться к обвинению, провоцируя предательство. После того как обвиняемые сознавались, их вынуждали возместить убытки, что нередко означало полную конфискацию имущества. Таким способом партия установила контроль над многими фабриками, превратив бывших владельцев в управляющих, получавших государственную зарплату. Множество мелких мастерских, магазинов и ресторанов оставалось в частной собственности, но постепенно правительство захватило власть над ними, контролируя поставки и трудовые ресурсы.

Развитие тяжелой промышленности коммунисты считали основным путем к выводу Китая из бедности. В начале 1950-х гг. Мао провел в Москве девять недель, обсуждая договор на ссуды и техническую поддержку Советского Союза, призванные содействовать индустриализации страны. Вскоре более 20 тыс. китайских граждан поехали учиться в СССР, а 10 тыс. русских инженеров

отправились в Китай запускать по советским проектам 156 предприятий тяжелой промышленности. Для оплаты проектов пришлось обложить тяжелыми налогами сельское хозяйство, тоже по предложенной советской модели. В соответствии с пятилетним планом 1953–1957 гг. производство стали следовало увеличить в четыре раза, энергии и цемента — в два. Выпуск товаров народного потребления планировалось наращивать медленнее: выпуск изделий из хлопка увеличился по плану менее чем на 50 %, выработка зерна — менее чем на 20 %.

Новому правительству не хватило времени на организацию современных политических структур до втягивания в войну с Кореей. После Второй мировой войны Корея оказалась разделенной по 38-й параллели: северную часть оккупировал СССР, южную — США. В июне 1950 г. север напал на юг, вероятно, по настоянию Сталина, поскольку лидер Северной Кореи Ким Ир Сен был его протеже. Войска США, сражавшиеся под флагом ООН, пришли на помощь Южной Корее и в начале октября пересекли 38 параллель, направляясь к реке Ялуцзян, разделявшей Северную Корею и Китай. Когда враг подошел к границе, правительство Китая поняло, что не может демобилизовать армию, как было запланировано. «Добровольцы» под командованием Пэн Дэхуая начали тайно переправляться через реку. В конце ноября они остановили американцев и заставили их уйти на юг к Сеулу. Всего в Корею было отправлено свыше 2,5 млн воинов, все китайские танки и большая часть артиллерии и авиации. Война зашла в тупик, но мирные переговоры затянулись до 1953 г., в основном потому, что Китай добивался репатриации всех военнопленных, а 14 тыс. человек решили не возвращаться.

Участие в войне утвердило законность правления Коммунистической партии — Китай «выстоял» и отразил удар империалистов. Но цена победы была огромной: не только множество раненых и убитых, но и сокращение шансов на постепенное урегулирование внутренних и внешних конфликтов. Соединенные Штаты в рамках холодной войны ввели эмбарго на торговлю с Китаем и отправили 7-й флот патрулировать нейтральные воды между Китаем и Тайванем. Американская поддержка гарантировала сохранение тайваньского режима националистов — яростных оппонентов Коммунистической партии. Китай начал чернить США, назвав американцев своим первостепенным врагом, и, опасаясь шпионажа, выслал из страны большинство оставшихся западных миссионеров и бизнесменов.

Худшая судьба ожидала служивших в коммунистическом правительстве или армии националистов — теперь в них видели враждебных агентов. Кампания 1951 г. против «контрреволюционеров» уничтожила сотни тысяч людей, столько же было отправлено в трудовые лагеря. Операция позволила разоружить население: только в провинции Гуандун было изъято более 500 тыс. винтовок.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В 1940-е гг. каждый шестой человек на Земле был китайским крестьянином. Жизнь сотен миллионов селян радикально изменила постепенная коллективизация земли и формирование новой местной элиты из деревенского населения.

По мере получения контроля над новыми областями Коммунистическая партия внушала крестьянам новый взгляд на старый порядок. Социальное и экономическое неравенство — неестественно, это ложное толкование, вызванное учреждением частной собственности; старые представители элиты из числа интеллигенции — вовсе не ученые, действующие по высоким моральным принципам, а жесточайшие эксплуататоры, вынуждавшие бедняков продавать своих детей. Для замены устаревшего «феодального» порядка партия предлагала новое общество, в котором все будут бескорыстно работать вместе для достижения общей цели.

На протяжении двадцати лет партия перераспределяла землю на стабильно управляемых территориях, но методы передела различались и зависели от политической ситуации в текущий момент. В одних случаях военные действия сводились к минимуму, в других — применялись для воодушевления беднейшей части населения. Обычно партия посылала в деревню небольшие группы кадровых партийцев и студентов для налаживания отношений с крестьянами, организации сельских объединений и выявления политических лидеров из числа бедняков. Далее следовало составление списка жалоб и организация борьбы против тех, кто вызывал наибольшее возмущение. В конце группа занималась классификацией населения, подразделяя его на землевладельцев (тех, кто жил на доходы от земельной ренты), богатых крестьян (которые сдавали в аренду часть земли, но на оставшейся работали сами), крестьян-середняков (обрабатывавших землю самостоятельно без помощи арендаторов или наемных работников), бедных крестьян (арендаторов и владельцев небольших участков, бравших их в аренду и нанимавшихся в работники) и наемных работников (безземельных жителей, работавших за зарплату). Классовый анализ должен был быть научным, но правила трактовались не всегда однозначно. Многие испытывали смущение, причисляя к эксплуататорам условно состоятельные семьи ветеранов или вдов, сдающих в аренду скудные участки, будучи не в состоянии работать на них самостоятельно. Сложно было отнести к наемным работникам тех, кто подряжался, проиграв свое наследство в азартные игры или растратив на опиум. Из-за наличия в классификации морального фактора, у распределявших появилась возможность помочь друзьям и отомстить врагам. В одних деревнях практически не было излишков земли для перераспределения, в оценках других наблюдался злой умысел, вызванный прежними конфликтами и не имеющий отношения к участкам. Это осложняло ситуацию. Богатых крестьян терроризировали, заставляя рассказать о спрятанном золоте. Землевладельцы не только потеряли землю, но стали жертвами мести за прошлые обиды. Число казненных по различным данным составляет от сотен тысяч до десятков миллионов. Дополнительным результатом земельной реформы стало формирование в деревне кастовой системы. Нижняя каста состояла из потомков бывших землевладельцев, в то время как наследники бедных и средних крестьян стали привилегированным классом.

Перераспределение земли было первым шагом к реорганизации деревни, за ним последовала поэтапная коллективизация сельского хозяйства. Сначала земледельцев призывали вступать в общества взаимопомощи,

затем — организовывать кооперативы. Члены кооперативов объединяли свои ресурсы: землю, сельскохозяйственный инвентарь, животных, рабочую силу и получали вознаграждение, пропорциональное размеру вклада. В северных областях Китая это происходило в начале 1940-х гг., на юге — с 1950 по 1953 г. С 1954 по 1956 г. проводилась третья стадия: создавались кооперативы следующего уровня, в которых вознаграждение соответствовало выработке. Многие из них, носившие с 1958 по 1978 г. название «производственные коммуны», были образованы на базе деревень или части села. После создания кооперативов экономическое положение крестьян было практически уравнено.

В процессе коллективизации китайское правительство получило контроль над рынком зерна. Взяв с каждого кооператива от 5 до 10 % урожая в качестве налога, оно оставляло крестьянам скудную часть, достаточную лишь для выживания, а «излишек» покупало по установленной цене. В 1951–1952 гг.

Во время земельной реформы конца 1940-х — начала 1950-х гг. бедные крестьяне (даже женщины, как мы видим на фотографии) выступали против эксплуатации землевладельцев. На митингах не только принимали решения о конфискации собственности землевладельцев, но нередко избивали и даже убивали их

Коллективизация и мобилизация труда активизировали занятость женщин в сельскохозяйственных работах. В 1965 г., когда была сделана эта фотография, во многих областях на долю женщин приходилась половина низкоквалифицированного труда в деревне. К концу 1980-х гг. женщины осуществляли большую часть полевых работ, когда расширились возможности мужчин трудиться за пределами аграрного сектора

побочным эффектом борьбы против «пяти зол» стало осуждение межрегиональной торговли как преступной спекуляции, крайней формы капиталистической эксплуатации. Торговля оказалась под управлением государства, и сельскохозяйственные рынки пришли в упадок. Жители бедных областей, еле сводившие концы с концами, потеряли возможность заработать на предприятиях по выжимке масла, изготовлению бумаги или веревок, дававших дополнительный доход. Плотники и ремесленники, привыкшие работать далеко от дома, оказались прикрепленными к земле и могли продавать свои изделия только в родных деревнях.

Реорганизация деревни подготовила почву для формирования новой крестьянской элиты. Политика высшего партийного уровня определялась прихотями Мао или борьбой различных фракций, но отражение изменений на жизни простых людей зависело от местных партийных начальников. В деревнях лидерами групп обычно избирались местные жители. В некоторых деревнях на руководящие позиции попали представители среднего крестьянства, умевшие читать

и писать, имевшие дома книги и много знавшие о земледелии. В других — в лидеры выбились горлопаны из беднейших семей, проявившие рвение в классовой борьбе против землевладельцев и богатых крестьян. Для успешного продвижения по партийной линии руководителю следовало энергично выбивать излишки продовольствия, служа нуждам революции. С другой стороны, для сохранения мотивации членов кооператива, нельзя было отнять слишком много. Успех лидера зависел от умения втереться в доверие к обеим сторонам и кое-где согрешить против истины. Партия призывала коллективы расти и объединяться, поэтому деревенские кадровые работники много времени посвящали повышению мотивации и соревнованию между членами коммуны.

Руководители групп и местные активисты имели шансы построить партийную карьеру, что привело к социальной мобильности, какой императорский Китай не знал никогда. Партия стремительно росла: в 1947 г. насчитывалось 2,7 млн коммунистов, в 1953 г. — 6,1 млн, а в 1961 — уже 17 млн. Многие члены партии были простыми крестьянами, вступившими в Красную армию или активно проявившими себя в политических кампаниях.

Новый Китай

Стремления Мао и других лидеров Коммунистической партии не ограничивались реформами организации производства. Китайская культура и государство также нуждались в преобразованиях. Новые лидеры Китая называли свою победу в гражданской войне освобождением. Китайский народ освободился от ига прошлого и теперь мог превратиться в современную, социалистическую, прогрессивную нацию равноправных граждан. Китай больше не будет отодвинут на край мировой истории и вновь займет центральное место, по праву ему принадлежащее. Он продемонстрирует всему миру возможности социализма — избавит массы от бедности и создаст лучшую форму человеческого общества.

Распространение этих идей входило в задачу групп пропаганды, быстро освоивших издательское дело. Школы и вузы находились под надзором партии,

На площади Тяньаньмэнь есть не только прекрасные памятники архитектуры периода Цин, но и огромные здания и пространства — произведения архитекторов, вдохновленных эталонами Советского Союза

Министерство образования по советскому примеру издавало директивы относительно использования учебников по истории Китая и продвижения «народного языка» в качестве стандарта. Были созданы многочисленные общественные организации: уличные комитеты в городах, Лига молодежи, Федерация женщин, Федерация профсоюзов. Партийные работники, проводящие собрания, должны были контролировать настроения масс и направлять их в русло новых политических течений. Помещения для собраний и другие здания украшались знаменами и партийными лозунгами. В начале 1950-х гг. пропагандистские усилия увенчались успехом. Люди стали давать своим детям патриотичные имена: «Построй Китай» или «Приведи нацию к процветанию».

Новому Китаю требовался символ возрождения. Старый Пекин реконструировали, и теперь он соответствовал статусу столицы нового государства. В конце 1950-х гг. снесли огромные крепостные стены Пекина, мешавшие дорожному движению. Область к югу от старого императорского дворца была расчищена от зданий, на этом месте возникла крупнейшая в мире площадь Тяньаньмэнь, на которой вскоре стали устраивать празднества в честь Первого мая и Дня провозглашения КНР. По обеим сторонам площади возвели два громадных здания в советском стиле: Большой народный дворец и Музей истории Китая. В центре площади поместили каменный Монумент павшим народным героям высотой более 30 м, украшенный рельефными изображениями героических революционеров прошедшего столетия. В старых китайских городах не было площадей и монументов, «интернациональный» социалистический стиль, призванный обновить вид Китая, включал элементы западного искусства, архитектуры и городского планирования.

Всеобщее отрицание старого распространилось на составляющие традиционной культуры. Религия, обычаи почтения старших и подчинения женщины мужчине были объявлены феодальными пережитками. Государство поддерживало стремление к равенству женщин и мужчин и предложило реформу семьи и брака (подобные меры ранее принимались в советских районах в Цзянси и в Яньани). В 1950 г. Закон о реформе брака дал возможность молодым людям самостоятельно выбирать супругу, женщинам инициировать развод, а женам и дочерям — наследовать собственность. Положения закона не шли дальше гражданского кодекса националистов 1930 г., но произвели большой эффект, поскольку проводились специальные кампании ознакомления граждан с текстом закона, а женщинам, в случае навязываемого родителями замужества или ухода от невыносимого мужа, свекрови, гарантировалась поддержка партии. В первые пять лет с момента вступления закона в силу было расторгнуто несколько миллионов браков, главным образом по инициативе жены. Не только матримониальная реформа изменила устройство китайской семьи. Старые устои подрывало сокращение семейной собственности в результате коллективизации земли и национализации имущества; поступление детей в школы и появление массовых организаций, таких как Коммунистический союз молодежи и Пионерская организация; всеобщая мобилизация женщин на работу и появление их во власти, от уличных комитетов и университетских факультетов до верхних эшелонов партии.

КИТАЙ КАК МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Старый Китай был империей, новый Китай провозгласили многонациональным государством. Из центра цивилизации, притягивающего, развивающего и принимающего народы, живущие вдоль границ, Китай превратился в совокупность обособленных, равных этнических групп. Основной нацией были ханьцы, «китайцами» назвали представителей всех этнических групп, населявших Китайскую Народную Республику.

Политику многонациональности можно рассматривать также примером подражания Советскому Союзу, нашедшему лучший способ в век национализма сохранить все земли, завоеванные монархией в XVIII и XIX вв. Сходная концепция помогла Китаю оправдать господство в Тибете и Синьцзяне, присоединенных к империи Цин, но получивших независимость в 1911 г. после краха династии. Монголия также отделилась, но под влиянием Советского Союза установила в 1920-х гг. коммунистическое правительство, поэтому Китай не оспаривал ее независимость.

Идентификация и обозначение этнических меньшинств Китая стало в 1950-х гг. большим национальным проектом. Сталин отмечал четыре критерия, по которым группа могла называться национальностью: общность языка, территории, экономической жизни и психологического типа, проявлявшегося в общих культурных чертах. Используя эти критерии, китайские лингвисты и социологи исследовали около 400 групп, желавших именоваться национальностью, отвергнув притязания ветвей крупных племен. Более 50 групп признали национальностями. Отличительные признаки некоторых были четко выражены, например тибетцы и уйгуры говорили на различных языках и жили на определенных территориях. Но было множество сомнительных случаев, начиная от племени хуэй — говоривших по-китайски мусульман, рассеянных по всей стране, — до народности чжуан в Гуанси, давно ассимилировавшей, или племени мяо, объединение которого интересовало больше лингвистов и социологов, чем сам народ. В горах на юго-западе проживали малые племенные группы из нескольких тысяч человек. Если в регионе (размером от уезда до провинции) доминировало определенное меньшинство, его называли автономным и предоставляли право использовать национальный язык в школах и правительственных учреждениях. Статус автономных округов получил Тибет, Синьцзян, Нинся, Гуанси и Внутренняя Монголия, где проживали соответственно тибетцы, уйгуры, хуэй, чжуан и монголы. Области в провинциях Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу были объявлены автономными округами племен чжуан, мяо. По официальной версии все эти регионы с радостью согласились вступить в объединенный Китай, к 1957 г. в партию было принято 400 тыс. представителей меньшинств. Однако существует множество свидетельств против всеобщего воодушевления, например в случае Тибета. В 1950 г. Тибет воспротивился присоединению, в 1959 г. — разразилось восстание. С тех пор с разной периодичностью протест продолжается в различных формах.

Жители Китайской Народной Республики говорят на множестве языков. Почти миллиард, приблизительно 94 % всего населения, говорит на китайском, но не все понимают друг друга, так как многие диалекты различаются больше, чем французский и испанский языки, и могли бы свободно считаться разными языками. Со временем произношение сильно изменилось, например слово «сложный» звучит в Пекине как «нань», в Яньчжоу — «лэ», в Сучжоу — «нэ», а в Чанша — «лань». Все китайские языки — тоновые, но северный пекинский диалект имеет четыре тона,

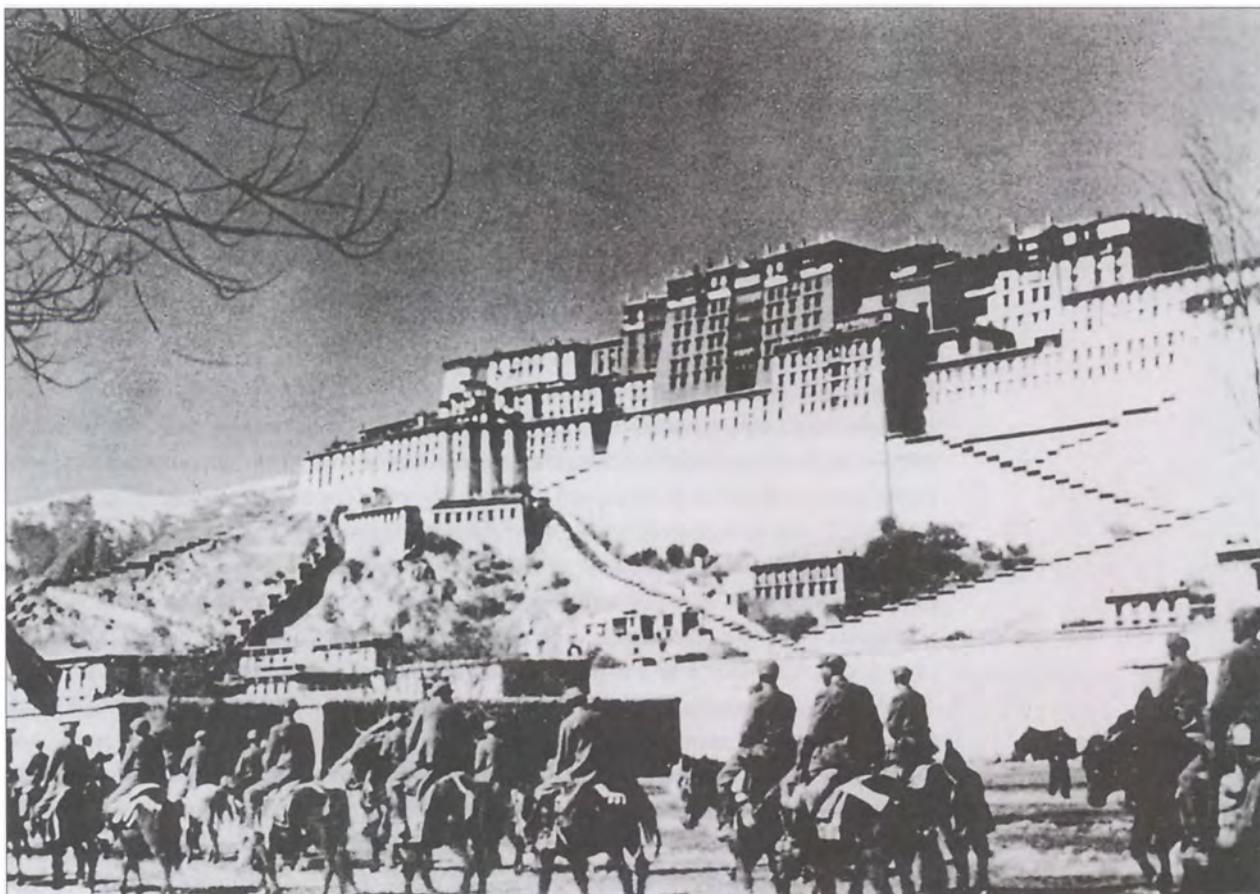
а кантонский — двенадцать. Традиционно эти трудности преодолевались с помощью письменности, так как китайские идеограммы можно читать на любом диалекте. Образованные люди учились говорить на «официальном языке» — версии пекинского диалекта, чтобы иметь возможность общаться с представителями других регионов. В начале XX в. приверженцы новой культуры выступали за то, чтобы сделать «официальный язык» государственным. Китайская Народная Республика также ратовала за употребление «общепринятого языка» в школах, на радио и телевидении

ПОДАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В 1920–1930-е гг. представители интеллигенции Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Лу Синь и Дин Лин были в ряду горячих сторонников социализма, видя в нем способ избавления Китая от нищеты и несправедливости. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. несколько знаменитых писателей отправились в Яньань, где вскоре узнали, что их долгом является служение партии, а не творчество на максимальном от нее расстоянии.

После 1949 г. партии пришлось иметь дело с новой категорией интеллигенции, явно не поддерживавшей коммунистов, но предпочитавшей оставаться в городах и занятой на службе, так или иначе связанной с националистами. Представители городской образованной элиты с энтузиазмом восприняли новое правительство, способное выполнять свои функции: контролировать инфляцию, ликвидировать коррупцию, способствовать распространению грамотности, провозглашать равенство женщин, очищать улицы и заставлять всех работать. Тысячи обучавшихся за границей поспешили домой, чтобы помочь родине. Партия нуждалась в управляющих, администраторах, учителях, журналистах, ученых,

Тибет был практически независим с момента краха династии Цин в 1911 г. до восстановления военного присутствия Китайской Народной Республики. Здесь изображен вход Народно-освободительной армии в Лхасу в 1951 г.

Этническое разнообразие китайцев стало частью официального облика Китая и нашло отражение на денежных знаках

писателях, активистах. Поэтому, хотя Мао и настаивал, что «быть красным гораздо важнее, чем быть экспертом», многих образованных людей оставили на занимаемых ими должностях независимо от классового происхождения.

Однако новое государство изобрело способ ограничить влияние интеллигенции. Школы, университеты, издательства, научно-исследовательские институты были реорганизованы, сотрудники — «перевоспитаны». «Реформа мышления» заключалась в признании человеком своей тяги к капиталистическому империализму, покаянии в предательстве китайского народа и благодарности Председателю Мао за указанные ошибки. Пройдя через эту процедуру, многие решали посвятить себя построению социализма. Независимость интеллигенции была подорвана отсутствием альтернативных путей получения заработка. Больше не существовало свободной прессы и независимых учебных заведений, общество осуждало праздных людей, получающих доходы от инвестиций и тратящих их на предметы искусства и антиквариат.

Некоторые направления научной деятельности получили щедрую поддержку правительства, больше всего средств вкладывалось в археологию. Институт Археологии был основан в 1950 г., его задачей была координация археологических раскопок и проведение исследований по всей стране. В местах, интересующих историков, таких как Аньян, Сиань и Лоян, велись стационарные раскопки. Опытные группы исследователей направлялись в места, где в процессе строительства

дорог, заводов и водохранилищ обнаруживались древние захоронения и реликвии. Археологические исследования давали шанс прикоснуться к прошлому и привлекали своей научностью; ожидалось, что обнаруженные материалы продемонстрируют соответствие прошлого Китая марксистской схеме исторического развития: от первобытной общины до рабовладельческого, феодального строя. Археология была меньше привязана к текстам прошлого и позволяла прославлять не элиту, а ремесленников, создававших прекрасные объекты.

К 1956 г. Мао был уверен, что комбинацией стимулирования и перевоспитания ему удалось изменить образованную прослойку общества. Он призвал интеллигенцию помочь определить проблемы внутри партии — коммунистов, потерявших связь с народом или ведущих себя, как тираны. Многие, впервые услышавшие призыв Мао «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ!», перестали сдерживаться. На выдвигавших критику расточалась щедрая похвала. Поток осуждающих выступлений удивил Мао — он внезапно изменил курс и со злобой обвинил критиков в правой идеологии и оппозиции партии.

В последовавшей за этим массивной антиправой кампании была осуждена половина образованной элиты, в основном высказывания против партии в период «Ста цветов», но часто лишь из-за вынужденной необходимости выдать партийным предводителям свою долю «правых» ячеек. Всего по обвинениям в правом уклоне пострадало 3 млн человек, это означало, что они больше никогда не будут иметь авторитета в глазах окружающих, даже если продолжат заниматься своим делом. Полмиллиона отправили в деревню для преодоления «разрыва с массами» путем работы на земле. Жертвами стали молодые и старые, те, кто выступал с трибуны, и остававшиеся в стороне. В трудовых лагерях оказались тридцать журналистов, вызывавших негодование читателей рассказами о специальных магазинах для чиновников. Известно множество случаев, подобных истории инженера, приговоренного к двадцати годам низкооплачиваемых работ по доносу, — во время чтения критики периода «Ста цветов» он якобы произнес слова «Как смело!». Удалив с руководящих позиций множество образованных людей, новая партийная элита рабоче-крестьянского происхождения, ненавидевшая иностранцев и интеллигентов, уничтожила городскую образованную профессиональную интеллигенцию 1930–1940-х гг., находившуюся под влиянием западных идей. В старом Китае культурное влияние имела элита, получившая фундаментальное образование; Мао не допустил этого в новом Китае. Людей с высшим образованием поставили на место: они были служащими государства, нанятыми для обучения детей рабочих или технической поддержки; им не позволялось иметь собственные убеждения, отличные от взглядов партии, вести культурную жизнь отдельно от народных масс.

«БОЛЬШОЙ СКАЧОК»

К концу 1957 г. повторение советской модели уже не казалось Мао правильным решением. Экономический рост был слишком медленным, зависел от советских экспертов и технических специалистов, сдерживался дефицитом капитала. Правительство Китая искало способ использования огромных человеческих ресурсов

Дин Лин

Китайской интеллигенции в XX в. жилось нелегко, особенно людям, преданным идее служения стране и создания лучшего общества. Дин Лин (1904–1985), выдающаяся писательница своего поколения, постоянно вовлекалась в конфликты с властями.

Дин Лин выросла в провинции Хунань среди пионеров женского образования. Ее мать поступила в школу в тридцать лет, затем, овдовев, преподавала в школе для девочек. Со временем Дин Лин доказала свою готовность порвать с условностями. В 1919 г. она поступила в мужское высшее учебное заведение, которое одним из первых превратилось в институт смешанного образования. В шестнадцать лет она уехала из дома, чтобы избежать навязанного дядей замужества, и окунулась в захватывающую жизнь «Движения 4 мая». Так началась ее независимая жизнь в Нанкине, Шанхае и Пекине. Она училась, писала, часто переезжала, постоянно пытаясь свести концы с концами, вступила в Анархистскую партию и узнала о жизни освобожденных женщин в Советском Союзе. Потом познакомилась с молодым поэтом Ху Епинем и влюбилась в него.

Первый рассказ Дин Лин был опубликован в 1927 г., а первый сборник имел неожиданный успех в 1928 г. Героинями ранних рассказов писательницы стали современные женщины: отважные, страстные, стремящиеся к независимости, но неспособные найти эмоциональное удовлетворение или развить в себе по-настоящему свободную личность. Мисс Софи, главная героиня самого известного рассказа — одинокая, раздражительная, больная туберкулезом молодая женщина, описывала в дневнике не только свое недовольство окружающей жизнью, но и страстное влечение к недостойному мужчине и свое смущение этим. В 1930 г. Ху и Дин Лин пришлось бежать из Шаньдуна, где он преподавал, из-за опасности ареста за пропаганду пролетарской литературы. В Шанхае у них родился сын, Ху вступил в ряды Коммунистической партии, оба стали активистами Лиги левых писателей. В следующем году Ху арестовали и казнили националисты. Опустошенная

Дин Лин посвятила себя революционной работе. Она вступила в партию и начала работать над созданием «пролетарской» литературы, заявив однажды группе студентов, что больше никогда не будет писать о любви. Похищенная в 1933 г. агентами националистов, Дин Лин некоторое время провела в тюрьме, а затем три года находилась под домашним арестом в Нанкине.

Дин бежала в Яньань, где она познакомилась с руководителями Коммунистической партии, преподавала, занималась политической работой, писала короткие рассказы и вышла замуж за собрата по перу. Как многим писателям в Яньани, Дин Лин было сложно писать убедительные произведения, удовлетворяющие партийное руководство. Герои ее рассказов не всегда соответствовали идеалу революционера. Например, в одном из них женщина — член партии почувствовала, что «требования партии» железным воротником обвилились вокруг шеи, когда ей приказали оставить мечты о врачебной карьере, поскольку партии были нужны медсестры. В 1942 г. Мао Цзэдун созвал Форум искусства и литературы, чтобы усмирить писателей. Он напомнил, что труды литератора должны служить революции. Дин Лин оказалась одной из тех, против кого проводилась эта акция, и была вынуждена пройти через процедуру самокритики. Проведя два года в Центральной партийной школе за изучением политики, она была выслана из Яньани, чтобы писать о солдатах и крестьянах.

Во время гражданской войны Дин Лин работала наблюдателем за ходом земельной реформы на севере Китая. В романе, написанном на основе личного опыта, старые коммунистические кадры изображены совершенными людьми, способными перенести любую трудность, всегда пронцательными и добрыми в отношениях с крестьянами и молодыми членами партии. Дин Лин научилась писать в стиле социалистического реализма: этот роман удостоился престижной Сталинской премии, автора наградили поездкой в Москву. Заслужив благосклонность правительства, Дин Лин

в целях ускорения модернизации. Мао начал задумываться о «большом скачке». Путем согласованной работы сотен миллионов людей Китай должен был из бедной нации превратиться в мощное государство. Скрытая созидательная сила китайских масс, ранее сдерживаемая эксплуататорами, должна была раскрыться, и тогда Китай за пятнадцать лет превзошел бы Великобританию в сфере промышленного производства.

Вскоре к задачам ускорения индустриализации присоединились дальнейшие преобразования в деревне. В течение нескольких месяцев 1958 г. по всей стране

в течение последующих лет получала высокие должности и опубликовала «Впечатления о визите в Советский Союз» и «Хвалебные песни пятилетнему плану». Но когда писатель и редактор Ху Фэн стал в 1955 г. мишенью кампании против либеральных писателей, она тоже подверглась осуждению: выдающийся литератор Мао Дунь утверждал, что она сохранила идеологию «мисс Софи». В процессе самокритики Дин признала, что эпоха «Движения 4 мая» сформировала ее мышление, и герои произведений часто чувствуют себя одинокими и беспомощными.

Несмотря на двукратную процедуру самобичевания, Дин Лин призывала к свободе литературы от государственного контроля во времена кампании «Ста цветов». В период преследований правых уклонистов ее ранние произведения подверглись многочисленным нападкам. Профессиональная зависть, давние личные конфликты, бюрократические интриги привели к плачевному результату: Дин Лин обвинили не только в политических ошибках, но и «распущенном поведении» во время домашнего ареста в Нанкине в 1930-х гг. Когда она отказалась от предъявленных обвинений, ее сняли с поста, исключили из партии и отправили на «трудовое перевоспитание» на ферму возле сибирской границы. Ее жизнь там нельзя назвать ужасной: старые друзья и покровители присылали ей бумагу и еду, она имела связь с семьей. Позднее, во время «культурной революции», соперники из двух ближайших коммун соревновались за право расправиться с ней и в результате униженную и избитую Дин Лин отправили в одиночную камеру. С 1970 по 1975 г. ее содержали в карцере большой государственной тюрьмы.

В 1978 г., когда Дэн Сяопин объявил о реабилитации жертв «культурной революции», Дин Лин появилась в Пекине. С тех пор до самой смерти в 1985 г. она имела статус знаменитости, выезжала за рубеж, давала интервью, комментировала события. Однако многие молодые люди, ожидавшие от нее высказываний о положении женщин и контроле государства над литературной деятельностью, были разочарованы: им показалось, что писательница полностью приняла линию партии.

Совет Яньани был небольшим, и Дин Лин общалась со многими верховными руководителями Коммунистической партии. Несмотря на связи, ее сильно критиковали за феминистский тон некоторых рассказов

сельскохозяйственные коллективы объединялись в гигантские коммуны. Коммуны должны были довершить пролетаризацию крестьянства, полностью искоренив частное владение средствами производства и предоставив крестьянам школы и больницы как преимущества современной городской жизни. Китайские лидеры провозгласили повышение производительности посредством уплотнения посевов и создания небольших фабрик по обработке местного сырья.

И Мао, и партийные кадры, а также простые люди были захвачены волной утопического энтузиазма. Экономисты, инженеры и другие образованные

специалисты были переведены на низшие должности или отдалены от политики во время кампании борьбы с «правым уклоном», поэтому план составляли неквалифицированные местные кадры, желавшие продемонстрировать свое рвение на благо партии. В конце лета и осенью 1958 г. коммуны, фабрики, школы и другие организации сооружали кустарные доменные печи, чтобы помочь стране удвоить производство стали. Крестьяне военным строем отправлялись на общественные работы, всю работу в поле выполняли женщины. И тех и других воодушевляли лозунгами («Больше, быстрее, лучше и экономичнее!») и песнями: «Коммунизм — это небеса. Коммуна — это лестница. Если мы построим эту лестницу, то сможем забраться на небеса». Поскольку крестьян мобилизовали для работы в специальных проектах, они мало времени уделяли сельскохозяйственным работам, поэтому были организованы столовые с бесплатной едой. Комментаторы провозглашали этот факт основным этапом в переходе от социализма к коммунизму. Округа сообщали о приросте сельскохозяйственного производства на тысячу или даже 10 тыс. процентов! Публиковались фотографии полей, где пшеница росла так плотно, что дети могли стоять на вершине колосьев, не сгибая их. Центральный Комитет партии трубил за границей о том, что национальное производство за год увеличилось почти вдвое.

Некоторые проекты «большого скачка» были успешны: по всей стране строились мосты, железные дороги, каналы, водохранилища, электростанции, шахты

и оросительные сооружения, многие из них оказались довольно долговечными. Но зачастую проекты внедрялись в спешке, с допущением серьезных ошибок и низким уровнем технических знаний. Например, поля запахивали так глубоко, что почва засолилась. Спустя год после начала «большого скачка» Мао стал призывать к замедлению темпа и более реалистичным целям.

Летом 1959 г. старый революционер и министр обороны Пэн Дэхуай на партийном совещании высказал взвешенную критику политики «большого скачка». Мао Цзэдун был глубоко оскорблен. Он неистово возражал, а потом отстранил Пэна от руководства. Призыв к «большому скачку» прозвучал с новой силой, а связанные с ним проблемы вменили в вину Пэн Дэхуаю и остальным, не верящим в правое дело.

Мао определял основные решения партии, а партийный аппарат управлял всеми аспектами китайской экономики, поэтому ошибочная экономика Мао привела к голоду в огромных масштабах. Объем урожая 1958 г. был сильно преувеличен, большая его часть осталась гнить в полях, так как мужчин перевели на другие работы. Когда в течение следующих лет объем урожая продолжал уменьшаться, ситуацию усугубили поддельные отчеты кадровых работников, рапортующих о приросте, демонстрируя революционное рвение. Центральное правительство планировало урожайность на основании фальшивых данных, и в деревнях изымали максимум продовольствия, оставляя людям менее половины прожиточного

Широкомасштабная трудовая мобилизация во время «большого скачка» помогла осуществлять контроль за наводнениями в бассейне реки Хуанхэ. Однако отвлечение мужчин от сельскохозяйственных работ привело к серьезной нехватке продовольствия, вылившейся в настоящий голод с 1960 по 1962 г.

минимума. Была введена карточная система на продукты питания, развернуты полевые кухни, раздающие жидкую кашу. Несмотря на эти меры, по данным переписи населения, зарегистрировано 30 млн погибших от голода на протяжении «трех лет трудностей» (1959–1962).

Неудивительно, что «большой скачок» привел к напряженности отношений между Китаем и Советским Союзом. Со смертью Сталина Мао считал вправе признать себя главным лидером международного коммунистического движения, но Хрущев не разделял этих взглядов. Русские опасались, что Китай втянет их в войну с США, поскольку во время «большого скачка» усилились антиимпериалистические настроения и начался обстрел островов у побережья провинции Фуцзянь, захваченных националистами Тайваня. Хрущев дважды посетил Пекин (в 1958 и 1959 гг.), после чего заключил, что Мао является романтическим уклонистом, просчитавшимся в своем решении создать коммуны. Не помогло и заявление Мао, что создание коммун позволит Китаю построить коммунизм раньше СССР. Хрущев отменил свое намерение передать Китаю атомное оружие, а летом 1960 г., когда в Китае разразился голод, отозвал из страны всех российских инженеров. В 1963 г. Мао публично объявил Хрущева ревизионистом, приспешником капиталистов и оспорил лидерство СССР в международном коммунистическом движении. Вскоре коммунистические партии всего мира разбились на просоветские и прокитайские фракции. Опасаясь советского вторжения, Китай строил по всей стране бомбоубежища. Правительство выделяло огромные ресурсы на создание оборонных учреждений в горных районах страны, далеких от моря и советской границы.

«Большой скачок» оставил глубокий негативный след на сельском хозяйстве страны. Борьба за выживание привела к патологической жадности и, как следствие, к цинизму и потере веры в партийное руководство. Люди поняли, что несколько стоящих у власти человек не только навязали стране абсурдную политику, но действовали во имя частных интересов своих семей, общины или соседей. Крестьян ошеломил запрет на свободу передвижения. С 1955 г. система регистрации населения привязала сельских жителей к деревням, в которых они родились, а замужних женщин — к домам их мужей. Когда опрометчивое расширение промышленных предприятий страны было остановлено, миллионы городских безработных высланы в деревни. Чтобы не допустить их возвращения и проникновения в город крестьян, была введена регистрация городских хозяйств, связанная с нормами продажи зерна. Только люди, имевшие разрешение на проживание в городе, могли получить купон на покупку зерна. Такая политика привела к резкому обеднению сельских общин с небольшим количеством земли на каждого жителя. В сравнении с деревней проживание в городе было надежнее, особенно для трудящихся в государственном секторе, которым предоставлялось жилье по низким ценам, пенсии, услуги здравоохранения и различные субсидии, не говоря о снабжении продовольствием. Дети получали образование в средней школе, а самые удачливые (или с большими связями) продолжали дальнейшее обучение. В сельской местности на такой уровень могла выйти лишь малая часть особенно богатых общин. В беднейших регионах крестьянам, занятым выращиванием зерна по заданию правительства, оставалось лишь работать все больше

и больше, чтобы хоть как-то исправить ситуацию. Частая прополка сорняков, устройство террасовых полей, расширение оросительных систем и тому подобное не всегда приносило большую отдачу. Производство сельскохозяйственной продукции снижалось по всей территории страны.

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Волюнтаристский взгляд Мао на революцию, проявившийся в грандиозных планах «большого скачка», опирался на волевой потенциал людей, мобилизованных для борьбы и преобразования самих себя и всего мира. Марксизму присущ иной взгляд на революцию и исторические изменения. Маркс был материалистом, отрицавшим идеалистическую интерпретацию истории. По его теории, идеи не являлись двигателем истории, а лишь отражали экономическую базу, способ производства и производственные отношения. Поэтому преданный марксист мог вполне разумно сосредоточиться на изменении экономической системы и ожидать соответствующего изменения идей и культуры. Многие члены Коммунистической партии Китая, несмотря на авторитет Мао и его концепции, были склонны к материалистической интерпретации истории, политическая мобилизация не могла, по их мнению, заменить первичность экономической базы.

После провала политики «большого скачка» на передний план выдвинулись плановая экономика и партийные функционеры. Мао отстранился от активного принятия решений, и Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин и другие лидеры принялись возрождать тяжелую промышленность и рыночную активность. Реализация идеологических решений была отвергнута Дэн Сяопином столь же лаконично, как высказывался Мао: «Белый кот, черный кот — подойдет любой, если он сможет поймать мышь».

К этому времени партия превратилась в огромную бюрократическую организацию, состоящую из 17 млн человек. В верхних эшелонах никто не забыл судьбу Пэн Дэхуая и уже не пытался в присутствии Мао вести честные дебаты относительно партийной политики. Это дало развитие фракционизму и интригам. Вероятно, поводом для призыва к «культурной революции» Мао послужило ощущение, что партия отодвигает его в сторону. Этот шаг чуть не уничтожил партию, которую он возглавлял в течение трех десятилетий. Идеология волновала Мао. Он был прозорлив и боялся, что в Китае, как и в Советском Союзе, постепенно установится неравенство, и не хотел стоять в стороне, видя, как новая элита прибирает к рукам власть и низвергает все достижения революции. Для Мао революция была непрерывным процессом непрекращающейся классовой борьбы. Подобно Сталину, он был убежден в необходимости выявления и уничтожения скрытых врагов в партии и среди интеллигенции.

«Культурная революция» началась весной 1966 г., когда мэр Пекина был снят с должности за разрешение на постановку пьесы с критикой политики Мао. Образовалась «Группа по делам культурной революции», возглавляемая женой Мао Цзян Цин (1914–1991). До этого момента Цзян Цин не играла существенной роли в политике, рассматриваемая многими как представитель Мао. Вскоре

Мао Цзэдун приветствует Красную гвардию на площади Тяньаньмэнь в Пекине летом 1966 г.

радикально настроенные студенты Пекинского университета стали выступать против партийных чиновников, «выбравших капиталистический путь развития». Когда Лю Шаоци попытался взять под контроль происходившее в Пекинском университете, Мао вмешался, понизив его в должности на внеочередном заседании Центрального комитета и санкционировав создание студенческих отрядов «красных охранников».

Вскоре течение «культурной революции» уже никто не мог держать под контролем. Выросшие в новом Китае молодые люди с энтузиазмом откликались на призывы к революции и помощи Мао в изгнании ревизионистов. В июне 1966 г. были закрыты все средние школы и университеты больших и малых городов, а ученики посвящали все время революционной деятельности. «Красными охранниками» могли стать лишь молодые люди с «правильным классовым происхождением» — дети крестьян, рабочих, кадровых партийных работников, военных и революционных мучеников. Дети высокопоставленных партийных функционеров, хвалившиеся тем, что они «естественные красные», стали лидерами этой организации и с презрением относились к молодежи обычного или «неправильного» происхождения, особенно потомкам интеллигенции, успешно сдававшим экзамены. В то же время они обходили стороной проблему новой привилегированной элиты в социалистическом Китае. Студенты обычного или «неправильного» классового происхождения, в первую очередь

пострадавшие в начальный период мобилизации «красных охранников», постепенно создали свои подобные организации. Вместо классового происхождения они делали упор на личную преданность «идеям Мао Цзэдуна» как критерий оценки революционера. С августа по ноябрь 1966 г. на пекинской площади Тяньаньмэнь прошло восемь массовых выступлений «красных охранников», в которых приняли участие более 8 млн молодых людей со всей страны. «Красные охранники» размахивали маленькими красными книжечками, «Цитатниками Председателя Мао». Эту брошюру несколькими годами раньше составил Линь Бяо (1908–1971) для обучения солдат, наполнив мудрыми изречениями Великого кормчего: «В классовом обществе каждый принадлежит к какому-либо классу, и мышление любого гражданина, без исключения, определяется его принадлежностью к классу» или «Народ, и только народ, является движущей силой мировой истории».

Напряжение и антагонизм, подавленные жестким общественным контролем, выплескивались в стремлении «красных охранников» отомстить или выместить свою ярость на людях. «Красные охранники» бродили по улицам в поисках всего иностранного и старого, врываются в дома учителей, кадровых работников, людей «неправильного» классового происхождения и связанных с иностранцами, крали или уничтожали старые книги, генеалогии, произведения искусства. Они устраивали бесконечные обвинительные митинги, на которых обвиняемые

В период «культурной революции» Цзян Цин активно продвигала революционные фильмы, пьесы и оперы. Актеры должны были вселять в публику боевой дух, внушать понятия дисциплины и усердия

учителя, писатели и кадровые работники были вынуждены стоять с опущенной головой и руками за спиной в «позе аэроплана», выслушивая глумление и ругань бывших друзей и коллег. Говоря словами издания People's Daily (1966 г.): «С ужасной и стремительной силой яростного урагана „красные охранники“ разрушили кандалы, которые когда-то надел на их разум класс эксплуататоров, и заставили буржуазных специалистов, ученых, руководителей и „почтенных мастеров“ превратить свой престиж в пыль».

Мишенями для нападок оказался известный представитель интеллигенции Ба Цзинь, автор романа «Семья», захватившего умы молодежи 1920–1930-х гг. В 1966 г. Ба Цзинь был публично осужден в Шанхае, принужденный стоять на коленях на битом стекле перед огромной разъяренной толпой. Его жену заставили убирать улицы, после чего она слегла, но как «враг народа» не смогла получить медицинскую помощь, и Ба Цзинь чувствовал себя виновным в ее смерти. «Красные охранники» с благословения маоистов осмелились поднять руку даже на главу государства Лю Шаоци и объявить его «главным приспешником капиталистов». Летом 1967 г. «красные охранники» захватили хорошо охраняемый квартал Чжуннаньхай, в котором жили партийные руководители, и схватили Лю. Они насмеялись над ним и избивали на глазах толпы. Два года спустя Лю Шаоци умер от истязаний, четыре члена его семьи также погибли в тюрьме, где на допросах из них выпытывали признания в шпионаже.

К ноябрю 1966 г. на «культурную революцию» мобилизовали пролетариат. Мятежные студенты отправились на заводы «учиться у рабочих», на самом деле формируя оппозицию партийной верхушке. Партийные лидеры пытались удовлетворить недовольных трудящихся повышением зарплаты и различными премиями, но Мао ответил на этот «экономизм» провокацией студентов и рабочих на захват власти у коррумпированных, ревизионистски настроенных партийных лидеров. Хаотическая борьба за власть приводила к предсказуемым результатам: как только одна группа поднималась на верхний уровень, другая обвиняла ее в «неправомерном захвате управления» и пыталась свергнуть.

Сначала военное участие в «культурной революции» было минимальным. Но после распространения вооруженных конфликтов Мао обратился к Народно-освободительной армии с просьбой восстановить порядок. Армия получила противоречивые задания: помочь группам левых захватить власть и обеспечить рост промышленного и сельскохозяйственного производства. Как правило, она преследовала свои интересы, поддерживая консервативные массовые организации и распуская мятежные, «контрреволюционные». Этим воспользовались маоистские лидеры, инициировав обвинение военных в поддержке вражеской стороны. В июле 1967 г. консервативная фракция в Ухане похитила двух радикальных лидеров Пекина. «Группа по делам культурной революции» ответила призывом к вооружению «красных охранников» и захвату власти у военных «приспешников капитализма». Так начался самый жестокий этап «культурной революции», когда отряды «красных охранников» и рабочих организаций поднялись на вооруженную борьбу друг с другом и против военных формирований. Коммуникации и транспорт не работали, из городов исчезли товары первой необходимости.

Столкнувшись с ухудшением ситуации, Мао понял, что ему придется свернуть движение, чтобы предотвратить гражданскую войну. В июле 1968 г. он расформировал «красную гвардию» и отправил ее активистов на работу в сельские районы. Вместе с другими партийными лидерами он инициировал создание «революционных комитетов», служащих заменой старой партийной структуры. В каждый ревком должны были входить представители массовых организаций, революционных кадров и армии. В большинстве районов армия заняла главенствующее положение. Однако военный контроль не означал прекращения насилия. Поиск тайных врагов и предателей среди интеллигенции и членов партии перевел «культурную революцию» в стадию террора, спровоцированного государством. Расследование военными по всей вероятности фиктивной конспиративной «Группы 16 мая» привело к пыткам и казни тысяч людей.

Последствия «культурной революции» сказались на жизни деревни. По сценарию «большого скачка» люди с «неправильным» классовым происхождением стали «козлами отпущения», распространилась крайняя степень коллективизма. Весь индивидуальный труд, даже выращивание свиней и кур, объявлялся зарождающимся капитализмом и немедленно прекращался. Нельзя сказать,

В 1967 г. студентам Пекинского университета приходилось пользоваться лестницами, чтобы закрепить на стенах новые плакаты. В этих плакатах поименно перечислялись «ревизионисты» и «пришпешники капиталистов» среди преподавателей и администрации

Китайская еда

В XX в. жители даже самых удаленных областей освоили многочисленные достижения западной материальной культуры, не только технически превосходящие местный уровень (железные дороги, электрические фены, термосы, автобусы, шариковые ручки), но и не имеющие никаких преимуществ (воротнички на мужских рубашках, горизонтальная печать вместо вертикальной). Но китайской кухне удалось противостоять влиянию Запада. Китайцы не сменили палочки на вилки, а соевый соус на масло. Они не стали, подобно японцам, употреблять западную пищу наряду с национальной. Даже самые европеизированные городские жители гордились китайской кухней, твердо убежденные, что ни одна кулинария мира не может с ней соперничать.

Выбор овощей, мяса и крупы для блюд зависит от региона страны, но «китайской» пищу делают основные принципы приготовления. Зерно является главной составляющей: в большинстве провинций предпочитают рис, затем идет пшеница, из которой изготавливаются лапша, пампушки или плоские лепешки. Далее добавляется комбинация из овощей, мяса или рыбы, при этом все режется на маленькие кусочки, чтобы приготовить еду быстро с минимальными затратами тепла. В качестве приправ широко используются имбирь, чеснок, уксус и соусы из ферментированных соевых бобов. В некоторых областях, особенно в провинциях Сычуань и Хунань, в блюда щедро добавляют красный перец. Мясо для китайцев никогда не было основным источником калорий,

но намеренно его не избегали. Чаще всего готовят свинину; нарезанная тонкими ломтиками или измельченная, она обогащает вкус соевого творога, капусты или ростков бамбука. В обычный семейный обед входит суп, а также одно или два овощных блюда. Во время праздников и банкетов на столе может стоять более десяти разнообразных блюд: мясо, рыба, птица и овощи, приготовленные на пару, жареные или тушеные и хорошо прожаренные.

В Китайской Народной Республике питание, как и все остальное, имеет свои политические особенности. Поставка зерна в города контролируется государством. На протяжении 1980-х гг. купить зерно, плошку риса или лапши в маленьком ресторане могли только жители, имевшие специальный талон. Другая еда тоже время от времени продавалась по талонам, в том числе растительное масло и мясо.

С ослаблением государственного контроля над экономикой в начале 1980-х гг. свободный рынок позволил существенно повысить качество и разнообразие пищевых продуктов. Процветали частные предприятия питания — от торгующих лапшой или пельменями уличных лотков до элегантных ресторанов в роскошных гостиницах. Пища играла важную роль в процессе налаживания контактов и поиска покровителей. Чиновников обвиняли в том, что они толстеют из-за употребления еды, преподносимой жадными протекции. В 1990-х гг. успешные предприниматели угощали партнеров по бизнесу в дорогих ресторанах.

Традиционно китайские мужчины и женщины ели отдельно, даже дома, но в конце XX в. появился обычай собираться всей семьей

что крестьяне поддерживали эту политику, зачастую применялось принуждение. Так, несмотря на идеологическую важность народного участия в политическом процессе, в реальности власть местных партийных кадров преобладала над правами населения.

Господство военных ослабело после загадочной гибели министра обороны Линь Бяо в 1971 г. В глазах общественности Линь Бяо был образцом преданности, китайская пресса регулярно называла его собратом по оружию и лучшим учеником Мао. Но согласно официальным источникам, Линь испугался, что Мао отвернулся от него, и попытался убить вождя. Когда дочь Линь Бяо раскрыла заговор, он решил бежать в Советский Союз, но погиб в авиакатастрофе над Монголией из-за нехватки топлива. Какой бы ни была правда, новости об этом заговоре держали в тайне от прессы в течение года, поскольку руководство не знало, как сказать народу, что Линь Бяо стал, подобно Лю Шаоци, предателем, получившим вторую роль в партийной иерархии.

После гибели Линь Бяо Цзян Цин стала главным лидером радикальной фракции. Это время она посвятила продвижению революционных опер и других видов «пролетарского» искусства и зорко следила, чтобы феодальные, капиталистические или ревизионистские идеи не проникли в искусство и культуру. Лидером умеренной фракции был Чжоу Эньлай, ответственный за международные отношения партии. Главной внешней опасностью в момент «культурной революции» считалась угроза вторжения со стороны СССР. В нестабильной ситуации после смерти Линь Бяо Чжоу Эньлай искал способы урегулирования отношений с США в противовес Советскому Союзу. В 1972 г. ему удалось организовать визит в Китай президента Ричарда Никсона. В 1973 г. Чжоу, страдавший раком, сумел восстановить на руководящих постах многих вставших в немилость лидеров, включая Дэн Сяопина. Он умер в январе 1976 г. Когда жители Пекина собрались в апреле на площади Тяньаньмэнь, чтобы оказать руководителю дань памяти и уважения, группа Цзян Цин объявила их «контрреволюционерами» и вновь сместила с должности Дэн Сяопина. После смерти Мао, в октябре того же года, Цзян Цин и ее «Банда четырех» были арестованы. На показательном процессе 1980–1981 гг. им предъявили обвинение в произволе во время «культурной революции».

В начале 1980-х гг. достаточно было прогуляться по Наньцзин-лу, главной торговой улице Шанхая, чтобы убедиться, что Китай заселен очень плотно

Когда Дэн Сяопин вновь оказался у власти в 1978 г., ему предстояло реабилитировать 3 млн жертв «культурной революции». Каждый, кого она затронула, чувствовал себя измученной жертвой манипуляции. Городская молодежь, воодушевленная призывом Мао опрокинуть облеченных властью, вскоре оказалась в ужасном положении: ее отправили в деревню, где враждебно настроенные крестьяне делали жизнь бывших горожан невыносимой. Обучение младших соратников было прервано, сначала школы были закрыты, а после открытия обучение велось по сокращенной программе. Кадровые работники, учителя, интеллигенция, став основными мишенями нападков, подвергались физическому насилию, но горечь предательства была еще тяжелее. Когда им пришлось продолжить работу с людьми, избивавшими и унижавшими их, отправлявшими в тюрьму, раны не затягивались долгие годы. Даже согласные с тем, что в партии и образовательных учреждениях распространились буржуазные ценности и бюрократические привычки, не видели смысла в массовой атаке «культурной революции» против укоренившихся идей и установленного порядка. Большинство людей в Китае и за его пределами ставят этот эпизод китайской истории во главу списка преступлений против человечества.

В апреле 1976 г., три месяца спустя после смерти Чжоу Эньлая, мирное шествие подношения венков к Монументу павшим народным героям превратилось в яростную конфронтацию и арест сотен демонстрантов

Вердикт, вынесенный Мао Цзэдуну, не столь суров, как претензии к «культурной революции», но после его смерти стал более критическим. В 1981 г. партия все еще высоко оценивала руководство Мао во время войны и его интеллектуальный вклад, но также возлагала на него ответственность за все ошибки начиная с 1956 г. Авторитет Мао пошатнулся ощутимее, когда возникли сомнения в компетентности его решений в 1940-х и начале 1950-х гг. Некоторые

критики заходят так далеко, что изображают Мао человеком, страдавшим манией величия, поглощенным своим проектом преобразования Китая до безразличия к страданиям других людей. Другие представители китайской интеллигенции считают, что превращение Мао в монстра освобождает остальных от ответственности и подрывает доказательства необходимости структурных изменений, предостерегающих подобные ситуации.

СТИМУЛЯЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В истории Китая периоды беспорядков всегда вызывали сокращение численности населения. Считается, что нашествия монголов и маньчжуров, восстания XIV, XVI и XIX вв. каждый раз сокращали количество китайцев не менее чем на 10 млн. В сравнении с такими масштабами потери населения в период «большого скачка» и «культурной революции» выглядят незначительными. С 1957 по 1970 г. население Китая выросло с 630 до 880 млн. Реформа здравоохранения в 1950-е гг. позволила сократить уровень смертности и увеличить среднюю продолжительность жизни с сорока лет в 1953 г. до шестидесяти в 1968 г. и шестидесяти пяти в 1984 г. Результатом стало ускорение темпов роста населения, и даже ужасный голод 1959–1962 гг. оставил лишь временный след на неуклонном демографическом подъеме. Мао отвергал прогнозы, что в Китае может стать слишком много людей, но к моменту его смерти население страны приблизилось к миллиардной отметке, и преемники вождя признали, что Китай больше не может позволить себе эксперименты с политикой, предпочитающей равенство экономическому росту.

Придя к власти в 1978 г., Дэн Сяопин вынес на повестку дня проблему бедности, придавая меньшее значение вопросам идеологии и классовой борьбы. Дэн, как и Мао, имел впечатляющую революционную биографию: в начале 1920-х гг. вместе с Чжоу Эньлаем он вел активную коммунистическую деятельность во Франции, затем — в шанхайском подполье, позднее участвовал в Великом походе и партизанской войне против Японии. В 1956 г., в возрасте пятидесяти двух лет, он стал членом Постоянного комитета Политбюро и Генеральным секретарем Коммунистической партии. Будучи дважды отлучен от власти во времена «культурной революции», Дэн Сяопин считал абсурдным призыв «лучше быть бедным при социализме, чем богатым при капитализме» и настаивал на том, что «бедность не есть социализм». Что касается лозунгов, Дэн сформулировал программу «четырёх модернизаций» (сельского хозяйства, промышленности, технологий и обороны) наряду с «четырьмя кардинальными принципами»: продолжение движения по социалистическому пути, диктатура пролетариата, руководство Коммунистической партии и идеология марксизма, ленинизма и маоизма.

Политика Дэн Сяопина спровоцировала экономический бум, утроивший средний доход населения к началу 1990-х гг. и способствовавший, по оценкам мирового банка, выходу из состояния нищеты 170 млн крестьян. Чтобы победить бедность в деревне, Дэн одобрил отступление от принципов коллективного

Плодородные земли в Китае в таком дефиците, что прикладываются усилия по эффективному использованию каждого участка. В плодородном регионе Цзянсу все дома расположены вдоль канала, чтобы отвести как можно больше площадей под пахотные земли

Популярные журналы 1980–1990-х гг. призывали женщин украшать себя и следить за модой

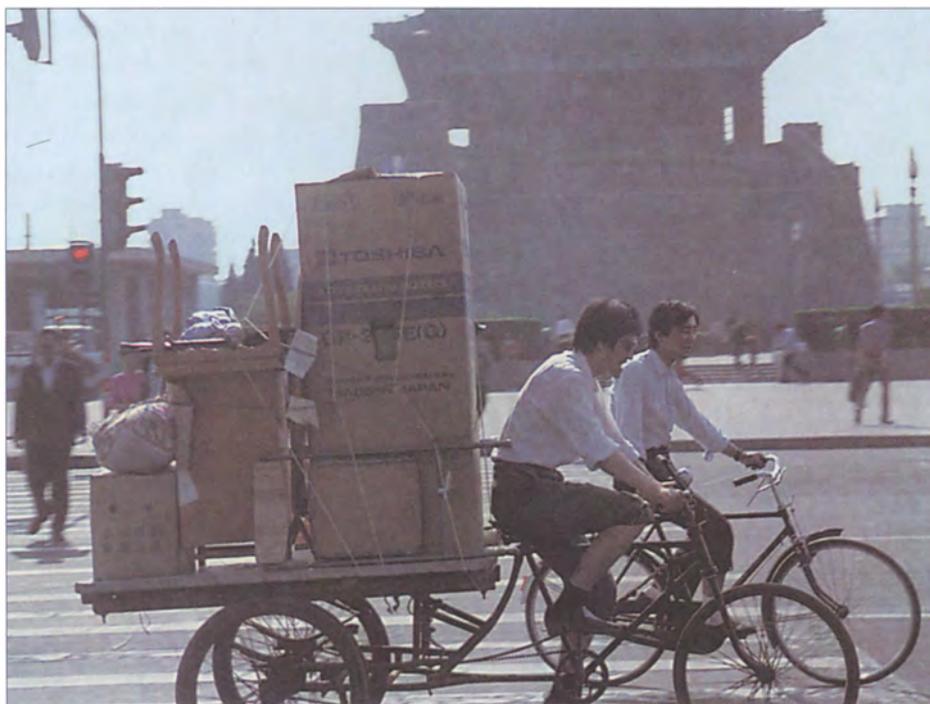
сельского хозяйства. Он ввел «систему производственной ответственности», в соответствии с которой деревенские хозяйства получали в аренду землю и орудия труда и рассматривали их как собственные, были разработаны принципы стимулирования производства. Каждая производственная бригада заключала контракт с участниками — хозяйствами, которые обязывались

предоставлять бригаде оговоренные продукты в обмен на использование определенных полей. Произведенную сверх установленных объемов продукцию хозяйство могло оставить себе или продать. Бригады, по существу, сдавали землю в аренду и не обрабатывали ее напрямую. Семьи были одновременно владельцами земли (как члены бригады) и арендаторами (земли, которую они получали по контракту). Государство одобряло дополнительную деятельность по выращиванию овощей, свиней и кур, а также мелкие предприятия — от рыболовства и ремонта оборудования до мастерских, производящих товары на экспорт. Доходы крестьян быстро увеличивались, особенно в прибрежных провинциях, где велики были возможности торговли. Даже в бедных районах стало легче жить, особенно после смягчения ограничений на перемещение и проживание, дающего миллионам молодых людей возможность переехать в места кадрового дефицита и отправлять домой заработанные деньги.

Дэн Сяопин начал реформу образования, заявив, что влияние «банды четырех» привело к формированию «целого поколения психически ущербных людей».

Не хватало квалифицированных членов партии для управления процессами модернизации. Старейшая партийная когорта, принятая в ряды до 1949 г., имела минимальный уровень образования; самые молодые члены, вступившие в партию в период «культурной революции», выдвинулись благодаря успехам в борьбе с интеллигенцией, а не за академические достижения. В начале 1980-х гг. всего 14 % из 40 млн членов партии имели законченное образование, эквивалентное обучению в средней школе, и лишь 4 % обучались в высших учебных заведениях. Многие обладатели вузовских дипломов обучались в 1970-х гг., когда качество образования пострадало от политики, направленной против элиты и интеллигенции. Вступительные экзамены в высшие учебные заведения восстановили только в 1977 г. Новые перспективы обучения за границей — в Европе, Соединенных Штатах, Японии привлекали студентов и вскоре привели к ажиотажу вокруг изучения английского языка.

Чтобы ускорить экономическое развитие, Дэн Сяопин отказался от предложенной Мао концепции самообеспечения и начал привлекать иностранных инвесторов, поощряя сотрудничество международных предприятий и государственных компаний Китая. Иностранцев привлекала низкая стоимость китайской рабочей силы. Вскоре в стране появились заводы, выпускавшие товары для внутреннего рынка (например, автомобили), с китайскими производителями заключали контракты на производство товаров для западного рынка (одежда, мягкие игрушки, часы и велосипеды). Быстрее всех развивалась провинция Гуандун, наладившая связи с финансовым гигантом Гонконгом. С 1982 по 1992 г. 97 % гонконгских фабрик по производству игрушек (3104 предприятия) переехали в Гуандун. Многие перенесли свою деятельность в Шэньчжэнь, особую

Давняя обида, нанесенная Японией Китаю, не снизила спроса китайцев на появившиеся японские товары: магнитофоны, стиральные машины и телевизоры

экономическую зону на границе с Гонконгом, которая росла с удивительной скоростью. К концу 1991 г. около 30 тыс. человек в южном Гуандуне имели электронные пейджеры, а еще 30 тыс. уже перешли на сотовые телефоны. Сотовая связь была талисманом гонконгских бизнесменов — удивительная метаморфоза, учитывая, что десятилетием раньше междугородняя телефонная связь в Китае была недоступна.

В городах не все ожидали выгоды от реформ. Государственные служащие поняли, что изменения повышают для них вероятность потерять работу. Более того, рост зарплат не всегда соответствовал уровню инфляции, о чем не приходилось беспокоиться в период жесткого централизованного управления экономикой. Представители интеллигенции чувствовали себя отверженными обществом, когда видели, что новые предприниматели, даже уличные торговцы, зарабатывают достаточно, чтобы приобрести недоступные раньше потребительские товары, например мотоцикл. Но самым возмутительным было обогащение детей высокопоставленных чиновников, заключавших самые выгодные контракты.

Список негативных последствий многообещающих, в общем, реформ можно с легкостью продолжить. Быстро возникла незаконная торговля, объектами продажи были не только наркотики, но и предметы искусства из разграбленных гробниц. Усилилось загрязнение окружающей среды, усугубились другие экологические проблемы. Женщины потеряли преимущества в трудоустройстве и получении образования, родители забирали девочек из школ и заставляли работать, работодатели увольняли женщин намного чаще, чем мужчин. Возродился обычай покупки и продажи женщин в жены: в 1989–1990 гг. было арестовано свыше

После создания в Китайской Народной Республике фондовой биржи желание быстро разбогатеть приводило к частым, нередко бешеным скупкам акций. Этих неистовых покупателей фотографировали в Шэньчжэне в 1992 г.

65 тыс. человек за похищение и продажу женщин и детей. Несоответствие доходов прибрежных и внутренних провинций привело к новому неравенству. После отмены контроля над миграцией прибрежные районы заполнили люди в поисках работы, согласные жить в лачугах по двенадцать человек в комнате, лишь бы получить шанс прикоснуться к источнику богатства, которое рыночная экономика принесла в удачливые регионы. В Гуандуне внутренние мигранты, особенно не говорящие на кантонском диалекте, стали эксплуатируемым классом: их нанимали на худшую работу, заставляя трудиться по 10–12 часов в день, семь дней в неделю, без права опротестовать увольнение.

Стремление обуздать рост населения в эпоху после Мао также вызывало определенное недовольство. Великий кормчий отрицал теорию Мальтуса об ограниченности ресурсов для производства продовольствия, поэтому при его жизни осуществлялись лишь единичные попытки ограничить рост населения пропагандой поздних браков. Но после смерти Мао правительство всерьез задумалось об ограничении количества детей в семье до одного. Теперь для каждого района составлялись планы рождаемости, исходя из них спускали квоты в более мелкие административные единицы. Молодым людям требовалось согласие работодателя на вступление брак, а затем на рождение ребенка. Если женщинам, забеременевшим сверх плана, не удавалось это скрыть, они сталкивались с жестким давлением со стороны ответственных за контроль над рождаемостью и местных кадров, вынуждавшим сделать аборт. После повсеместного распространения ультразвукового исследования (в конце 1980-х — начале 1990-х гг.) многие женщины стали уступать этим требованиям и делать аборт, если будущий ребенок — девочка. Другие практиковали убийство новорожденных девочек или тайные роды, поскольку во вторых и последующих родах рождение мальчиков наиболее вероятно.

В 1980–1990-е гг. цензура ослабла, и вскоре кинематограф стал основным способом осмысления недавней истории Китая. Режиссерам разрешили критический в меру взгляд: например, сценарий «Синего змея», истории страданий одной семьи во время политических кампаний 1950–1960-х гг. был одобрен властями, но позднее работу над фильмом остановили. Подготовку фильма завершили за границей, где он имел большой успех, но в Китае в 1994 г. его запретили к показу

КУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 1980–1990-Х ГГ.

В период «культурной революции» интеллигенция училась молчать, а простой народ «кормили» скучной смесью политизированных рассказов, пьес и фильмов. С падением «банды четырех» быстро проявилось сдерживаемое стремление народа к разнообразным и живым явлениям культуры. В конце 1970-х гг. появилась литература «оскорбленных», пострадавшие от «культурной революции» почувствовали политическую возможность выразить свой взгляд на предательство. Терпимость со стороны правительства оживила средства массовой информации: в них можно было найти любые материалы — от журналистских расследований

коррупции кадров Лю Биньяня и Дай Цина до философской переоценки марксизма; а также произведения романистов, поэтов и режиссеров, экспериментировавших с запрещенной ранее сексуальной сферой.

Большое влияние на развитие культуры оказало телевидение. Телевизоры стали доступны всем слоям населения, а программы, особенно информация о внешнем мире, пользовались популярностью. Десятки тысяч китайцев побывали за границей, множество иностранцев приезжали в Китай учиться, вести бизнес или в качестве туристов. Китайцы получили доступ к публикациям и телевизионным передачам из Гонконга, к программам коротковолнового вещания Би-би-си и «Голос Америки» на английском и китайском языках, подготовленным независимо от контроля правительства. Люди стали осознавать, в каком положении находился неразвитый Китай в сравнении со старыми европейскими державами и недавно развившимися регионами Тайваня и Южной Кореи.

Правительство отказалось от монополии на информацию, но продолжало подвергать цензуре публикации и осуждать писателей за идеи, чуждые революции. Когда студенты университетов, писатели, художники, ученые и городская молодежь заинтересовались западной поп-культурой, особенно музыкой, прическами, свободой нравов и, конечно же, эгоцентрическим индивидуализмом, консервативные партийные критики периодически проводили кампании против «буржуазного либерализма» и «духовного загрязнения».

Более опасным для партийной элиты стал растущий интерес к западным политическим идеям. Узнав о них, китайские интеллигенты начали не только

Фотография одинокого демонстранта, вставшего 5 июня 1989 г. перед колонной танков после кровавого подавления выступлений в защиту демократии, вызвало бурный общественный резонанс за пределами Китая. Миллионы людей, наблюдавших за протестом по телевидению, увидели в этом смельчаке символ надежды Китая

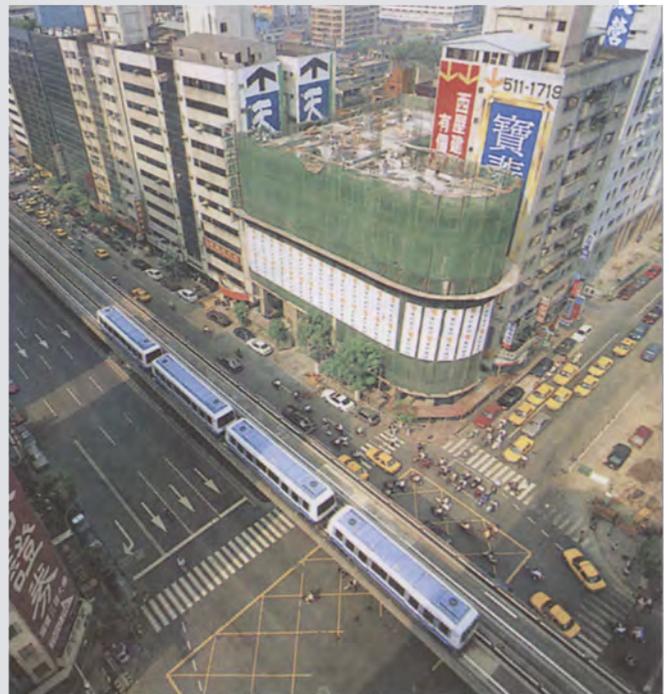
Тайваньское экономическое чудо

Когда победа Коммунистической партии в гражданской войне стала неизбежной, Чан Кайши и большая часть Национального правительства и армии эвакуировались на остров Тайвань, в 160 км от побережья провинции Фуцзянь. Находившийся с 1895 по 1945 г. под колониальным правлением японцев, Тайвань только недавно вернулся под управление Китая, и первая встреча правительства националистов с местным населением прошла в напряженной обстановке. В 1947 г. на протест против коррупции политиков правительство ответило стрельбой и преследованием лидеров митинга. По разным подсчетам, было убито от 8 до 10 тыс. человек, включая многих местных руководителей. Благодаря поддержке США (холодная война в Азии усиливалась), националисты укрепили позиции правительства и сосредоточились на экономическом развитии.

В 1992 г. Тайвань занял второе после Японии место по доходу на душу населения в Азии, оставив Китай далеко позади. Националисты начали преобразования с введения японской земельной реформы и развития промышленности. В следующие двадцать лет они получили прибыль от крупных иностранных инвестиций, особенно США и Японии. Но большую роль в экономическом росте Тайваня сыграла также тяжелая работа и продуманное планирование. Правительство Тайваня предоставляло широкие возможности квалифицированным специалистам. Экономисты и инженеры, включая обучавшихся за границей, стали главами министерств. В 1950-е гг. акцент был сделан на замещение импорта, особенно — создание легкой промышленности. В 1960-х гг. увеличился экспорт электроники, Тайвань решил следовать модели Японии, сделав ставку на стереосистемы и телевизоры. В 1966 г. открылась первая безналоговая зона экспорта, привлекая иностранный капитал и технологии. К 1980-м гг. XX в. экономический потенциал Тайваня позволил открыть сталелитейные и нефтехимические производства, требующие крупных капиталовложений. К началу 1990-х гг. выгодные условия инвестирования сосредоточили здесь огромный капитал, хлынувший на материк, особенно в ближайшую провинцию Фуцзянь, где средний заработок составлял десятую часть зарплаты тайваньца.

Все, кому больше сорока лет, видели эти перемены собственными глазами. Уровень жизни невероятно вырос, культурная среда оживилась и стала более интернациональной, а политика — намного более открытой. После смерти Чан Кайши в 1975 г. власть перешла к его сыну Цзян Цзинго, отменившему во-

енное положение и разрешившему поездки на материк, начав процесс политической либерализации. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. Тайвань перешел от однопартийности к парламентской демократии, и оппозиционные партии, существующие с 1986 г., успешно выиграли выборы. Несмотря на то что в 1971 г. Тайвань лишился и места в ООН, и статуса китайского государства (в 1979 г. США признали законность власти КНР), экономический успех повысил его международное значение. Правительство националистов не отказалось от претензий на правление Китаем, но политическое и экономическое воссоединение с континентальным Китаем перестало быть навязчивой идеей.

В результате строительного бума 1980-х — начала 1990-х гг. Тайбэй стал городом небоскребов

Протесты студентов, требовавших провозглашения демократии в 1989 г., активизировались в мае, когда студенты Центрального колледжа искусств возвели статую «богини демократии» высотой 11 м. Ее установили напротив портрета Мао на площади Тяньаньмэнь, что было расценено как провокация

протестовать против злоупотреблений правительства, но и отвергать основные принципы коммунистической системы. Первые «газеты больших иероглифов» были вывешены на «стене демократии» в Пекине осенью 1978 г. Электрик по имени Вэй Цзиншэнь отважно наклеил призыв к «пятой модернизации» — к настоящей демократии, как праву народа на выбор своих представителей. «Партийное государство, — заявлял Вэй, — стало автократией, навязанной крестьянам и рабочим Китая». В апреле 1979 г. Вэй арестовали, «стену демократии» закрыли. Он провел в тюрьме четырнадцать с половиной лет, долгое время — в одиночном заключении, где запрещалось разговаривать с надсмотрщиками.

Судьба Вэй Цзиншэня побудила интеллигенцию к анализу состояния китайской культуры и политической системы. Многие восхищались экономическим успехом «четырех малых драконов»: Тайваня, Гонконга, Сингапура и Южной Кореи, где авторитарное правительство, придерживающееся конфуцианских ценностей, сумело обеспечить стремительный рост. Последователи конфуцианства считали, что Китаю следует задуматься о возрождении элементов старой культуры. Противоположный взгляд широко пропагандировался весной и летом 1988 г. в популярном шестисерийном документальном фильме «Плач по реке»,

прослеживающем многие проблемы Китая начиная с древнейших традиций, особенно постоянную ориентацию вовнутрь и безразличие к внешнему миру. Авторы «Плача по реке» обрушивались на некоторые священные символы страны, называя Хуанхэ, Великую стену и дракона символами отсталости.

Весной 1989 г. дебаты о культуре и политической реформе Китая переместились на улицы, где их подхватила мировая пресса, наблюдая за политикой Михаила Горбачева, преодолевавшей разрыв в советско-китайских отношениях. Апрельский студенческий протест начался с парада в память о Ху Яобане, недавно почившем партийном лидере, толерантно относившемся к различиям во взглядах. Поддержанные населением Пекина и озлобленные негативной реакцией правительства, лидеры студентов становились активнее, их призывы раздавались всё громче. Они требовали более демократичного правительства: «Пусть чиновники раскроют свой доход и личную собственность!», «Отказаться от массовых политических кампаний!», «Отменить запрет на уличные демонстрации!», «Разрешить журналистам сообщать об акциях протеста!». Многие призывы навевали воспоминания о «Движении 4 мая», доказывая, что Китай так и не достиг настоящей демократии и просвещения.

Весь май 1989 г. на площади Тяньаньмэнь собирались студенты, численность демонстрантов колебалась от нескольких тысяч до миллиона — на самых больших акциях. Для подтверждения искренности и решительности своих действий две тысячи студентов объявили голодовку. Семнадцатого мая, во время визита Горбачева, площадь заполнили не только студенты университетов Пекина, но и представители других организаций, даже государственных: Министерства иностранных дел, Центрального телевидения, Национальной мужской сборной по волейболу,

Академии Бюро государственной безопасности. Рабочие держали в руках транспаранты с названиями своих заводов. Было объявлено о создании Пекинской автономной федерации рабочих, звучали призывы к демократии и сопротивлению «беззаконию и жестокости коррумпированных чиновников». На следующий день «Новости молодежи Пекина» сообщали, что 95 % опрошенных признали студенческое движение «патриотическим», и 80 % полагают, что оно «заставит правительство сдаться и инициировать демократические процессы».

Поддержку студенческой акции населением — крестьянами, привозившими на велосипедах еду, торговцами, бесплатно раздававшими напитки, жителями, рисовавшими дома плакаты и транспаранты со словами поддержки, Дэн Сяопин и другие руководители, придерживавшиеся жесткой политики, восприняли как оскорбление. После отъезда Горбачева было объявлено военное положение. Когда грузовики с военными попытались проникнуть в город, жители Пекина вышли на улицы, чтобы остановить их. Они успешно выстояли против безоружных солдат и были воодушевлены свидетельством «народной силы». Две недели спустя, в ночь с 3 на 4 июня, в город вошли танки и артиллерия. Граждане пытались задержать их продвижение, но после кровавых столкновений военные колонны пробились через заграждения, прекратив акции протеста и очистив площадь. Той ночью погибли несколько сотен человек, препятствовавших вводу войск в центральную часть Пекина.

Кровавое подавление акций протеста нанесло сильный урон на международной арене имиджу Китая, но казалось необходимым сторонникам жесткой политики партии, видевшим опасность, нависшую над всей структурой власти. По их мнению, разрешение внепартийным силам вмешиваться в процесс принятия решений угрожало стабильности больше, чем коррупция или инфляция. В Польше именно рабочее движение «Солидарность» незадолго до того подорвало власть Коммунистической партии. Дэн и приверженцы жесткой политики, возглавляемые Ли Пэнгом, приказали военным очистить площадь, после чего были арестованы и приговорены сотни участников акции, включая известных представителей интеллигенции. Например, был задержан Дай Цин, который не появлялся на площади, но писал произведения, вдохновлявшие на диссидентство.

Подавление сопротивления не замедлило экономический прогресс. К началу 1990-х гг. крах коммунизма в Восточной Европе и Советском Союзе усилил решимость Дэн Сяопина воплотить в жизнь экономическую реформу. Китайские лидеры считали, что распад Советского Союза и смещение Горбачева произошло из-за неудачных результатов централизованного планирования. В 1992 г., после визита на юг в «специальные экономические зоны», Дэн Сяопин дал понять, что поддерживает рыночные реформы. Он призвал людей не беспокоиться о политическом строе, главное, чтобы он привел Китай к процветанию. Вскоре была переписана партийная конституция, в которой экономика Китая именовалась «социалистической рыночной». Также было заявлено, что «главной сущностью социализма» является «либерализация и развитие производственных сил».

Молодые китайцы ответили на призыв Дэна зарабатывать деньги с энтузиазмом, который испытали их родители, творя революцию с Мао. В начале 1990-х гг. большинство кинулось создавать частные предприятия — от лотков

Несмотря на значительные инвестиции в строительство высотных домов в крупных городах, большая часть городского населения в 80-е гг. XX в. жила в тесных кварталах узких переулков

с едой на оживленных ночных рынках до фабрик, изготавливающих куртки для российского рынка, буддийские алтари для японского и мягкие игрушки для американского. Многие стали достаточно богатыми, чтобы покупать иностранные автомобили, строить шикарные дома и преподносить щедрые подарки чиновникам, с которыми сотрудничали. В 1978 г. в Китае не было ни одной машины в частной собственности, но к 1993 г. их было более миллиона, количество автомобилей продолжало расти на 12 % в год.

С момента провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. Китай неоднократно менялся. По темпам развития часть преобразований не уступала модернизации других стран. Среди них — повышение уровня здравоохранения, оптимальное распределение продовольствия, увеличивающее продолжительность жизни; распространение начального образования и современных средств связи, стимулирующих рост грамотности и общей культуры; подъем индустриализации, повышающий доступность товаров народного потребления (от термосов и электрических фенов до часов, велосипедов, телевизоров и стиральных машин, а к концу 1990-х гг. — автомобилей и бытовых кондиционеров).

Серьезной коррекции подверглись термины политической организации. Возвратное движение после смерти Мао заставило наблюдателей думать, что руководство отменит все изменения, совершенные во имя «нового Китая» в 1950–1960-е гг. Но историю непросто откатить назад, и много аспектов, сформировавшихся при Мао Цзэдуне, до сих пор определяют лицо современного Китая.

Коммунистическая партия главенствует над правительством и держит под контролем большую часть происходящего в стране. Китайское государство не вмешивается в повседневную жизнь людей, как было раньше, но имеет огромное влияние. (В качестве примера можно привести непопулярную программу ограничения рождаемости и молчание большинства ее критиков.)

С точки зрения культуры, современный Китай разительно отличается от того, каким он был в 1930–1940-е гг. Несколько десятилетий жесткого правительственного контроля над всем, что издавалось, передавалось средствами массовой информации или преподавалось в школах, сделали свое дело, стандартизовав китайскую культуру, увеличив общий словарный запас, объединивший различные регионы и классы. Драматизм политических событий нескольких десятилетий усилил чувство единства. Обитатели городов и крестьяне далеких деревень мобилизовались на участие в идеологических кампаниях, испытали на себе красноречие ораторов, политические митинги и учебные сессии, зависимость от партийных кадров нижнего уровня. Воспоминания об этом связывают китайцев всей страны так же, как система экзаменов объединяла когда-то образованную элиту императорского Китая.

Эта общность, кроме того, олицетворяет китайскую государственность. Мао удалось заставить народ гордиться Китаем. Китай победил Соединенные Штаты, остановив их в Корее и выдержав длительное эмбарго, успешно урегулировал нестабильные отношения с Советским Союзом и с гордостью предлагает свою модель развития другим нациям, идущим как радикальными, так и эволюционными путями.

Государство не способно полностью манипулировать сознанием народа. Провозглашение Китайской Народной Республики многонациональным государством не помогло расширить понятие «китаец», включив в него тибетца, монгола и уйгура. Но все же национальная политика повлияла на формирование «китайской идентичности», сделав ассимиляцию проблематичнее, чем когда-либо в истории Китая. Несмотря на стимулирование аккультурации (больше иммиграции в Китай, больше возможностей и стимулов изучения китайского языка), государство препятствовало полной ассимиляции, подвергая каждого жителя официальной этнической классификации. Другими словами, более гибкая структура, дающая право на выбор самоопределения, уступила место присвоению легального статуса. Монгол или человек национальности чжуан больше не мог менять свою национальность в зависимости от ситуации.

Проект создания современного Китая продолжал существовать в 1990-е гг. Во времена Мао новый Китай отвергал свое прошлое и большую часть западной культуры, особенно имеющую буржуазный или капиталистический характер. Быть современным означало порвать с феодальным прошлым, классово-эксплуатацией, угнетением женщин и детей, суевериями. Но это также означало быть достаточно сильным, чтобы сопротивляться господству развитых европейских империалистических держав, а также Японии, США и Советского Союза. Мао был полон решимости не позволять внешнему миру диктовать план действий. Он считал, что Китай должен идти по собственному пути, в индивидуальном темпе, к своим целям.

После Мао Китай был уже не так изолирован от внешнего мира и не отрекался от всего буржуазного и западного. Старая культура исключалась не столь решительно: молодые люди искали возможности приобщения к западной рок-музыке, моде, и к особенностям традиционной культуры, таким как предсказание судьбы и боевые искусства. Они даже обращались к недавней истории. В 1990 г. возник культ Мао: водители такси по всей стране вешали пластиковые изображения Мао над лобовым стеклом автомобиля, его портреты появились во многих магазинах и офисах. Для некоторых Мао стал охраняющим божеством, новым дополнением к китайскому пантеону. Для других он символизировал лучшее время, когда лидеры боролись за благосостояние простого народа, а не за личное обогащение. Третьи отмечали, что Мао осудил бы большую часть нынешних руководителей, для них восхваление великого кормчего стало мягкой формой политического протеста.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Если рассматривать историю с точки зрения человека с западной границы Евразии, возвышение и упадок цивилизаций кажутся естественным процессом. К 2000 г. до н. э. Египет затмил Шумерию, к 1000 г. до н. э. он уже находился в состоянии упадка, а Вавилония впечатляла своей мощью. Однако со временем ее превзошли персы, а затем греки и римляне. Одни цивилизации были полностью уничтожены и сведений о них не осталось в истории, другие отодвинуты в тень новыми, более энергичными и успешными. Даже в нынешнее время те, кто рассматривает историю с западной точки зрения, говорят о возвышении и упадке итальянских городов-государств, Испанской империи, империи Габсбургов, Британской империи. Сегодняшние американцы просто считают само собой разумеющимся то, что их международное господство будет длиться вечно, поэтому невероятно быстро с прилавков магазинов расходятся книги о грядущем Веке спокойствия. В основе такого взгляда на историю лежит аналогия между цивилизациями и человеческими жизнями или, возможно, жизнями отдельных воинов-героев. Цивилизации проходят начальную созидательную, агрессивную стадию, за которой следует период силы и зрелости, но со временем они теряют энергию и становятся менее гибкими, пока их не победят в сражении или они не умрут естественной смертью.

При рассмотрении истории с точки зрения человека с восточного края Евразии естественной и нормальной кажется совершенно другая модель. Нет смысла в том, что более молодые цивилизации вытесняют стареющие: цивилизация проходит через последовательность превращений в одном и другом направлении, подобно инь и ян, от крайнего беспорядка к исключительному порядку, и наоборот. Таким образом периоды созидательного, но чрезвычайно жестокого беспорядка сменяются периодами строгого политического порядка, иногда настолько деспотичного, что он становится по-настоящему гнетущим. Но порядок со временем вновь выливается в беспорядок. В этом случае развитие цивилизации не похоже на человеческую жизнь, однако немного напоминает череду поколений, и связи между ее периодами подобны связям между отцами и сыновьями — последовательность династий в истории Китая нередко рассматривают в свете престолонаследия. Эти различия в образах определяют ожидание изменений в истории. В Китае ни период беспорядков, ни эпизод деспотического порядка не считается бесконечным или ведущим цивилизацию к полному разрушению. Дети получают от своих родителей и материальные, и культурные ценности, поэтому даже в том случае, когда благосостояние семьи практически разрушено стихийными бедствиями или войной, при условии постоянной работы и преданности делу выживания семьи она постепенно встанет на ноги и даже разрастется. По аналогии можно утверждать, что крах одной династии не препятствует возвышению следующей за ней. Более того, точно так же, как будущее одной семьи почти не зависит от успехов или неудач других семей, внешние державы могут укрепляться

или ослабевать, не изменяя перспектив развития самого Китая. Возвышение Японии не означает, что Китай должен находиться в это время в упадке.

Разница в этих взглядах на течение истории стала заметна, когда европейцы начали изучать историю Китая: они зачастую бессознательно пытались определить на основе европейского опыта, где же находится Китай — в какой точке схемы взлета и падения цивилизаций. Многие чувствовали, что Китай, с которым они познакомилась, находится в состоянии упадка, но они расходились во мнениях относительно его золотого века. Само собой разумеющимся считалось и то, что нет причин ожидать новой блистательной эпохи в развитии Китая: их век — это век европейского завоевания мира, и, так как Китай пользовался плодами западной цивилизации, они полагали, что созидательные импульсы придут с Запада, а вовсе не из Китая.

Эта концептуальная схема не требовала от западных ученых высказывания непременно негативного мнения о Китае или его истории. Китай часто служил Западу в качестве превосходного «другого», как другая сторона мира, где все поставлено с ног на голову. Так, те, кто хотел покритиковать Запад, иногда делали это, прославляя Китай как место, отрицающее пригодность или универсальность чего-либо западного: Вольтер нашел в Китае землю без власти церкви, где правили философы-рационалисты; в 1950-е гг. западные феминистки считали Китай страной, где «женщины подпирают половину небосвода»; в 1960-х гг. западные радикалы называли Китай местом, так сильно пропитанным духом общего дела, что улицы волшебным образом убирались слаженно работающими уличными комитетами; а в 1980-х гг. западные консерваторы обнаружили в Китае общество практически без наличия преступности, где каждый его член научился самообладанию.

Поднимая в эпилоге вопросы концепции, я надеюсь заставить читателей остановиться и поразмышлять о задаче понимания культуры, отличной от их собственной. Читатели этой книги получили опосредованный доступ к китайской культуре. Эта книга написана по-английски для западной аудитории, с использованием концепций и способов анализа и представления, которые покажутся такой аудитории знакомыми и разумными. Та история, которую я попыталась написать, является, без сомнения, историей западного типа, на которую большое влияние оказывают тенденции исторических описаний последних десятилетий в Европе и Соединенных Штатах. Например, я чаще, чем было принято, описываю женщин в истории и посвящаю мало места описанию политических интриг в правительстве. Мы можем обогатить наше понимание истории Китая, попытавшись увидеть, как китайцы толковали свой мир, но мы только вводим себя в заблуждение, если отрицаем тот факт, что наши идеи, предположения и теории определяют то, что мы замечаем и считаем важным в прошлом Китая.

При написании этой книги сложной для меня была не столько разница в восточной и западной концепциях, сколько попытка перекинуть мостик от прошлого к современности. Две накладывающиеся, но слегка противоречивые проблемы оказались самыми неразрешимыми: первая заключается в предвзятости источников, вследствие чего легче говорить хорошее о прошлых периодах, а вторая — в сложности рассмотрения любого периода, кроме как в терминах последующих

событий. Для Китая, как и для любого другого региона мира, справедливо правило: чем ближе к настоящему, тем больше сохранилось свидетельств об этом времени. Мы знаем намного больше подробностей о жизни в XX в., чем во времена династии Цин, и мы, вероятно, знаем столько же о Цин, сколько обо всем более раннем периоде Китая. Помимо этого, чем ближе к настоящему, тем меньше отредактированы источники. Со времени Сымы Цянь (I в. до н. э.) большинство китайских историков являлись своего рода социальными критиками. Когда они писали о своем времени, они обычно находили многое, стбящее порицания. Когда же они писали о далеком прошлом, они нередко подсознательно комментировали настоящее, но хорошие суждения в этом случае оказывались более полезными. Один из лучших способов критики настоящего — это описание лучшего времени в прошлом, при необходимости настолько далеком, что противоречия едва уловимы.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что силы, определяющие то, какие свидетельства дойдут до потомков, делают невозможным более позитивный взгляд на недавнюю историю, чем на далекое прошлое. Я склонна думать, что Китай в эпоху династии Сун был более впечатляющим, чем в XIX в., и не только по сравнению с другими современными ему государствами: повседневная жизнь людей всех социальных слоев была более удовлетворительной во многих отношениях. Хотя как я могу быть уверена в том, что поколения историков не избавились от большей части свидетельств, которые могли бы доказать несостоятельность моих взглядов? Удаленная годами жестокость впечатляет меньше, чем недавняя: мы знаем, что многие императоры имели отрицательные черты характера, но у нас нет таких ярких свидетельств из первых рук, которые остались со времени Мао. Даже материальные свидетельства — рисунки, фарфор, шелк — со временем уходят, и от XI в. осталось так мало прекрасного, в то время как до нас дошло множество обычных и невыразительных изделий XIX в.

Эти проблемы с источниками усугубляются сложностью представления истории в хронологическом порядке, расположением прошлого перед настоящим — так, как люди хотят это слышать. Повествование об одном периоде очень сильно зависит от того, что рассказчик думает о следующем. В 1960–1970-е гг., когда многие на западе были склонны положительно, насколько это было возможно, оценивать Мао Цзэдуна и Китайскую Народную Республику, практически все источники 1920–1930-х гг. были посвящены истории прихода к власти Коммунистической партии: «Движение 4 мая» было первым шагом к намеренному разрыву с прошлым, столь же важным, как и созидательная часть деятельности Мао и Чжоу. То же самое можно сказать и об индустриализации: ее требовалось описать, так как без нее невозможно изложить организацию городской рабочей силы, которая играла важную роль на раннем этапе развития Коммунистической партии, прежде чем та порвала с Коминтерном, и т. п. Мы можем чувствовать себя выше этого поколения историков, но можем ли мы быть уверены в том, что каким-то образом нашли ту правильную точку зрения, которая уже не изменится в дальнейшем? В последние годы появилось много откровений о партийных злодеяниях. Следует ли нам полностью переписывать исследования

периодов последних десятилетий? Как мы тогда сможем понять, что Мао, Великий поход или «большой скачок» означали для людей того времени, не знавших об этих злоупотреблениях?

Эти проблемы еще более остро стоят при рассмотрении более ранних периодов. Неизменное сосредоточение на том, что кажется важным в более позднее время, заставляет представлять историю цепью неизбежных событий. Я не могла не упомянуть представление о предках во время династии Шан, идеи Конфуция в конце Чжоу или централизованного правительства в Цинь и Хань. И все же я чувствую себя неудобно при передаче ощущения того, что направление движения Китая в будущее было строго определено в те далекие периоды. Это кажется недооценкой деятельности китайского народа, его способности созидательно реагировать на новые ситуации и использовать наследие предков, не будучи скованным им.

Я определенно не единственный историк, кто столкнулся со сложностью связи китайской цивилизации, о которой можно рассказывать оптимистично, с историей современного Китая, в которой невозможно избежать упоминаний о жертвах, то и дело вплетающихся в повествование. Те, кто рассматривают современный Китай в мрачном свете, иногда представляют более раннюю историю Китая таким образом, что она неминуемо приводит к тому, что случилось в XX в. Историю Китая можно рассказывать, например, в терминах развития государственных институтов, позволивших деспотическое использование власти, или в терминах развития конфуцианских культурных ценностей, которые стали слишком направленными внутрь страны. Тот, кто рассматривает историю современного Китая в самом радужном свете, может решить проблему другим способом, приписав вину во всех бедствиях Китая начиная с «опиумной» войны не китайской цивилизации, а несправедливой мировой системе.

Причина, по которой я настаивала на попытке связи отдаленного прошлого с недавней историей Китая вопреки этим трудностям, состоит в том, что я убеждена, что эта история имеет свое продолжение. Китайский народ сегодня не просто занимает ту же территорию, что и подданные династий Тан, Сун или Мин, — его понятия о том, кем он является, в значительной степени определяются идеями и институтами, созданными в эти эпохи, даже если они сильно трансформировались за прошедшие столетия. Чтобы каким-либо образом сгладить впечатление о неизбежности, я попыталась представить наследие прошлого в качестве источника, а не тюрьмы. В каждую эпоху китайцы использовали унаследованные ими ресурсы — материальные, культурные и институционные — для постановки целей, ответа на вызовы, собственной защиты и продвижения своих интересов. В результате того, что их действия оказывают совокупное влияние на ресурсы следующего поколения, изменение неизбежно, но таковы связи с прошлым. Я думаю, что сегодня это так же справедливо, как и всегда.

ХРОНОЛОГИЯ

100 000 г. до н. э.	<i>Homo sapiens</i> в Китае. Культуры палеолита.
10 000 г. до н. э.	Ранние культуры неолита.
3000 –	
2000 гг. до н. э.	Поздние культуры неолита.
1600 – пригл.	
до 1050 г. до н. э.	Династия Шан.
1050 г. до н. э.	Династия Чжоу (до 256 г. до н. э.), Западная династия Чжоу (до 771 г. до н. э.).
770 г. до н. э.	Восточная династия Чжоу (до 256 г. до н. э.), период «Весны и Осени» (до 481 г. до н. э.).
пригл. 479 г. до н. э.	Смерть Конфуция.
403 –	
221 гг. до н. э.	Период Воюющих царств.
286 г. до н. э.	Смерть Чжуан-цзы (род. в 396 г. до н. э.).
221 –	
210 гг. до н. э.	Объединение Китая династией Цинь. Первый император реализует грандиозные проекты.
213 гг. до н. э.	Сожжение конфуцианских книг.
206 гг. до н. э.	Династия Хань (до 220 г. н. э.), Ранняя, или Западная, династия Хань (до 9 г. до н. э.).
141 –	
87 гг. до н. э.	Трон переходит к У-ди.
133 –	
119 гг. до н. э.	Кампании против Сюнну.
126	Чжан Цянь возвращается из западных регионов.
Ок. 85 г. до н. э.	Сыма Цянь завершает работу над «Историческими записками».
9 – 25	Узурпация трона Ван Маном, основание династии Синь.
25–220	Поздняя, или Восточная, династия Хань.
105	Первое упоминание о бумаге.
184	Восстание «желтых повязок».
220	Эпоха разделения (до 589 г.). Период Троецарствия (до 265 г.).

265	Западная династия Цзинь (до 316 г.). Объединение Китая в 280 г.
304	Период «Шестнадцати царств» (до 439 г.). Борьба некитайских племен за контроль над Северным Китаем.
317	Провозглашение Восточной династии Цзинь на юге (до 420 г.). Начало разделения между севером и югом (до 589 г.).
404	Хуэйюань пишет трактат «Почему монахи не кланяются царям».
427	Смерть Тао Юаньмина (род. в 365 г.).
589	Объединение Китая династией Суй (581–618 гг.).
609	Завершение строительства Великого канала.
618–907	Династия Тан.
653	Первый из дошедших до нас свод законов.
690	Узурпация трона императрицей У, провозглашение династии Чжоу (до 705 г.).
713	Смерть Хуэйцзюаня, шестого патриарха чань-буддизма.
755–763	Восстание Ань Лушаня.
843–845	Гонения буддистов.
868	Издание старейшей из дошедших до наших дней печатной книги.
907	Период Пяти династий (до 960 г.). Кидане провозглашают династию Ляо (до 1126 г.).
960	Династия Сун (до 1276 г.). Династия Северная Сун (до 1126 г.).
1069–1085	Реализация Новой политики Ван Аньши.
1126	Завоевание Северного Китая чжурчженями и расширение династии Цзинь (1115–1234 гг.).
1127–1276	Южная династия Сун.
1200	Смерть Чжу Си (род. в 1120 г.).
1215	Захват монголами большей части Северного Китая.
1227	Смерть Чингис-хана.
1276	Захват Южного Китая монгольской династией Юань.
1368–1644	Династия Мин.
1405–1433	Морские экспедиции Чжэн Хэ.
1528	Смерть Ван Ян-мина (род. в 1472 г.).
1583–1610	Пребывание в Китае Маттео Риччи.
1592–1598	Кампании династии Мин в Корее.
1598	Тан Сянь-цзу пишет пьесе «Пионовая беседка».
1624–1627	Борьба между учеными-последователями Дунлиня и диктатором-евнухом Вэй Чжунсянем.
1644	Самоубийство императора Мин после захвата Пекина мятежниками.
1644–1911	Маньчжурская династия Цинь.

- 1645 Указ об обязательном ношении прически маньчжуров всеми китайцами.
- 1673–1681 Мятеж троих вассалов.
- 1720 Ввод армии Цин в Лхасу. Тибет становится протекторатом Цин.
- 1792 Публикация романа «Сон в красном тереме».
- 1796–1804 Восстание общества «Белый лотос».
- 1840–1842 «Опиумная» война и подписание Нанкинского договора. Британия получает Гонконг.
- 1850 Восстание тайпинов (до 1864 г.).
- 1860 Оккупация Пекина англо-французской экспедицией. Пожар в Летнем дворце.
- 1862–1878 Подавление восстания мусульман на северо-западе Цзо Цзун-тананом, возвращение Китаю земель центральной Азии.
- 1884–1885 Китайско-французская война.
- 1894–1895 Китайско-японская война.
- 1894 Сун Ят-сен основывает Общество возрождения Китая («Синчжунхой»).
- 1898 Попытки императора Гуансюя провести реформы пресечены императрицей Цыси.
- 1900 Восстание ихэтуаней. Международная экспедиция по снятию блокады дипломатических миссий.
- 1901 Смерть Ли Хун-чжана (род. в 1823 г.).
- 1905 Отмена экзаменов для поступления на государственную службу.
- 1911 Свержение династии Цин революционерами.
- 1915 Начало издания журнала «Новая молодежь».
- 1916 Смерть Юань Ши-кая (род. в 1859 г.). Начало периода «военных князьков» (до 1928 г.).
- 1919 Демонстрация протеста против Версальского договора на площади Тяньаньмэнь.
- 1925 Смерть Сун Ят-сена (род. в 1866 г.).
- 1926–1927 Северный поход национально-революционной армии.
- 1927–1930 Борьба националистов против коммунистов; «Белый террор».
- 1927–1949 Правление националистов во главе с Чан Кай-ши.
- 1930 Мао Цзэдун и другие коммунисты образуют Совет в провинции Цзянси.
- 1930 Новый гражданский кодекс предоставляет женщинам право на свободу выбора супруга и право на собственность.
- 1931 Япония устанавливает контроль над Маньчжурией.
- 1934–1935 Красная армия выходит из окружения националистов, начинается Великий поход.

1936	Смерть Лу Синя (род. в 1881 г.).
1937	Китайско-японская война (до 1945 г.). «Изнасилование Нанкина».
1947–1949	Гражданская война между националистами и коммунистами.
1949	Образование Китайской Народной Республики под руководством Мао Цзэ-дуна.
1950–1953	Корейская война.
1951	Закон о семейной реформе бракосочетания.
1951–1956	Перераспределение и коллективизация земли.
1951–1952	Кампания «борьбы против пяти злоупотреблений».
1956–1957	Кампания «Ста цветов» и антиправая кампания.
1957–1958	«Большой скачок». Образование сельскохозяйственных коммун.
1959–1962	Три тяжелых года.
1959	Подавление восстания тибетцев. Побег Далай Ламы.
1960	Разрыв китайско-советских отношений.
1966–1969	«Культурная революция».
1976	Смерть Мао Цзэдуна (род. в 1893 г.). Арест «Банды четырех».
1978	Переход власти к Дэн Сяопину. Появление «плакатов с большими буквами» на Стене демократии в Пекине.
1979	Создание особых экономических зон.
1989	Жестокое подавление продемократического движения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Благодарности	9
Глава 1. Истоки китайской цивилизации. От неолита до Западного Чжоу (по 771 г. до н. э.)	10
ГЕОГРАФИЯ КИТАЙСКОГО СУБКОНТИНЕНТА	12
ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД	16
Кульٹ предков	21
ДИНАСТИЯ ШАН	22
Гробница госпожи Хао	26
ПИСЬМЕННОСТЬ	26
БРОНЗОВЫЙ ВЕК	28
ЧЖОУСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ	30
Изображения людей и животных на изделиях из бронзы	36
Глава 2. Формирование философских принципов. Период Восточного Чжоу (770–256 гг. до н. э.)	38
Воюющие царства	38
Конфуций и его последователи	42
«Лунь юй»	46
Даосизм	48
Легизм	50
Музыка	52
Шелк	54
Другие философские школы	55
Царства и этнические различия	56

Глава 3. Создание бюрократической империи. Династии Цинь и Хань (256 г. до н. э. — 220 г. н. э.)	62
Объединение вокруг царства Цинь	62
Государство Хань	65
Степь и Шелковый путь	69
Сыма Цянь и «Исторические записки».	70
Мифы, магия и чудеса	73
Аграрная политика	76
Конфуцианство, государство и образованная элита	79
Жилища	80
Почтительные сыновья и преданные жены	84
Колонизация юга	85
Падение империи Хань	87
Глава 4. Буддизм, аристократия и иноземные правители. Эпоха раздробленности (220–589)	90
Троецарствие и династия Цзинь	90
Северные и южные династии	94
«Гости», слуги, крепостные и рабы	98
Буддизм	100
Тао Юань-мин и искусство китайской поэзии	104
Даосизм как религия	106
Различия в развитии регионов.	108
Раннее буддийское искусство.	112
Глава 5. Космополитическая империя. Династия Тан (581–907)	114
Формирование империи	114
Каллиграфия как вид живописи	119
Повести о любви	120
Столичная жизнь	123
Влияние буддизма на жизнь китайцев	127
Жизнь вдали от центра	132
Политические и экономические преобразования	134
Переоценка культурных ценностей и перестройка государственных учреждений	136

Глава 6. Смещение к югу. Династия Сун (907–1276)	142
Государство в боевой готовности	142
Су Дунпо	146
Расцвет экономики	147
Образованная элита	151
Утрата Севера	155
Возвращение к корням	156
Местное общество	161
Рис	162
Жизнь женщин	164
Пейзажная живопись	168
Глава 7. Правление чужеземных завоевателей. Династии Ляо, Цзинь и Юань (907–1368)	170
Степные кочевники и государства Внутренней Азии	170
Чингис-хан и монголы	175
Монгольское завоевание Сун	178
Жизнь в Китае под властью чужеземных захватчиков	180
Демоны и борцы с ними	184
Этнический вопрос, лояльность и конфуцианская универсальность	185
Чжао Мэнфу	187
Драма и театральное искусство	193
Глава 8. Предел абсолютизма. Династия Мин (1368–1644)	196
Основание династии Мин Тай-цзу и деспотизм	196
Проблемы управления	199
Юго-западная граница	201
Жизнь образованной элиты	204
Народная культура	207
Философские течения	209
Книжная иллюстрация	210
Местное общество	212
Великая стена	214
Внешняя политика	215
Фракционность и политический протест	218
Крах финансовой системы	219
Производство фарфора в Цзиндэчжэне	223

Глава 9. Маньчжуры и империализм. Династия Цин (1644–1900)	226
ПРАВЛЕНИЕ МАНЬЧЖУРОВ	226
КАНСИ, ЮНЧЖЭН И ЦЯНЬЛУН	230
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ	233
КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО	234
МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ОТНОШЕНИЯ С ЕВРОПЕЙСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ	237
«СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»	238
ОПИУМ И «ОПИУМНАЯ» ВОЙНА	241
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ	244
ВНУТРЕННИЕ ВРАГИ	246
ПОЛИТИКА САМОУСИЛЕНИЯ	249
РОСТ НАСЕЛЕНИЯ И ПОИСК СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ	251
КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА	254
ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПАДЕНИЕ, 1894–1900	258
РАБОТАТЬ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ	265
Глава 10. ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЙ. НАЧАЛО XX в. (1900–1949)	268
СВЕРЖЕНИЕ ДИНАСТИИ ЦИН	268
СМЕЩЕНИЕ ЦЕНТРА ВЛАСТИ	273
ЛУ СИНЬ И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ КИТАЙЦЕВ	274
ПОСТРОЕНИЕ ПАРТИИ-ГОСУДАРСТВА	279
РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНЩИН	285
ЗАЩИТА ОТ ЯПОНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ	288
ДЕРЕВЕНСКИЕ ЯРМАРКИ	290
ПОБЕДА КОММУНИСТОВ	291
СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ ЖИВОПИСЬ	298
Глава 11. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ. КИТАЙ ПОСЛЕ 1949 г.	300
ВОССТАНОВЛЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ	300
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	303
НОВЫЙ КИТАЙ	307
КИТАЙ КАК МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО	309
ПОДАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	311
«БОЛЬШОЙ СКАЧОК»	313
ДИН ЛИН	314
«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»	319
КИТАЙСКАЯ ЕДА	324

Стимуляция экономического роста	327
Культурные тенденции 1980–1990-х гг.	331
Тайваньское экономическое чудо	333
Послесловие	339
Хронология.	343

Патрисия Эбри
Иллюстрированная история Китая
Перевела с английского А. Тальте

Заведующая редакцией	<i>Е. Андропова</i>
Ведущий редактор	<i>Ю. Сергиенко</i>
Научный редактор	<i>А. Донская</i>
Литературные редакторы	<i>Т. Ведищева, Л. Родионова</i>
Художественный редактор	<i>С. Маликова</i>
Корректоры	<i>С. Беляева, В. Нечаева</i>
Верстка	<i>О. Орлов</i>

Подписано в печать 20.01.09. Формат 84x108/16. Усл. п. л. 40,32. Тираж 2500. Заказ 5302.
ООО «Питер Пресс», 198206, Санкт-Петербург, Петергофское шоссе, д. 73, лит. А29.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3005 — литература учебная
Отпечатано с электронной версии заказчика в типографии ООО «Сказ».
236000, г. Калининград, ул. К. Маркса, 18

Патрисия Эбри

Иллюстрированная история Китая

Перед вами — один из наиболее популярных трудов по истории Китая в мире. 8000 лет китайской цивилизации нашли здесь свое достойное отражение: подробно описана древняя культура страны, ее социальный строй, история становления традиций, должно внимание уделено военному прошлому Китая, а также истории его экономического роста.

Прекрасные репродукции произведений искусства и фотографии помогают почувствовать дух культуры Китая, глубину и своеобразие его древней философии. При создании книги использовано большое количество китайских исторических трудов и документов.

 ПИТЕР®

Заказ книг:

197198, Санкт-Петербург, а/я 619
тел.: (812) 703-73-74, postbook@piter.com

61093, Харьков-93, а/я 9130

тел.: (057) 758-41-45, 751-10-02, piter@kharkov.piter.com

www.piter.com — вся информация о книгах и веб-магазин

ISBN 978-5-91180-924-9

9 785911 809249